ПЕЧЕРСКІЙ

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ.

P. o. russ. 880 (5

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ П. И. МЕЛЬНИКОВА

(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)

ТОМЪ ПЯТЫЙ

7gT/74/5867

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
П. И. МЕЛЬНИКОВА
(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)

Первое посмертное полное изданіе, дополненное, свѣренное и вновь просмотрѣнное по рукописямъ

ТОМЪ ПЯТЫЙ

ВЪ ЛѢСАХЪ

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ — Гостиный дворъ, № 18

МОСКВА — Кузнецкій мостъ, домъ № 12

1897

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ В. О. 16 л. 5.

Bayerische Staatsbibliothek München

Дозволено цензурою 20-го апрѣля 1897 г. Редакторъ-издатель А. М. Вольфъ.

ВЪ ЛѢСАХЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Весеннія гулянки по селамъ и деревнямъ зачинаются съ качелей Святой Недѣли и съ радуницкихъ хороводовъ. Онѣ тянутся вплоть до Петрова разговѣнья. На тѣхъ гулянкахъ водятъ хороводы обрядные, поютъ пѣсни завѣтныя—то остатки старинныхъ праздниковъ, что̀ справляли наши предки во славу своихъ развеселыхъ боговъ.

По чистому всполью, по зеленымъ рощамъ, по берегамъ рѣчекъ, всю весну молодежь празднуетъ веселому Яръ-Хмѣлю, богу сердечныхъ утѣхъ и любовной сласти... То-то веселья, то-то забавъ!... Милованью да затѣйнымъ играмъ конца нѣтъ...

До солнечнаго всхода раздаются звонкія пѣсни и топотъ удалыхъ плясокъ на тѣхъ праздникахъ... Кромѣ дней обрядныхъ, лишь только выдастся ясный, тихій вечеръ, молодежь, забывъ усталь дневной работы, не помышляя о завтрашнемъ трудѣ, рѣзво бѣжитъ ве-

селой гурьбой на урочное мѣсто и до́ свѣту водитъ тамъ хороводы, громко припѣвая, какъ «вокругъ города Царева ходилъ-гулялъ царевъ сынъ королевъ», какъ «въ Арзамасѣ на украсѣ собиралися молодушки въ единъ кругъ», какъ «ѣхалъ панъ отъ князя пьянъ» и какъ «селезень по рѣченькѣ сплавливалъ, свои сизыя крылышки складывалъ». . Слышатся въ тѣхъ пѣсняхъ помины про Дунай рѣку, про тихій Донъ, про глубокіе омуты днѣпровскіе, про широкое раздолье Волги матушки, про московскую рѣку Смородину... Лебеди бѣлые, со́колы ясные, вольная птица журинька, кусты ракитовые, мурава зеленая, цвѣты лазоревые, духи малиновые, мосты калиновые,—одни за другими вспоминаются въ тѣхъ величавыхъ, сановитыхъ пѣсняхъ, что̀ могли вылиться только изъ души русскаго человѣка на его безграничныхъ, раздольныхъ, о̀тъ моря до̀ моря раскинувшихся равнинахъ.

Не успѣли оглянуться послѣ Радуницы, какъ рѣки въ берега вошли и наступило пролѣтье... Еще день-два миновало, и прикатилъ теплый Микула съ кормомъ [1]). Гдѣ хлѣба довольно въ закрома́хъ уцѣлѣло, тамъ къ Микулину дню брагу варятъ, меда̀ ставятъ, братчину-микульщину справляютъ, но такихъ мѣстъ немного. Вешнему Микулѣ за чарой вина больше празднуютъ.

Въ лѣсахъ на сѣверѣ въ тотъ день первый оратай Русской земли вспоминается, любимый сынъ Матери-Сырой-Земли, богатырь, крестьянствомъ излюбленный, Микула Сельяниновичъ, съ его сошкой дорога̀ чёрна дерева, съ его гужиками шелко́выми, съ омешикомъ [2]) серебрянымъ, съ присо́шками кра́сна золота

1) 9-го мая, когда поля совсѣмъ покрываются травой — кормомъ для скота.

2) Омѐжь — сошникъ, ле́мехъ — часть сохи. Присо̀шекъ то же, что̀ полица — желѣзная лопаточка у сохи, служащая для отвалу земли.

Микулу больше всего смердъ [1]) чествовалъ... Ему поильцу, ему милостивому кормильцу и честнѣе и чаще справлялъ онъ праздники... Ему въ почесть бывали пиры столованья на братчинахъ-микульщинахъ [2]).

Въ день Микулы съ кормомъ, послѣ—пировъ столованій у богатыхъ мужиковъ, заволжски ребята съ лошадьми всю ночь въ полѣ празднуютъ... Тогда-то въ ночной тишинѣ раздаются громкія микульскія пѣсни... Ими привѣтствуютъ наступающій день именинъ Матери-Сырой-Земли.

Микула свѣтъ, съ милостью
Приходи къ намъ, съ радостью,
Съ великою благостью!
Держимся за сошку,
За кривую пожку...
Мать-Сыра-Земля добра,
Уроди намъ хлѣба:
Лошадушкамъ овсеца,
Коровушкамъ травки!...

Минулъ праздникъ Микулы, минули именины Матери-Сырой-Земли, съ первымъ сборомъ цѣлебныхъ зелій и съ Зилотовыми хороводами [3]). Глядь, честной

[1]) Крестьянинъ, земледѣлецъ.

[2]) Какъ почитанье Грома Гремучаго при введеніи христіанства перенесли у насъ на почитанье Ильи-Громовника, а почитанье Волоса скотьяго бога — на святаго Власія; такъ и чествованье оратая Микулы Селяниныча перевели на христіанскаго святаго — Николая Чудотворца. Отъ того-то на Руси всего больше Николѣ Милостивому и празднуютъ. Весенній праздникъ Николаю Чудотворцу, котораго нѣтъ у Грековъ, заимствованъ былъ Русскими у Латинъ, чтобъ пріурочить его къ празднику Матери-Сырой-Земли, что любитъ «Микулу и родъ его». Празднество Микулѣ совпадало съ именинами Матери-Земли. И до сихъ поръ два народныхъ праздника рядомъ сходятся: первый день «Микулы съ кормомъ» (9-го мая), другой день (10-го мая) «именины Матери Сырой-Земли».

[3]) Зилотовы хороводы справляются въ день, когда Земля именинница, 10-го мая. Въ тотъ день церковь празднуетъ апостолу Симону Зилоту. Оттого хороводы и зовутся Зилотовыми.

Семикъ на дворѣ — завиванье вѣнковъ, задушныя поминки. Въ тотъ день пóдъ вечеръ, однѣ, безъ мóлодцовъ, сбираются дѣвушки. Надѣвъ зеленые вѣнки нá головы, уходятъ онѣ съ пѣснями на всполье и тамъ подъ ракитовымъ кустомъ стряпаютъ «сборну яичницу», припѣвая семицкія пѣсни. Завивъ вѣнки, цѣлуются черезъ нихъ и «кумятся», при звонкихъ веселыхъ пѣсняхъ:

Покумимся, кума, покумимся,
Мы семицкою березкой покумимся.
Ой Дидъ Ладо! честнóму Семику,
Ой Дидъ Ладо! березкѣ моей,
Еще кумушкѣ да голубушкѣ!
Покумимся,
Покумимся,
Не сваряся, не браняся.
Ой Дидъ Ладо! березка моя!

Тутъ же и «кукушку крестятъ». Для того, нагнувъ двѣ молодыя березки, связываютъ верхушки ихъ платками, полотенцами или лентами и вѣшаютъ на нихъ два креста тѣльника [1]). Подъ березками разстилаютъ платки, кладутъ на нихъ сдѣланную изъ кукушкиныхъ слезокъ [2]) птичку и, надѣвъ на нее крестъ, попарно дѣвушка съ дѣвушкой ходятъ другъ другу на встрѣчу вокругъ березокъ, припѣвая:

Ты кукушка ряба,
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушка,
Покумимся, голубушка,
Чтобы жить намъ, не браниться,
Чтобъ другъ съ дружкой не свариться.

1) Тѣльникъ — крестъ, носимый на шеѣ.
2) Растеніе Orchis maculata.

Съ тѣхъ поръ семицкія кумушки живутъ душа въ душу цѣлыхъ три дня, вплоть до Троицы. Случается, однако, что долгій язычекъ и до́ этого короткаго срока остужаетъ семицкое кумовство... Не даромъ говорится пословица: «кукушку кстили, да языка не прикусили».

А чрезъ день отъ честна́го Семика — «клеча̀льна суббота»...—Въ тотъ день рубятъ березки, въ домахъ и по улицамъ ихъ разставляютъ ради Троицы, а вечеромъ послѣ всенощной молодежь ходитъ къ рѣкамъ и озерамъ русалокъ гонять. Всю семицку недѣлю, что̀ слыветъ въ народѣ «зелеными святками», шаловливыя водяницы рыщутъ по полямъ, катаются по зеленой ржи, качаются на деревьяхъ, залучая неосторожныхъ путниковъ, чтобъ защекотать ихъ до́ смерти и увлечь за собой въ подводное царство дѣдушки Водяного. Всю троицкую ночь съ березками въ рукахъ, молодые парни и дѣвушки рѣзво и весело съ громкимъ смѣхомъ, съ радостными кликами бѣгаютъ по полямъ, гоняя русалокъ, а на солнечномъ всходѣ всѣ вмѣстѣ купаются въ водахъ, уже безопасныхъ отъ ухищреній лукавыхъ водяницъ... На Троицу у молодежи хороводы, на Троицу развиванье семицкихъ вѣнковъ, пусканье ихъ на́ воду, и гаданье на нихъ... А у степенныхъ женщинъ и старушекъ на тотъ день свои заботы—идутъ онѣ на кладбища и цвѣтными пучками, что̀ держали въ рукахъ за вечерней, прочищаютъ онѣ глазыньки родителямъ [1]).

И такъ день за̀ день, недѣля за недѣлей, вплоть до Петрова дня... Что̀ ни день, то веселье, что̀ ни вечеръ, то «гулянка» съ пѣснями, съ играми, съ хороводами и гаданьями... Развеселое время!...

[1]) Пучками цвѣтовъ или березками обметаютъ онѣ могилы. Это и называется «прочищать глаза у родителей».

Въ скитахъ гулянкамъ мѣста нѣтъ... То бѣсовскія коби, твердятъ старицы бѣлицамъ, о́тъ Бога они отводятъ, къ бѣсомъ же на пагубу приводятъ. То сатанино замышленье, врагъ Божій тѣмъ позо́рамъ людей научилъ, да погубитъ ихъ въ вѣчной мукѣ, въ геенѣ огненной... Имѣли скиты вліяніе на окрестныя деревни — и тамъ водятъ хороводы не такъ часто, не такъ обрядно и не такъ весело, какъ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Молоды ребята больше играютъ въ городки [1]), а дѣвушки съ молодицами сидятъ передъ ними на завалинахъ домовъ и рѣдко, рѣдко сберутся вмѣстѣ за околицу пѣсенокъ попѣть да походить въ хороводахъ вялой, неспѣшной поступью... За то другія за Волгой забавы есть: катанья въ ботника̀хъ [2]) по вешнимъ разливамъ съ пѣснями, а часто и съ ружейной пальбой, веселыя гулянки по лѣсамъ и вечернія посидки на берегахъ рѣчекъ... Опричь того, есть еще особый родъ сходбищъ молодежи, только заволжскимъ лѣсамъ и свойственный.

Въ лѣсахъ Ке́рженскихъ, Чернораменскихъ скиты стоятъ и́здавна, почти съ самаго начала церковнаго русскаго раскола. Одни еще по смерти своихъ основателей обезлюдѣли; другіе уничтожены во время «Питиримова разоренья» [3]). На мѣстахъ запустѣлыхъ скитовъ остались гробницы старцевъ и старицъ. Нѣкоторые изъ нихъ почитаются святыми. Къ этимъ-то гробницамъ и сходятся лѣтомъ въ извѣстные дни на поклоненье. Матери-келейницы служатъ тамъ «каноны за единоумершаго» и поставляютъ прихожимъ богомольцамъ привезенную съ собой тра́пезу. Оттого охот-

[1]) Городки, иначе чушки, рюхи — игра. Ставятъ рядъ чурокъ и сбиваютъ ихъ издали палками.

[2]) Маленькая лодка, выдолбленная изъ одного дерева.

[3]) Питиримъ — архіепископъ нижегородскій (1719—1738) извѣстный своими дѣйствіями противъ раскола въ Заволжскихъ лѣсахъ.

никовъ до богомолій на гробницахъ всегда бываетъ довольно. Подъ полами приносятъ они и штофы съ виномъ и балалайки, и гудки, и гармоники. Только что кончится тра́пеза, вблизи гробницы на какой-нибудь полянѣ иль въ перелѣскѣ гульба зачинается, и при этой гульбѣ какъ ни бьются, какъ ни хлопочутъ матери-келейницы, а какая-нибудь полногрудая бѣлица ужь непремѣнно сбѣжитъ къ деревенскимъ парня́мъ на звуки тульской гармоники.

Такі́я сборища бываютъ на могилѣ старца Арсенія, пришедшаго изъ Соловковъ вслѣдъ за шедшей по облакамъ Ша́рпанской иконой Богородицы; на могилѣ старца Ефрема изъ роду смоленскихъ дворянъ Потемкиныхъ; на пеплѣ Варлаама, огнемъ сожженнаго; на гробницахъ многоучительной матушки Голиндухи, матери Маргариты Одинцовской, отца Никандрія, пустынника Иліи, добрымъ подвигомъ подвизавшейся матери Фотиніи, прозорли́вой старицы Ѳеклы; а также на урочищѣ «Смольянахъ», гдѣ лежитъ двѣнадцать гранитныхъ необдѣланныхъ камней надъ двѣнадцатью попами, не восхотѣвшими Никоновыхъ новинъ пріяти [1]).

[1]) Гробница Арсенія находится въ лѣсу, недалеко отъ уничтоженнаго въ 1853 году Ша́рпанскаго скита, близъ деревни Ларіонова. Могила Ефрема Потемкина въ тѣхъ же мѣстахъ, близъ деревни Зименокъ. Мѣсто, гдѣ сгорѣлъ Варлаамъ, показываютъ въ Поло́мскомъ лѣсу, вблизи скитовъ Ула́нгера и Фундрикова. Могилу Голиндухи, современницы Софонтія и противницы Онуфрія (въ послѣднихъ годахъ XVII и XVIII столѣтій), указываютъ въ лѣсу между скитами Комаровымъ и Ула́нгеромъ. Мать Маргарита Одинцовская схоронена близь бывшаго скита Одинцовскаго въ лѣсу, недалеко отъ деревни Астафьевой; отецъ Никандрій неподалеку отъ села Пафнутова и деревни Песочной. Пустынникъ Илія и мать Ѳекла, въ лѣсу, близъ Фундрикова скита; мать Фотинія въ лѣсу, неподалеку отъ гробницы Голиндухиной. «Смольяны»,—мѣсто скита, основаннаго дворянами, выходцами изъ Смоленска, Потемкиными, изъ Москвы Салтыковымъ, изъ Пошехонья Токмачевымъ и другими, находятся въ лѣсу близь Ша́рпана и деревни Малаго Зиновьева. Всѣ эти мѣста въ Семеновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи.

Но самое главное, самое многолюдное сборище бываетъ въ Духовъ день на могилѣ извѣстнаго въ исторіи раскола старца Софонтія. Его гробница въ лѣсу неподалеку отъ деревни Деянова.

Мать Манефа была очень довольна Троицкой службой, отправленной въ ея часовнѣ. Отъ согласнаго пѣнія обученныхъ Васильемъ Борисычемъ пѣвицъ пришла она въ такое умиленіе, что не знала, какъ и благодарить московскаго посла. Осталась довольна и убранствомъ часовни, въ чемъ Василій Борисычъ также принималъ участіе. Онъ разставлялъ вкругъ аналогія цвѣты, присланные отъ Марьи Гавриловны, онъ украшалъ иконы, онъ густыми рядами разставлялъ березки вдоль часовенныхъ стѣнъ... Какъ было удержаться московскому пѣвуну отъ такихъ хлопотъ, когда тутъ были всѣ пригожія бѣлицы, весь правый клиросъ Марьюшкинъ, а въ томъ числѣ и полногрудая, румяная смуглянка Устинья Московска?...

— Ужь какъ же я вами благодарна, Василій Борисычъ [1],—говорила Манеѳа, сидя послѣ службы съ московскимъ посланникомъ за чайнымъ столомъ.—Истинно утѣшилъ, другъ... Точно будто я на Иргизѣ стояла!... Ангелоподобное пѣніе!... Изрядное осмогласіе!... Дай тебѣ, Господи, добраго здоровья и души спасенія, что обучилъ ты дѣвицъ моихъ столь красному пѣнію... Ужь такъ я много довольна тобой, Василій Борисычъ, ужь такъ много довольна, что разсказать тебѣ не умѣю.

— Такихъ пѣвицъ, какія у васъ, матушка, подобраны—обучать дѣло не мудрое,—съ скромнымъ и ласкающимъ выраженьемъ въ лицѣ отвѣтилъ Василій Борисычъ.—Хороши пѣвицы въ Оленевѣ, а до вашихъ далеко имъ...

[1]) Въ лѣсахъ за Волгой говорятъ: «благодаренъ вами», вмѣсто «благодарю васъ» и т. п.

— Вы это только одни пріятныя для насъ слова говорить хотите, а сами вовсе не то думаете,—съ лукавой усмѣшкой вступилась Фленушка.—Куда нашимъ дѣвицамъ до Анны Сергѣевны либо до Олимпіады, али до Груни келарной въ Анфисиной обители!

— И тѣ пѣвицы хорошія—охаить нельзя,—молвилъ Василій Борисычъ, обращаясь къ Манеѳѣ.—За то въ пѣвчей стаѣ Анфисиныхъ нѣтъ такой согласности, какъ у васъ, матушка:

— Кланяйся, Марьюшка, благодари учителя,—засмѣялась Фленушка вошедшей на ту пору головщицѣ.—Тебѣ честь приписываютъ, твоему клиросу.

Марья головщица быстро взглянула на Василья Борисыча, едва замѣтно пересмѣхнулась съ Фленушкой и потупила глаза, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Да, надо благодарить учителя, безпремѣнно надо,—говорила Манеѳа.—Ты бы вотъ, Фленушка, бисерну лѣстовку вынизала Василью-то Борисычу, а ты бы, Марьюшка, подручникъ ему шерстями да синелью вышила, а тебѣ бы, Устинья, поясокъ ему выткать хорошенькій.

— Охъ!... Искушеніе!... Напрасно это вы, матушка,—молвилъ Василій Борисычъ.

— За труды, другъ, за труды,—сказала Манеѳа.—Безъ того нельзя. У насъ въ лѣсахъ не водится, чтобъ добрыхъ людей оставлять безъ благодарности. Ужь это какъ ты себѣ хочешь, а поминокъ отъ ученицъ—прими, не побрезгуй ихъ малымъ приношеніемъ... Эхъ, какъ бы ты у меня, Василій Борисычъ, всѣхъ бы дѣвицъ перепробовалъ, да которы изъ нихъ будутъ способны, ту бы хорошенько и обучилъ. Вотъ ужь истинно благодѣяніе ты бы нашей обители сдѣлалъ!... Ну, да спасибо и за то, что надъ этими потрудился. Узримъ плоды трудовъ твоихъ, на́ вѣкъ останемся благодарны.

— Какіе жъ труды мои, матушка?—съ смиренной улыбкой говорилъ на то Василій Борисычъ, — Никакихъ мнѣ трудовъ тутъ не было. Самому пріятно было... Нѐ за что мнѣ подарковъ приносить.

— Со своимъ уставомъ въ чужой монастырь, Василій Борисычъ, не ходятъ,—отвѣчала Манеѳа. — Со вторника за работу дѣвицы.

— Искушеніе!—проговорилъ Василій Борисычъ и молча допилъ простывшую передъ нимъ чашку чая.

— А ты ужь, Василій Борисычъ, хоть сердись на меня, хоть не сердись, а я тебя изъ обители скоро не выпущу,—послѣ недолгаго молчанья сказала Манеѳа.—По тому дѣлу, по которому посланъ ты, обсылалась я съ матерями, и по той обсылкѣ на Петровъ день будетъ у насъ собраніе. Окромѣ здѣшнихъ матерей, Оленевски ко мнѣ пріѣдутъ, изъ Улàнгера тоже, изъ Ша́рпана, изъ другихъ скитовъ, кое-кто. Изъ Городца обѣщали быть и съ Горъ.. [1]) Мы пособоруемъ, а ты при насъ побудь—дѣло-то тебѣ и будетъ виднѣе. На чемъ положимъ, съ тѣмъ въ Москву тебя и отпустимъ.

— Право не знаю, матушка, чтò сказать вамъ на́ это,—отвѣтилъ Василій Борисычъ.—Больно бы пора ужь мнѣ въ Москву-то. Тамъ тоже на Петровъ день собраніе думали дѣлать... Поди, чать, заждались меня... Шутка ли! Больше десяти недѣль, какъ изъ дому выѣхалъ.

— Да чтò у тебя дома-то?... Малы дѣти что ли плачутъ?... Отчего не погостить?... Не по́пусту живешь... Поживи, потрудись, умиренія ради покоя христіанскаго,—сказала Манеѳа.

— Охъ, искушеніе!—со вздохомъ проговорилъ Василій Борисычъ.—Боюсь матушка, гнѣва бы на себя

[1]) То-есть, съ праваго берега Волги.

не навести... И то на Вознесенье отъ Петра Спиридоныча письмо получилъ—выговариваетъ, и много журитъ, что долго замѣшкался.. Въ Москвѣ, отписываетъ, много дѣла есть... Сами посудите,—могу ли я?

— Завтра же напишу Петру Спиридонычу,—перебила Манеѳа.—И къ Гусевымъ напишу, и къ матушкѣ Пульхеріи. Ихняго гнѣва бояться тебѣ нечего — весь на себя сниму.

— Искушеніе!... се вздохомъ молвилъ Василій Борисычъ.— Опасаюсь, матушка, вотъ какъ передъ истиннымъ Христомъ опасаюсь.

— Инъ вотъ что̀ сдѣлаемъ,—сказала Манеѳа,—отпишу я Петру Спиридонычу, оставилъ бы онъ тебя въ скитахъ до конца собраній и отвѣтилъ бы мнѣ безпремѣнно съ первой же почтой... Каковъ отвѣтъ получимъ, таково и сотворимъ Велитъ ѣхать—часу не задержу, остаться велитъ—оставайся.. Ладно ли такъ-то будетъ?

— Нечего дѣлать,—пожавъ плечами, отвѣтилъ Василій Борисычъ, и будто случайно кинулъ задорный взоръ на Устинью Московку. А у той во время разговора московскаго посла съ игуменьей лицо не разъ багрецомъ подергивало. Чтобы скрыть смущенье, то-и-дѣло наклонялась она надъ скамьей, поставленной у перегородки, и мѣшкотно поправляла съѣхавшіе съ мѣста полавошники.

— А тѣмъ временемъ мы работы для подаренья Василью Борисычу кончимъ,—молвила Фленушка.

— А вы на то не надѣйтесь, работайте безъ лѣни да безъ волокиты,—молвила Манеѳа.—Не долго спите, не долго лежите, вставайте поранѣ, ложитесь попозже, дѣло и станетъ спориться. На ваши работы долгаго времени не требуется, недѣли въ полторы можете все исправить, коли лѣниться не станете.. Переходи ты, Устинья, въ келью ко мнѣ, у Фленушки въ горницахъ

будете вмѣстѣ работать, а спать тебѣ въ свѣтелкѣ надъ стряпущей... Чать не забоишься одна?... Не-то Минодорѣ велю ложиться съ тобой.

Радостью глазки у Василья Борисыча сверкнули. Та свѣтелка рядомъ была съ задней кельей, куда его помѣстили. Чуть-чуть было онъ вслухъ не брякнулъ своего: «искушенье!»... А Устинья застѣнчиво поднесла къ губамъ конецъ передника и тихо промолвила:

— Чего жь, матушка, бояться во святой обители?

— Скажи матери Ларисѣ—указала я быть тебѣ при мнѣ,—сказала Манеѳа.—Сегодня же перебирайся.

До земли поклонилась Устинья Московка игуменьѣ. Честь великая, всякой бѣлицѣ завидная—у игуменьи подъ крылышкомъ жить.

— А я бы, матушка, если благословите, сегодня же подъ вечерокъ въ путь бы снарядился! —молвилъ Василій Борисычъ.

— Куда Богъ несетъ? спросила Манеѳа.

— Имѣю усердіе отцу Софонтію поклониться,—отвѣтилъ Василій Борисычъ.—Завтра, сказываютъ, на его гробницѣ поминовеніе будетъ, такъ мнѣ бы очень желательно тамъ побывать.

— Доброе дѣло. Василій Борисычъ, доброе дѣло,—одобряла московскаго посланника Манеѳа.—Побывай на гробницѣ, помяни отца Софонтія, помолись у честныхъ мощей его... Великій былъ радѣтель древляго благочестія!... Отъ устъ его богоданная благодать, яко свѣтолучная заря на Ке́рженцѣ, и по всему христіанству возсіяла, изъ рода въ родъ славна̀ память его!.. Читывалъ ли ты житіе-то отца Софонтія?

— Не приводилось, матушка,—отвѣтилъ Василій Борисычъ.—Очень оно рѣдкостно... Сколько книгъ ни прочелъ, сколько *Сборниковъ* да *Цвѣтниковъ* на вѣку своемъ ни видалъ, ни въ одномъ Софонтіева житія не попадалось.

— *Сказаніе о житіи и жизни преподобнаго отца нашего Софонтія и отчасти чудесъ его* точно что рѣдкостно; мало гдѣ найдется его,—молвила Манеѳа.—Ты послушай-ка, вотъ я разскажу тебѣ про нашего Ке́рженскаго угодника, про скитскаго молитвенника преподобнаго и богоноснаго отца нашего Софонтія... Былъ священноинокомъ въ Соловецкой киновіи, крещеніе имѣлъ старое, до патріарха Никона, хиротонію же новую, отъ новгородскаго Питирима... Пришелъ отецъ Софонтій въ здѣшнія стра̀ны и поставилъ невеликій скитокъ неподалёку отъ Деянова починка, въ лѣсу. Первый онъ былъ въ здѣшнихъ лѣсахъ священникъ новой хиротоніи... Съ него и зачалось «бѣгствующее» отъ великороссійской церкви священство... А до пришествія Софонтіева на Ке́рженецъ, на Смольянахъ у бояръ Потемкиныхъ да у Салтыкова, жилъ черный попъ Діонисій Шуйскій, пребывая въ великомъ подвизѣ, да Трифилій іерей, пришедый изъ Вологды, да черный попъ Сергій изъ Ярославля... И тѣ отцы стараго рукоположенья соборнѣ пріяли отца Софонтія... И жилъ отецъ Софонтій въ здѣшнихъ лѣсахъ немалое время, право правяще слово истины... Церковные обычаи утвердилъ, смущенія и бури на церковь Божію отъ Онуфрія воздвигнутыя утишилъ, увѣщающе возмутителей и приводяще имъ во свидѣтельство соборныя правила... Подвиги же его духовные и труды тѣлесніи кто исповѣсть?... И по мнозѣхъ подвизѣхъ теченіе сверши—ко Господу отыде... И честны̀я мощи его нетлѣннны и цѣлокупны во благоуханіи святыни почиваютъ... Великія исцѣленія подаютъ съ вѣрою къ нимъ притекающимъ... И въ томъ всѣ христіане въ нашихъ лѣсахъ увѣрены довольно.

— Сказывали, матушка, про отца Софонтія. что людей онъ жигалъ. Правда ли это?—спросилъ Василій Борисычъ.

Нахмурилась Манеѳа, взглянувъ на совопросника.

— Не намъ судить о томъ,—строго сказала она.— Намъ ли испытывать дѣла отецъ преподобныхъ?... Это съ того больше взяли, что отецъ Софонтій священноинока Варлаама съ братіею благословилъ въ келіи сгорѣти... А смутьяны Онуфріева скита въ вину ему то поставили, на Вѣтку жалобны грамоты о томъ писали, а съ Вѣтки отца Софонтія корили, обличить же не обличили... А хотя бы и въ правду людей онъ жигалъ?... Блаженъ изволъ о Господѣ!... Это нынѣшнимъ слабымъ людямъ, прелестію міра смущеннымъ, стало на удивленье, а прежнимъ ревнителямъ древляго благочестія было за всеобдержный обычай... Отъ того-то теперишни люди не токмо дивуются, но хулятъ даже сожженіе грѣшныя плоти небеснаго ради царствія... Крѣпости прежней не стало, по Бозѣ ревности нѣтъ—оттого и хулятъ... Не читалъ развѣ, что огненное страданіе угашаетъ силу огня геенскаго?...

— Читать-то читалъ, матушка,—потупясь отвѣтилъ Василій Борисычъ.—Какъ не читать?... А что жъ это вы про отца Варлаама помянули?—спросилъ онъ Манеѳу, видимо желая отклонить разговоръ на другое....—Про него я что-то не слыхивалъ.

— Изъ здѣшнихъ же отцовъ былъ, изъ керженскихъ,—сказала Манеѳа.—Жилъ въ пустынной кельѣ съ тремя учениками... Въ Поломскомъ лѣсу не далеко отъ Улангера, на рѣчкѣ, на Козленцѣ, келья у него была. До сихъ поръ благочестивые люди туда сходятся поклониться святому пеплу, Христа-ради, сожженныхъ... Пришелъ Варлаамъ въ здѣшніе лѣса изъ Соли-Галицкой, а въ Соли-Галицкой былъ онъ до того приходскимъ попомъ въ никоніанской церкви. — Познавъ же истину, покинулъ тамошній градъ и паству своюю, хотя пустыню лобызати и въ преданіи святоотеческомъ пребыть... Принятъ же былъ отъ отца

Софонтія вторымъ чиномъ, постриженія иноческаго отъ руки его сподобился и живя безысходно въ келіи всѣ священныя дѣйства надъ приходящими совершалъ. Много душевнымъ гладомъ томимыхъ, много спасенія жаждущихъ въ пустыню къ нему притекло, онъ же, исправляя [1]) ихъ, причащалъ старымъ запасомъ [2]), что отъ лѣтъ патріарха Іосифа былъ сохраненъ. Книгъ же имѣя довольно, отовсюду собираше правовѣрныхъ на книгоученіе, утверждая ихъ въ древлемъ благовѣріи. Увѣдали о томъ мірскіе Галицкіе начальники и послали ратныхъ людей со всеоружіемъ и огненнымъ боемъ изыскать отца Варлаама и учениковъ его... И болѣ шести недѣль ходили ратные люди по лѣсамъ и болотамъ, ищучи жительства преподобнаго. Онъ же божественнымъ покровомъ прикровенъ избѣжа рукъ мучителевыхъ... Тогда изыде Варлаамъ изъ пустыни и пріиде къ отцу Софонтію совѣта ради, что сотворити при таковомъ тѣсномъ обстояніи... И много бесѣдоваху преподобные отцы отъ святаго Писанія и и всю нощь пребыли въ молитвахъ и псалмопѣніяхъ. И благословилъ пречестный отецъ Софонтій того пустынножителя Варлаама огненною смертію животъ свой скончати, аще пріидутъ къ нему ратные люди, лести же ихъ отнюдь не послушати... Тако поучалъ Варлаама блаженный Софонтій златоструйныма своима усты: «не бойся, отче Варлааме, сего временнаго огня, помышляй же о томъ, како бы вѣчнаго избѣжати... Малое время въ земномъ пламени потерпѣти, вѣчнаго же царстія достигнути!... Не долго страдати — аки окомъ мигнуть, такъ душа изъ тѣла выступитъ... Егда же вступишь во огонь, самого Христа узришь и ангельскія силы съ Нимъ. Емлютъ они, ангелы, души

1) Исповѣдуя.
2) Запасные дары.

изъ тѣлесъ горящихъ и приносятъ ихъ къ самому Христу Царю Небесному, а Онъ, Свѣтъ, ихъ благословляетъ и силу имъ божественную подаетъ... Чего бояться огня?.. Гряди съ мучениками во блаженный чинъ, со апостолы въ полкъ, со святители въ ликъ!...» И тако довольно поучи Варлаама и благослови его идти въ пустынную келію на сожженіе... На утріе же ратные люди обрѣтоша келію и восхотѣша яти отца Варлаама со ученики его... Они же, замкнувъ келію, зажглися... И ужаснулись ратные, видя такое дерзновеніе... Лестію пытали самовольныхъ Христовыхъ мучениковъ изъ запаленной келіи вызвать, обѣщая учинить ихъ во всемъ свободны... Они же не смутяшася... Аки отроцы вавилонстіи въ пещи горящей, тако и они въ келіи зажженной стояли и среди пламени и жупела псаломъ воспѣвали: «Изведи изъ темницы душу мою,—мене ждутъ праведницы!...» И тако сгорѣли тѣлесами... Души же блаженныхъ страстотерпцевъ, аки злато въ горнилѣ очищенное, ангелы Божіи взяху и въ небеса ко Христу Царю понесли... Господь же благослови жертву сію чисту и непорочну...

— Невдалекѣ отъ Ула́нгера то мѣсто, говорите вы, матушка?—погодя немного, спросилъ Василій Борисычъ.

— Лѣсной тропой врядъ ли пять верстъ наберется,— отвѣтила Манеѳа.—Въ томъ же лѣсу учительной матери Голиндухи гробница. И къ ней богомольцевъ много приходитъ.

— Знать то мѣсто, гдѣ сожглися? — спросилъ Василій Борисычъ.

— Признаку теперь не осталось, вѣдь больше полутораста годовъ послѣ того прошло!—отвѣтила Манеѳа.—Малая полянка въ лѣсу, старый голубецъ [1])

[1]) Могильный памятникъ, состоящій изъ деревяннаго сруба съ кровлей на два ската и съ крестомъ на ея срединѣ. Прежде въ лѣсныхъ сторонахъ ставили ихъ и на кладбищахъ, теперь они запрещены.

на ней стоитъ, а возлѣ четыре высокихъ креста... Вотъ и все... Отъ жилья удалено, мѣсто пусто, чему тамъ быть?... Лѣтъ восемьдесятъ али больше тому, еще находили угольки отъ сожженной Варлаамовой кельи. А нынѣ и того нѣтъ — все разобрано правовѣрными... По обителямъ тѣ Варлаамовы угли сохраняются... И у насъ въ обители есть таковые угольки... Воду съ нихъ болящимъ даемъ, и по вѣрѣ піющихъ цѣленія бываютъ.

— Дивныя у васъ, матушка, мѣста по лѣсамъ,—съ умиленьемъ молвилъ Василій Борисычъ. — Ваши пустыни, яко книги, проповѣдуютъ силу Божію, явленную во святыхъ Его угодникахъ.

— Дивенъ Богъ во святыхъ Его!... набожно сказала Манеѳа, опуская очи.—Люди мы, Василій Борисычъ, простые, живемъ не ради славы, а того только испытуемъ, како бы вѣчное спасеніе восхитити. Потому бумагѣ и черниламъ повѣсти о нашихъ преподобныхъ не предаемъ... Токмо въ памяти, яко въ книгѣ, златомъ начертанной, хранимъ добропобѣдные подвиги ихъ... Поживи съ нами, испытай пустынныя наши мѣста—возвѣстятъ они тебѣ славу Божію, въ преподобныхъ отцахъ явленную... Много святопочитаемыхъ мѣстъ по лѣсамъ Керженскимъ и Чернораменскимъ... Яко кринъ процвѣтала пустыня наша, много въ ней благодати было явлено... А теперь всему приходитъ конецъ!... съ тяжелымъ вздохомъ прибавила Манеѳа и поникла головой.

Всѣ молчали.

— Благословите же, матушка,—перервалъ молчанье Василій Борисычъ.—Послѣ бы трапезы отправился я къ отцу Софонтію—утреню тамъ вѣдь съ солнечнымъ всходомъ зачинаютъ...—Надо поспѣть...

— Поспѣешь, другъ, поспѣешь,—сказала Манеѳа.— Нешто я тебя пѣша пущу?... Обвечерѣетъ, велю под-

воду сготовить, къ свѣту-то доѣдешь — ночи теперь свѣтлыя!... На Ларіоново поѣзжай, прямикомъ... Дорога блага́, за то недалеко... Пятнадцать верстъ больше не наберется.

— Изъ вашего послушанія, матушка, выдти не могу,—отвѣтилъ Василій Борисычъ.—Можетъ изъ обительскихъ кто поѣдетъ? спросилъ онъ.

— Какъ не поѣхать?... Поѣдутъ, — молвила Манеѳа.—Завтра увидишь, какъ у насъ память отца Софонтія справляютъ: сначала утреню соборнѣ поемъ, потомъ часы правимъ и канонъ за единоумершаго... А послѣ соборнаго канона особные зачнутъ пѣть по очереди отъ каждой обители, изъ которой пріѣдутъ старицы.. Прежде сама я каждый годъ къ отцу Софонтію ѣзжала, нонѣ не могу, опять боюсь слечь... Аркадію пошлю, уставщицу, у нея же сродственники въ Деяновѣ есть, оно и кстати. И тебѣ съ нею будетъ гдѣ пристать... Успокоишься тамъ послѣ службы-то... Служба будетъ долгая и ранняя.

— И насъ бы, матушка, съ Марьюшкой да съ Устиньей пустила,—молвила Фленушка, обращаясь къ Манеѳѣ.

— Безъ себя не пущу... Бѣдъ натворите,—строго отвѣтила Манеѳа.

— Никакихъ бѣдъ не натворимъ,—подхватила Фленушка.—Какъ только отпоемъ канонъ, прямо въ Деяново.

— И не поминай,—сказала Манеѳа...—Тутъ, Василій Борисычъ не мало грѣха и суеты бываетъ,—прибавила она, обращаясь къ московскому гостю. — Съ ранняго утра на гробницу деревенскихъ много найдетъ, изъ городу тоже наѣдутъ, всего вѣдь только пять верстъ до̀ городу-то... Игрища пойдутъ, пѣсни, сопѣли, гудки... Изъ ружей стрѣльбу зачнутъ... А что̀ подъ вечеръ творится—о томъ не лѣть и глаголати.

— Да вѣдь мы бы съ матушкой Аркадіей... — завела-было опять Фленушка.

— Углядѣть ей за вами!... Какъ же!...—возразила Манеѳа.—Устиньюшка!

Изъ-за перегородки выглянула Устинья Московка.

— Молви Дементью, подводы бы готовилъ къ отцу Софонтію ѣхать,—стала приказывать Манеѳа.—Гнѣдка съ соловенькой въ мою кибитку, самъ бы Дементій везъ—Василій Борисычъ въ той кибиткѣ съ Аркадіей поѣдетъ. А сивую съ буланой въ Никанорину повозку заложить... Править Меркулу—а кому въ той повозкѣ сидѣть, послѣ скажу... Аркадіи накажи, передъ солнечнымъ заходомъ зашла ко мнѣ бы... Виринеюшкѣ молви, канунъ бы сготовила, да путную трапезу человѣкъ на десятокъ... Матери Таифѣ скажи—поминокъ сготовила бы деяновскому сроднику Аркадіи, обночуютъ можетъ статься у него. Мучки пшеничной полмѣщка припасла бы, овса четверть, да соленой рыбы сколько придется, пряниковъ да орѣховъ ребятишкамъ, хозяйкѣновину... Да чтобъ Аркадія ладану взять не забыла, да свѣчъ. А кацѣю брала бы изъ старенькихъ, нову-то не поломать бы дорогой... Бутыль взяла бы побольше на воду изъ кладезя, а того бы лучше боченокъ недержанный — бутыль-то разбиться можетъ дорогой... Прикажи, чтобъ должнымъ порядкомъ все было... Ступай.

Сотворивъ передъ игуменьей метанія, вышла Устинья Московка.

— А воротишься отъ Софонтія,—молвила Манеѳа Василью Борисычу,—на пепелъ отца Варлаама съѣзди, да заодно ужъ и къ матери Голиндухѣ. Сборища тамъ бываютъ не великія, соблазновъ отъ мірскихъ человѣкъ не увидишь—мѣсто прикровенное.

Въ это время отворилась дверь и вошла въ келью казначея Таифа. Положивъ уставной семипоклонный

началъ и сотворивъ метанія, подала она игуменьѣ письмо и сказала:

— Канонъ Елфимовскій привезъ. Въ городъ ѣздилъ, тамъ ему Осмушниковъ Семенъ Иванычъ отдалъ.

Молча распечатала Манеѳа письмо, посмотрѣла въ него и молвила:

— Отъ Дрябиныхъ изъ Питера.

— Отъ Дрябиныхъ?— спросилъ Василій Борисычъ. — Вы съ ними тоже въ знакомствѣ, матушка?

— Благодѣтели,—отвѣтила Манеѳа.—Дрябины давно нашей обители знаемы, еще ихни родители съ покойницей матушкой Екатериной знакомство водили. Когда нашимъ старицамъ въ Питерѣ случается бывать, завсегда пристаютъ у Никиты Васильича.

— Вѣдь они съ Громовыми были первыми затѣйщиками австрійства,—сказалъ Василій Борисычъ.

— Знаю,—отвѣтила Манеѳа. — Они же вѣдь и въ сродствѣ межь собой. Дочка Никиты Васильича, Акулина Никитишна, за Громова выдана.

— Такъ точно,—подтвердилъ Василій Борисычъ.

— По родству у нихъ и дѣла за едино,—сказала Манеѳа.—Намъ не то дорого, что Громовы съ Дрябиными да съ вашими москвичами епископство устрояли, а то, что къ знатнымъ вельможамъ вхожи и какія бы по старообрядству дѣла ни были,—все до капельки знаютъ... Самимъ Громовымъ писать про тѣ дѣла невозможно, опаску держатъ, такъ они все черезъ Дрябиныхъ... Поди и тутъ о чемъ-нибудь извѣщаютъ... Читай-ка, Фленушка.

Манеѳа подала ей письмо и та начала:

«Пречестной матушкѣ Манеѳѣ о еже во Христѣ съ сестрами землекасательное поклоненіе. При семъ просимъ покорнѣйше вашу святыню не оставить насъ своими молитвами ко Господу, да еже управити путь нашъ ко спасенію и некосно поминати о здравіи Ни-

киты, Анны, Иліи, Георгія, Александры и Акилины и сродниковъ ихъ, а родителей нашихъ по имѣющемуся у васъ помяннику безпереводно. Гостила у насъ на Святой Пасхѣ старица Милитина изъ вашихъ мѣстовъ изъ Фундрикова скита, а сама родомъ она валдайская. И сказывала намъ матушка Милитина, что вамъ, пречестная матушка Манеѳа, тяжкая болѣзнь приключилася, но Господу помогающу исцѣленіе получили. И мы со всѣми нашими домашними и знаемыми много тому порадовались и благодарили Господа оздравѣвшаго столь пресвѣтло сіяющую во благочестіи нашу матушку, крѣпкую молитвенницу о душахъ нашихъ. При семъ, матушка, съ превеликимъ прискорбіемъ возвѣщаемъ вамъ, что извѣстный вамъ человѣкъ въ прошедшій вторникъ находился во единомъ мѣстѣ и доподлинно узналъ о буряхъ и напастяхъ, хотящихъ на всѣ ваши жительства возстати. И та опасность не малая, а отвратить ее ничѣмъ не предвидится. Велѣно по самой скорости шо шле лтикы послать, чтобъ ихъ ониласи и шелъ помоцъ разобрать и которы но мешифіи не приписаны, тѣхъ бы шопъ шылсакъ...» [1]).

— Подай,—перервала Манеѳа.—Сама разберу... О Господи, Владыко многомилостивый!—промолвила она

[1]) Это такъ-называемая «тарабарская грамота», бывшая въ употребленіи еще въ XVII вѣкѣ и ранѣе. Нѣкогда она служила дипломатическою шифровкой, теперь употребляется только старообрядцами въ ихъ тайной перепискѣ. Пишутъ согласныя буквы русской азбуки въ такомъ порядкѣ

б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н,

щ, ш, ч, ц, х, ф, т, с, р, п,

и употребляютъ *б* вмѣсто *щ*, *щ* вмѣсто *б* и т. д. По этой тайнописи въ письмѣ къ Манеѳѣ было написано: «Велѣно по самой скорости во всѣ скиты послать, чтобъ ихъ описать и весь народъ разобрать и, которы по ревизіи не преписаны, тѣхъ бы вонъ выслать». Кромѣ этой самой употребительной тайнописи, у старообрядцевъ есть еще нѣсколько другихъ.

съ глубокимъ вздохомъ, поднимая глаза на иконы.— Разумѣешь, другъ, тайнописаніе?—обратилась она къ Василью Борисычу.

— Маленько разумѣю, матушка,—отвѣтилъ онъ.

— Понялъ?—спросила Манеѳа.

— Понялъ.

— Чѣмъ бы вотъ съ Софронами-то возжаться—тутъ бы руку-то помощи Москва подала,—съ жаромъ сказала Манеѳа.—Да куда ей?—промолвила она съ горькой усмѣшкой.—Исполнились надъ вашей Москвой словеса пророческія: «уты, утолстѣ, ушире и забы Бога создавшаго»... Соберешься къ Софонтію — зайди ко мнѣ, Василій Борисычъ.

Встала Манеѳа, и матери и бѣлицы всѣ одна по другой въ глубокомъ молчаньи вышли изъ кельи. Осталась съ игуменьей Фленушка.

Послѣднею вышла Устинья. За ней пѣтушкомъ Василій Борисычъ. Настигъ онъ румяную красотку на заворотѣ у чулановъ и щипнулъ ее сзади.

— Охъ!.. чтобъ тебя!.. чуть не вскрикнула Устинья.

Въ ту самую пору вышла изъ боковой кельи Марьюшка.

Вздохнувъ, Василій Борисычъ промолвилъ въ полголоса:

— Искушеніе!..

Затѣмъ пріосанился и тихо догматикъ запѣлъ:

«Всеми-и-и-рную славу, отъ человѣкъ прозябшую»...

Проводя московскаго посланника, Манеѳа принялась за переводъ тарабарскаго письма Дрябиныхъ. Грозны были петербургскія вѣсти.

Извѣщалъ Дрябинъ, что въ комитетѣ министровъ рѣшено дѣло о взятой на Дону сборной оленевской

книжкѣ. Велѣно переписать всѣ обители Оленевскаго скита и узнать, давно ли стоятъ онѣ, не построены ли послѣ воспрещенья заводить новые скиты, и тѣ, что̀ окажутся недозволенными, уничтожить... Писалъ Дрябинъ, что̀ дошло до Петербурга о Шàрпанской иконѣ и о томъ, что тамошни старицы многихъ церковниковъ въ старую вѣру обратили... Навели справку въ прежнихъ дѣлахъ, нашли что Шàрпанскій скитъ лѣтъ пятнадцать передъ тѣмъ сгорѣлъ до тла, а это было послѣ воспрещенія заводить новые скиты. Потому и хотятъ послать изъ Петербурга довѣренныхъ лицъ, разузнать о томъ доподлинно, и если Шàрпанъ ставленъ безъ дозволенья, запечатать его, а икону, оглашаемую чудотворной, взять... Уповательно, прибавлялъ Дрябинъ, что и по всѣмъ другимъ скитамъ Кѐрженскимъ и Чернораменскимъ такая же переборка пойдетъ; дошло де до петербургскихъ властей, что много у васъ живетъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ... Громовы, писалъ въ заключеніе Дрябинъ, неотступно просили кого нужно, хоть на время отвести невзгоду отъ Кѐрженца... Два обѣда ради того дѣлали, за̀ каждымъ обѣдомъ человѣкъ по двадцати генераловъ кормили, да на дачѣ у себя Громовы великій праздникъ для нихъ дѣлали. Всѣмъ честили, всѣмъ ублажали, однакожъ ни въ чемъ успѣть не могли—потому что вышелъ сильный приказъ впредь старовѣрамъ потачки не давать и держать ихъ въ строгости... О красноярскомъ дѣлѣ ни слова — не дошли еще видно вѣсти о немъ до Питера.

Призадумалась Манеѳа. Сбывались ея предчувствія... Засуча рукава и закинувъ руки за̀ спину, молча ходила она ровными, но быстрыми шагами взадъ и впередъ по кельѣ... Въ глубокомъ молчаньи сидѣла у окна Фленушка и глазъ не сводила съ игуменьи.

— Почтову бумагу достань,—сказала Манеѳа.—Со словъ писать будешь... Здѣсь садись... Устинья!...

Фленушка вышла за бумагой, Устинья явилась въ дверяхъ.

— Никого ко мнѣ не пускать ни по коему дѣлу. Недосужно, молъ,—сказала ей Манеѳа...

Низко поклонясь, Устинья спряталась въ свою боковушу.

Черезъ минуту она опять выглянула и спросила:

— Обѣдать не собрать ли?.. Въ келарнѣ давно ужъ трапе́зуютъ.

— Не до ѣды,—рѣзко отвѣтила ей Манеѳа.—Ступай въ свое мѣсто, не докучай...

Минуты черезъ двѣ Фленушка сидѣла ужъ за письмами. Ходя по кельѣ, Манеѳа сказывала ей, что̀ писать.

Первое письмо писали въ городъ къ тамошнему купцу Строинскому, повѣренному по дѣламъ Манеѳы.

«Ради Господа благодѣтель Полуехтъ Семенычъ», писала Фленушка, «похлопочи купчія бы крѣпости на дома свершить какъ возможно скорѣе. Крайній домъ къ солянымъ анбарамъ купи на мое имя, рядомъ съ нимъ—на Фленушку; остальные три дома на Аркадію, на Таифу, да на Виринею. Хоть и дорожиться зачнутъ Кожевниковы, давай что̀ запросятъ, денегъ не жалѣй— остались бы только за нами мѣста. За строеньемъ тоже не гонись — захотятъ свозить на иное мѣсто, пущай ихъ свозятъ. Отпиши сколь можно скорѣе, сколько денегъ потребуется—съ кѣмъ-нибудь изъ матерей пришлю. Покучься въ судѣ Алексѣю Семенычу, дѣло бы поскорѣе обдѣлалъ, дай ему четвертную да еще посули, а я крупчатки ему опричь того мѣшка два пошлю, да икру мнѣ хорошую изъ Хвалыни прислали, такъ и ей подѣлюсь, только бы по скорости дѣло обладилъ. Да нѣтъ ли еще по близости отъ Кожевниковыхъ продажнаго мѣстечка, али дома бо́льшого для Марьи Гавриловны. Хочетъ по вашему городу въ купечество приписаться и торги заводить»...

Кончивъ письмо къ Строинскому, Манеѳа другое стала сказывать — къ Патапу Максимычу. Извѣщала брата о грозящихъ скитамъ напастяхъ и о томъ, что на всякій случай она въ городѣ мѣсто подъ келью покупаетъ... умоляла брата поскорѣе съѣздить въ «губернію» и тамъ хорошенько да повѣрнѣе узнать, не пришли ли на счетъ скитовъ изъ Петербурга указы и не ждутъ ли оттуда большихъ чиновниковъ по скитскимъ дѣламъ. «А хоша, прибавляла Манеѳа, и не совсѣмъ еще я отъ болѣзни оправилась, однакожъ, хоть черезъ великую силу, а на сорочины по Настенькѣ пріѣду, и тогда обо всемъ прочемъ съ тобой посовѣтую.»

Въ Москву писаны были письма къ Петру Спиридонычу, къ Гусевымъ и на Рогожское къ матери Пульхеріи. Извѣщая обо всемъ, что̀ писали Дрябины и о томъ, какое дѣло вышло въ Красноярскомъ скиту, Манеѳа просила ихъ въ случаѣ неблагополучія принять на нѣкое время обительскую святыню, чтобъ во время переборки ея не лишиться. «Посылаю я къ вамъ въ Москву и до Питера казначею нашу матушку Таифу, а съ нею расположилась отправить къ вамъ на похраненіе четыре иконы высокихъ строгоновскихъ писемъ, да икону Одигитріи Богородицы царскихъ изуграфовъ, да три креста съ мощами, да книгъ харатейныхъ и старопечатныхъ десятка три, либо четыре. А увидясь съ матушкой Августой, ша̀рпанской игуменьей, посовѣтую ей и Казанскую Богородицу къ вамъ же на Москву отправить, доколь не утишится воздвигаемая на наше убожество презѣльная буря озлобленій и напастей. А то, оборони Господи, лишиться можемъ столь безцѣннаго сокровища, преизобильно вѣрующимъ подающаго исцѣленія». На счетъ епископа Софронія писала, что удостовѣрясь въ его стяжаніяхъ и иныхъ недоступныхъ поступкахъ, совершенно его отчужди-

лась и поповъ его ставленья отнюдь не принимаетъ, а о владимірскомъ архіепископѣ будетъ на Петровъ день собраніе и со всѣхъ скитовъ съѣдутся къ ней. Что̀ на томъ собраньи уложатъ, о томъ не преминетъ она то̀тчасъ же въ Москву отписать. Увѣдомляла и о Васильѣ Борисычѣ, благодарила за присылку столь дорогого человѣка и просила не погнѣваться, если задержитъ его на Ке́рженцѣ до окончанія совѣщаній о новомъ архіепископѣ и о грозящихъ скитамъ обстоятельствахъ

За письмомъ къ Дрябину долго просидѣла Фленушка... Все сплошь было писано тарабарской грамотой. Благодаря за неоставленіе, Манеѳа умоляла Дрябиныхъ и Громовыхъ постараться отвратить находящую на ихъ пустынное жительство грозную бурю, увѣдомляла о красноярскомъ дѣлѣ и о скоромъ собраніи старицъ изо всѣхъ обителей на совѣщаніе о владимірскомъ архіепископѣ и о томъ, что̀ дѣлать, если придутъ строгіе о скитахъ указы.

Кромѣ того были писаны письма во всѣ скиты къ игуменьямъ главныхъ обителей, чтобъ на Петровъ день непремѣнно въ Комаровъ къ Манеѳѣ съѣзжались. Будетъ дескать объявленіе о дѣлѣ гораздо поважнѣй владимірскаго архіепископства

День къ вечеру склонялся, измучилась Фленушка писавши, а Манеѳа, не чувствуя устали, бодро ходила взадъ и впередъ по кельѣ, сказывая, что писать. Твердая, неутомимая сила воли виднѣлась и въ сверкающихъ глазахъ ея и въ разгорѣвшихся ланитахъ и въ крѣпко сжатыхъ губахъ. Глядя на нее, трудно было повѣрить, чтобъ эта старица не дольше шести недѣль назадъ лежала въ тяжкой смёртной болѣзни и одной ногой во гробу стояла.

Когда Фленушка кончила письма, Манеѳа внимательно ихъ перечитала и въ концѣ каждаго сдѣлала своей рукой приписку. Потомъ запечатала всѣ и тогда только, какъ Фленушка надписала на каждомъ, къ кому и куда письмо посылается, заговорила съ ней Манеѳа, садясь у стола на скамейкѣ:

— Потрудились мы съ тобой, Фленушка, ради праздника. Заморила я тебя. — Кому Троицынъ день, а намъ съ тобой Сочельникъ... Подь-ка, голубка, потрапе́зуй, да скажи Устиньѣ, кликнула бы скорѣе Таифу.

— Я было хотѣла просить тебя, матушка,—молвила Фленушка, не трогаясь съ мѣста.

— Что̀ тебѣ надо, моя ла̀стушка?—мягкимъ голосомъ, ласково спросила ее Манеѳа

— Отпусти къ Софонтію,—умильно взглянувъ на нее, молвила Фленушка.

— Сказано «не пущу», значитъ не о чемъ и толковать,—нахмурясь сказала Манеѳа.

— Каждый годъ ѣзжали... — потупясь вполголоса проговорила Фленушка.

— Со мной,—перебила Манеѳа.—Такъ и я бывало жду не дождусь, кончилась бы служба да скорѣй бы съ поляны долой... Всѣ глаза бывало прогляжу за вами... А матери Аркадіи какъ усмотрѣть?

Ни словечка не отвѣтила Фленушка. Подошла къ столу, отобрала письма къ матерямъ и спросила:

— Съ Аркадіей пошлешь?.. Къ Софонтію со всѣхъ обителей матери съѣдутся... За̀ разъ бы всѣмъ можно было раздать... А съ работниками посылать — когда развезутъ?

— Правда твоя,—молвила Манеѳа. — Такъ будетъ лучше... Не хотѣлось бы только съ Аркадіей отправлять. Въ разговорахъ лишняго много отъ своего ума наплететъ.

— А надо еще и на словахъ съ матерями говорить?—спросила Фленушка.

— Безъ того нельзя,—отвѣтила Манееа.

— А про то, что̀ Дрябины пишутъ не всѣмъ же, чай, матерямъ сполна сказывать?—продолжала Фленушка.

— До поры до времени можно ль всѣмъ про то говорить?—молвила Манееа.—Попробуй-ка Евникеѣ Прудовской сказать, въ тотъ же день всѣму свѣту разблаговѣститъ.—Хлопотъ послѣ не оберешься.

— А матушкѣ Августѣ Шарпанской, думаю, надо сказать,—продолжала Фленушка.—Изъ Оленева матушкѣ Маргаритѣ тоже, я думаю, надо; матушкѣ Фелицатѣ тоже... А еще кому?

— Да больше-то пожалуй и некому,—молвила Манееа.—До Петрова дня все дѣло безпремѣнно надо втайнѣ держать, чтобъ успѣть въ городу̀ мѣста̀ подешевле купить. А то, пожалуй, при совершеніи-то купчей сдѣлаютъ препятствіе либо задержку какую. Да и Кожевниковы, какъ узнаютъ, что готовится намъ изъ обителей выгонка, такую цѣну заломятъ, что только ахнешь... Не сумѣть этого Аркадіи, не сумѣть!—Очень ужь она невоздержна на языкъ... Опять же у Евникеи въ Прудахъ Аркадьины сродницы живутъ—хоть наказывай ей, хоть не наказывай, не утерпитъ—до капельки все разскажетъ имъ, а тѣ Евникеѣ. А Евникеѣ сказать все едино, что на базарѣ съ барабаномъ въ народъ объявить...

— Развѣ матушку Таифу пошлешь?—сказала Фленушка.

— То-то и есть что нельзя,—молвила Манееа.—Въ Москву Таифѣ надо ѣхать да въ Питеръ...—Завтра же ей отправляться.

— Кого же коли не Таифу?

— Ума не приложу,—отвѣтила Манефа.—Вотъ вертись тутъ одна, какъ знаешь: обитель большая, а доведется нужное дѣло, опричь Таифы и послать некого.

— Пошли меня, матушка... Все управлю,—подхватила Фленушка.

— Съ ума сошла?... По тебѣ-ль такое дѣло?—поднявъ голову и пристально взглянувъ на Фленушку, молвила Манеѳа.

— Попробуй—увидишь,—сказала Фленушка, глядя въ упоръ на Манеѳу.

— Полно пустяки городить, — проговорила Манеѳа.—Статочно ли дѣло тебя посылать?

— Вольно тебѣ, матушка, думать, что до сихъ поръ я только одними пустяками занимаюсь,—сдержанно и степенно заговорила Фленушка. — Вѣдь мнѣ ужь двадцать пятый въ доходѣ. Изъ молодыхъ вышла, мало ли много ли своего ума накопила... А кому твои дѣла больше меня извѣстны?... Таифа и та меньше знаетъ... Иное дѣло сама отъ Таифы таишь, а мнѣ сказываешь... А бывало ль, чтобъ я проговорилась когда, чтобъ изъ-за моего болтанья непріятность какая вышла тебѣ?

— Да къ чему ты это все говоришь мнѣ?—спрашивала Манеѳа.

— А къ тому говорю, чтобъ къ Софонтію меня ты послала. Аркадія свое дѣло будетъ управлять, а я съ матерями, что̀ надо переговорю,—рѣшительнымъ голосомъ сказала Фленушка.

— Набаламутишь,—молвила Манеѳа.

— Да что̀ я за баламутница въ самомъ дѣлѣ? — рѣзко отвѣтила Фленушка. — Что въ своей обители иной разъ посмѣюсь, иной разъ пѣсню мірскую спою?... Такъ это, матушка, дома дѣлается, при своихъ, не у чужихъ людей на глазахъ... Вспомнить бы тебѣ про себя, какъ въ самой-то тебѣ молодая кровь еще бродила.

— Замолчи!... — остановила Манеѳа Фленушку. — Съ чего ты взяла такія рѣчи мнѣ говорить?... А?...

— Стары матери мнѣ сказывали, что была ты у отца съ матерью дитя любимое, балованное, что до иночества была ты развеселая — что на умѣ у тебя только пѣсни да игры бывали... Видно и я въ тебя, матушка,—усмѣхнувшись сказала Фленушка.

— Какія матери тебѣ сказывали?...—Которыя?...— взолнованнымъ голосомъ спросила Манеѳа.

— Покойница Платонида говаривала, — отвѣтила Фленушка.

— Нешто помнишь ее? — съ испугомъ спросила Манеѳа, и тяжело перевела дыханіе.

— Какъ же не помнить? — Какъ теперь на нее гляжу,—отвѣчала Фленушка.—Вѣдь я ужь семилѣткой была, какъ она побывшилась.

— Что̀ жь Платонида тебѣ сказывала?... Что̀?... Говори... все, все говори, — дрожащимъ отъ волненія голосомъ говорила Манеѳа, опуская на глаза камилавку и закрывая все лицо креповой наметкой.

— Мало ли что̀... Всего не упомнишь, — отвѣтила Фленушка. — Добрые совѣты давала: «почитай, говорила, матушку Манеѳу, какъ родную мать свою».

— Что-о-о?...—вскрикула Манеѳа, но тотчасъ же сдержала порывъ встревоженнаго сердца. Обдернувъ наметку, она склонила голову.

— «Почитай, говорила, ее, какъ мать родную»,— повторила Фленушка.—«Тебѣ, говорила она, во всемъ свѣтѣ никого нѣтъ ближе матушки Манеѳы»... Вотъ что̀ говорила мнѣ Платонида.

— А еще?—глухо прошептала Манеѳа.

— Не помню,—отвѣтила Фленушка.

Смолкла Манеѳа, а Фленушка все еще стояла передъ ней и молча общипывала листья со стоявшей въ

углу троицкой березки. Минутъ съ пять длилось молчанье.

— Обѣдать ступай,—сказала Манеѳа.

— Не хочется, — обиженнымъ голосомъ отвѣтила Фленушка, продолжая ощипывать березку.

Взглянула на Фленушку Манеѳа; а у ней слезы по щекамъ бѣгутъ.

— Устинья!—крикнула игуменья.

Устинья вошла и стала передъ нею.

— Кликни Таифу, — молвила ей Манеѳа, а когда Устинья вышла, обратилась къ Фленушкѣ и сказала:

— Собирайся къ Софонтію.

Фленушка промолчала. Нескорой поступью подошла къ столу, взяла письма и спросила:

— Раздать?

— Раздай,—отвѣчала Манефа.

— Марьѣ съ Устиньей сбираться?

— Хорошо,—молвила Манеѳа, и съ нетерпѣньемъ махнула рукой.

Тихими шагами пошла Фленушка въ боковушу. Тамъ у окна сидѣла грустная, угрюмая Марьюшка. Съ тоски да со скуки щелкала она каленые орѣхи.

— Турись, турись, Марюха!.. На спѣхъ сряжайся!... Къ Софонтію!... — попрыгивая передъ ней кричала Фленушка.

— Взбѣсилась что ли?... Аль совсѣмъ съ ума своротила?—привередливо отвѣтила головщица и съ досадой отвернулась отъ подруги.

— Попадья взбѣсилась — не я, — захохотала Фленушка, и хоть голодна была для праздника, а пустилась въ плясъ передъ Марьюшкой, прищелкивая пальцами и припѣвая:

Какъ у нашего поп
Старовѣрскаго,
Взбѣсилася попадья,
Вовсе стюшилася!...

Старовѣрскій попъ
Былъ до дѣвокъ добръ —
Нѣту денегъ ни гроша,
За то ряса хороша.
Онъ и рясу скидаетъ
Краснымъ дѣвкамъ отдаетъ.

— Да отвяжешься ли ты?... Господи, какъ надоѣла!...—плаксиво вскликнула головщица, оттолкнувъ Фленушку, въ порывѣ причудъ вздумавшую ерошить ей голову...

— Не верещи!... Толкомъ говорю... Къ Софонтію ѣдемъ,—топнувъ ногой, крикнула Фленушка. — Вотъ письма къ матерямъ... Со мной посылаетъ.

Пересмотрѣла Марьюшка письма и увѣрилась, что въ самомъ дѣлѣ велѣно Фленушкѣ ѣхать къ Софонтію.

— Съ кѣмъ поѣдешь?—спросила она.

— Съ тобой да съ Устиньей, — отвѣтила Фленушка. — Аркадія поѣдетъ, Васиньку прихватимъ, онъ намъ пѣсенку дорогой споетъ.

— За Васинькой давеча я кое-что примѣтила, — молвила Марьюшка.

— Чего ты примѣтила?—спросила Фленушка.

— Съ Устиньей заигрываетъ,—сказала головщица.

— А тебѣ завидно?

— Ну его къ бѣсу, чернорылаго! — вскликнула Марьюшка. — Нужно мнѣ этакого!... Захочу, въ тысячу разъ лучше твоего Васьки найду.

— А ты, дѣвка, больно-то не зарывайся,—молвила Фленушка.—Чѣмъ тебѣ Василій Борисычъ не казистъ?... Со всѣмъ какъ есть молодчикъ — ростомъ не вышелъ, за то голосомъ взялъ.

— Лёгко ли дѣло!—перебила головщица. — Ножки какъ лутошки, ходитъ присѣдаетъ, ровно рѣдьку сажаетъ.

— Съ тобой говорить надо поѣвши, а у меня сегодня кромѣ чаю маковой росинки во рту не бывало,— сказала Фленушка.—Принеси-ка чего-нибудь, а я межь тѣмъ въ дорогу стану сбираться.

Неподалеку отъ деревни Деянова, въ сторонѣ отъ большой дороги, стоятъ два деревянныхъ креста, каждый сажени по полторы вышиной. Отъ этихъ крестовъ въ глубь лѣса идетъ узенькая тропинка. Коннаго ѣзду тутъ нѣтъ.

Пройдя безъ малаго версту по этой тропѣ, встрѣтится поляна, поросшая лѣсными тра́вами. Середи ея ветхій, полусгнившій го́лубецъ съ тесовой крышей на два ската. Скатъ обращенный къ сѣверу отъ старости почти сплошь поросъ сѣро-зеленымъ ягелемъ [1]). Подъ нижнимъ вѣнцомъ голубца̀ много ямъ, нарытыхъ руками богомольцевъ, бравшихъ песокъ ради цѣленія отъ недуговъ. Рядомъ съ го́лубцомъ возвышаются саженные старые деревянные кресты, а межь ними вросла въ землю невысокая часовенка, въ ней на по́лкѣ нѣсколько облинявшихъ образовъ. Въ сторонѣ не глубокій колодезь. Вода его тоже слыветъ въ народѣ цѣлебной. Больше нѣтъ ничего на полянѣ. Лишь крапива напоминаетъ, что когда-то тутъ было жилье.

Это гробница Софонтія.

Пусто теперь мѣсто, гдѣ, укрываясь подъ сѣнью дремучаго лѣса, когда-то стояла невеликая, но по всему Керженцу, по всему старообрядству славная обитель соловецкаго выходца Софонтія... Зимой всю поляну снѣгомъ заноситъ; изъ сугробовъ не видать ни гробницы, ни часовенки, только верхушки крестовъ немного замѣтны... Лѣтомъ ходятъ сюда на поклоненіе

[1]) Ягель — лишай, растеніе близкое ко мхамъ Lichen pulmonaris.

отцу Софонтію, но рѣдко... Большія сборища бываютъ только на Духовъ день... Разоренная Питиримомъ часовня Софонтьева скита ставлена была во имя этого праздника, и по скитскому обычаю ежегодно на этотъ праздникъ сбирались къ Софонтію прихожіе богомольцы, для нихъ поставлялись у него столы съ великими кормами и чинились великія учрежденія [1]). Въ память того праздника и тѣхъ кормовъ до сихъ поръ ежегодно на Духовъ день сбирается сюда окрестный и дальній народъ.

Запустѣло мѣсто, гдѣ жилъ отецъ Софонтій, куда сходились на сборы не только отцы съ Ке́рженца и со всего Чернораменья, но даже изъ дальнихъ мѣстъ, изъ самой зарубежной Вѣтки. Запустѣло мѣсто, откуда выходили рьяные проповѣдники «древляго благочестія», въ Прикамскіе лѣса, на Уральскіе бугры и въ дальнюю Сибирь... «Кержаками» донынѣ въ тѣхъ мѣстахъ старообрядцевъ зовутъ, въ память того, что зашли они туда съ Ке́рженца, изъ скитовъ Софонтьева согласія.

Запустѣло мѣсто, гдѣ Софонтій боролся съ сосѣдними Онуфріанами, чтившими за свято богоборныя письма Аввакума о Пресвятой Троицѣ. Запустѣло мѣсто, гдѣ Софонтій отстоялъ самостоятельность Ке́рженца, не покоряясь зарубежной Вѣткѣ... Процвѣла во дни Софонтія пустыня имъ насажденная и не дожилъ онъ до грознаго дня, когда по повелѣнію Питирима капитанъ Ржевскій послалъ изъ Нижняго разсыльщиковъ по бревнамъ разнести и часовни, и кельи обительскія...

Тогда-то совершилось «паденіе Ке́рженца».—Семьдесятъ семь скитовъ было разорено разсыльщиками. Голова Александра дьякона скатилась подъ топоромъ

1) Угощеніе.

палача въ Нижнемъ Новгородѣ, нѣсколько старцевъ сожжено на кострахъ возлѣ села Пафнутова. И сорокъ тысячъ старообрядцевъ, не считая женщинъ, бѣжало изъ Ке́рженскихъ лѣсовъ за литовскій рубежъ въ подданство короля Польскаго.

Все то было и былью порасло.

Еще утренняя заря не разгаралась, еще солнышко изъ-за края небосклона не выглядывало, какъ на большой дорогѣ у Софонтьевыхъ крестовъ одна за другою зачали становиться широкія уёмистыя скитскія повозки, запряженныя раскормленными до нельзя лошадьми и нагруженныя пудовыми пуховиками и толстыми матерями.

Это былъ первый лѣтній сборъ келейницъ на одномъ мѣстѣ... Чинны и степенны были ихъ встрѣчи. По заученному клали онѣ другъ передъ другомъ низкіе поклоны, медленно ликовались и невозмутимо спрашивали одна другую «о спасеніи». Разговоры велись не долгіе, всѣ спѣшили пѣшкомъ къ гробницѣ Софонтія.

Тамъ по всѣмъ по́лкамъ часовенки наѣхавшія матери разставили ярко горѣвшія золоченыя иконы, украшенныя жемчугами и самоцвѣтными камнями, понавѣшали подъ ними бархатныя, перчевыя и атласныя пе́лены, раставили подсвѣчники и зажгли въ нихъ не одну сотню свѣчъ. Гробницу также покрыли пелена́ми. Клу́бы дыма отъ роснаго ладона наполняли часовню и голубыми струями вились изъ нея по свѣжему утреннему воздуху... Началась служба... Громкое пѣніе нѣсколькихъ десятковъ съѣхавшихся изо всѣхъ обителей пѣвицъ оглашало пустынное мѣсто... Уже совсѣмъ обутрѣло, и отправляемая на гробницѣ служба подходила къ концу, когда толпы народа въ праздничныхъ нарядахъ стали мало-по-малу сходиться на по-

ляну. Ситцевыя и кумачныя рубахи деревенскихъ парней и разноцвѣтные сарафаны молодицъ и дѣвушекъ смѣшались съ черными рясами келейницъ.. Пестрая толпа вскорѣ сдѣлалась еще разнообразнѣй. Пришли горожане. Всѣ приходившіе молились у гробницы, брали песочку, иные отламывали кусочки гнилушекъ отъ го́лубца, а потомъ шли умываться къ цѣлительному кладезю, по преданью, ископанному руками самого Софонтія.

Скитскія матери только-что кончили службу, загасили въ часовенкѣ свѣчи, сняли образа и пелены и все отнесли къ повозкамъ... Когда пришла на поляну праздничная толпа, и часовня и гробница имѣли уже обычный свой видъ. На полянѣ скоро стало тѣсно. Народъ разбрелся по̀ лѣсу.

Сжавшись въ кучку, матери держались въ сторонкѣ. Разсѣвшись въ тѣни межъ деревьевъ, поминали онѣ преподобнаго отца Софонтія привезенными изъ обителей яствами и приглашали знакомыхъ раздѣлить съ ними тра́пезу. Отказовъ не было, и вскорѣ больше полутораста человѣкъ, раздѣлясь на отдѣльныя кучки, въ строгомъ молчаньи ѣли и пили во славу Божію и на поминъ души отца Софонтія... Деревенскіе парни и горожане обступали келейницъ и, взглядывая на молодыхъ старочекъ и на пригоженькихъ бѣлицъ, отпускали имъ разныя шуточки.

А вотъ въ сторонѣ отъ гробницы, городской торгашъ раскинулъ крытый парусиннымъ шатромъ подвижно́й столъ съ орѣхами, пряниками, рожками и другими «гостинцами»... Съ другой стороны Софонтьевой поляны появился такой же столъ и такой же парусиный шатеръ съ вареной печенкой, со студенью и другими закусками, съ росписными жбанами ядрёнаго квасу и съ мягкими, съ обоихъ концовъ востроносыми сайками, печенными на соломѣ... Рядомъ юр-

кій цѣловальникъ изъ елатомцевъ, въ красной александрійской рубахѣ и плисовыхъ штанахъ, поскрипывая новыми сапогами, разставлялъ на своемъ прилавкѣ полштофы и косушки, бутылки съ пивомъ и медомъ... Веселый говоръ смѣнилъ только что стихшіе заупокойные стихеры. Гдѣ-то въ лѣсу послышалась гармоника, забренчала балалайка. Кто-то залился громкой залихватской пѣснью, къ нему пристали десятки мужскихъ и женскихъ голосовъ. Раздался выстрѣлъ изъ мушкатона, другой, третій... Матери по-добру по-здорову долой съ Софонтьевой поляны, гдѣ народное гульбище стало разыгрываться на распашку.

Вплоть до поздняго вечера продолжался широкій разгулъ поклонниковъ Софонтія. Хороводовъ не было, за то пѣсни не умолкали, а выстрѣлы изъ ружей и мушкатоновъ становились чаще и чаще... По́ лѣсу забродили парочки... То въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ слышались и шелестъ раздвигаемыхъ вѣтвей, и хрустъ валежника, и дѣвичьи вскрикиванія, и звонкій веселый хохотъ... Такъ кончились Софонтьевы помины.

Выйдя и́зъ-лѣсу на большую дорогу, разложили келейницы свой скарбъ по повозкамъ, и одна за другою пошли пѣшкомъ въ Деяново. Тутъ недалеко, всего версты полторы. У каждой матери были въ той деревнѣ свои знакомыя, съ ранняго утра ожидавшія Софонтьевыхъ поклонницъ. Въ каждомъ домѣ хозяйки, рукъ не покладаючи, варили рыбныя похлебки, пекли пироги и аладьи, стряпали яичницы, пшённики да лапшённики, пшённицы да лапшённицы, кисели черничные, кисели малиновые, кисели брусничные и другія яствы праздничнаго крестьянскаго обѣда... За эти тра́пезы келейницы щедро расплачивались разными припасами, а иногда и деньгами.

Вотъ однѣ за другими идутъ матери, окруженныя бѣлицами... Идутъ, а сами то-и-дѣло по сторонамъ оглядываются, не ульнула ли которая бѣлица въ лѣсную опушку грибы сбирать, не подвернулся ли къ которой деревенскій парень, не завелъ ли съ ней грѣховодныхъ разговоровъ. Еще на Софонтьевой полянѣ, только что покончили службу, старицы покрыли свое «иночество» [1]) широкими черными платками... Но несмотря на такое «скрытіе иночества» подъ шерстянымъ платкомъ, всякій узнавалъ скитницу по ея поступи и по всему наружному виду.

Вотъ впереди другихъ идетъ сухопарая невысокаго роста старушка съ умнымъ лицомъ и добродушнымъ взоромъ живыхъ голубыхъ глазъ. Опираясь на посохъ, идетъ она не скоро, но споро, твердой, легкой поступью и оставляетъ за собой ряды дородныхъ скитницъ. Бодрую старицу сопровождаютъ четыре инокини такія жь, какъ и она, постныя, такія жь степенныя. Молодыхъ съ ними не было, да очень молодыхъ въ ихъ скиту и не держали... То была шарпанская игуменья мать Августа съ сестрами. Обогнавъ ряды келейницъ, подошла къ ней Фленушка.

— Тамъ на многолюдствѣ, въ большомъ собраньи не посмѣла я доложить вамъ, матушка Августа, про одно дѣльцо, — сказала она.—Матушка Манеѳа нарочито послала меня сюда поговорить съ вами.

— Говори, что̀ наказано,—молвила Августа, строго, но съ кроткой на устахъ улыбкой.

— Пройдемтесь сторонкой,—сказала Фленушка.

— Аль по тайности что̀? — равнодушно спросила мать Августа.

— По тайности,—отвѣтила Фленушка.

1) Такъ называется весь головной уборъ старообрядскихъ инокинь: камилавка, наметка и апостольникъ.

И обѣ перешли на другую сторону широкой столбовой дороги.

— Эку жару Господь посылаетъ,—молвила Августа, переходя дорогу. — До полдёнъ еще далекò, а гляди-ка на солнышкѣ-то какъ припекаетъ... По старымъ примѣтамъ, яровымъ бы надо хорошо уродиться... Дай-ка, Господи, благое совершеніе!.. Ну что же, красавица, какія у тебя до меня тайности?—спросила она Фленушку, когда остались онѣ одаль отъ другихъ келейницъ.

— Письмецо матушка Манеѳа до васъ прислала и на рѣчахъ кой-о-чемъ приказала,—молвила Фленушка, отдавая письмо.

— Не матушкина рука,—взглянувъ на письмо, сказала Августа и спрятала его подъ апостольникъ.

— Не совсѣмъ еще оправилась она послѣ болѣзни-то,—отвѣтила Фленушка.—Самой писать еще не въ моготу... Я съ ея словъ написала.

— Ты писала?—кротко спросила мать Августа, вскинувъ глазами на Фленушку.

— Съ матушкиныхъ словъ,—отвѣтила Фленушка.—На концѣ и ея руки приписка есть. Поглядите.

— Погляжу,—молвила Августа.—Какія жь тайности ты мнѣ скажешь.

— Да на счетъ того, что́ тутъ писано... Матушка велѣла вамъ на словахъ объяснить...

— Что̀ жь такое?—спросила Августа.

— Зоветъ къ себѣ на Петровъ день, — сказала Фленушка.—Собранье будетъ у насъ въ обители. Изо всѣхъ скитовъ съѣдутся матери.

— По какому это дѣлу?

— Изъ Москвы насчетъ епископа прислали посланника...

— Не пріемлемъ, — отрѣзала Августа. — Изъ-за этого не сто́итъ стары кости трясти... Не буду.

— Софронію отвержену бытъ,—продолжала Фленушка.

— Не наше дѣло,—сказала Августа.

— Новаго архіепископа думаютъ поставить—владимірскаго,—продолжала таки свое Фленушка.

— Не пріемлемъ,—еще разъ отрѣзала Августа и хотѣла идти черезъ дорогу къ своимъ старицамъ.

— Да еще про скитъ вашъ писано, матушка, и мнѣ больше про это поговорить наказано, — молвила Фленушка.

— Что̀ жь такое?—безстрастно спросила Августа.

— Изъ Питера письма получены, — сказала Фленушка.—Казанскую у васъ хотятъ отобрать... Насчетъ вашего скита велѣно разузнать: не послѣ ли пожара онъ ставленъ...

— Слышала, — равнодушно отозвалась мать Августа.

— На этотъ счетъ и велѣно мнѣ съ вами переговорить,—молвила Фленушка. — Дѣло общее, всѣмъ бы надо вмѣстѣ обсудить его, какъ и что̀ дѣлать.

— Судить-то нечего,—молвила Августа.

— Какъ бѣду отвести, гдѣ искать помощи, заступниковъ...—говорила Фленушка.

— Есть у насъ и помощь и засту̀па,—сказала мать Августа.—Другихъ искать не станемъ.

— Гдѣ же ваша засту̀па?—спросила Фленушка.

— У Царицы Небесной, — твердо отвѣтила Августа.—Покамѣстъ Она Матушка убогаго дома нашего не оставила, какую еще намъ искать заступницу?.. Не на помощь человѣческую, на Нее надежду возлагаемъ... Скажи, красавица, матушкѣ Манеѳѣ: не погнѣвалась бы, не посердитовала на насъ убогихъ, а не поѣду я къ ней на собраніе.

— Посовѣтовались бы, матушка, — молвила Фленушка.

— Нечего мнѣ совѣтоваться, не объ чемъ,—перервала ее Августа.—Одна у меня совѣтница, одна и защитница—Царица Небесная, Казанска Богородица... Отринуть Ее, да пойти на совѣтъ человѣческій—какъ же я возмогу?... Она Матушка — стѣна наша необоримая, Она крѣпкая наша заступница и во всѣхъ бѣдахъ скорая помощница.—Нѣтъ, красавица, не поѣду я на ваше собраніе.

— А какъ отнимутъ у васъ икону-то? Тогда что̀ заговорите?—рѣзко сказала Фленушка, сбрасывая напущенную на себя скромность.

— Не попуститъ Владычица,—молвила Августа и, низко поклонясь Фленушкѣ, пошла къ своимъ старицамъ

— Матушка,—сказала, догоняя ее, Фленушка.— Попомните, что на Петровъ день у насъ праздникъ въ часовнѣ.—Въ прежни годы бывало вы къ намъ на Петровъ день, мы къ вамъ на Казанскую.

— Благодаримъ покорно,—съ поклономъ отвѣтила мать Августа.—Коли жива да здорова буду, не преминy побывать, а ужь насчетъ собранія не погнѣвалась бы матушка Манеѳа. Наше дѣло сторона.

И пошла къ своимъ.

Фленушка подошла къ Оленевскимъ. Высокая, смуглая старица со строгимъ и умнымъ выраженьемъ въ лицѣ шла рядомъ съ малорослою, толстою инокиней, на каждомъ шагу задыхавшейся отъ жары и непривычной прогулки пѣшкомъ. То были Оленевскія игуменьи: Маргарита и Фелицата, во всемъ съ Манеѳой единомысленныя. Фленушка передала имъ письма еще на Софонтьевой полянѣ и тамъ обо всемъ нужномъ переговорила.

— Ну, что̀ сказала мать Августа?—спросила Маргарита у Фленушки, когда та подошла къ ней.

— На праздникѣ быть обѣщалась, а на собранье не хочетъ идти,—отвѣтила Фленушка.

— Ея дѣло, какъ знаетъ, — съ досадой молвила Фелицата.—Объ епископѣ конечно совѣтоваться ей нечего.

— Не пріемлетъ, такъ и разговору нѣтъ. — А на̀ счетъ скита ихняго что̀ сказала?—спросила Маргарита у Фленушки.

— Надѣюсь, говоритъ, на Владычицу. — Она у меня, говоритъ, и совѣтница и заступница, другихъ не желаю,—отвѣтила Фленушка.

— Экая гордыня-то, экая гордыня!..—вскрикнула Фелицата.—Чѣмъ бы сообща дѣло обсудить, да потомъ Владычицу въ Москву свезти, аль въ другое надежное мѣсто припрятать, она—поди-ка что̀—умнѣе всѣхъ хочетъ быть.

— Ну, Господь съ ней, какъ знаетъ, такъ пущай и распоряжается.—Не наше дѣло, Фелицатушка,—успокоивала Маргарита пріятельницу.

— Какъ не наше дѣло?—горячилась Фелицата.—Какъ не наше дѣло? Сама знаешь, что̀ будетъ, коли отберутъ изъ Ша̀рпана Владычицу.—Тутъ всѣхъ скитовъ дѣло касается, не одного Ша̀рпана... Нѣтъ—этого нельзя!.. На собраньи надо эту гордячку подъ власть подтянуть, чтобы общаго совѣта слушалась.—Такъ нельзя!..

— А чѣмъ ты ее подъ власть-то подтянешь?—спросила Маргарита.—Не захочетъ слушать—чѣмъ приневолишь?

— Какъ по общему согласью рѣшимъ, такъ должна будетъ послушать,—сказала Фелицата.

— А плевать ей на общее-то наше согласіе,—съ усмѣшкой молвила Маргарита.—Кому пойдешь на нее жалобиться?

— Въ Москву напишемъ,—сказала Фелицата.

— А что̀ ей Москва-то?—продолжала Маргарита.—Ша̀рпански и безъ того ее знать не хотятъ. Не намъ

съ тобой онѣ чета, Фелицатушка: за сборами не ѣздятъ, канонницъ по домамъ не разсылаютъ, никому не угождаютъ, а всѣхъ богаче живутъ.

Въ это время скитницы подошли къ деревнѣ и стали расходиться по знакомымъ. Тутъ Фленушка успѣла раздать всѣ привезенныя письма.

Оленевскія съ Манеѳиными въ одномъ дому пристали. Обѣдъ, предложенный радушнымъ хозяиномъ, продолжался долго. Конца не было пшённикамъ да лапшённикамъ, пшённицамъ да лапшённицамъ.

Совсѣмъ смерклось, когда старицы велѣли работникамъ лошадей запрягать. Оленевскія игуменьи уѣхали, а мать Аркадія долго еще оставалась у гостепріимнаго сродника... Искали Василья Борисыча... Кто его знаетъ—куда запропастился... Устинью тоже не вдругъ сыскать могли. Сказывала, къ улангерскимъ матерямъ повидаться ходила.

Всю дорогу ворчала на нее мать Аркадія. Устинья хохотала, а Василій Борисычъ то-и-дѣло восклицалъ:

— Охъ, искушеніе!..

ГЛАВА ВТОРАЯ.

И весна, и лѣто выдались въ томъ году хорошія. Каждый день съ утра до̀ вечера яркое солнце горячо нагрѣвало землю, но за́сухи не было... А не было за́сухи оттого, что ночи по три на недѣлѣ передъ утренней зарей небо тучками обкладывалось, и частымъ, крупнымъ, обильнымъ дождемъ кропило засѣянныя поля. Такая была благодать, что старые люди, помнившіе Пугача и чуму московскую, не знавали такого добраго года. Двумя недѣлями раньше обыкновеннаго шли полевыя работы: яровой сѣвъ кончили до Егорья, льны посѣяли и огурцы посадили дня черезъ два послѣ Ни-

колы. Про холодные сиверы, про медвяныя росы и градобои слухо́въ даже не было.

Не нарадуются православные, любуясь на пышные всходы сочной озими, на яркую зелень поднимавшейся яри. О томъ только и молятъ, о томъ только и просятъ Господа—даровалъ бы Онъ хлѣбу совершеніе, засухой бы не пожегъ, дождями бы не залилъ, градомъ бы не побилъ надежду крестьянскую.

Каждому радостно, каждому весело на зеленыя поля глядѣть, но всѣхъ радостнѣй, всѣхъ отраднѣе любоваться на нихъ крестьянину деревни Поромовой Трифону Михайлычу Лохматому. Тридцати недѣль не прошло съ той поры, какъ злые люди его обездолили, четырехъ мѣсяцевъ не минуло, какъ разоренный пожаромъ и покражами, скрѣпя сердце, благословлялъ онъ сыновей идти изъ теплаго гнѣзда родительскаго на трудовой хлѣбъ подъ чужими кровлями... И вотъ, благодаря Создателя, во всемъ хозяйствѣ успѣлъ онъ справиться. И новую токарню сладилъ, лучше прежней, и лошадокъ купилъ, и хорошей одёжой обзавелся, и покраденное дочернее приданое сталъ помаленьку замѣнять новокупленнымъ.

«Ужь спасибо жь тебѣ, Алексѣюшка!» думаетъ самъ про себя Трифонъ Лохматый, любуясь всходами на надѣльной полосѣ своей. «Разумомъ и досужествомъ сумѣлъ ты полюбиться богатому тысячнику, и по скорости поставилъ на̀ ноги хозяйство наше разоренное... Благослови тебя Господи благостнымъ благословеніемъ!.. Дай тебѣ Господи отъ сыновъ своихъ вдвое видѣть утѣшенія супротивъ того, сколь ты утѣшилъ меня на старости лѣтъ!»

Только и думы у Трифона, только и рѣчей съ женой, что про большаго сына Алексѣюшку. Ѳеклѣ Абрамовнѣ ину пору за обиду даже становилось, отчего не часто поминаетъ отецъ про ея любимчика Саввушку,

что̀ пошелъ ложкарить въ Хвостиково. «Чего еще взять-то съ него»? съ горькимъ вздохомъ говоритъ сама съ собой Ѳекла Абрамовна, «паренекъ не совсѣмъ на возрастѣ, а къ Святой недѣлѣ тоже десять цѣлковыхъ въ домъ принесъ».

Раскидываетъ Трифонъ Лохматый умомъ-разумомъ: «отчего это Алексѣй до такой мѣры сталъ угоденъ спѣсивому, своеобычному Чапурину?» До сей поры у Трифона никакихъ дѣлъ съ Патапомъ Максимычемъ не бывало, и видалъ-то его разъ-другой мелькомъ только издали, но отъ людей зналъ по наслуху, что хоть онъ и справедливъ, до рабочихъ людей хоть и милостивъ, однакожъ никого изъ нихъ до близости съ собой не допущаетъ... «Да какъ и допускать?» продолжаетъ Трифонъ Михайловичъ, — «водится онъ съ купцами первостатейными, съ людьми чиновными, къ самому губернатору вхожъ—въ вёрсту ль ему мелкую сошку къ себѣ приближать? Пущай у сына руки золотыя, пущай всѣмъ знаемо, что другого такого токаря за Волгой нѣтъ и не бывало,—да вѣдь по̀томъ и руками у бѣлорукаго богача въ честь не войдешь. Изъ себя пригляденъ—такъ не дѣвка Патапъ-отъ Максимычъ, не стать ему зариться на красоту молодецкую».

Другое еще темяшется въ головѣ Трифона Лохматаго. Четыре мѣсяца пожилъ Алексѣй въ Осиповкѣ, а совсѣмъ сталъ другой—узнать нельзя. Бывало въ праздничный день на деревнѣ только и слышно его, пѣсню ли спѣть, въ хороводы ли съ дѣвками, въ городки ли съ ребятами, Алексѣй вездѣ ихъ первыхъ... А теперь, придя о Пасхѣ къ отцу на побывку, ровно иночество на себя наложилъ: отъ игры, отъ веселья сторонится, хмурый ходитъ да думчивый. Попытать бы сына, разспросить, отчего стало ему не весело,—да не отцовское то дѣло, не родителю сыну поминать про качели да хороводы и про всякую мірскую суету. Какъ-то

къ слову пришлось — женѣ Трифонъ наказалъ, будто мимоходомъ, шутки ради, съ сыномъ рѣчь повести, зачѣмъ де отъ потѣхъ сторонится, отчего съ дѣвками на прежнюю стать не заигрываетъ. И Ѳекла не добилась толку отъ Алексѣя. Сестры отъ себя принимались у него кой-что вывѣдывать, про Чапуринскихъ дѣвицъ пытались рѣчь заводить — только цыкнулъ на нихъ Алексѣй. Саввушка, по материну наказу, тоже рѣчь начиналъ—ни слова ему братъ не отвѣтилъ.

Чужимъ глядѣлъ Алексѣй въ дому родительскомъ. Какъ малое дитя радовалась Ѳекла Абрамовна, что и куличъ-то ея стряпни удался къ Свѣтлому празднику, и пасха-то вышла сладкая да разсыпчатая, и яица-то на славу окрасились. Всѣ домашніе раздѣляли радость хозяйкину; одинъ Алексѣй не взглянулъ на стряпню матери и, сидя за обѣдомъ, не похвалилъ ни жирныхъ щей со свѣжиной, ни студени съ хрѣномъ, ни жаренаго поросенка съ бѣлымъ, какъ молоко, мясомъ и съ поджаристой кожицей. Горько показалось это старушкѣ, слезы у ней на глазахъ даже выступили... Для великаго-то дня, для праздника-то, которому по божественной пѣсни всяка тварь радуется!.. Но сдержала слезы Абрамовна, пересилила горе обидное, не нарушила радости праздника. «Что жь!»—тихонько поворчала сама съ собой,—«привыкъ къ сладкой ѣдѣ купеческой, навадился сидѣть за столами богатыми — не вкусна ему кажется хлѣбъ-соль родительская.» Но вечеромъ въ задней горницѣ, гдѣ ставлена была у Лохматаго небольшая моленная, справивъ уставные поклоны и прочитавъ положенныя молитвы, долго и тоскливо смотрѣла огорченная мать на ликъ Пречистой Богородицы. Раздумывая о сынѣ, не слыхала она, не чуяла, какъ слезы ручьемъ потекли по впалымъ щекамъ ея.

«Отрѣзанный ломоть!» вспало на умъ Абрамовнѣ.

И постоявъ малое время передъ иконами, стала она класть поклонъ за поклономъ о здравіи и спасеніи раба Божія Алексѣя.

И самъ Алексѣй сознавалъ, что онъ отрѣзанный ломоть отъ родной семьи. Еще съ той поры, какъ только сталъ входить въ возрастъ, любилъ онъ тѣшить себя игрой мыслей, по цѣлымъ бывало часамъ задумывался надъ вещами несбыточными, надъ дѣлами несодѣянными. Бывало, стоя за токарнымъ станкомъ, либо крася олифой горянщину, представляетъ онъ себя то сильнымъ могучимъ богатыремъ, то царемъ небывалаго царства, а чаще всего богачомъ: у него полны сусѣки серебра да золота, у него бочки жемчуговъ и камней многоцѣнныхъ въ кладовой стоятъ. Расходятся бывало мысли, разгуляются, какъ вода вешняя, не зная удержу, и не одинъ часъ проработаетъ Алексѣй, не помня себя, времени не замѣчая, чужихъ рѣчей не слыша... Но неясны и несвязны были тогда его думы о богатомъ житьѣ-бытьѣ. Не бывалъ онъ еще нигдѣ кромѣ своего Поромова да окольныхъ деревушекъ, не видалъ, какъ люди въ довольствѣ да въ богатствѣ живутъ, какъ достатками великими красятъ жизнь свою привольную... Попалъ въ домъ тысячника, увидѣлъ, какъ люди въ чести да въ холѣ живутъ, узналъ, какъ богачи деньгами ворочаютъ... Тогда смутныя думы стали яснѣй и понятнѣе..

И сотворилъ Алексѣй въ душѣ своей кумира... И поклонился онъ тельцу златому... Только теперь у него и думы, только и гаданья, какимъ бы ни на есть способомъ разбогатѣть поскорѣе, и всю жизнь до гробовой доски проводить въ весельи, въ изобиліи и въ людскомъ почетѣ.

И тѣсна, и грязна показалась ему изба родительская, мелка денноночная забота отца съ матерью о скромномъ хозяйствѣ, глупы рѣчи неотесанныхъ дере-

венскихъ товарищей, неприглядны лица красныхъ дѣвушекъ... Отрѣзанный ломоть!..

Когда Патапъ Максимычъ объявилъ Алексѣю, что не станетъ дольше держать его, крѣпко парень призадумался. Все случилось такъ быстро, такъ для него неожиданно. Рѣшенье огорченнаго Чапурина застало Алексѣя врасплохъ... Куда дѣваться?.. Домой идти—силы нѣтъ... Не ужиться ему подъ одной кровлей со стариками,—воли, простору, богатой жизни ищетъ душа молодецкая... Трудомъ богатство нажить?.. А сколько годовъ на это надобно?.. Марья Гавриловна?.. Но Алексѣю хоть и думалось, а какъ-то все еще не вѣрилось, чтобъ она за крестьянскаго сына пошла.

Недѣли полторы послѣ Настиныхъ похоронъ пріѣхалъ къ Патапу Максимычу изъ Городца удѣльный крестьянинъ Григорій Филипповъ. Запершись въ задней горницѣ добрый часъ, толковалъ съ нимъ горемычный тысячникъ. Кончивъ разговоры, повелъ онъ пріѣзжаго по токарнямъ, по красильнямъ, по всему своему заведенію.

Затѣмъ наказалъ Пантелею, скликнулъ бы онъ рабочихъ.

— Алексѣя Трифонова доводится мнѣ въ Красну Рамень послать,—объявилъ Патапъ Максимычъ стоявшей безъ шапокъ толпѣ работниковъ. — Оттоль ему надо еще кой-куда съѣздить. Потому съ нонѣшняго дня за работами будетъ смотрѣть Григорій Филиппычъ... Слушаться его!... Почитать во всемъ... У него на рукахъ и расчеты зáработковъ.

— Слушаемъ, батюшка Патапъ Максимычъ!—въ голосъ отозвались токари и красильщики, искоса поглядывая на новаго приказчика.

Понуривъ голову, неспѣшными шагами пошелъ Патапъ Максимычъ домой. Мимоходомъ велѣлъ Пантелею Алексѣя къ нему позвать, да пару саврасыхъ вятокъ въ телѣжку на желѣзныхъ осяхъ заложить. А сидѣнье въ телѣжкѣ наказалъ покрыть персидскимъ ковромъ, на которомъ самъ выѣзжалъ въ дальню дорогу.

Вошелъ Алексѣй въ хозяйскую боковушу, положилъ Богу уставныe поклоны, низко поклонился стоявшему у окна хозяину.

— Новый приказчикъ поряжонъ,—сухо, не глядя на Алексѣя, сказалъ Патапъ Максимычъ.

Молчалъ Алексѣй, склонивъ голову.

— Пора тебѣ. Ступай съ Богомъ,—молвилъ угрюмо Чапуринъ.

— Слушаю,—едва слышно отвѣтилъ Алексѣй.

— Для видимости... спервоначалу ѣхать тебѣ въ Красну Рамень—на мельницы,—сказалъ Патапъ Максимычъ, глядя въ окошко.—Оттоль въ городъ.—Дѣла тамъ нѣтъ тебѣ никакого... Для видимости, значитъ, только тамъ побывай... Для одного отводу... А изъ городу путь тебѣ чистый на всѣ четыре стороны... Всѣмъ, кого встрѣтишь, одно говори—нашелъ дескать мѣсто не въ примѣръ лучше Чапуринскаго... Такъ всѣмъ и сказывай... Слышишь?

— Патапъ Максимычъ...—началъ было Алексѣй.

— А ты молчи да слушай, чтò люди старѣй тебя говорятъ—перебилъ Патапъ Максимычъ.—Перво-нáперво обѣщанье держи, единымъ словомъ не смѣй никому заикнуться... Слышишь?

— Слушаю, Патапъ Максимычъ,—полушепотомъ сказалъ Алексѣй.

— Смалчивать будешь—не вспòкаешься... По гробъ жизни тебя не оставлю,—продолжалъ Патапъ Максимычъ.—Не то что дѣвичьей глупостью гдѣ похвалиться,

болтнешь чуть что ненарокомъ—не уйдешь отъ меня. Помни это, заруби себѣ на носу...

— Буду помнить, Патапъ Максимычъ,—отозвался Алексѣй глухимъ, едва слышнымъ голосомъ.

— То-то. Не мели того, что̀ осталось на памяти,— молвилъ Патапъ Максимычъ. — А родителю скажи: деньгами онъ мнѣ ни копѣйки не долженъ... Что̀ ни забрано, все тобой заслужено... Богъ дастъ, выпадетъ случай—самъ повидаюсь, то же скажу... На праздникѣ-то гостивши, не сказалъ ли чего отцу съ матерью?

— Никому ничего я не говаривалъ,—упалымъ голосомъ отвѣчалъ Алексѣй.

— И не говори!... Оборони тебя Господи, если кому проговориться смѣешь,—строго сказалъ Патапъ Максимычъ, оборотясь лицомъ къ Алексѣю.—Это тебѣ на разживу,—прибавилъ онъ, подавая пачку ассигнацій, завернутую въ розовую чайную бумагу. — Не зломъ провожаю... Господь велѣлъ добромъ за зло платить... Получай!

— Патапъ Максимычъ!—всклнкнулъ было Алексѣй, не принимая подарка.

— Чего еще?—грозно закричалъ на него Чапуринъ, сверкнувъ глазами.

— Тяжелы ваши милости!—едва переводя духъ, проговорилъ Алексѣй.

— Молчать!—громче прежняго крикнулъ Патапъ Максимычъ.—Смѣетъ еще разговаривать.... Бери!

Не протянулъ руки Алексѣй.

— Да бери же, босоплясъ ты этакой!... Бери коли даютъ,—топнувъ ногой, крикнулъ на него Патапъ Максимычъ.—Ломаться что ли передо мной вздумалъ?... Чваниться?... Такъ я тѣ задамъ!... Бери не́путь [1]) этакой!

[1]) Непутный человѣкъ, иногда бѣсъ.

Дрожмя дрожали руки у Алексѣя, когда принималъ онъ подарокъ отъ Патапа Максимыча. Хоть корыстенъ былъ, а эти деньги ровно калено желѣзо ожгли его.

Ни слова не говоря, до земли поклонился онъ Патапу Максимычу.

— Для че валяешься?—строго молвилъ ему Патапъ Максимычъ, оборачиваясь къ окну.—Только Богу да родителямъ въ ноги слѣдуетъ кланяться—больше никому.

Всталъ Алексѣй и замолчалъ, потупя очи.

— Нужда придетъ—письмо пиши: помогу,—говорилъ Патапъ Максимычъ, глядя въ окно.—А самъ глазъ не смѣй показывать... Есть ли мѣсто на примѣтѣ?

— Никакого нѣтъ,—отвѣтилъ Алексѣй.

— Въ Комаровѣ побывай. Марья Гавриловна Масляникова, что̀ живетъ у сестры въ обители, вздумала торги заводить, пароходъ покупаетъ. Толкнись къ ней—баба добрая... Безъ приказчика ей нельзя... Скажи: отъ Патапа молъ Максимыча присланъ.

Вздрогнулъ Алексѣй отъ рѣчей Чапурина. И слышится, да не вѣрится.

«Какъ же это такъ?—думаетъ онъ.—Отчего же она сама не сказала мнѣ?»

— Ну, съ Богомъ...—послѣ долгаго молчанья сказалъ Патапъ Максимычъ, продолжая глядѣть въ окно.—Отправляйся.

— Патапъ Максимычъ!...—упалымъ голосомъ началъ было Алексѣй.

— Нечего тутъ!... Коли сказано «съ Богомъ», такъ берись за скобку да шасть за косякъ... — угрюмо сказалъ Патапъ Максимычъ, не отворачиваясь отъ окна.—Пару саврасыхъ съ телѣжкой дарю.—На нихъ поѣзжай...

— Прости ты меня, ради Господа... — зарыдалъ Алексѣй, падая къ ногамъ Патапа Максимыча.

— Въ шею что ли толкать?—закричалъ тотъ...— Убирайся, покуда цѣлъ!

Грустно поднялся Алексѣй, и неспѣшными шагами вышелъ изъ горницы. И тутъ не обернулся Патапъ Максимычъ.

Но долго по уходѣ Алексѣя глядѣлъ онъ въ окно Очей не сводя, мрачно смотрѣлъ, какъ тотъ сряжался въ дорогу, какъ прощался съ Пантелеемъ и съ работниками, какъ, помолившись Богу на три стороны, низко поклонился покидаемому дому, а выѣхавъ за околицу, сдержалъ саврасокъ, вылѣзъ изъ телѣжки, еще разъ помолился, еще разъ поклонился деревнѣ... Вотъ тихо рысцой запылилъ онъ по излучистой дорожкѣ, что̀ пролегала межь ярко-зеленыхъ полосъ озими. Вотъ и скрылся въ темномъ перелѣскѣ... Улеглась и пыль, взбитая звонкими копытами дареныхъ лошадокъ, а Патапъ Максимычъ все стоитъ у окна, все глядитъ на перелѣсокъ.

Пусто и безлюдно показалось ему въ домѣ, когда воротился онъ съ погоста, похоронивъ Настю... еще пустѣй, еще безлюднѣй показалось ему теперь, по отъѣздѣ Алексѣя... Широкими шагами ходитъ Патапъ Максимычъ взадъ и впередъ по горницѣ. Громко стучатъ каблуки его по крашеному полу, дрожитъ и звенитъ въ шкапахъ серебряная и фарфоровая посуда... Тяжкія думы объяли Чапурина... Не выходитъ изъ мыслей дочь-покойница, не сходитъ и обидчикъ съ ума... Радъ бы радешенекъ изъ мыслей вонъ его, да крѣпко засѣлъ въ головѣ—ничѣмъ оттуда его не выбьешь, ни выживешь... Все гребтится Патапу Максимычу: куда-то онъ дѣнется, каково-то будетъ ему въ чужихъ людяхъ жить.

«Эхъ грому на тя нѣтъ!... бранится самъ про себя

Патапъ Максимычъ. — Малаго времени пождать не могъ!... Что̀ теперь надѣлалъ, пустая голова?... И себѣ навредилъ, и ее погубилъ, и меня обездолилъ... Ежа бы тѣ за пазуху!»

Опустилось солнышко за черную полосу темнаго лѣса; воротились мужики домой съ полевой работы, торопились они засвѣтло отужинать—послѣ Николина дня грѣшно въ йзбахъ огонь вздувать. Трифонъ Лохматый, сидя на лавкѣ возлѣ двери, разболокался, [1]) Ѳекла съ дочерьми ставила на столъ ужину... Вдругъ къ воротамъ подкатила пара саврасокъ.

Выглянула Ѳекла въ окно, всплеснула руками. Бросивъ столѣшникъ, что̀ держала въ рукахъ, накрывая столъ для ужины, кинулась вонъ изъ избы съ радостнымъ крикомъ:

— Алексѣюшка!

— Кони-то знатные какіе, надо быть хозяйскіе,— нараспѣвъ проговорила Параня, высунувшись до половины изъ середняго подъемнаго окна.

— Опять по дѣламъ видно посланъ,—проворчалъ разувавшійся Трифонъ.

Скрипнули ворота. Алексѣй въѣхалъ на дворъ и, не заходя въ избу, хотѣлъ распрягать своихъ вятокъ, но мать была уже возлѣ него. Горячо обнимаетъ его, а сама заливается, плачетъ. Вся семья высыпала на крыльцо встрѣчать дорогого нежданнаго гостя.

— Куда Богъ несетъ?—спросилъ Трифонъ у сына, когда тотъ перездоровался со всѣми.

— Да по разнымъ мѣстамъ, батюшка,—отвѣчалъ Алексѣй.—Теперь покуда въ Красну Рамень на мельницы... оттоль и самъ не знаю куда.

[1]) Раздѣвался.

— Какъ такъ?—удивился Трифонъ.—Ѣдешь въ путь, а куда тотъ путь, самъ не вѣдаешь.

— На мельницахъ отъ хозяина приказъ получу... А тамъ можетъ и на все лѣто уѣду... На Низъ, можетъ, сплыву,—отвѣчалъ Алексѣй, привязывая саврасокъ óбротями къ заду телѣжки.

Ѳекла всхлипнула.

— Приводится тебѣ, дитятко, спознавать чужу дальню сторону,—нá голосъ причитанья завела было она, но Трифонъ ýнялъ жену.

— Заверещала, ничего нé видя!—крикнулъ онъ.— Не въ саванъ кутаютъ, не въ гробъ кладутъ... Дѣло хорошее—дальня сторона уму-разуму учитъ... Опять же Алёхѣ отъ хозяйскихъ посыловъ отрекаться не стать... На край свѣта пошлютъ, и туда поѣзжай.

— Чужбина-то вѣдь больно не потачлива,—горько молвила утирая слезы Абрамовна.

Не отвѣтилъ Трифонъ старухѣ.

— Есть ли овесъ-отъ въ запасѣ?—обратился онъ къ сыну,—не то возьми изъ клѣти, задай лошадкамъ, да пойдемъ ужинать.—Знатные коники!—примолвилъ старикъ, поглаживая саврасокъ.—Небось дорого плачены.

Не сказалъ Алексѣй, что дорогія лошадки подарены ему Патапомъ Максимычемъ.

Хоть заботная Ѳекла и яичницу глазунью ради сынка состряпала, хоть и кринку цѣльнаго молока на столъ поставила, будничная трáпеза родительская не по вкусу пришлась Алексѣю. Ѣлъ не въ охоту, и тѣмъ опять прикручинилъ родную мать. Еще разъ вздохнула Ѳекла Абрамовна, вспомнивъ, что сердечный ея Алешенька сталъ совсѣмъ отрѣзаннымъ отъ семьи ломтемъ.

Ужинъ въ молчаніи прошелъ. По старому завѣту за трапезой говорить не водится... Грѣхъ... И когда

встали изъ-за стола и Богу кресты положили, когда Ѳекла съ дочерьми со стола принялись сбирать, обратился Трифонъ Лохматый къ сыну съ разспросами.

— Долго ль у насъ погостишь?—спросилъ онъ.

— Дѣло у меня, батюшка, спѣшное,—несмѣло и тихо отвѣтилъ Алексѣй.—Заутрѣ выѣхать надо.

Сроду впервы́е сказалъ передъ отцомъ онъ неправду. Отъ того и голосъ дрогнулъ немножко.

— Коли дѣло на̀ спѣхъ, засиживаться нечего. Съ Богомъ,—отозвался Трифонъ.

— Одну только ноченьку и проночуешь,—плаксиво обратилась Ѳекла Абрамовна къ сыну.—И наглядѣться-то не дашь на себя!

Не отвѣтилъ Алексѣй матери.

— Что̀ у васъ тамъ въ Осиповкѣ-то приключилось?—перебилъ Трифонъ Абрамовну, садясь на лавку и обращаясь къ сыну.—Бѣда, говорятъ, стряслась надъ Чапуриными? Дочку схоронили?

— Схоронили,—глухо отвѣтилъ Алексѣй.

— Дѣвица, сказываютъ, была хорошая,—вступилась Ѳекла.—Изъ себя такая слышь пригляднад, и разумомъ, говорятъ, вышла. Мало слышь такихъ дѣвицъ на свѣтѣ бываетъ.

Ни полслова на то Алексѣй. Сидитъ молча супро́тивъ отца, опустивъ на̀ грудь голову...

— Тоскуетъ, поди, Патапъ-отъ Максимычъ? спросилъ старикъ.

— Тоскуетъ,—сквозь зубы промолвилъ Алексѣй, не поднимая головы.

— Какъ не тосковать? Какъ не тосковать?—вздыхая подхватила Ѳекла Абрамовна.—До всякаго доведись!... Что̀ коровѣ теля, что̀ свиньѣ порося, что̀ отцу съ матерью рожоно дитя—все едино... Мать-то, поди, какъ убивается.

— Тоскуетъ и мать,—по́дтвердилъ Алексѣй

— Что̀ же такое случилось съ ней? — спросила Ѳекла Абрамовна.—Много всякаго здѣсь плетутъ. Всѣхъ вѣстей не переслушаешь.

— Доподлинно не знаю,—отвѣтилъ Алексѣй. Дома меня въ ту̀ пору не было, на Ветлугу посыланъ былъ. Воротился въ самы похороны.

— Сило̀мъ, слышь, замужъ сердечную выдать хотѣли... За купца за какого-то за пріѣзжаго,—продолжала Ѳекла Абрамовна.—А она, слышь, съ горя-то да съ печали зельемъ себя опоила, не къ ночи будь сказано.

— Ничего такого не было, — отвѣтилъ Алексѣй, поднявъ голову.—Ни за кого выдавать ее не думали, а чтобъ сама надъ собой что̀ сдѣлала — такъ это одно пустое вранье.

— Мало ль чего не плетутъ ваши бабьи языки,— строго промолвилъ женѣ Трифонъ Лохматый. — Не слыша слышатъ, нѐ видя видятъ, а вѣстей напустятъ, смо́тницы, что̀ ни конному, ни пѣшему ихъ не нагнать, ни царскимъ указомъ ихъ не поворотить... Пуговицы вамъ на губы-то пришить... Нечего тутъ!.. Спать ступайте, не мѣшайте намъ про дѣло толковать.

Поворчавъ немного по́дъ носъ, Ѳекла вышла изъ избы съ дочерями. Остался Трифонъ съ сыномъ съ глазу̀ на̀ глазъ.

— Зачѣмъ на Ветлугу-то посылали? — спросилъ Трифонъ.—Аль и тамъ дѣла у Чапурина?

— И тамъ были дѣла,—неохотно сквозь зубы процѣдилъ Алексѣй.

— По мочалу аль по лубу?

— И по мочалу, и по лубу, — молвилъ Алексѣй, смущаясь отъ новой лжи, отцу сказанной. Никогда ему даже на умъ не вспадало говорить отцу неправду или что̀ скрывать отъ родителей... А теперь вотъ дошло до чего—что ни слово, то ложь!... Жутко стало Алексѣю.

— Аль притомился?—спросилъ у сына Трифонъ.— Ишь глаза-то у тебя какъ слипаются.

— И то пріусталъ,—молвилъ Алексѣй.—Цѣлу ноченьку глазъ не смыкалъ.

— Что такъ?

— Да съ вечеру счетà съ хозяиномъ сводили, — отвѣчалъ Алексѣй. — А тамъ кой-чѣмъ распорядиться надобность была. Всталъ съ солнышкомъ—новому прикащику заведенье сдавать.

— Какъ новому прикащику? — быстро спросилъ удивленный Трифонъ.

— Замѣсто меня другого взялъ Патапъ Максимычъ.—Григорья Филиппова не слыхалъ ли?—Удѣльный изъ-подъ Городца откуда-то.

— А тебя какже?—тревожно спросилъ отецъ.

— Меня-то кажись по посылкамъ больше хочетъ,— смутясь пуще прежняго, сказалъ Алексѣй.

— По посылкамъ! — медленно проговорилъ Трифонъ и задумался. — Чтò же, какъ рядились вы съ нимъ? Погодно, аль по каждой посылкѣ особь?

— Патапъ Максимычъ не обидитъ, — отвѣтилъ Алексѣй.

— Знаю, что не обидитъ,—замѣтилъ Трифонъ,—а все бы лучше договориться. Знаешь пословицу «уговоръ крѣпче денегъ»... Однакожъ прежнюю-то ряду сполна за тобой оставилъ, аль по новому какъ?

— Больше положилъ,—отвѣчалъ Алексѣй.

— Сколько?

— Два ста на серебро выдалъ впередъ до осени, до Покрова, значитъ. Это на однѣ харчи... А коль на Низъ поплыву, еще выслать обѣщалъ, — продолжалъ Алексѣй.—По осени полный расчетъ будетъ, когда, значитъ, возворочусь... Опять же у меня деньги его на рукахъ.

— Гдѣ ляжешь? На повѣти? Али въ чуланѣ?—спросилъ Трифонъ.

— Да я бы въ телѣжкѣ, возлѣ лошадокъ соснулъ. На волѣ-то по теперешнему времени легче,—отвѣтилъ Алексѣй.

— Въ телѣжкѣ, такъ въ телѣжкѣ... Какъ знаешь,— согласился Трифонъ.—А деньги мнѣ подай... На́ ночь-то схороню, не то, всяко можетъ случиться.

Алексѣй подалъ пачку, что̀ на прощаньѣ подарилъ ему Патапъ Максимычъ.

Старикъ молча пересчиталъ деньги.

— Тысяча! Хозяйскихъ, значитъ, тутъ восемьсотъ. Такъ-ли?—сказалъ онъ сыну.

— Такъ точно,—отвѣтилъ Алексѣй.

— Хозяйски деньги завсегда надо особь держать,— молвилъ Трифонъ.—Никогда своихъ денегъ съ чужими не мѣшай—съ толку можешь сбиться. Вотъ такъ,— прибавилъ онъ, отсчитавъ восемьсотъ рублей и завернувъ ихъ въ особую бумажку.—Деньги не малыя—по нашему деревенскому счету, по старинѣ то-есть, двѣ тысячи восемьсотъ... Да... Ну, а это твои? спросилъ онъ, указывая на восемь четвертныхъ.

— Мои, батюшка,—проговорилъ Алексѣй.

И зажгло, защемило въ то время у Алексѣя сердце. Пришло ему на умъ, что ровно бы крадетъ онъ у отца восемьсотъ рублей.

— Много ль въ домъ-отъ оставишь? — спросилъ Трифонъ.

— Сколько велишь, батюшка, столько и оставлю. Я твой и вся власть надо мною твоя. Въ угоду будетъ, и всѣ возьми — противиться не могу,—покорно отвѣчалъ Алексѣй.

— Безъ тебя знаю, что всѣ могу взять, — сухо отвѣтилъ Трифонъ. — Про то говорю: много ль тебѣ на прожитокъ до новой получки потребуется. —

Сколько потребуется, столько и бери, остальныя въ домъ...

— Да съ меня, батюшка, было бы за глаза и пятидесити цѣлковыхъ, — отвѣчалъ Алексѣй, чувствуя сильное волненье на сердцѣ.

— Ладно, молвилъ Трифонъ. — Пятьдесятъ, такъ пятьдесятъ... Полтораста цѣлковыхъ значитъ въ домъ?

— Такъ точно, батюшка, подтвердилъ Алексѣй.— Да вотъ еще что̀ наказывалъ Патапъ Максимычъ тебѣ объявить.—Скажи, говоритъ, родителю, что деньгами онъ мнѣ ни копѣйки не долженъ. Что̀, говоритъ, ни было впередъ забрано — все, говоритъ, съ костей долой.

— Полно ты?—съ радостнымъ удивленьемъ, вскакивая съ лавки, воскликнулъ Трифонъ.

— Право слово, батюшка. — Такъ и сказалъ — ни единой копѣйки родитель твой мнѣ не долженъ.

Трифонъ обратился къ божницѣ и положилъ иконамъ три земныхъ поклона. Потомъ, сѣвъ на прежнее мѣсто, сказалъ Алексѣю.

— За такія великія милости долж̀онъ ты, Алексѣюшка, Патапа Максимыча словно отца родного всю жизнь твою почитать. Весь вѣкъ по гробъ жизни твоей моли за него Творца Небеснаго... Экія милости!... Экія щедроты наслыханныя!.. И чѣмъ, я дивлюсь, Алексѣюшка, заслужилъ ты у него?... Весь свѣтъ обойди— про такія милости нигдѣ не услышишь... Подумай: шутка ли—двѣсти рублевъ на Пасху подарилъ, теперь больше семисотъ долгу простилъ — вѣдь это почитай цѣла тысяча... Дай ему Господи добраго здоровья и души спасенія!... Экой человѣкъ-отъ!... Экой человѣкъ!... Почитай же его, Алексѣюшка, почитай своего благодѣтеля. За добро добромъ платить надобно. Служи ему честно, вѣрой и правдой... Пошли ему Господи всякаго добра... Утѣшь, успокой его Царица Не-

бесная во нонѣшни слезовые дни родительской печали его!...

И поднявшись съ лавки, опять обратился Трифонъ къ святому углу, опять положилъ три земныхъ поклона за благодѣтеля своего Патапа Максимыча.

— Такъ изъ этихъ денегъ ужь брать ли мнѣ теперь?—съ довольной улыбкой сказалъ Трифонъ, показывая на лежавшія особо восемь двадцатипятирублевыхъ бумажекъ.

— Вся воля твоя, батюшка, отозвался Алексѣй.— Я ужь сказалъ тебѣ: хочешь, такъ всѣ возьми.

— Чепухи не мели, когда отецъ про дѣло съ тобой разсуждаетъ, — строго сказалъ ему Трифонъ Михайлычъ.—Не обидѣть желаю, долгъ родительскій справляю... Потому пустыхъ словъ не должòнъ ты говорить... Постой, самъ я смекну, сколько денегъ тебѣ надобно...—До Покрова семнадцать недѣль — десять недѣль — семьдесятъ дёнъ, да въ семи недѣляхъ безъ одного пятьдесятъ. Значитъ, всего нà все сто двадцать дёнъ безъ одного. По цѣлковому въ день на харчи и на все тебѣ съ залишкомъ хватитъ... Значитъ, восемьдесятъ цѣлковыхъ въ домъ. До Покрова считаю, не до новой получки... Понялъ?

И отложивъ восемьдесятъ рублей, Трифонъ спряталъ всѣ деньги въ скрыню и заперъ ее въ сундукѣ.

— Ну, Алексѣюшка,—радостно сказалъ старикъ. — На эти восемьдесять цѣлковыхъ дѣвкамъ приданое справимъ, тогда у насъ въ дому все по прежнему станетъ, ровно бы злодѣи насъ и не забижали. А все, парень, твоимъ трудомъ да разумомъ... Спасибо, родной, что помогъ отцу поправиться... Богъ и добрые люди тебя за то не оставятъ, а отъ меня, старика, вотъ какая тебѣ рѣчь пойдетъ. За то, что тебя я выростилъ, за то, что вспоилъ-вскормилъ тебя, нà ноги поставилъ тебя, ты мнѣ сполна заплатилъ... Въ расчетѣ, зна-

читъ, съ тобой,—прибавилъ старикъ, улыбаясь и гладя рукой сыновнія кудри.

— Вѣдь я твой, батюшка, и все твое, — завелъ было прежнюю пѣсню Алексѣй, но отецъ перебилъ его.

— А ты молчи да слушай, что̀ отецъ говоритъ. На родителя больше ты не работникъ, копѣйки съ тебя въ домъ не надо. Свою деньгу наживай, на свой домокъ копи, Алексѣюшка... Таковы твои годы пришли, что пора и законъ принять... Прежде было думалъ я, изъ нашей деревни дѣвку взять за тебя. И на примѣтѣ, признаться, была, да вижу теперь, что здѣшнія дѣвки не пара тебѣ... Ищи судьбы на сторонѣ, а мое родительское благословеніе завсегда съ тобой.

— Батюшка на другое хочу я твоего благословенья просить,—послѣ долгаго молчанья робко повелъ новую рѣчь Алексѣй.—Живучи у Патапа Максимыча, торговое дѣло вызналъ я, слава Богу, до точности. Счеты ль вести, другое ли что̀ — не хуже другого могу...

— Такъ что̀ же?—спросилъ Трифонъ.

— Поѣду теперича я на Волгу, а тамъ на Низъ можетъ статься сплыву,—продолжалъ Алексѣй.—Можетъ подходящее мѣстечко выпасть повыгоднѣе, чѣмъ у Патапа Максимыча... Благослови, батюшка, на такое мѣсто идти, коли найдется.

Нахмурился Трифонъ.

— Неладное, сынокъ, затѣваешь,—строго сказалъ онъ.—Нѣтъ тебѣ на̀ это моего благословенья. Какія ты милости отъ Патапа Максимыча видѣлъ?... Сколь онъ добръ до тебя и милостивъ!... А чѣмъ ты ему заплатить вздумалъ?... Покинуть его, иного мѣста тайкомъ искать?... И думать не моги!... Кто добра не помнитъ, Богъ того забудетъ.

— Не сталъ бы я, батюшка, говорить о томъ, когда бъ самъ Патапъ Максимычъ не совѣтовалъ мнѣ на сторонѣ хорошаго мѣста искать.

— Что жь это такое! Развѣ ему ты не угоденъ сталъ?... Не надобенъ?... Говори прямо, прогналъ что ли?—рѣзко спросилъ Трифонъ у сына.

— Когда бы прогналъ, денегъ бы не далъ, долговъ не скостилъ бы [1]), — въ сильномъ смущеньи отвѣчалъ отцу Алексѣй.—Самъ видѣлъ, батюшка, какую сумму препоручилъ онъ мнѣ.

«Ума не приложу», — раздумывалъ старикъ Лохматый.

— А если, говорилъ Патапъ Максимычъ, свое дѣло вздумаешь зачинать,—продолжалъ Алексѣй,—отъ себя, значитъ, торговлю заведешь, письмо ко мнѣ, говоритъ, пиши, на починъ ссужу деньгами, сколько не потребуется.

— Въ разумъ не возьму, что за человѣкъ этотъ Патапъ Максимычъ,—молвилъ Трифонъ. — Ровно ты, парень, корнями обвелъ его... Не родня ты ему, не сватъ, не братъ... За что же онъ такъ радѣетъ о тебѣ... Что тутъ за причта такая?

Промолчалъ Алексѣй.

— Коли такъ, Богъ тебя благослови,—помолчавши немалое время, сказалъ Трифонъ. — Ищи хорошаго мѣста. По какой же части ты думаешь?

— Пароходы хвалятъ теперь, батюшка,—отвѣтилъ Алексѣй. — На пароходы думаю поступить... Еслибъ теперича мнѣ прикащикомъ пароходнымъ опредѣлиться—жалованье дадутъ хорошее, опять же награды каждый годъ большія... По времени, можно и свой пароходишко сколотить...

[1]) *Скостилъ* — сложилъ съ костей долой (на счетахъ), то же, что похѣрилъ, уничтожилъ, сквиталъ...

— Широко, братъ, шагаешь — штановъ не разорви,—молвилъ старый Трифонъ.—Пароходъ-отъ завести — не одинъ поди десятокъ тысячъ надо имѣть про запасъ. Больно ужь высоко̀ ты задумалъ!...

— Патапъ Максимычъ не оставитъ, — молвилъ Алексѣй.

— Нѣтъ, это ужь больно жирно будетъ. Это ужь совсѣмъ дѣло несбыточное,—сказалъ Трифонъ.—Какъ возможно, чтобы хоть и Патапъ Максимычъ такими великими деньгами ссудилъ тебя!... Не золотыя же горы у него?... Стать ли швырять ему тысячами?...— Этакъ какъ разъ прошвыряешься... А ты вздоровъ-то да пустыхъ мыслей въ голову не забирай, несодѣянными думами ума не разблажай, веди дѣло толкомъ... На пароходы, такъ на пароходы рядись, а всего бы лучше, когда бъ Патапъ Максимычъ по своему великодушію небольшимъ капитальцомъ тебя не оставилъ, да ты бы въ городу̀ торговлишку какую. ни на есть завелъ... Такое дѣло не въ примѣръ бы надежнѣе было.

— По врѐмени и за торговлю можно будетъ приняться... не вдругъ. Оглядѣться надо напередъ,—молвилъ Алексѣй.

— Вѣстимо дѣло надо оглядѣться, — согласился Трифонъ.—Твое дѣло еще темное, свѣту только-что въ деревнѣ и видѣлъ... на чужой сторонѣ поищи разума, поучись вкругъ добрыхъ людей, а тамъ что̀ Богъ велитъ. Когда рожь, тогда и мѣра..

— Такъ искать, батюшка, на пароходѣ мѣстечка то?—Патапъ Максимычъ на пароходы больше совѣтуютъ,—сказалъ Алексѣй отцу, выходя съ отцомъ вонъ изъ избы.

— Ищи, коли Патапъ Максимычъ совѣтуетъ. Худу не научитъ,—рѣшилъ Трифонъ.

Цѣлу ночь напролетъ сомкнуть глазъ не могъ Алексѣй. Сказанная отцу неправда паче мѣры возму-

тила еще не заглохшую совѣсть его. Но какъ же было правду говорить!... Какъ нарушить данное Патапу Максимычу обѣщанье?... Вѣдь онъ прямо наказывалъ: «не смѣй говорить отцу съ матерью». Во всемъ признаться—отъ Патапа погибель принять...

Путаются у Алексѣя мысли, ровно въ огневицѣ лежитъ... И Настина внезапная смерть и предсмертныя мольбы ея о своемъ погубителѣ, и милости оскорбленнаго Патапа Максимыча и коварство лукавой Марьи Гавриловны, что̀ не хотѣла ему про мѣсто сказать, и повѣрившій обманнымъ рѣчамъ отецъ, и темная неизвѣстность будущаго, все это вереницей одно за другимъ проносится въ распаленной головѣ Алексѣя и нестерпимыми муками, какъ тяжелыми камнями, гнететъ встревоженную душу его...

На другой день, пообѣдавши, въ путь снарядился. Простины были черствыя... Только Ѳекла Абрамовна прослезилась, благословляя сына на разлуку. Сестры были непривѣтны; старикъ сдержанъ, суровъ даже нѣсколько.

Рѣшили, если выйдетъ Алексѣю хорошее мѣсто въ дальней сторонѣ, пріѣзжалъ бы домой проститься, да кстати и паспортъ года на два выправилъ.

Не долго, кажется, прогостилъ Алексѣй въ дому родительскомъ—сутокъ не ми́нуло, а непривѣтно что-то стало послѣ отъѣзда его. Старикъ Трифонъ и въ токарню не пошелъ, хоть была у него срочная работа. Спозаранокъ завалился въ чуланѣ, и долго слышны были порывистые, тяжкіе вздохи его... Ѳекла Абрамовна въ моленной заперлась... Параня съ сестрой въ огородъ ушли гряды полоть, и тамъ межъ ними ни обычнаго смѣху, ни звонкихъ пѣсенъ, ни деревенскихъ пересудовъ... Ровно замерло все въ домѣ Трифона Лохматаго.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Справивши дѣла Патапа Максимыча въ Красной Рамени, поѣхалъ Алексѣй въ губернскій городъ. Съ малолѣтства живучи въ родныхъ лѣсахъ безвыѣздно, не видавши ничего кромѣ болотъ, да малыхъ деревушекъ своего околотка, диву дался онъ, когда передъ глазами его вдругъ раскинулись и высокія крутыя горы, и красавецъ городъ, и синее широкое раздолье матушки Волги.

Стояло ясное утро, когда онъ, приближаясь къ городу, погонялъ пріуставшихъ саврасокъ. День былъ воскресный и базарный, оттого народу въ праздничныхъ одеждахъ и шло и ѣхало въ городъ видимо-невидимо... Кто спѣшилъ поторговать, кто шелъ погулять, а кто и оба дѣла заразъ сдѣлать. Слыхалъ Алексѣй, что перевозъ черезъ Волгу подъ городомъ не совсѣмъ исправенъ, что паромовъ иной разъ не хватаетъ, оттого и обгонялъ онъ вереницу возовъ, тяжело нагруженныхъ разною крестьянской кладью и медленно подвигавшихся по песчанной дорогѣ, проложенной середь широкой зеленой поймы. На счастье подъѣхалъ онъ къ берегу какъ разъ въ то время, какъ вернувшіеся съ нагорной стороны перевозчики стали принимать на паромъ «свѣжихъ людей»... За чѣмъ такъ суетился, зачѣмъ хлопоталъ Алексѣй, за чѣмъ перебранивался съ перевозчиками и давалъ имъ лишнюю полтину, лишь бы скорѣй переѣхать, самъ того не вѣдалъ. Ровно въ чаду какомъ былъ. Ровно толкало его вонъ изъ родного затишья Заволжскихъ лѣсовъ, ровно тянулъ его съ себѣ невидимыми руками этотъ шумный и многолюдный городъ-красавецъ, величаво раскинувшійся по высокому нагорному берегу Волги.

Городъ блисталъ рѣдкой красотой. Его видъ поразилъ бы и не такого лѣсника-домосѣда, какъ токарь Алексѣй. На ту пору въ воздухѣ стояла тишь невозмутимая, и могучая рѣка зеркаломъ лежала въ широкомъ лонѣ своемъ. Мѣстами солнечные лучи огненно-золотистой рябью подергивали синія струи и круги, расходившіеся оттуда, гдѣ бѣлоперый мартынъ успѣвалъ подхватить себѣ на завтракъ серебристую плотвицу [1]. И надъ этой широкой водной равниной великанами встаютъ и торжественно сіяютъ высокія горы, крытыя густолиственными садами, яркозеленымъ дерномъ выровненныхъ откосомъ и бѣлокаменными стѣнами древняго Кремля, что̀ смѣлыми уступами слетаетъ съ кручи до самаго рѣчнаго берега. Слегка тронутыя солнцемъ громады домовъ, церкви и башни гордо смотрятъ съ высоты на тысячи разнообразныхъ судовъ отъ крохотнаго ботника до полуверстныхъ коноводокъ у баржъ, густо столпившихся у городскихъ пристаней и по всему плёсу [2].

Огнемъ горятъ золоченыя церковныя главы, кресты, зеркальныя стекла дворца и длиннаго ряда высокихъ домовъ, что̀ струной вытянулись по вѣнцу горы. Подъ ними изъ темной листвы набережныхъ садовъ сверкаютъ красноватыя, битыя дорожки, прихотливо сбѣгающія внизъ по утесамъ. И надъ всей этой красотой высоко̀, въ глубокой лазури, царемъ поднимается утреннее солнце.

Ударили въ соборный колоколъ — густой, малиновый [3]) гулъ его разлился по необъятному простран-

1) *Мартыномъ* или *мартышкой* на средней Волгѣ зовутъ птицу рыболова, чайку. Плотвица—небольшая рыбка *Ciprinus idus*.

2) *Плесъ* или *плесо* — колѣно рѣки между двухъ изгибовъ, также часть ея отъ одного изгиба до другаго, видимая съ одного мѣста часть рѣки.

3) *Малиновымъ* зовутъ пріятный стройный звонъ колоколовъ или колокольчиковъ.

ству... Еще ударъ... Еще—и разомъ на всѣ лады и строи зазвонили съ пятидесяти городскихъ колоколенъ. Въ окольныхъ селахъ нагорныхъ и заволжскихъ дружно подхватили соборный благовѣстъ, и зычный гулъ понесся по высокимъ горамъ, по крутымъ откосамъ, по съѣздамъ, по широкой родной равнинѣ, по неоглядной поймѣ луговаго берега. На набережной, вплотную усѣянной народомъ, на лодкахъ и баржахъ всѣ сняли шапки и крестились широкимъ крестомъ, взирая на вѣнчавшую чудныя горы соборную церковь.

Паромъ причалилъ. Тутъ въ конецъ отуманило Алексѣя. Сроду не вспадало ему въ голову, чтобъ могло быть гдѣ-нибудь такое многолюдство, чтобы могъ кипѣть такой несмолкаемый шумъ, такая толкотня и безтолочь. Оглушающій говоръ рабочаго люда, толпами сновавшаго по набережной и спиравшагося мѣстами въ огромныя кучи, крики ломовыхъ извозчиковъ, сбитеньщиковъ, пирожниковъ и бабъ-перекупокъ, рѣзкіе звуки перевозимаго и разгружаемаго желѣза, уханье крючниковъ, вытаскивавшихъ изъ баржъ разную кладь, пѣсни загулявшихъ бурлаковъ, рѣзкіе свистки пароходовъ, весь этотъ содомъ втупикъ поставилъ небывалаго во многолюдныхъ городахъ парня. Оглядѣвшись, сталъ онъ разспрашивать встрѣчнаго и поперечнаго, какъ бы проѣхать ему на постоялый дворъ. Но замѣтя въ Алексѣѣ новичка, одни несли ему всякій вздоръ, какой только лѣзъ въ ихъ похмѣльную голову, другіе звали въ кабакъ, поздравить съ пріѣздомъ, третьи ни съ того ни съ сего до упаду хохотали надъ неловкимъ деревенскимъ парнемъ, угощая его доморощенными шутками, не всегда безобидными, которыми подъ веселый часъ да на̀ людяхъ любитъ русскій человѣкъ угостить новичка. У бабъ спросилъ Алексѣй про постоялый дворъ — а тѣ хватаютъ его за кафтанъ и норовятъ всучить ему студени съ хрѣ-

номъ, либо вареныхъ рубцовъ, либо отслужившіе срокъ солдатскіе штаны и затасканную куцавейку; другія, что̀ помоложе, улыбаются масляной убыбкой и, подмигивая, зовутъ въ харчевню, для праздника повеселиться. Подвернулись и лошадиные барышники, одинъ цыганъ, другой забубенный баринъ въ военномъ сюртукѣ съ сиплымъ голосомъ, должно-быть спившійся съ кругу поручикъ, и двое мѣщанъ-кулаковъ въ красныхъ рубахахъ и синихъ поддевкахъ. Не слушая Алексѣя, что кони его не продажные, они смотрятъ имъ въ зубы, гладятъ, подхлыстываютъ, мнутъ бока, оглядываютъ копыта, и зовутъ парня въ трактиръ покончить дѣло, котораго тотъ и начинать не думалъ. То-и-дѣло ощупывая тайникъ [1]) и оглядывая своихъ вятокъ, насилу отдѣлался Алексѣй отъ незванныхъ покупщиковъ, и то лишь съ помощью пригрозившаго имъ городоваго. Пуще отца родного возрадовался Алексѣй знакомому мужичку, что̀ Великимъ Постомъ ряжёнъ былъ Патапомъ Максимычемъ по послѣднему пути свезти остатокъ горянщины на Городецкую пристань.

— Дядя Елистратъ!... Землякъ!...—крикнулъ онъ ему, не выпуская изъ рукъ повода коренной савраски.— Яви Божескую милость—подь сюда.

Медленнымъ шагомъ подошелъ къ нему дядя Елистратъ, и спервоначалу не призналъ Алексѣя.

— Меня что ль кликалъ, мо́лодецъ?—спросилъ онъ.

— Аль не узналъ меня, дядя Елистратъ?—заискивающимъ голосомъ заговорилъ Алексѣй... — Вѣдь ты постомъ посуду возилъ изъ Осиповки?—Чапуринскую, Патапа Максимыча?

— Мы-ста возили. Да ты кто жь такой будешь?— спросилъ Елистратъ.

1) *Тайникъ* — бумажникъ съ деньгами.

— А прикащикъ-отъ ихній, Алексѣй-отъ Трифоновъ. Помнишь?... Аль запамятовалъ?

— И впрямь дѣло, ты!—молвилъ Елистратъ.—Ну, паря, подобрѣлъ же ты, и прикраснѣлъ. Въ жизнь бы не узнать... какъ есть купецъ-молодецъ.

— Какой купецъ! — отозвался Алексѣй. — Далеко еще до купцовъ-то.

— Всякіе, молодецъ, бываютъ купцы,—засмѣялся дядя Елистратъ.—По здѣшнимъ мѣстамъ,—есть таки купцы, что̀ продаютъ одни рубцы, да сѣно съ хрѣномъ, да еще суконны пироги съ навозомъ... Ты не изъ таковскихъ... Первостатейнымъ глядишь.

Стоявшіе кругомъ громко захохотали. Дядя Елистратъ, какъ собака, на нихъ накинулся. Человѣкъ бывалый и къ тому жь не робкаго десятка.

— Чего галдѣть-то, дуй васъ горой!... Коему лѣшему возрадовались?—задорно крикнулъ онъ, засучивая на всякій случай правый рукавъ. — Земляки сошлись промежь себя покалякать, а вы — лопнуть бы вамъ—въ чужое дѣло поганое свое рыло суёте!... О!... Рябую бъ собаку вамъ на дуванъ.... [1]) Провалиться бы вамъ, чертямъ этакимъ!... Подступись только-кто— рыло на́ сторону!...

Смекнули шутники, что дядя Елистратъ человѣкъ опытный.—По-добру по-здорову одинъ за другимъ въ сторонку.

— Научи ты меня, Христа-ради, землякъ, какъ мнѣ отселѣва до постоялаго двора добраться? Въ городу̀ отродясь не бывалъ, ничего-то не знаю, никого-то знакомыхъ нѣтъ—очутился ровно въ лѣсу незнаемомъ,— умолялъ Алексѣй дядю Елистрата.

— На постоялый тебѣ?—сказалъ дядя Елистратъ, ухватясь рукою за край Алексѣевой телѣжки.—А ты

[1]) *Дуванъ* — дѣлежъ добычи.

вотъ бери отселѣва прямо... Все прямо, вдоль по набережной... Переулокъ тамъ увидишь налѣво, налѣво и ступай. Тамъ улица будетъ, на улицѣ базаръ; ты ее мимо... Слышь?.. Мимо базара подъ самую, значитъ, гору, тутъ тебѣ всякій мальчишка постоялый дворъ укажетъ. А не то поѣдемъ заодно, я тѣ и путь укажу и все, что̀ тебѣ надобно, мигомъ устрою.

И не дождавшись отвѣта, взобрался дядя Елистратъ на телѣжку и развалился на персидскомъ коврѣ, покрывавшемъ сидѣнье.

— Пошелъ!—крикнулъ онъ присѣвшему сбоку облучка Алексѣю.—Прямо пошелъ!.. Эй вы калина съ малиной, красна смородина!

Запрыгала телѣжка по булыжной мостовой, вдоль и вкось изрытой промоинами и рытвинами, и вскорѣ земляки добрались до постоялаго двора. Не могъ отвязаться Алексѣй отъ докучнаго дяди Елистрата, не радъ былъ, что и связался съ нимъ. Хоть ни на пристани, ни на базарѣ ничего онъ не покупалъ, ничего и не продалъ, однако дядя Елистратъ счелъ нужнымъ сорвать съ Алексѣя магарычъ, спрыснуть, значитъ, счастливый пріѣздъ его въ городъ. Дѣлать нечего, долженъ былъ Алексѣй угощать земляка, указавшаго путь-дорогу къ постоялому двору. Чутьемъ ли пронюхалъ, по другому ль чему смекнулъ дядя Елистратъ, что Чапуринскій прикащикъ при деньгахъ, и повелъ онъ его не въ кабакъ, не въ бѣлу харчевню, а въ стоявшую по близости богатую гостиницу, куда его въ смуромъ кафтанѣ едва-едва пропустили.

Въ глазахъ зарябило у Алексѣя, робость какая-то на него напала, когда, взобравшись по широкой лѣстницѣ, вошелъ онъ съ дядей Елистратомъ въ просторныя свѣтлыя комнаты гостиницы, по случаю праздника и базарнаго дня переполненныя торговымъ людомъ. Горницы Патапа Максимыча, бывшія до тѣхъ поръ

Алексѣю за диковину, въ сравненьи съ этими показались темными клевухами. Покои двухсаженной вышины, оклеенные пестрыми хоть и сильно загрязненными обоями, бронзовыя люстры съ подвѣсными хрусталями, зеркала хоть и тускловатыя, но возвышавшіяся чуть не до потолка, триповыя, хотя и закопченыя занавѣси на окнахъ, золоченые карнизы, росписной потолокъ,—все это непривычному Алексѣю казалось такою роскошью, такимъ богатствомъ, что въ его головѣ тотчасъ же сверкнула мысль: «Эхъ, поладить бы мнѣ тогда съ покойницей Настей, повести бы дѣло не какъ у насъ съ нею сталось, въ такихъ бы точно хоромахъ я жилъ...» Все дивомъ казалось Алексѣю: и огромный буфетный шкапъ у входа, со множествомъ полокъ, уставленныхъ бутылками и хрустальными графинами съ разноцвѣтными водками, и блестящіе мѣдные тазы по сажени въ поперечникѣ, наполненные кусками льду и трепетавшими еще стерлядями и множество столиковъ, покрытыхъ грязноватыми и вѣчно мокрыми салфетками, вкругъ которыхъ чинно возсѣдали за чаемъ степенные «гости», одѣтые на половину въ сюртуки, на половину въ разные сибирки, кафтанчики, чапаны и поддевки. Дивуется небывалый новичокъ низкимъ поклонамъ, что̀ ему, человѣку заѣзжему, незнакомому, отвѣшиваютъ стоящіе за буфетомъ дородные приказчики и самъ сановитый хозяинъ съ дорогими перстнями на пальцахъ и съ золотой медалью на застегнутой наглухо бархатной жилеткѣ. Дивится пестрой толпѣ бойкихъ разбитныхъ половыхъ, что̀ въ бѣлыхъ миткалёвыхъ рубахахъ кучкой стоятъ у большого стола середь комнаты и, зорко оглядывая «гостей», расправляютъ свои бороды или помахиваютъ концами перекинутыхъ черезъ плёча полотенецъ. При входѣ Алексѣя съ дядей Елистратомъ они засуетились, и одинъ, ровно оторвавшись отъ кучки товарищей, немилосердно

передергивая плечами и размахивая руками, подвелъ «новыхъ гостей» къ порожнему столику, разостлалъ передъ ними чистую салфетку и, подпершись о́ бокъ локоткомъ, шепеляво спросилъ, наклоняя русую голову:

— Чѣмъ потчивать прикажете?

— Перво-на́-перво сбери ты намъ, молоде́цъ, четыре пары чаю, да смотри у меня, чтобы чай былъ самолучшій—цвѣточный... Графинчикъ поставь,—примолвилъ дядя Елистратъ.

— Какой въ угодность вашей милости будетъ? Рябиновой? Листовки? Померанцевой? Аль можетъ быть всероссійскаго произведенія желаете?

Дядя Елистратъ пожелалъ всероссійскаго произведенія, и минуты черезъ три ловкій любимовецъ [1]), ровно съ цѣпи сорвавшись, летѣлъ ужь къ своимъ гостямъ. Одной рукой поднявъ выше головы подносъ съ чашками и двумя чайниками, въ другой несъ онъ маленькій подносикъ съ графинчикомъ очищенной и двумя объемистыми рюмками. Ловко бросивъ подносы одинъ за другимъ на столикъ, отошелъ онъ къ середнему столу и тамъ, подбоченясь фертомъ, сталъ пристально разглядывать Алексѣя съ Елистратомъ.

Алексѣй въ гостиницу пошелъ не охотно. Еслибы дядя Елистратъ чуть не силкомъ затащилъ его, ни за что̀ бы на свѣтѣ не переступилъ онъ порога ея. Съ ранняго дѣтства наслушался онъ отъ отца съ матерью и отъ степенныхъ мужиковъ своей деревни, что всѣ эти трактиры и харчевни заведены молодымъ людямъ на пагубу, что тамъ съ утра до́ ночи идетъ безобразное пьянство и буйный разгулъ, что тамъ всякаго, кто ни войдетъ туда, то́тчасъ обокрадутъ и обопьютъ, а

1) Въ трактирахъ приволжскихъ городовъ и въ обѣихъ столицахъ половыми служатъ преимущественно уроженцы Любимовскаго уѣзда Ярославской губерніи.

иной разъ и отколотятъ ни за́ что ни про́ что, а такъ, здорово живешь. Старухи келейницы, жившія въ домѣ у его родителей для обученья ребятишекъ грамотѣ, называли трактиры корчемницами, по дѣйству діаволю поставленными отъ слугъ антихриста ради уловленія душъ христіанскихъ. Вообще посѣщеніе такихъ заведеній Алексѣй почиталъ дѣломъ позорнымъ, и не спокойно было у него на̀ сердцѣ, когда усѣлся онъ съ дядей Елистратомъ за отведенный услужливымъ половымъ столикъ. Но вотъ окидываетъ онъ глазами—сидятъ все люди почтенные, ведутъ рѣчи степенныя, гнилого слова не сходитъ съ ихъ языка: о торговыхъ дѣлахъ говорятъ, о цѣнахъ на перевозку кладей, о волжскихъ меляхъ и перекатахъ. Неподалеку двое, сидя за селянкой, ладятъ дѣло о поставкѣ пшена изъ Сызрани до Рыбной; одинъ собесѣдникъ богатый судохозяинъ, другой кладчикъ десятковъ тысячъ четвертей зерно́ваго хлѣба. Съ другого бока сидитъ за чаемъ старикъ съ двумя помоложе, разговоръ идетъ у нихъ объ о́тправкѣ къ Калужской пристани только-что купленной имъ на пермскихъ ладьяхъ соли. Тамъ идетъ рѣчь о Телячьемъ Бродѣ и Харчевинскомъ перекатѣ [1]), тамъ о цѣнахъ на харчи въ верховыхъ городахъ, тамъ о починкѣ поломанной встрѣчнымъ пароходомъ коноводки, а тамъ еще подальше разспрашиваютъ какого-то армянина, много ль въ Астрахани чихирю заготовлено для отпра́вки къ Макарью. Разговоры все дѣловые, путные. Прислушиваясь къ нимъ, Алексѣй смотритъ бодрѣе, на душѣ у него становится спокойнѣй, пожалуй хоть и спасибо сказать дядѣ Елистрату, что привелъ его въ такое мѣсто, гдѣ умные люди бываютъ, гдѣ многому хорошему можно научиться.

Покончили лѣсовики съ чаемъ, графинчикъ всерос-

[1]) Большія мели на Волгѣ.

сійскаго цѣликомъ остался за дядей Елистратомъ. Здоровъ былъ на питье — какимъ сѣлъ, такимъ и всталъ; хоть въ одномъ бы глазѣ.

— А что̀, землякъ, не перекусить ли намъ чего по малости?—спросилъ онъ Алексѣя, вздумавъ сладко поѣсть да хорошенько выпить на даровщинку.

— По мнѣ пожалуй, — согласился Алексѣй. — Теперь же время обѣдать.

Дядя Елистратъ постучалъ ложечкой о полоскательную чашку и, оторвавшись отъ середняго стола, лётомъ подбѣжалъ половой.

— Сбери-ка, молодецъ, къ сторонкѣ посуду-то,— сказалъ ему дядя Елистратъ,—да вели обрядить намъ московскую селянку, да чтобъ было поперчистѣй, да покислѣй. Капусты-то не жалѣли бы.

— Съ какой рыбкой селяночку вашей милости потребуется? — съ умильной улыбкой шепеляво тоненькимъ голоскомъ спросилъ любимовецъ.

— Извѣстно съ какой?..—съ важностью отвѣтилъ дядя Елистратъ.—Со стерлядью да со свѣжей осетриной... Да чтобъ стерлядь-то живая была, не снулая— слышишь?.. А для вѣрности подь-ко сюда, землякъ,— сказалъ онъ, обращаясь къ Алексѣю,—выберемъ сами стерлядку-то, да помѣтимъ ее, чтобъ эти собачьи дѣти надуть насъ не вздумали.

И подойдя къ мѣдному тазу съ рыбой, выбралъ добрую стерлядь вершковъ одиннадцати и помѣтилъ рыбу, ударивъ ее раза два ножемъ по головѣ, да кстати пырнулъ и въ бокъ остріемъ.

— Такъ-то вѣрнѣе будетъ,—примолвилъ дядя Елистратъ.—Теперь не могутъ подмѣнить — разомъ могу подлогъ примѣтить. Здѣсь вѣдь народецъ-отъ ой-ой!— прибавилъ онъ, наклоняясь къ Алексѣю.—Небывалаго, вотъ хоть тебя къ примѣру взять, оплетутъ, какъ пить дадутъ—мигнуть не успѣешь. Имъ вѣдь только лясы

точить да людей морочить. Любого возьми—изъ плута скроёнъ, мошенникомъ подбитъ!.. Народъ отпѣтый!..

— Напрасно, ваше степенство обижать такъ изволите,—ловко помахивая салфеткой и лукаво усмѣхаясь, вступился любимовецъ.—Мы не изъ таковскихъ. Опять же хозяинъ этого оченно не любитъ, требуетъ, чтобы все было съ настоящей значитъ вѣрностью... За всякое время во всемъ готовы гостя уважить со всякимъ нашимъ почтеніемъ. На томъ стоимъ-съ!..

— Знаемъ мы вашего брата, знаемъ!. —отшучивался дядя Елистратъ.—Изъ Любима города самъ-отъ будешь?

— Такъ точно-съ, любимовскіе,—задорно тряхнувъ кудрями, съ лукавой ужимкой отвѣтилъ половой.

— Значитъ «не учи козу, сама стянетъ съ возу, а рука пречиста все причиститъ»... [1]). Такъ что ли мо́лодецъ?—продолжалъ свои шутки дядя Елистратъ.

— А сами-то изъ какихъ мѣстовъ будете?—развязно и съ презрительной отчасти усмѣшкой спросилъ половой.

— Мы, братъ, изъ хорошей стороны,—изъ-за Волги,—отвѣтилъ дядя Елистратъ.

— Значитъ—«заволжска кокура, бурлацкая ложка, теплый валеный товаръ»... Еще что вашей милости потребуется?—ввернулъ въ отвѣтъ любимовецъ, подбоченясь и еще задорнѣй тряхнувъ свѣтло-русыми, настоящими ярославскими кудрями.

— Ахъ ты, бабій сынъ, рѣчистый какой пострѣлъ!—весело молвилъ дядя Елистратъ, хлопнувъ по плечу любимовца.—Щей подай, другъ ты мой сердечный, да смотри въ оба, чтобы щи-то были изъ самолучшей говядины... Подовые пироги ко щамъ—съ лучкомъ, съ мачкомъ, съ перечкомъ... Понимаешь?... Сами бы

[1]) Шуточная поговорка про любимовцевъ.

въ ротъ лѣзли... Слышишь?... У нихъ знатныя щи варятъ — языкъ проглотишь, продолжалъ дядя Елистратъ, обращаясь къ Алексѣю.—Еще-то чего пожуемъ, землякъ?

— По мнѣ все едино, заказывай коли началъ,— отвѣтилъ Алексѣй.

— Гуся развѣ съ капустой?.. А коль охота, такъ и жаренаго поросенка съ кашей мигомъ спроворятъ. Здѣсь, братъ, окромя́ птичьяго молока, все есть, что̀ душѣ твоей ни захочется... Такъ али нѣтъ говорю, моло́децъ?—прибавилъ онъ половому, снова хлопнувъ его по плечу дружески, изо всей мочи.

— Все будетъ въ самой скорой готовности, что̀ вашей милости ни потребуется, — бойко подхватилъ любимовецъ, отстороняясь однако отъ назойливыхъ ласкъ наянливаго дяди Елистрата.

— Развѣ еще селянку заказать? Изъ почекъ?—спросилъ Алексѣя, знакомый съ трактирными кушаньями, дядя Елистратъ.

— Пожалуй,—равнодушно отвѣтилъ Алексѣй.

— Валяй!—крикнулъ Елистратъ половому. — Да чтобъ у меня все живой рукой поспѣло—то́тчасъ!.. Стрижена дѣвка косы бъ не успѣла заплесть!... Вотъ какъ!...

— Значитъ: щей, да селяночку московскую, да селяночку изъ почекъ, да пироговъ подовыхъ, да гуся съ капустой, да поросенка жаренаго, — скороговоркой перебиралъ половой, считая по пальцамъ.—Изъ сладкаго чего вашей милости потребуется?

— Дѣвки что ль къ тебѣ ѣсть-то пришли?...—захохоталъ дядя Елистратъ. — Сладкимъ вздумалъ подчивать!... Эхъ ты голова съ мозгомъ!... А еще любимовецъ - невыдавецъ!... Замѣсто дѣвичья-то кушанья мадерцы намъ бутылочку поставь, а рюмки-то подай «хозяйскія»: пошире да поглубже. Проворь же, а ты, разлюбезный мо́лодецъ, проворь поскорѣе.

Алексѣю обѣдъ понравился, пришлась по вкусу и мадера ярославскаго произведенія изо всякой всячины знаменитыхъ винодѣловъ, братьевъ Соболевыхъ. [1]) Но какъ ни голоденъ, какъ ни охочъ былъ дядя Елистратъ до чужихъ обѣдовъ, всего заказаннаго одолѣть не смогъ. Гусь остался почти нетронутымъ. Дядя Елистратъ по горло сытъ, но глаза еще голодны и потому, ни мало сумняся, вынулъ изъ-за пазухи синій бумажный платокъ и, завязавъ въ него гуся, сунулъ въ карманъ— полакомиться сладкимъ кусомъ на сонъ грядущій.

Половые пересмѣхнулись.

— Кармашки-то не извольте засалить, — сказалъ одинъ изъ нихъ, повидимому на́большій, опираясь на середній столъ закинутыми назадъ руками.

— Не крадено беру, пла́ченное... Что̀ зубы-то скалишь?... Аль самому захотѣлось?—огрызнулся на него дядя Елистратъ, запуская въ карманъ и остатки поросенка.

— Мы не собачьей породы — объѣдками нашего брата не удивишь,—презрительно отозвался на̀большой, и ровнымъ медленнымъ шагомъ отошелъ въ сторону.

— Ерихоны, дуй васъ горой!... Перекосило бъ васъ съ угла на̀ уголъ, — бранился дядя Елистратъ, кладя въ карманы оставшіеся куски бѣлаго и неклеваннаго хлѣба и пару соленыхъ огурцовъ...—Ну, землякъ,—обратился онъ къ Алексѣю, потягиваясь и распуская опояску,—за̀ хлѣбъ за̀ соль, за щи спляшемъ, за пироги пѣсенку споемъ!... Пора, значитъ, всхрапнуть маленько.—Стало брюхо что гора, дай Богъ добресть до двора.

1) Въ разныхъ городахъ изъ русскаго чихиря дѣлаютъ *иностранныя* вина въ огромномъ количествѣ. Особенно замѣчательны были такія производства братьевъ Соболевыхъ въ Ярославлѣ, Зызыкина и Терликова въ городѣ Кашинѣ.

Алексѣй не отвѣчалъ. Въ самую ту минуту изъ сосѣдней комнаты разлились стройные звуки органа, только-что привезеннаго изъ Москвы и что-то очень дорого стоившаго... Органъ былъ на рѣдкость... Чтобы послушать его, нерѣдко въ ту гостиницу ѣзжали такого даже сорта люди, что высидѣть часъ другой середь чернаго народу считаютъ за Богъ вѣсть какое безчестье. Сама губернаторша, какъ дошли до нея слухи о «дивномъ оркестріонѣ», возгорѣла желаніемъ насладиться его звуками, и по этому случаю пригласила къ себѣ на вечеръ чуть-чуть не полгорода. Оказалось однако, что, несмотря на всѣ старанія полицеймейстера и городскаго головы, музыкальное диво въ губернаторскій домъ перевезти было невозможно. Тогда отдано было приказанье хозяину, въ такой-то день въ гостиницу никого не пускать, комнаты накурить парижскими духами, прибрать подальше со столовъ мокрыя салфетки, сготовить уху изъ аршинныхъ стерлядей, разварить трехпудоваго осетра, припасти икры бѣлужьей, икры стерляжьей, икры прямо изъ осетра, самыхъ лучшихъ донскихъ балыковъ, пригласить клубнаго повара для приготовленія самыхъ тонкихъ блюдъ изъ хозяйскихъ, разумѣется, припасовъ и заморозить дюжины четыре некашинскаго, и не архіерейскаго, [1]) а настоящаго шампанскаго. На счетъ плодовъ не велѣно безпокоиться: губернскій предводитель изъ своихъ подгородныхъ теплицъ обѣщался пожертвовать и персики, и сливы, и абрикосы, и что-то еще въ этомъ родѣ. Хозяинъ гостиницы, разумѣется, остался въ накладѣ, за то удостоился чести принимать у себя «само-

[1]) *Архіерейскимъ* называли въ прежнее время шипучее вино, приготовляемое на подобіе шампанскаго изъ астраханскаго и кизлярскаго чихиря въ нанимаемыхъ виноторговцами Макарьевской ярмарки погребахъ архіерейскаго дома въ Нижнемъ-Новгородѣ.

лучшую публику», что̀ ея ни было въ городѣ, и съ сердечнымъ умиленьемъ, ровно ко святымъ мощамъ, благоговѣйно приложиться толстыми губами къ мяконькой, крошечной, благоуханной ручкѣ ея превосходительства. Хоть не разъ послѣ такого счастія чесалъ онъ тамъ, гдѣ въ часы невзгоды любитъ чесать себя русскій человѣкъ, однако былъ услажденъ не только цѣлованіемъ ручки у губернаторши, но и размашистыми ласками полицеймейстера. Полковникъ, похлопавъ купчину по плечу, съ шутливой рѣчью и юркой развязностью гвардейскаго штабъ-офицера, ткнулъ его пальцемъ въ объемистый животъ и обѣщался на-дняхъ же заѣхать къ нему на домъ поиграть въ трынку и посовѣтываться насчетъ предстоявшаго выбора въ городскіе головы. Въ заключеніе полицеймейстеръ объявилъ, что добровольнаго пожертвованія на дѣтскій пріютъ съ хозяина гостинницы въ нынѣшнемъ году не потребуется и не пришлютъ ему отъ губернаторши толстой пачки билетовъ на концертъ въ пользу дамскаго благотворительнаго общества. Обрадованный купецъ, кланяясь въ поясь, благодарилъ за такія великія милости.—Угощеніе бояръ и закрытіе на цѣлый день гостиницы сполна окупались обѣщанными льготами, избавляя отъ пожертвованій, ежегодно дѣлаемыхъ россійскимъ купечествомъ добровольно, то-есть наступя на горло.

Ровными, согласными волнами льются величавые звуки *Жизни за Царя*. Непривычному, неразвитому слуху непонятна вся прелесть художественной музыки, недоступно наслажденіе потрясающими чувства и возвышающими духъ созвучіями, но вѣчно юная, вѣчно прекрасная музыка Глинки обаятельно дѣйствуетъ на русскаго человѣка, стой онъ на высотѣ развитія, или живи полудикаремъ въ какомъ-нибудь безвѣстномъ захолустьѣ. Будь онъ самый грубый, животный чело-

вѣкъ, но если въ душѣ его не замерло народное чувство, если въ немъ не перестало биться русское сердце, звуки Глинки навѣютъ на него тихій восторгъ, и на думныя очи вызовутъ даже невольную сладкую слезу, и эту слезу, какъ завѣтное сокровище, не покажетъ онъ ни другу-пріятелю, ни отцу съ матерью, а развѣ той одной, къ кому стремятся добрые помыслы любящей души... Въ этихъ звукахъ такъ много завѣтнаго, такъ много святого сокрыто для русскаго человѣка. Слышатся въ нихъ и глухой, перекатный шумъ родныхъ лѣсовъ, и тихій всплескъ родныхъ волнъ, и веселые звуки весеннихъ хороводовъ, и послѣдній замирающій лепетъ родителя, дающаго дѣтямъ предсмертное благословенье, и сладкій шепотъ впервые любимой дѣвушки, и нѣжный голосъ матери, когда бывало, погруженная въ думу о судьбѣ своего младенца, заведетъ она тихую, унылую пѣсенку надъ безмятежной его колыбелью... И тутъ же рядомъ съ заунывною, вѣками выстраданною пѣсней, вдругъ грянетъ громогласное, торжественное, къ самому небу парящее величанье русской хлѣбъ-соли и Бѣлаго Царя православнаго.

Не алая заря пó небу разгарается, не тихая роса на сыру-землю опущается—горитъ, пылаетъ лицо бѣлое, молодецкое, сверкаетъ на очахъ слеза незваная.

И всгрустнулось отъ той музыки Алексѣю... Настеньку вспомянулъ, красоту ея неописанную, рѣчи ея тихія, любовныя, ласки ея нѣжныя, судьбу ея воспомнилъ горькую... Хоть бы въ Волгу головой, такъ въ ту же пору.

Облокотясь на столъ, закрылъ онъ глаза ладонью, а дядя Елистратъ, постукивая пальцами по столу, изподтишка взглядывалъ на земляка и лукаво усмѣхался.

— Захмѣлѣлъ,—молвилъ онъ. — Пойдемъ-ка, Алексѣй Трифонычъ... Пора на боковую... Такъ-то не въ

примѣръ лучше — теперича это будетъ тебѣ пользительно.

На этихъ словахъ кончилась музыка. Алексѣй ровно ото сна очнулся... Размашисто тряхнулъ онъ кудрями, и, ни словомъ, ни взглядомъ не отвѣтивъ дядѣ Елистрату, спѣшной походкой направился къ буфету, бросилъ хозяину гостиницы бумажку и, не считая сдачи, побѣжалъ вонъ изъ гостиницы.

Дёнъ черезъ пять оглядѣлся Алексѣй въ городѣ и маленько привыкъ къ тамошней жизни. До смерти надоѣлъ ему охочій до чужихъ обѣдовъ дядя Елистратъ, но Алексѣй скоро отдѣлался отъ его наянливости. Сказалъ земляку, что ѣдетъ домой, а самъ съ постоялаго двора перебрался въ самую ту гостиницу, гдѣ обѣдалъ въ день пріѣзда и гдѣ впервые отъ роду услыхалъ чудные звуки органа, вызвавшіе слезовую память о Настѣ и беззавѣтной любви ея,—звуки, заставившіе его помимо воли заглянуть въ глубину души своей и устыдиться черноты ея и грязи.

Но такое доброе настроеніе скоро миновало. Куда ни пойдетъ Алексѣй, гдѣ ни вздумаетъ прислушаться къ людскимъ толкамъ, вездѣ однѣ и тѣ же рѣчи: деньги, барыши, выгодныя сдѣлки. Всякъ хвалится прибылью, пуще смертнаго грѣха боится убыли, а неправедной наживы ни единъ человѣкъ въ грѣхъ не ставитъ.

Вотъ сидитъ Алексѣй за чаемъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ намедни обѣдалъ съ дядей Елистратомъ. Органъ играетъ попрежнему, но звуки его летятъ мимо ушей Алексѣевыхъ, досаждаютъ даже ему, мѣшая прислушиваться къ чужимъ разговорамъ. А разговоры заманчивые, толкуютъ про пользы да выгоды, про то разсказываютъ, какъ люди въ немногіе годы

наживаются. Про откупа говорятъ, про золотые промыслы, про казенные подряды, про займы и ловкія банкротства, даже про разбои и переводъ поддѣльныхъ бумажекъ. И никто изъ собесѣдниковъ не порицаетъ людей, разжившихся грѣхомъ да неправдой, всякъ дивится ловкости ихъ, находчивости, умѣнью деньгу сколотить да концы схоронить...

Слышитъ одинъ день такіе разговоры, слышитъ другой—и пуще прежняго забродили у него въ головѣ думы о богатствѣ, привольной жизни и людскомъ почетѣ со всѣхъ сторонъ... Но какъ достичь такого богатства?... Какъ добыть его скоро, сейчасъ же?... Откупа, золотые пріиски, казенны подряды не съ руки Алексѣю: ими начинать, надо большія деньги имѣть въ рукахъ. Отчего бы, пожалуй и банкротомъ не объявиться, нахватавши побольше займовъ, да какой же дуракъ незнакомому человѣку повѣритъ хоть самыя малыя деньги?... На счетъ разбоевъ и «краснoярокъ» [1]) страшно. Былъ еще Алексѣй малымъ ребенкомъ, какъ однажды двое пьянчугъ мужиковъ изъ ихъ деревни вздумали при безденежьѣ ради выпивки на счетъ проѣзжавшей съ ярмарки дьяконицы поживиться... И черезъ годъ съ небольшимъ привезли подъ карауломъ въ Поромово обоихъ воровъ да плечистаго, краснолицаго мужика, въ красной рубахѣ, съ звѣрскимъ лицомъ. И какъ же крошилъ онъ мясо на спинахъ пьянчугъ... Поминать даже страшно!... Не забылъ Алексѣй и лязга кандаловъ на Стуколовѣ и на всей честной красноярской братіи... Нѣтъ,—страшно!... Мимо!.. Мимо!...

Но что̀ же дѣлать, за что̀ приняться?... Не жить же въ городѣ безъ толку, тратя деньги попустому?...

Опять и опять вспоминаетъ Алексѣй слова Патапа

[1]) Фальшивые кредитные билеты.

Максимыча про Марью Гавриловну... «Вздумала торги заводить, вздумала пароходы покупать — приказчика ищетъ». Тогда смутили его эти слова, не выходили они и теперь изъ памяти. Отчего жъ Марья Гавриловна сама не сказала про то, когда встрѣтилась съ нимъ въ свѣтлицѣ Настиной?... Брату въ Казань писать обѣщалась, не найдется ли у него подходящаго мѣста, а про свои намѣренья хоть бы заикнулась. Значитъ, другой есть у нея на примѣтѣ... Отчего же такъ испугалась она, когда Алексѣй вошелъ въ свѣтлицу, отчего зардѣлась и глаза опустила, а потомъ такъ порывисто вздыхала, такъ умильно улыбалась, такъ любовно на него глядѣла?... Видно, это только баловство одно было—дай, молъ, потѣшусь надъ парнемъ, пущай забираетъ себѣ не вѣсть чего въ голову.

Такъ порѣшилъ Алексѣй: «въ Комаровъ не ѣздить, Марью Гавриловну изъ мыслей вонъ...» Ну ее! Пропадай она со всѣмъ лукавствомъ своимъ.

Каждый вечеръ до пóлночи бродилъ Алексѣй взадъ и впередъ по своему «номеру». Объ одномъ думы раскидываетъ—какъ бы разбогатѣть поскорѣй, достичь житья-бытья привольнаго. «Эхъ, какъ бы эта гора была да золотая, думалъ онъ самъ про себя, глядя на кручу, [1]) поднимавшуюся передъ его окнами,—раскопалъ бы ее своими руками, вынулъ бы изъ земли несмѣтное богатство, зажилъ бы всѣмъ на славу и удивленье!... Поклонился бъ мнѣ тогда народъ православный, а я бы житіемъ своимъ утѣшался, построилъ бы каменны палаты, съ утра дó ночи у меня пиры бы пировали, честь мою и богатство прославляли!..» Эхъ! мало ли чего не придумаетъ бѣдный человѣкъ, жаждущій довольства и привольной жизни!...

1) Отвѣсная, стоймя стоящая гора.

И на пристани, и въ гостиницѣ, и на хлѣбной биржѣ прислушивается Алексѣй, не зайдетъ ли рѣчь про какое мѣстечко. Кой у кого выспрашивалъ, но все понапрасну. Сказывали про мѣста, да не такія, какого хотѣлось ему. Да и на тѣ съ вѣтру людей не брали, больше все по знакомству, либо за извѣстной порукой. А его ни едина душа во всемъ городу́ не знаетъ, ровно за тридевять земель отъ родной стороны онъ заѣхалъ. Нѣтъ доброхотовъ—всякъ за себя, и не то, что чужанина, земляка — и того всякъ норовитъ подъ свой ноготь гнуть.

Не съ кѣмъ словомъ перекинуться, не съ кѣмъ по душѣ побесѣдовать—народъ все черствый, недобрый, непривѣтный. У каждаго только и думы, что своя выгода... Тяжело приходилось горемычному Алексѣю.

И воспомнилъ онъ разсказы келейницъ, учившихъ его грамотѣ, про этотъ городъ, про эти каменныя стѣны и про заклятье, святымъ мужемъ на нихъ наложо́нное. Еще въ ту́ пору, какъ Русская земля была подъ Татарами, ради народнаго умиренья проходилъ въ Орду басурманскую святитель Христовъ Алексій, митрополитъ московскій. Проходилъ чудотворецъ свой путь не во славѣ, не въ почести, не въ своемъ святительскомъ величіи, а въ смиренномъ образѣ бѣднаго страннаго человѣка... Подошелъ святитель къ городу, перевозчики его не приняли, перевезти черезъ рѣку не восхотѣли, видя что съ такого убогаго человѣка взять имъ нечего, и невидимо мірскимъ очамъ на рѣчныя струи быстрыя распростеръ чудотворецъ свою мантію. И на той мантіи переплылъ на другую сторону. А тамъ на берегу бабы бѣлье моютъ; попросилъ у нихъ святъ мужъ милостинки, онѣ его вальками избили до̀ крови... Подошелъ святъ мужъ къ горѣ набережной, въ небеси громъ возгремѣлъ и пала на ту гору молонья палючая, и изъ той горы водный источ-

никъ струю пустилъ свѣтлую. У того родника чудотворнаго укрухомъ черстваго хлѣба святитель потрапезовалъ, богоданною водицей увлажилъ пересохшія уста свои. И прозвалась та гора «Гремячею», и тотъ источникъ до сего дня изъ нея течетъ... Хоть и видѣли злые люди Божье знаменіе, но и тутъ свя̆та мужа не могли познать, не честью согнали его со источника, и много надъ нимъ въ безуміи своемъ глумилися. Искалъ святитель ночлега, ночь ночевать, ходилъ о̀тъ дому до̀ дому—нигдѣ его не приняли. И тогда возмутилась святая душа, — воззрѣвъ на каменныя стѣны кремлевскія, таково заклятье изрекъ: «Городъ каменный — люди желѣзные!»

«И до сихъ поръ видно здѣсь люди желѣзные», бродило въ умѣ Алексѣевомъ. «Дивно ль, что мнѣ, человѣку странному, захожему, не видать отъ нихъ ни привѣта, ни милости, не услышать слова ласковаго, когда Христова святителя встрѣтили они злобой и безчестіемъ?» И взгрустнулось ему по роднымъ лѣсамъ, встосковалась душа по тихой жизни за Волгою. Унылъ и пустъ показался ему шумный, многолюдный городъ.

— Какими это судьбами? Давно ль въ нашихъ палестинахъ?—широко̀ разводя руками, вскрикнулъ Сергѣй Андреичъ Колышкинъ, завидя Алексѣя на набережной.

— Друга̀ недѣля пошла, снимая картузъ, — отвѣтилъ ему Алексѣй.

— Что̀ жь ты, парень, до сей поры ко мнѣ не заглянешь? — Ахъ ты лоботрясъ этакой!... Ну что̀ крестный?... Здоровъ ли?... Перестаетъ ли тосковать помаленьку?... Аль все попрежнему?

— Давно ужь не видалъ я его, — отвѣтилъ Алексѣй. — Четверта недѣля, какъ выѣхалъ я изъ Осиповки.

— Гдѣ жь побывалъ?

— Да въ Красну Рамень хозяинъ посылалъ на мельницы, оттоль вотъ сюда пріѣхалъ.

— Изъ Красной-то Ра́мени крупчатку что ль куда ставите? — спросилъ Колышкинъ.

— Нештò, — подтвердилъ Алексѣй.

— По-моему не надо бы торопиться — выждать бы хорошей цѣны, — замѣтилъ Сергѣй Андреичъ. — Теперь на муку цѣны шибко пошли пóдъ гору, ставятъ чуть не въ убытокъ... Въ Казани, слышь, черезчуръ много намололи. Тамъ, братъ, паровыя мельницы заводить теперь стали... Вотъ бы Патапу-то Максимычу въ Красной Рамени́ паровую поставить. Не въ примѣръ бы спорѣй дѣло-то у него пошло. Полтиной бы на рубль больше въ карманъ приходилось.

— Извѣстно, — согласился Алексѣй.

— Говорилъ я ему намедни,—продолжалъ Колышкинъ,—да въ печаляхъ мои слова мимо ушей онъ пустилъ.

Промолчалъ Алексѣй.

— Однако покамѣстъ прощай, — молвилъ Сергѣй Андреичъ, хлопнувъ по плечу Алексѣя. — У меня сегодня пароходъ отваливаетъ... Некогда... Заходи ко мнѣ — покалякаемъ. Домъ-отъ мой знаешь?

— Нѣтъ не знаю, — отвѣчалъ Алексѣй.

— А у Ильи Пророка. Вонъ въ полугорѣ-то церковь видишь: золочена глава, — говорилъ Сергѣй Андреичъ, указывая рукой на старинную одноглавую церковь.— Поднимись въ гору-то, спроси домъ Колышкина — всякій укажетъ. На правой сторонѣ, каменный двухъэтажный... На углу.

— Слушаю, Сергѣй Андреичъ, безпремѣнно побываю, — отвѣчалъ Алексѣй, кланяясь Колышкину.

Сергѣй Андреичъ пошелъ было дальше по набережной, но шагахъ въ пятнадцати отъ Алексѣя встрѣ-

тилъ плотнаго, краснолицаго, не стараго еще человѣка, пышущаго здоровьемъ и довольствомъ. Одѣтъ онъ былъ въ свѣжій, какъ съ иголочки, лѣтній нарядъ изъ желтоватой бумажной ткани, на головѣ у него была широкополая соломенная шляпа, на шеѣ бѣлоснѣжная косынка. Борода тщательно выбрита, за то отпущены длинныя русыя шелковистыя бакенбарды. Встрѣтя его, Колышкинъ остановился.

Слушаетъ Алексѣй разговоръ ихъ... Ни слова не можетъ понять. Говорили по-англійски.

«Надо-быть не русскій», — подумалъ Алексѣй. — «Вотъ подумаешь, совсѣмъ чужой человѣкъ къ намъ заѣхалъ, а матушка Русска земля до усовъ его кормитъ... А кровному своему ни мѣста, ни дѣла!... Ишь каково спѣсиво на людей онъ посматриваетъ... Ишь какъ передъ нехристемъ народъ шапки-то ломитъ!... Эхъ ты, Русь православная! Заморянину — родная мать, своимъ дѣтушкамъ — злая мачиха!»...

И въ досадѣ тихими стопами, опустя голову, побрелъ онъ въ гостиницу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

На другой день, только-что отпѣли вечерню, пошелъ Алексѣй искать домъ Сергѣя Андреича. Отыскать его было не трудно. Только-что поднялся онъ къ Ильинской церкви и у перваго встрѣчнаго спросилъ про домъ Колышкина, ему тотчасъ его указали. Домъ большой, каменный, въ два яруса, съ зеркальными стеклами въ окнахъ, густо уставленныхъ цвѣтами, съ рѣзными дубовыми дверями подъѣзда. Сквозь высокую чугунную рѣшетку, замѣнявшую заборъ, виднѣлся широкій чистый дворъ съ ярко-зеленымъ дерномъ, убитыми толченымъ кирпичомъ дорожками и небольшимъ

водометомъ. Середи двора важно расхаживала красивая птица, распустивъ широкій хвостъ, блестѣвшій на солнцѣ золотыми и зелеными переливчатыми перьями. Сроду невидавшій павлиновъ, какъ чуду, дивился глядя на него Алексѣй. Дивуется, а самъ на хоромы Сергѣя Андреича взглядываетъ, да завѣтную думу свою думаетъ: «Разжиться бы вволю, точь-въ-точь такія палаты построилъ бы!»

Несмѣлыми шагами, озираясь нà стороны, взошелъ Алексѣй на крыльцо Колышкинскаго дома, взялся за дверную ручку — хвать, анъ дверь на запорѣ... Какъ быть?... Спросить некого — на дворѣ кромѣ павлина ни единой души. Заглянулъ зá уголъ дома, а тамъ такое же крыльцо, такая же дверь, и тоже запертая. Въ окошко бы по деревенскому стукнуть — высокò не достанешь... «Крѣпко же въ городý живутъ», подумалъ Алексѣй, «видно здѣсь людямъ не вѣрь, да запирай покрѣпче дверь, не то мигомъ обчи́стятъ». И долго не думавши, по лѣсному обычаю сталъ онъ изо всей силы дубасить въ дверь кулаками, крича въ источ ный голосъ:

— Эй вы, крещеные!... Отомкните хоромы-то!

Дверь отворилась, въ ней показался здоровенный человѣкъ, бритый, въ нѣмецкомъ платьѣ, у картуза околышъ обшитъ золотымъ галуномъ... Сробѣлъ Алексѣй. — «Должно-быть чиновный, подумалъ онъ, пожалуй больше становаго. Ишь ты — шапка-то какая!... Золотомъ обшита!... Большого надо быть чину!»...

— Взбѣсился что ли ты?—накинулся здоровякъ на Алексѣя. — Чего въ дверь-то колотишь!... Не видишь развѣ колокольчика?

Понять не можетъ Алексѣй, про какой колокольчикъ онъ толкуетъ ему.

— Не взыщите, Христа ради, ваше благородіе,— испуганнымъ голосомъ сказалъ Алексѣй, снимая шапку

и отвѣшивая низкіе поклоны. — Наше дѣло деревенское. Мнѣ и теперь не въ примѣту, гдѣ тутъ колокольчикъ виситъ...

— Вотъ колокольчикъ, въ него звонить слѣдуетъ,— внушительно указывая на ручку, сказалъ человѣкъ съ галуномъ.

Все-таки не можетъ понять его словъ Алексѣй. «Какой же это колокольчикъ?» думаетъ онъ, глядя на повѣшенную у двери бронзовую ручку.

— Кого тебѣ?—спросилъ его здоровякъ

— Да вечоръ Сергѣй Андреичъ къ себѣ наказывалъ побывать... Колышкинъ Сергѣй Андреичъ, — отвѣчалъ Алексѣй.—Домомъ-то не опознался ли я, ваше благородіе?—прибавилъ онъ, униженно кланяясь. — А постучался вотъ тѣ Христосъ безо всякаго умыслу, единственно по своей крестьянской простотѣ... Люди мы значитъ небывалые, городскихъ порядковъ не знаемъ...

— Здѣсь Сергѣй Андреичъ живетъ, — помягче прежняго отвѣтилъ картузъ съ галуномъ. — Какъ про тебя доложить?

— Алексѣй, молъ, Трифоновъ зашелъ... Изъ-за Волги, дескать... Что̀ у Чапурина у Патапа Максимыча въ приказчикахъ жилъ, — все еще несмѣлымъ голосомъ, сто́я безъ шапки и переминаясь съ ноги на̀ ногу, отвѣчалъ Алексѣй.

— Пойдемте,—еще мягче молвилъ тотъ, и повелъ Алексѣя въ хоромы.

Глазамъ не вѣрилъ Алексѣй проходя черезъ комнаты Колышкина... Во снѣ никогда не видывалъ онъ такого убранства. Бѣломраморныя стѣны ровно зеркала стоятъ, — глядись въ нихъ да охорашивайся... Полъ — тоже зеркало, ступить страшно, какъ на льду поскользнешься того гляди... Цвѣты цвѣтутъ. какихъ и вздумать нельзя... Въ коврахъ ноги ровно въ сы-

пучемъ пескѣ грузнутъ... Такъ прекрасно, такъ хорошо, что̀ хоть въ царствѣ небесномъ такъ въ ту же бы пору.

Вошелъ Алексѣй въ комнату, гдѣ хозяинъ сидѣлъ съ тѣмъ самымъ англичаниномъ, что̀ встрѣтился ему наканунѣ на пристани. Сидятъ развалясь на широкомъ диванѣ, сами сигары курятъ.

— Здорово, Алексѣй Трофимычъ... Али Трифонычъ?... Какъ бишь тебя? — ласково протягивая Лохматому жилистую руку, радушно встрѣтилъ его Сергѣй Андреичъ. — Садись, — гость будешь. Да ты къ намъ прилаживайся... Сюда на диванъ... Мѣста хватитъ... Авось не подеремся!...

Не смѣлъ Алексѣй сѣсть на диванъ, крытый бархатомъ, но съ привѣтливой улыбкой взялъ Колышкинъ его за руку и, подтащивъ къ дивану, чуть не силкомъ посадилъ его промежъ себя и англичанина.

— Такъ какъ же тебя звать-позывать?... Трифонычъ аль Трофимычъ будешь?—спрашивалъ Колышкинъ все еще торопѣвшаго Алексѣя.

— Трифоновъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Познакомьтесь, — молвилъ Сергѣй Андреичъ англичанину.—Помните друга моего благодѣтеля, Патапа Максимыча Чапурина, изъ-за Волги?

Англичанинъ молча кивнулъ головой, не выпуская изо рта сигары.

— Это его приказчикъ Алексѣй Трифонычъ,—продолжалъ Колышкинъ. — А это, — сказалъ онъ, обращаясь къ Алексѣю, — господинъ Кнопъ, директоръ, то-есть, по вашему говоря, на́большій по здѣшнему пароходному обществу. Восемь пароходовъ у него подъ началомъ бѣгаетъ... Андрей Иванычемъ порусски зовемъ его.

— Радъ вашему знакомству, — привставъ съ мѣста и подавая Алексѣю руку, отчетливо и довольно чисто порусски сказалъ Андрей Иванычъ.

— Чѣмъ же дорогого гостя мнѣ подчивать? Вѣдь этимъ треклятымъ зельемъ поганиться съ нами не станешь?—молвилъ Сергѣй Андреичъ, показывая на ящикъ съ сигарами. — Чайкомъ развѣ побáловаться?... Не даромъ же насъ нижегородовъ водохлебами зовутъ... Эй!—крикнулъ онъ, хлопнувъ три раза въ ладоши.

Дверь неслышно растворилась, и вошелъ тотъ самый человѣкъ, что̀ показался Алексѣю чиномъ больше становаго.

— Чаю вели подать,—приказалъ ему Колышкинъ, и обращаясь къ Кнопу, сказалъ:

— Вотъ намедни вы спрашивали меня, Андрей Иванычъ, про «старую вѣру». Хоть я самъ старовѣромъ родился, да изъ отцовскаго дома еще малымъ ребенкомъ взятъ. — Оттого и не знаю ничего, ничего почти и не помню. Есть охота, такъ вотъ Алексѣя Трифоныча спросите, человѣкъ онъ книжный, коренной старовѣръ, къ тому жь изъ-за Волги, изъ тѣхъ самыхъ лѣсовъ Керженскихъ, гдѣ теперь старая вѣра вотъ ужь двѣсти лѣтъ крѣпче, чѣмъ по другимъ мѣстамъ держится.

— А!—обрадовался Андрей Иванычъ.—Очень буду обязанъ вамъ, господинъ Трифонычъ, если вы преподадите мнѣ о русской старой вѣрѣ.

— Ты, голубчикъ Алексѣй Трифонычъ, Андрея Иваныча не опасайся,—внушительно сказалъ Колышкинъ.—Не къ допросу тебя приводитъ. Сору изъ избы онъ не вынесетъ. Это онъ такъ изъ одного любопытства. Охотникъ, видишь ты, до всего этакого: любитъ разспрашивать, какъ у насъ на Руси народъ живетъ... Если онъ и въ книжку съ твоихъ словъ записывать станетъ, не сумнѣвайся... Это онъ для себя только, изъ одного, значитъ, любопытства... Сказывай ему, что̀ знаешь, будь съ Андрей Иванычемъ душа на распашку, сердце на ладóнкѣ...

— Мнѣ что же-съ? —смѣшался было Алексѣй. — Отчего жь не сказать, что знаю. Кажись худого въ томъ ничего не предвидится. Не знаю только, что будетъ угодно спрашивать ихней милости. Хоть я и грамотенъ, да не начетчикъ какой, отъ Божественнаго Писанія говорить не могу.

— Бодете столь дòбры, гóсподинъ Трифонычъ, преподать мнѣ, какая заключается разность вашей старой вѣры отъ государственной церкви?

И русскими словами говоритъ Андрей Иванычъ, а не понять Алексѣю. Съ недоумѣньемъ взглянулъ онъ на Колышкина

— Андрею Ивановичу хочется узнать, въ чемъ состоитъ старая вѣра, чѣмъ она рознится отъ нашей, отъ никоніанства, говоря по-вашему?—пояснялъ Сергѣй Андреевичъ. — Чѣмъ она, значитъ, отлична отъ нашей?

— Да, то-есть какія существуютъ правила вашей русской старой вѣры? Изъ чего состоятъ сіи правила?—подтвердилъ Андрей Иванычъ.

— Значитъ, то-есть, на чемъ наша вѣра держится, въ чемъ, то-есть, она состоитъ...—догадался наконецъ Алексѣй.—Извѣстно въ чемъ: перво-на̀-перво въ два пёрста молиться, второе дѣло—въ церкву не ходить, третье—табаку не курить и не нюхать... Чего бишь еще?... Да... бороды значить не скоблить, усовъ не подстригать... Въ нѣмецкомъ платьѣ тоже ходить не годится... Ну, да на счетъ этого по нынѣшнему времени много изъ нашего сословія бáловаться зачали, особливо женскій полъ.

— О! любезный мой господинъ Трифонычъ, — съ едва замѣтнымъ нетерпѣньемъ перебилъ его англичанинъ.—Вы мнѣ сказываете обряды, но я желаю знать правила вашей русской старой вѣры... Правила... Понимаете?

— Правила! какъ не понимать!... Это понимать завсегда можемъ!...—невпопадъ догадался Алексѣй.—У мірскихъ правила не полагаются... Это у старцовъ только да у старицъ... У монаховъ, чтобы понятнѣе вамъ доложить, да у монахинь. Такъ и зовется у нихъ «келейно правило». Нашему брату его пожалуй и не снесть... Великимъ постомъ земныхъ поклоновъ сотъ по восьми на день этого правила закатываютъ, а на Марьино стоянье [1),—такъ безъ малаго цѣлу тысячу. У насъ вѣдь по старой-то вѣрѣ келейницы — ой-ой! какъ здóровы на молитву-то. — Ина сотъ пять поклоновъ отломаетъ по лѣстовкѣ, и глазомъ даже не поморщится.

— Это вы, господинъ Трифонычъ, также сказываете обряды старой вѣры,—толковалъ свое англичанинъ, — а я желаю знать правила вѣры, то-есть, ея кáноны.

— А! Значитъ, на счетъ «правильныхъ канóновъ»,— бойко подхватилъ Алесѣй.—Наканунѣ большихъ праздниковъ да наканунѣ воскресеньевъ послѣ вечеренъ они бываютъ. Только и правильныхъ канóновъ въ міру не полагается — по кельямъ читаютъ ихъ, да въ Городецкой часовнѣ.

— Кàноны, я вамъ говорю, господинъ Трифонычъ, кàноны,—съ невозмутимымъ спокойствіемъ добивался отъ Алексѣя толковаго отвѣта любознательный британецъ.—Какіе суть кàноны русской старой вѣры я желаю отъ васъ узнать... Кáноны... Понимаете вы меня?

— Канóны!.. Какъ не понимать!...—отвѣтилъ Алексѣй.—Мало ли ихъ у насъ канóновъ-то?... Сразу-то

1) *Марьино стояніе* или *стояніе Маріи Египетской* бываетъ вечеромъ въ четвергъ на пятой недѣлѣ Великаго Поста. Тогда читается *великій канонъ* Св. Андрея Критскаго, и во время его у старообрядцевъ и единовѣрцевъ полагается 952 земныхъ поклона.

Bayerische Staatsbibliothek München

всѣхъ и келейница не всякая вспомнитъ... На каждый праздникъ свой канóнъ полагается, на Рождество ли Христово, на Троицу ли, на Успленье ли — всякому празднику свой... А то есть еще канóнъ за единоумершаго, канóнъ за творящихъ милостыню... Да мало ли ихъ... Всѣ-то канóны развѣ одна матушка Манееа по нашимъ мѣстамъ знаетъ, и то наврядъ... Куда такую пропасть на памяти держать!... По книгамъ ихъ читаютъ...

Тутъ ужь ровно ничего не понялъ Андрей Иванычъ. Глядитъ на Алексѣя во всѣ глаза, а самъ не знаетъ, чтó и спрашивать..., Колышкинъ молчитъ, покуривая сигару, и слегка улыбается.

— Въ русской старой вѣрѣ многія секты есть? — еще разъ попробовалъ спросить у Алексѣя Андрей Иванычъ, видя, что о правилахъ и ка́нонахъ толку отъ него не добиться.

— Это такъ точно, — отвѣчалъ Алексѣй, — много ихъ всякихъ этихъ сектъ, значитъ... Вотъ хоть бы наши мѣста взять: первая у насъ вѣра по бѣглому священству, значитъ, по Городецкой часовнѣ, покрещеванцы тоже бываютъ, есть по Спасову согласію, поморскіе... Да мало ли всѣхъ!... Не сосчитаешь... Вѣдь и пословица есть такая: «Что мужикъ—то вѣра, что баба—то уставъ».

— Какая заключается разница сихъ вѣръ?—настойчиво спрашивалъ Андрей Иванычъ.

— А такая и разница, что не ѣдятъ вмѣстѣ да не молятся... Значитъ, не сообщаются ни въ ястіи, ни въ питіи, и на молитву вмѣстѣ не сходятся, молятся, значить, каждый со своими. Въ томъ вся и разница,—сказалъ Алексѣй.

— Между вашими вѣрами споры бываютъ?—продолжалъ разспрашивать Англичанинъ.

— Для че спорить? — отозвался Алексѣй. — Чего

намъ дѣлить-то? Споры да ссоры—не ладное дѣло. Въ миру да въ ладу не въ примѣръ согласнѣе жить.— Зачѣмъ споры? Значитъ, кто въ чемъ родился, тотъ того и держись. Вотъ и вся недолга. Да и спорить-то не изъ чего? Языкъ только чесать, толку вѣдь никакого изъ того не выйдетъ—баловство одно, а больше ничего. Для че спорить?

— Для того, чтобъ убѣдить противника, чтобъ онъ свою вѣру оставилъ и къ вамъ превратился,—внушительно сказалъ Андрей Иванычъ.

— Есть изъ чего хлопотать! — съ усмѣшкой отозвался Алексѣй.—Да это, по нашему разумѣнью, самое нестоющее дѣло... Одно слово—плюнуть. Каждый человѣкъ долженъ родительску вѣру по гробъ жизни сдержать. Въ чемъ, значитъ, родился, того и держись. Какъ родители, значитъ, жили, такъ и насъ благословили... Потому и надо жить по родительскому благословенію. Вѣра-то вѣдь не штаны. Штаны износятся, такъ на новы смѣнишь, а вѣру какъ мѣнять?... Нельзя!

Едва замѣтно Андрей Иванычъ улыбнулся.

— Ой! Алексѣй Трифонычъ! — захохоталъ между тѣмъ Колышкинъ, откидываясь въ задъ на диванѣ. — Уморишь ты меня, пострѣлъ этакой, со смѣху!... Ишь къ чему вѣру-то примѣнилъ!... Ну, парень, заноза же ты, какъ я посмотрю!... Услыхали бъ тебя келейныя матери—ухъ! задали бы трезвону!... Право!... Ахъ, озорникъ, ты эдакой!... Ха, ха, ха?... Вѣра не штаны!... Ха, ха, ха!...

Колышкинъ такъ и катался со смѣху... Громкій хохотъ его гудѣлъ по высокимъ хоромамъ. Андрей Иванычъ съ едва замѣтнымъ удивленьемъ посматривалъ на Сергѣя Андреича.

— Неправду развѣ говорю?—быстро вскинувъ глазами на Сергѣя Андреича, молвилъ Алексѣй.—Еслибъ

я таперича, напримѣръ, своему Богу не вѣренъ былъ, развѣ бы кто могъ повѣрить мнѣ хоть на одинъ грошъ?... Сами бы вы, Сергѣй Андреичъ, изъ первыхъ не повѣрили...

— Слѣдовательно, изъ русской старой вѣры никто никогда въ другія секты не переходитъ? — спросилъ еще Алексѣя Андрей Иванычъ.

— Всякаго народа на свѣтѣ есть,—отвѣтилъ Алексѣй.—Можетъ-статься иной и переходитъ. Такъ вѣдь что̀ жъ это и за народъ?... Самый, значитъ, послѣдній... Вся цѣна тому человѣку пятакъ, да и тотъ ломаный.

— Удивительный народъ!—обратился британецъ къ Сергѣю Андреичу, вставая съ дивана и взявъ соломенную свою шляпу.

Такъ ничего на счетъ старой вѣры и не добился онъ отъ Алексѣя. Поговоривъ еще немного съ Сергѣемъ Андреичемъ на счетъ какихъ-то кладей, Андрей Иванычъ ушелъ, ласково простясь съ «господиномъ Трифонычемъ» и высказавъ сожалѣніе, что онъ не совсѣмъ правильно изъясняется по-русски, отъ чего, вѣроятно, и понять вопросы его Алексѣю было затруднительно.

— Ну что̀ жъ ты подѣлываешь, Алексѣй Трифонычъ? — спросилъ Колышкинъ, садясь возлѣ Алексѣя по уходѣ Андрея Иваныча.

— Да какъ вамъ сказать, Сергѣй Андреичъ, — потупляясь, отвѣтилъ Алексѣй.—Безъ дѣла можно сказать безо всякаго... Сиднемъ сижу... И концовъ тому сидѣнью не вижу.

— Какъ это такъ?

— Заѣхалъ я сюда, Сергѣй Андреичъ, по своему дѣлу. Счастья попытать хочется... Мѣстечка по прикащичьей части ищу,—сказалъ Алексѣй.

— Отошелъ развѣ отъ Патапа-то Максимыча? — сухо спросилъ его Колышкинъ.

— Отошелъ - съ, — вскинувъ бровями отвѣтилъ Алексѣй.

Слегка нахмурился Сергѣй Андреичъ и съ видомъ досады быстро взглянулъ на Алексѣя. Тотъ сразу догадался, что нехорошее про него подумалъ Колышкинъ, и продолжалъ:

— Не то, чтобы по какому неудовольствію али противности отошелъ я, Сергѣй Андреичъ, а единственно, можно сказать, по той причинѣ, что самому Патапу Максимычу такъ вздумалось. «Ты, говоритъ, человѣкъ молодой, нечего, говоритъ, тебѣ киснуть въ нашихъ лѣсахъ, выплывай, говоритъ на большую воду, ищи себѣ мѣста лучше... А я, говоритъ, тебя ни въ чемъ не оставлю. Если, говоритъ, торговлю какую вздумаешь завести, пиши—я, говоритъ, тебѣ всякое вспоможеніе капиталомъ, значитъ, сдѣлаю...»

— Не врешь ли?—пристально взглянувъ прямо въ глаза Алексѣю, молвилъ Колышкинъ. — Ты, парень, сказывай мнѣ, какъ попу на духу, ни въ чемъ не таись... Можетъ-статься пригожусь... Самъ бы пожалуй къ хорошему мѣсту тотчасъ же тебя я пристроилъ, потому что вижу голова ты съ мозгомъ, никакое дѣло изъ рукъ у тебя не валится, это я отъ самого Патапа Максимыча не одинъ разъ слыхалъ,—только самъ посуди, умная голова, могу ли я для тебя это сдѣлать, коли у васъ что-нибудь вышло съ Патапомъ Максимычемъ? Крестному остуды сдѣлать не захочу... Ни за что на свѣтѣ.

— Ничего промежъ насъ не выходило, Сергѣй Андреичъ, никакого, то-есть, художества по моей повѣренности не было. Хоть самого Патапа Максимыча извольте спросить — и онъ то же скажетъ, — отвѣчалъ на тѣ рѣчи Алексѣй, избѣгая зорко смо-

трѣвшихъ на него испытующихъ глазъ Сергѣя Андреича.

— Признаться сказать, понять не могу, какъ это вздумалось Патапу Максимычу отпустить тебя, когда онъ столько дорожилъ тобой,—хóдя взадъ и впередъ по комнатѣ, говорилъ Сергѣй Андреичъ. — Великимъ постомъ заѣзжалъ онъ ко мнѣ не на долгое время, — помнишь, какъ онъ на Ветлугу съ тѣми плутами ѣздилъ. Въ тý пору онъ тобой нахвалиться не могъ... Такъ говорилъ: «съ этимъ человѣкомъ по гробъ жизни своей не разстанусь». Какъ же у васъ послѣ того на вонъ-тараты пошло?... Скажи по правдѣ, не накуралесилъ ли ты чего?

Смутился немножко Алексѣй и промолчалъ. Опять нахмурилъ брови Сергѣй Андреичъ.

— Если тамъ у васъ какая бѣдушка стряслась, напередъ тебѣ сказываю—не помощникъ я тебѣ и не заступникъ, — продолжалъ онъ. — Супротивъ Патапа Максимыча ни въ какомъ разѣ я не пойду... А мѣсто есть. — Хорошее мѣсто. И жалованья достаточно и всего прочаго, да не въ томъ главное дѣло, а вотъ въ чемъ: прослужишь ты на этомъ мѣстѣ годъ и если по твоему усердію и умѣнью въ томъ году довольно прибыли будетъ, опричь жалованья тебѣ пай дадутъ... Еще больше прибыли — другой пай... А кромѣ того кредитъ открытъ, еслибъ свое дѣло задумалъ. Только напередъ говорю—не списавшись съ Патапомъ Максимычемъ того мѣста я тебѣ не предоставлю. Какъ онъ присовѣтуетъ, такъ и дѣлу быть... Хочешь, сегодня же нарочнаго пошлю въ Осиповку?

— Сдѣлайте такое ваше одолженіе, Сергѣй Андреичъ,—отвѣтилъ Алексѣй, низко кланяясь. — А гдѣ, осмѣлюсь спросить, такое мѣстечко находится?

— Не больно далече отсюда,—сказалъ Сергѣй Андреичъ.—У меня на пароходахъ. — Возьму тебя, Але-

ксѣй Трифонычъ, со всякимъ моимъ удовольствіемъ, если только Патапъ Максимычъ отпишетъ, что разстался съ тобой добрымъ порядкомъ. А безъ его рѣшенья принять тебя на службу мнѣ нельзя... Самъ знаешь, онъ вѣдь мнѣ за мѣсто отца... Вотъ и попрошу я по этому дѣлу его родительскаго благословенья, на вѣки нерушимаго,—добродушно подсмѣялся Колышкинъ.

Стали говорить объ условіяхъ. Видитъ Алексѣй, что мѣсто въ самомъ дѣлѣ хорошо. Разбогатѣть сразу нельзя, а въ люди выйти можно. Особенно паи его соблазняли. До тѣхъ поръ, что̀ значатъ паи, онъ не слыхивалъ.

— Ты гдѣ присталъ? — прощаясь съ Алексѣемъ, спросилъ Колышкинъ.

— У Бубнова въ номерахъ, въ гостиницѣ,—отвѣтилъ Алексѣй.

— Знаю, — молвилъ Сергѣй Андреичъ. — Такъ мы вотъ какъ сдѣлаемъ, Алексѣй Трифонычъ: воротится нарочный, и по письму Патапа Максимыча взять тебя будетъ можно, спосылаю я за тобой. А если что̀ не такъ, пришлю сказать, что мѣста у меня нѣтъ. Понялъ?

— Понимаю, Сергѣй Андреичъ, — отозвался Алексѣй и отправился въ гостиницу.

На другой день пошелъ Алексѣй по набережной. Надобности не было никакой, но до того залегла у него тоска на́ сердце, до того завладѣла имъ тревога душевная, полная боязни, опасенья и горестныхъ воспоминаній, что не сидѣлось ему въ одиночествѣ, а поминутно тянуло на многолюдство... Къ полудню время близилось, на пристани кипѣло сильное движенье: одни пароходы приставали, другіе въ путь снаряжались. Рѣзкій раздирающій уши свистъ паровиковъ, звяканье

якорныхъ цѣпей и громкіе, разноголосные и разноязычные крики людей на мигъ не умолкали. И рѣка, и набережная полны были оглушающаго гула разнородныхъ звуковъ, ясныхъ и несвязныхъ. Облокотясь на перила, стоялъ Алексѣй, безучастно глядя на рѣку и заворачивавшіе по ней пароходы, на незнакомыя лица пріѣзжавшихъ и отъѣзжавшихъ, на груды товаровъ, загромождавшихъ палубы, на суету рабочихъ, опускавшихъ якорья и захлестывавшихъ причальные концы [1]) за столбики, поставленные на досчатыхъ мосткахъ, устроенныхъ для подхода къ судамъ. Рядомъ съ нимъ, облокотясь на на́долбы и навалившись широкой грудью на по́ручни перилъ и отъ нечего дѣлать поплевывая въ воду, стояло нѣсколько незнакомыхъ ему людей, судя по одёждѣ, торговцевъ средней руки. Лѣниво перекидывались они отрывистыми словами и дѣлали замѣчанія большей частью ругательныя на счетъ того или другого парохода. Слушалъ Алексѣй рѣчи ихъ, но не внималъ имъ.

Пароходы межъ тѣмъ одинъ за другимъ причаливали. Другихъ на это утро не ждали... Но вотъ вдали за широкой песчаной отмелью, изъ-за угла выдавшейся въ рѣку и стоящей краснобурой стѣною горы, задымился еще пароходъ. Алексѣевы сосѣди то́тчасъ на него вза́рились.

— Еще бѣжитъ, — молвилъ молодой парень, приглядываясь въ даль и защищая ладонью глаза отъ солнечнаго свѣта.

— И впрямь еще пароходъ, — отозвался стоявшій плечо о плечо съ Алексѣемъ пожилой человѣкъ въ широкомъ синемъ сюртукѣ и въ мягкой валеной шляпѣ. Что запоздалъ? Аль закусывалъ на Темячьемъ Броду́? [2]).

[1]) Тонкій канатъ, которымъ причаливаютъ суда къ пристани.

[2]) Мель, извѣстная подъ названьемъ Телячьяго Брода.

— Закусилъ пескомъ на Телячьемъ, да видно еще отдохнуть вздумалъ въ Собачьей Дырѣ [1])—подхватилъ со стороны какой-то чернорабочій въ пропитанной дегтемъ и саломъ рубахѣ, съ разстетнутымъ воротомъ и съ коричневой отъ загара грудью.

— Чьему бы это быть? — молвилъ пожилой человѣкъ въ валеной шляпѣ, пристально глядя на вышедшій въ середину плёса буксирный пароходъ, тянувшій огромную баржу, заваленную чуть не до самой райны [2]) высокими бѣлыми бунта́ми какой-то надо быть легковѣсной клади.

— Молявинской, — подхватилъ молодой парень.— Бѣла труба съ краснымъ перехватомъ [3]). Надо быть *Воевода*.

— *Воевода* вечоръ пробѣжалъ,—замѣтилъ стоявшій одаль торговецъ.

— Такъ *Соболю* надо-быть, — сказалъ пожилой купецъ въ синемъ сюртукѣ.—Такъ и есть—*Соболь*,—прибавилъ онъ, вглядываясь въ приближавшійся пароходъ.—Бунты́ большіе—хлопокъ значитъ. Изъ Самары бѣжитъ.

— Скоренько же выбѣжалъ, — замѣтилъ молодой парень.—Мы изъ Самары отваливали, онъ только-что грузиться зачиналъ.

— Ходкій пароходъ. Изо всѣхъ молявинскихъ первый ходокъ,—сказалъ пожилой купецъ, стоявшій рядомъ съ Алексѣемъ.

— Чтой-то вздумалось Молявинымъ продать такое сокровище?—вставилъ стоявшій о́даль широкоплечій

[1]) *Собачья Дыра* мѣстность на Волгѣ, находящаяся неподалеку отъ Телячьяго Брода — тоже неблагопріятная для судоходства.

[2]) *Ра́йна* иначе *ре́я* — поперечное дерево на мачтѣ, къ нему привязывается нижній край паруса.

[3]) На Волгѣ у пароходовъ одного хозяина или одной компаніи дымогарныя трубы окрашиваются условными красками. Отъ того издали можно узнать кому принадлежитъ пароходъ.

торговецъ въ широкомъ пальто оливковаго цвѣта, съ толстой суковатой можжевеловой палкой козмодемьянкой [1]).

— Развѣ продали? — спросилъ у него Алексѣевъ сосѣдъ.

— Продали... Какъ же?.. На прошлой недѣлѣ за пятьдесять тысячъ продали. И денежки чистоганомъ получили, безъ разсрочекъ,—отвѣтилъ тотъ. — Теперь *Соболь* послѣдній разъ отъ Молявиныхъ бѣжитъ... Какъ разгрузится—къ новой хозяйкѣ поступитъ. — Сдавать его здѣсь будутъ.

— Кому проданъ-то?—спросилъ Алексѣевъ сосѣдъ, снимая валеную шляпу и пестрымъ бумажнымъ платкомъ отирая потъ, обильно выступившій на лысой, лоснящейся головѣ его.

— Въ Казани продавали,—отвѣтилъ торговецъ съ можжевелой палкой, подходя ближе къ Алексѣеву сосѣду.—Про Залетова Антипа Гаврилыча не слыхали ль?

— Знаемъ маленько Антипу Гаврилыча, — сказалъ Алексѣевъ сосѣдъ.—Съ покойными родителями хлѣбъ-соль важивали.

— Сестра ихняя *Соболь*-отъ купила. Масляникова Марья Гавриловна,—молвилъ торговецъ съ палкой.

Ровно оттолкнуло отъ перилъ Алексѣя. Изумленно взглянулъ онъ на торговца. Тотъ былъ не молодыхъ лѣтъ, и степенной наружности, съ здоровымъ румянцемъ въ лицѣ и полусѣдыми кудрявыми волосами.

— Въ правду Марья Гавриловна *Соболя* купила?— спросилъ его Алексѣй.

— Врать что ли я тебѣ стану?—сурово отозвался румяный торговецъ, едва взглянувъ на Алексѣя.—Коли говорю «купила» — значитъ купила. Пустыхъ рѣчей

[1]) **Лучшія можжевеловыя палки дѣлаются около города Козьмодемьянска и зовутся «козмодемьянками».**

болтать не люблю... И, обратясь къ Алексѣеву сосѣду, сказалъ:—На той недѣлѣ въ четвергъ Молявинъ Василій Игнатьичъ въ Казани находился. При мнѣ у маклера съ Залетовымъ былъ... При мнѣ и условіе писано. Антипъ-отъ Гаврилычъ, значитъ, по сестриной довѣренности.

— Та-а-къ,—протянулъ купецъ въ валеной шляпѣ.— Та-а-къ-съ. И деньги, значитъ, чистоганомъ?

— Двадцать тысячъ тутъ же вручилъ,—не говоря худаго слова,—отвѣтилъ торговецъ.—Задатку значитъ. Достальные здѣсь послѣ сдачи договорился получить чистоганомъ въ разъ. — Такъ и условіе писано — на семидневный срокъ.

— Кто жъ принимать-то здѣсь будетъ? Не самой же Масляниковой. — Ея дѣло бабье, ничего въ этомъ разѣ понимать она не можетъ, — замѣтила валеная шляпа.

— Ужь этого я доложить не могу,—отвѣтилъ румяный торговецъ. — Поминалъ въ ту пору Антипъ Гаврилычъ Молявину: сестра де хотѣла прикащика выслать, а другое дѣло: не знаю, какъ они распорядятся. Да вѣдь и то надо сказать — принять пароходъ по описи не больно хитрое дѣло. Опять же Молявины съ Залетовыми никакъ съ родни приходятся — свояки что ли...

— Свояки, на родныхъ сестрахъ женились,—подтвердилъ кто-то изъ толпы.

— Такъ *Соболь*-отъ теперича значитъ Масляниковскій. Вотъ оно что̀! — промолвилъ купецъ въ валеной шляпѣ... Знатный пароходъ!.. Знатный!.. Такихъ по Волгѣ не много. Давно ли плаваетъ?

— Всего три воды [1]), четвера пошла.

Межъ тѣтъ *Соболь* величаво выбѣжалъ къ пристани.

1) То-есть три года.

Медленно описавъ широкій кругъ передъ набережной, поворотилъ онъ корму противъ теченія и бросилъ якорья. Бывшіе на пароходѣ пассажиры торопливо стали сходить на̀ берегъ, и разсыпались по набережной. Палуба немного учистилась, и Алексѣй, взойдя на нее, спросилъ одного изъ рабочихъ, гдѣ ихній капитанъ. Тотъ указалъ ему на молодого человѣка, повидимому изъ татинцовскихъ лоцмано̀въ [1]), въ широкомъ коричневомъ пальто, изъ-подъ котораго выглядывали вздѣтая на выпускъ рубашка красной александрійки и смазанные конопляннымъ масломъ кимряцкіе личные сапоги по колѣна [2]).

— Почтенный! чьихъ хозяевъ вашъ пароходъ?— обратился къ нему Алексѣй.

— Братьевъ Молявиныхъ, — отрывисто отвѣтилъ капитанъ.

— Продали, слышь, его Молявины-то?

— Ну, продали такъ продали.—Тебѣ до того какое дѣло?—съ недовольной ужимкой сказалъ капитанъ.

— Кому продали-то?—спросилъ еще Алексѣй.

— Масляниковской купчихѣ. Разгрузимся, сдавать станемъ,—отходя отъ Алексѣя отозвался капитанъ

— Самой сдавать-то?

— Куда ей самой! Не бабье дѣло,—съ самодовольной улыбкой отвѣтилъ капитанъ.—Прикащикъ должо̀нъ отъ нея пріѣхать. Семь денъ будемъ ждать его, недѣлю значитъ, а потомъ неустойка пойдетъ... Да тебѣ что̀?

[1]) Татинецъ — село на Волгѣ близь устья Керженца. Лучшіе волжскіе лоцмана̀ большею частью изъ крестьянъ этого села.

[2]) Такъ называемые личные сапоги, употребляемые преимущественно простонародьемъ, шьются большей частью въ селѣ Кимрахъ, находящемся на Волгѣ въ Тверской губерніи. Личные сапоги шьются мездрою внутрь, а той стороной, гдѣ была шерсть — вверхъ. Они смазываются масломъ или дегтемъ.

— Нѣтъ, я такъ... — проговорилъ Алексѣй, снялъ картузъ, поклонился капитану и спѣшнымъ шагомъ сошелъ нà берегъ.

«Теперь все дѣло какъ на ладóни, думалъ онъ, крупными шагами идя вдоль набережной. Тѣшилась, значитъ, вѣдьма треклятая, одурачить меня думала... Коли бъ въ самомъ дѣлѣ на мысляхъ у нея въ тѣ поры про меня было, не стала бы у брата мѣста сулить, сказала бы, что сама задумала пароходъ покупать... А я-то, дуракъ, ровно ошалѣлъ тогда!.. Вся теперь надежда на Сергѣя Андреича.

И закипѣла злость въ душѣ Алексѣевой. Злость на Марью Гавриловну, такъ недавно еще царившую надъ его думами, надъ его помыслами. Но злобясь на коварную вдову, только вспомнитъ про очи ея соколиныя, про брови ея соболиныя, про высокую грудь лебединую, про станъ высокій да стройный, чтò твоя сосенка, такъ и осыплетъ его мурашками, трепетно забьется горячее сердце, замретъ,—и незванныя слезы на глаза запросятся.

Пересталъ Алексѣй съ того часу слоняться по набережной. Глаза бы его не глядѣли на проклятаго *Соболя*. Не видать бы ему парохода Марьи Гавриловны!..

Черезъ три дня воротился нарочный, посланный Колышкинымъ. Сергѣй Андреичъ послалъ за Алексѣемъ. Тотъ не замедлилъ.

Теперь ужь зналъ онъ, какъ звонятъ въ колокольчикъ. Человѣкъ съ галуномъ на картузѣ встрѣтилъ его не попрежнему. Заискивалъ онъ въ Алексѣѣ, старался угодить ему, говорилъ почтительно. Добрымъ знáкомъ счелъ Алексѣй такое обращенье Колышкинской прислуги. Должно быть добрый отвѣтъ полученъ отъ Патапа Максимыча.

— Здравствуй, Алексѣй Трифонычъ! Все ль по добру по здорову?—весело и радушно встрѣтилъ его

Сергѣй Андреичъ.—Ну, братъ,—продолжалъ онъ, садясь къ письменому столу рядомъ съ Алексѣемъ,—ума приложить не могу, что̀ такое крестный творитъ. Полезнаго человѣка прочь отъ себя, а на мѣсто его принимаетъ въ домъ самопервѣйшую по здѣшнимъ мѣстамъ бестію!.. Знаю я Григорья Филиппова! Въ Сибири бъ ему мѣсто, а не въ чѐстномъ дому. Не рехнулся ли съ печали-то Патапъ Максимычъ? Вѣдь этотъ Гришка трехъ хозяевъ на своемъ вѣку обворовалъ, къ четвертому теперь подъѣзжаетъ... Непремѣнно надо писать крестному—остерегся бы, поопасился... И какой плутъ всучилъ ему такое сокровище!.. Досада даже беретъ!.. Завтра же буду писать.

— На мой-отъ счетъ, Сергѣй Андреичъ, какой отвѣтъ полученъ?—спросилъ Алексѣй.

— На твой счетъ?—съ доброй улыбкой отозвался Колышкинъ. — На твой счетъ, Алексѣй Трифонычъ, крестный такой отвѣтъ написалъ, что не всякій отецъ про сына родного такой напишетъ. Да вотъ письмо. Читай самъ, а я сейчасъ ворочусь, надо приказанье въ конторѣ отдать.

И подавъ Алексѣю письмо, вышелъ изъ комнаты.

Читаетъ Алексѣй знакомыя, крупныя, полууста́вныя почти буквы. Патапъ Максимычъ ровно передъ нимъ стоитъ... Какъ на яву видитъ онъ его душевными очами.

«...А что̀ пишешь ты на счетъ Алексѣя Лохматаго, что̀ просится къ тебѣ на мѣсто, и ты его́ прими безо всякаго сумлѣнья. Не долго у меня жилъ, а много себя показалъ, и я бы, кажись, во́ вѣки вѣковъ съ нимъ не разстался. Теперь на его мѣстѣ Гаврила Филиппычъ, что̀ у Зарубиныхъ въ прикащикахъ жилъ. Человѣкъ бывалый, знающій, а дня не проходитъ, чтобъ не поминалъ я Алексѣюшку. Яви Божескую милость, Сергѣй Андреичъ, устрой парня, какъ можно

въ наилучшемъ видѣ—самъ послѣ спасибо мнѣ скажешь. Христомъ Богомъ прошу тебя, любезный мой крестничекъ, держи ты его въ приближенiи, не какъ другихъ служащихъ. А я отвѣчаю тебѣ за Алексѣя Лохматаго всѣмъ моимъ капиталомъ. Сколько мнѣ довѣряешь, столь и ему повѣрь. Христомъ Богомъ прошу, полюби Алексѣюшку и всячески жалуй его — повѣрь Богу, онъ тебѣ заслужитъ. Прежде было думалъ я предоставить ему мѣсто у Марьи Гавриловны Масляниковой, котору ты у меня въ Осиповкѣ видѣлъ. Она у Молявиныхъ пароходъ купила, *Соболь* прозывается, восемьдесятъ силъ, буксирный, плавалъ всего только три воды, строенъ въ Сóромовѣ у Бенардаки [1]). Окромя тòго думаетъ Марья Гавриловна и другiе торги заводить. Капиталъ у нея значительный послѣ мужа достался. Нарочно спрашивалъ я письмомъ Марью Гавриловну, не пожелаетъ *ли* къ тому дѣлу приставить извѣстнаго мнѣ надежнаго человѣка, да такого, что я бы ручаться готовъ со всякимъ моимъ удовольствiемъ, да тутъ вышла неудача. Отвѣтила Марья Гавриловна, что такой человѣкъ у нея готовъ... Послѣ того полагалъ я въ Самару писать да въ Хвалынь къ прiятелямъ,—слышалъ, что у нихъ на пароходахъ есть мѣстà, а вышло, что у тебя къ тому времени очистилось мѣсто. Сдѣлай милость, любезный другъ мой Сергѣй Андреичъ, успокой ты меня старика, устрой Алексѣя, сколь можно лучше. Какую милость къ нему явишь, тѣ милости твои я къ себѣ причту. Положи ты ему жалованье хорошее, и харчи и содержанiе хорошее дай, не какъ другимъ прочимъ, яви такую милость. А буде случится Алексѣю какая надобность, дай ему пожалуста денегъ, сколько ему нужно и тóт-

[1]) Пароходный заводъ близь Нижняго, на Волгѣ, возлѣ дер. Сбромовой.

часъ ко мнѣ отпиши, заплачу немедля со всякимъ моимъ удовольствіемъ...»

Инда руки опустились у Алексѣя, какъ дочиталъ онъ письмо Патапа Максимыча. «Что̀ за человѣкъ, что̀ за милостивецъ!... думаетъ онъ. И впрямь, не всякій отецъ объ сынѣ такъ печется, какъ онъ обо мнѣ... И это послѣ того... послѣ такой обиды!...»

И вдругъ онъ дрогнулъ. Попрежнему невѣдомый тайный голосъ шепталъ ему: «отъ сего человѣка погибель твоя!»

Въ то время воротился изъ конторы Сергѣй Андреичъ.

— Прочиталъ?—спросилъ онъ Алексѣя.

— Прочиталъ,—въ смущеньи отвѣтилъ Алексѣй, отдавая письмо.

— Какъ полюбилъ-то онъ тебя, просто на удивленье!—сказалъ Колышкинъ.—Ужь мнѣ то вспало на умъ, не прочитъ ли за тебя онъ дочку.

Зардѣлся Алексѣй, едва могъ проговорить:

— Помилуйте, Сергѣй Андреичъ! Да развѣ это возможно?

— У него все возможно.—Таковъ ужь норовъ у крестнаго,—сказалъ Сергѣй Андреичъ. — Что̀ въ голову залѣзло, клиномъ не выбьешь... Конечно, по достаткамъ его, особенно же теперь, какъ одна дочь осталась, любой первостатейный готовъ за сына ее посватать, да крестному это все наплевать. Забрело на мысли,—шабашъ. Право не въ зятья ли онъ тебя прочитъ?—прибавилъ Колышкинъ съ радушнымъ смѣхомъ, хлопнувъ рукой по плечу Алексѣя.

— Какъ это возможно?—говорилъ тотъ.

— Смотри, чтобъ не вышло по-моему,—усмѣхнувшись продолжалъ Сергѣй Андреичъ.—Не то какъ же это разсудить? Самъ въ человѣкѣ души не чаетъ, дорожитъ имъ, хлопочетъ ровно о сынѣ, а отъ себя на

сторону пускаетъ... Вотъ дескать я его на годокъ изъ дому-то спущу, сплетенъ бы какихъ на счетъ дѣвки не вышло, а тамъ и оженю... Право, не такъ ли?... Да ты самъ просился отъ него?

— Самъ,—глухо промолвилъ Алексѣй.

— Что́ жь тебѣ вздумалось? — спросилъ Сергѣй Андреичъ.—Вѣдь тебѣ не житье было — масленица. Чѣмъ не понравилось?

— Что́ жь, Сергѣй Андреичъ,—смущеннымъ голосомъ промолвилъ Алексѣй.—Извѣстное дѣло: рыба ищетъ, гдѣ глубже, человѣкъ, гдѣ лучше.

Пристально посмотрѣлъ на него Колышкинъ, сморщилъ немного брови и прошелся раза два-три по комнатѣ.

— Ну такъ должность твоя вотъ какая будетъ,— началъ онъ, продолжая ходить по комнатѣ и отъ времени до времени взглядывая на́ Алексѣя.

Подробно объяснилъ онъ, въ чемъ будутъ состоять Алексѣевы обязанности. Жалованья положилъ столько же, сколько получалъ онъ у Патапа Максимыча. На харчи особо, на квартиру, на разъѣзды тоже особую плату назначилъ. Всякій новичокъ въ торговомъ дѣлѣ отъ такихъ выгодныхъ условій запрыгалъ бы съ радости; Алексѣй поблагодарилъ, какъ водится, но въ душѣ остался недоволенъ. — Не того хотѣлось ему.. Богатства скорѣй да людскаго почета!... Богатства!... Сейчасъ же!... Вынь да положь — хоть по щучьему велѣнью, какъ въ сказкѣ сказываютъ...

Кончили тѣмъ, что черезъ недѣлю, когда придетъ изъ Астрахани Колышкинскій пароходъ *Успѣхъ*, разгрузится и возьметъ свѣжую кладь до Рыбинска, Алексѣй поѣдетъ на немъ при клади, и тѣмъ временемъ ознакомится съ пароходнымъ дѣломъ. За тѣмъ было обѣщано ему мѣсто капитана на другомъ пароходѣ Колышкина.

Сергѣй Андреичъ спросилъ у него паспортъ, Алексѣй вынулъ изъ кармана и подалъ.

— Ну, братъ, этотъ паспортъ намъ не съ руки,— взглянувъ на него, сказалъ Колышкинъ.—Трехмѣсячный и сроку только двѣ недѣли остается. Тебѣ надо годовой хоть выправить, а еще того лучше года на три.

— Слушаю, Сергѣй Андреичъ,—отвѣчалъ Алексѣй.

— Медлить некогда, сегодня жь отправляйся домой и торопись съ паспортомъ. Годовой надо будетъ въ казначействѣ брать, въ уѣздный городъ, значитъ, ѣхать, въ удѣльномъ-то приказѣ, пожалуй, не выдадутъ. Похлопочи, чтобъ скорѣй... Денегъ не жалѣй; гдѣ придется колеса подмазать—подмажь, только поскорѣй ворочайся. Черезъ десять дёнъ надо тебѣ безпремѣнно здѣсь быть—пароходъ не ждетъ... Денегъ на дорогу не надо ль?

— Нѣтъ, — отозвался Алексѣй. — Благодарю покорно, деньги найдутся... Такъ я сегодня же отправлюсь.

— Съ Богомъ. Увидишь Патапа Максимыча, поклонись ему, да молви про Гришку Филиппова — не больно бы ему довѣрялся. Сергѣй Андреичъ, молъ, говоритъ, что это плутъ преестественный..

Пóдъ вечеръ, переправясь черезъ Волгу, поскакалъ Алексѣй на своихъ савраскахъ въ Поромово.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Съ поля нà поле отъ деревни Поромовой, возлѣ самаго болота Долгаго, на маленькомъ пригоркѣ стоитъ село Песочное. Опричь поповскихъ домовъ, въ томъ селѣ всего семь дворовъ, да одаль отъ нихъ большой

домъ городской постройки. Обшитъ онъ тесомъ, выкрашенъ желтой охрой; крыша на четыре ската, окна растворчатыя, крыльцо на самой середкѣ. Саженяхъ въ пятнадцати отъ того дома другой такой же, только поменьше. Заборы рѣшетчатые; дворы не крытые. То́тчасъ видно, что строенье казенное: почтовая станція, либо волостное правленье, а не то пересыльный этапъ. И въ самомъ дѣлѣ въ большомъ домѣ помѣщался удѣльный приказъ, а въ томъ, что́ поменьше— училище, небогатое, впрочемъ, учениками.

Въ головахъ Песоченскаго приказа сидѣлъ Миха́йло Васильичъ Скорняковъ, тотъ самый, что́ на именинахъ Аксиньи Захаровны втянулся было въ затѣянное Стуколовымъ ветлужское дѣло. Жилъ онъ верстахъ въ десяти отъ Песочнаго, въ приказъ пріѣзжалъ только по самымъ важнымъ дѣламъ. Всѣмъ заправлялъ писарь, молодой парень изъ удѣльныхъ же крестьянъ. Обыкновенно должность писаря въ удѣльныхъ приказахъ справлялась мелкими чиновниками; крестьяне рѣдко на нее попадали. Однимъ изъ такихъ былъ Карпъ Алексѣичъ Морковкинъ, писарь Песоченскаго удѣльнаго приказа.

Родомъ онъ былъ изъ-за Волги, но какого села, какой деревни, одинъ Господь вѣдаетъ.

Повыше Балахны, на высокихъ глинистыхъ горахъ Кириловыхъ, да на горѣ Оползнѣ, вытянувшись вдоль лѣваго берега Волги, стоитъ село Городецъ. Кругомъ его много слободъ и деревушекъ. Онѣ съ Городцомъ во едино слились. Изстари тамъ ребятишекъ много подкидываютъ. Изъ подкидышей цѣлой губерніи половина на долю Городца приходится. Хоть поется въ бурлацкой пѣснѣ:

Въ Городцѣ на дворѣ
По три дѣвки на дворѣ,

но нельзя думать, чтобы всѣхъ этихъ подкидышей приносили городецкія красавицы. Мудрено и то подумать, чтобъ келейницамъ керженскимъ, чернораменскимъ обязанъ былъ Городецъ такимъ множествомъ найденышей. Иная тому причина: издавна повелось, верстъ изъ-за сотни и больше, свозить въ то село незаконныхъ дѣтей. Случалось, что бѣдные крѣпостные законныхъ дѣтей Городцѣ подкидывали, чтобы вольными они выросли.

Найденыша обыкновенно несли въ удѣльный приказъ, а тамъ сдавали на воспитанье желающему принять ребенка. Очередь даже велась межъ крестьянами; воспитанье подкидышей стало у нихъ чѣмъ-то въ родѣ повинности. Чужихъ дѣтей принимали крестьяне съ великою радостью, изъ-за нихъ даже свары и ссоры бывали—и тому взять хочется, и другому охота. Такую страсть до чужихъ дѣтей надо тѣмъ объяснить—что по возрастѣ они взамѣнъ родныхъ дѣтей въ рекруты сдавались. Въ лѣсахъ за Волгой такихъ пріемышей зовутъ «захребетниками» [1]).

Въ одинъ лѣтній день нашли подкидыша не въ урочномъ мѣстѣ — въ оврагѣ. Благо, что у игравшихъ въ лапту ребятишекъ мячъ туда залетѣлъ. Спустившись въ оврагъ, нашли они тамъ маленькаго захребетника... Пришли десятскіе изъ приказа, ребенка взяли, окрестили, и какъ найденъ былъ онъ 26-го мая, то и нарекли его Карпомъ, по имени святаго того дня. Во рту раба Божія Карпа соску съ жеваной морковью нашли—отъ того прозвали его Морковкинымъ.

Время стояло глухое. Больше половины городецкихъ въ Верхъ на росшивахъ ушло, либо уплыло на

1) Захребетниками въ былое время звали еще людей купленныхъ крестьянами на имя своего помѣщика. Они исправляли за своихъ хозяевъ барщину и работали на нихъ.

сплавъ съ горянщиной. Къ тому жь, незадолго передъ тѣмъ полъ-Городца выгорѣло, и не нашлось въ самомъ селѣ Карпушкѣ пріемныхъ родителей. Подвернулся староста съ десятскими изъ деревни Поромовой. Малымъ дѣломъ потолковали они межъ себя и выпросили у Городчанъ Карпушку себѣ въ «захребетники». Вспало на умъ поромовскимъ: рекрутовъ по теперешнимъ временамъ требуютъ часто—вспоимъ, вскормимъ цѣлымъ міромъ найденыша; какъ выростетъ онъ, да загудитъ надъ землей царскій колоколъ [1]), тотчасъ сдадимъ его въ рекруты. Съ такимъ добрымъ намѣреньемъ и свезъ староста Карпа Морковкина въ деревню Поромову. Того старосту звали Алексѣемъ, отъ того поромовскому мірскому захребетнику — вышло полное прозвище: Карпъ Алексѣевъ Морковкинъ.

Семибатькинъ сынъ, семиматерное дѣтище росло себѣ да росло въ деревнѣ Поромовой... Годы шли; оглянуться не успѣли, мальчишка ужь въ разумъ началъ входить... Въ сиротствѣ жить — только слезы лить... Будь Карпушка одного хозяина захребетникомъ, не плохое бы житье было ему: поили бъ, кормили его, какъ сына родного, привязались бы къ нему назва́нные отецъ съ матерью, какъ къ дѣтищу рожоному. Зачастую въ русскомъ простонародьѣ бываетъ, что пріемышъ заурядъ съ роднымъ сыномъ идетъ, наслѣдство даже съ нимъ равное по смерти богоданныхъ родителей получаетъ. Но Карпушка былъ захребетникомъ цѣлой деревни, отъ того и выпало ему на долю горькое горе — слезовая доля.

— Христосъ съ нимъ — пущай растетъ, — говаривали мужики поромовскіе, — въ годы войдетъ, въ солдаты пойдетъ — плакать по немъ будетъ некому.

[1]) То-есть, объявленъ будетъ рекрутскій наборъ.

И крѣпко-на́-крѣпко наказывали бабамъ поберегать парнишку, приглядѣть иной разъ, чтобъ грѣхомъ не окривѣлъ аль зубовъ переднихъ ему не вышибли... Тогда бѣда непоправимая — за́даромъ пропадутъ хлѣбъ-соль и мірское о сиротѣ попеченіе—нельзя будетъ въ рекруты сдать.

И быть бы Карпушкѣ солдатушкой, шагать бы по бѣлу свѣту съ ранцемъ за плечами, безъ алтына въ карманѣ, всю бы жизнь чиститься не вычиститься, учиться не выучиться, но на сиротскую долю иная судьба выпала... Сбылось на мірскомъ захребетникѣ вѣковѣчное слово: «Сирый да вдовый плачутъ, а за сирымъ да вдовымъ Самъ Богъ стоитъ».

Выходилъ отъ начальства строгій-престрогій указъ: отдавать съ каждой волости по стольку-то человѣкъ въ «грамоту». Сельскихъ школъ тогда еще не было, оттого и велѣно было ребятишекъ въ губернскій городъ везти. Тамъ заводилось первое въ ту пору удѣльное училище.

По сёламъ бабы воютъ, по дере́внямъ голосятъ; по всѣмъ по дворамъ ребятишки ревутъ, ровно во всякомъ дому по покойнику. Каждой матери боязно, не отняли бъ у нея сынишка любимаго въ ученье заглазное. Замучатъ тамъ болѣзнаго, заморятъ на чужой сторонѣ, всего-то натерпится, со всякимъ-то горемъ спознается!... Не ученье страшно̀ — страшна чуже-дальняя сторона непотачливая, житье-бытье подъ казенной кровлей, кусокъ хлѣба не матерью печеный, щи не въ родительской печи свареныя.

Въ Поромовѣ бабы не выли, мужики не задумывались—у нихъ мірской захребетникъ росъ. Чего еще ждать Карпушкина возраста? Кто еще знаетъ его, можетъ искалѣчиться, либо съ голоду повадится по чужимъ клѣтямъ ходить, да подъ судъ угодитъ... Тогда міру изъянъ, въ солдаты такихъ не бреютъ... Лучше

до грѣха теперь же за міръ въ ученье его отдать: живъ останется, и ученый нашихъ рукъ не минуетъ... Міръ въ барышахъ еще будетъ: безъ хлопотъ тогда примутъ Карпушку въ рекруты, потому что начальство грамотнымъ не въ примѣръ пріятнѣе лбы забриваетъ... И то еще льстило мужикамъ поромовскимъ, что, отдавши Карпушку въ училище, справятъ они повинность за цѣлую волость Песоченскую... И тутъ барыши: коль не деньгами, такъ подводами другія деревни Карпушкину сдачу заверстаютъ... Хлѣбъ-соль на мірскаго захребетника потраченный такимъ побытомъ въ деревню воротится, еще прибытокъ кой-какой міру при расчетѣ окажется... Такъ судили-рядили мужики деревни Поромовой, и всѣ двѣнадцать дворовъ въ одинъ голосъ рѣшили сдать Карпушку въ училище— пусть его учится да мучится, а родные ребятки на печкѣ лежатъ.

И свезли въ губернскій городъ мірского захребетника и сдали его, куда слѣдовало. Сталъ Карпушка учиться — грамота парнишкѣ далась, ученье на ладъ пошло. Да такъ оно на ладъ пошло, что черезъ годъ какой-нибудь сталъ Морковкинъ что ни на есть первымъ ученикомъ: безъ запинки читаетъ по церковному и по гражданскому, пишетъ, ровно бисеръ нижетъ, на счетахъ кладетъ и на бумагѣ всякія числа высчитываетъ — одно слово, сталъ съ неба звѣзды хватать. Пали про то вѣсти въ деревню Поромову и бабы рѣшили, что Карпушкѣ надо быть роду боярскаго, оттого и даются ему науки боярскія—значитъ такъ ужь это у него отъ рожденія, кровь значитъ такая въ немъ. И провѣдывали и навѣдывались, отъ кого бы Карпушкѣ на свѣтъ Божій родиться — мекали на дворянскаго засѣдателя, на виннаго пристава, не обошли и протопопа, но дѣла рѣшить не могли. Двѣ кумы на̀ вѣкъ изъ-за Карпушки тогда перессорились: одна кре-

стилась и божилась, что онъ боярскаго отродья, а другая образъ со стѣны тащила, что ихній захребетникъ непремѣнно роду поповскаго. Спорили бабы спорили, да на̀ людяхъ другъ про дружку и ну подноготную всю выкладывать. А затѣмъ ужь извѣстно—повойники долой, да въ косы.

Годы идутъ, Карпушка учится да учится. Однажды песоченскій удѣльный голова (не Михайло Васильевичъ, а другой, что̀ до него въ головахъ сидѣлъ), воротясь изъ города, такъ говорилъ на волостномъ сходѣ, при всемъ честно̀мъ народѣ:

— Будучи въ городу́, по приказу господина управляющаго, сидѣлъ я въ училищѣ; пытали тамъ ребятъ, кто чему обучался. Такое собранье тутъ было, что ни вздумать, ни взгадать: архіерей съ архимандритомъ, губернаторъ съ высокими чинами, барыни разряженныя,—посмотрѣть такъ дорого дашь!... И читали тамъ вычитывали, каково каждый паренекъ обучается, а которы ребята отучились, тѣмъ аттестаты раздавали на большой бумагѣ за красной печатью, за подписомъ самого господина управляющаго. И нашъ Карпъ Алексѣевъ Морковкинъ, мірской захребетникъ деревни Поромовой, такой же аттестатъ принялъ изъ рукъ самого господина губернатора. А выданъ Морковкину тотъ похвальный аттестатъ за то, что во всѣхъ тамошнихъ наукахъ онъ произошелъ да, окромѣ того, малевать, собачій сынъ, навострился. Господинъ управляющій малеванье его мнѣ показывалъ: «вотъ, говоритъ, это вашего песоченскаго!»... Голу дѣвку съ самострѣломъ да съ собакой намалевалъ [1]): стоитъ ровно вживѣ—глядѣть даже зазорно. И ту дѣвку въ Питеръ послали—въ департаментъ, потому значитъ, что оченно хорошо потрафилъ. А послѣ того, какъ я на дому у

1) Діана.

господина управляющаго былъ, изволилъ его высокородіе такой приказъ мнѣ сказать: Карпа Морковкина на родину отпущаемъ — было бъ ему отъ васъ всякое устроенье. А какъ родныхъ у него нѣтъ — въ зятья не пожелаетъ ли кто?... А покамѣстъ, говоритъ, пущай его въ приказѣ живетъ—писарю помогаетъ. Такъ вотъ, православные, не пожелаетъ ли кто Карпа Морковкина въ зятья къ себѣ? Парню двадцать съ годомъ, отъ начальства взысканъ, наукамъ обученъ, по маломъ времени сюда его вышлютъ. Такъ не пожелаетъ ли кто?

Никто не пожелалъ принять въ зятья захребетника. То еще на умѣ у всѣхъ было: живучи столько лѣтъ въ казенномъ училищѣ, Карпушка совсѣмъ обмірщился, своротилъ значитъ въ церковники, попалъ въ великороссійскую. Какъ же взять такого въ сéмью неуклонно въ древнемъ благочестіи пребывающую?... Пришлось Морковкину проживать при удѣльномъ приказѣ.

Наукѣ обучился, а отъ крестьянства отсталъ. Казенный грамотѣй — не пахарь, соха съ приказнымъ перомъ въ ладу не живутъ, борона Карпушкѣ не къ рукѣ, пахать тоже умѣнья нѣтъ, мастерства никакого не знаетъ... Выйдя разъ на жнитво за дѣвками погоняться, пожать было вздумалъ, такъ мизинецъ чуть не прочь отхватилъ. На что сѣнокосъ — по работѣ само послѣднее дѣло — и тутъ Карпушка не годится. Гадаютъ мужики: «хоть и грамотенъ, а опричь что въ солдаты никуда не годится, — такая ужъ видно судьба ему».—И въ самомъ дѣлѣ, православные,—рѣшилъ голова,—не голыхъ же дѣвокъ ему малевать, сдадимъ за міръ въ рекруты — пущай служитъ Богу и великому государю: ученые люди царю надобны — пожертвуемъ царскому величеству своимъ мірскимъ захребетникомъ...

Новый управляющій на ту пору въ удѣльну контору поступилъ. А былъ онъ не такого сорта, какъ прежній. Прежній-отъ подъ старость подходилъ, а все вѣтрогономъ жилъ, все бы ему въ городу̀ съ барынями, а по деревнямъ съ дѣвками возжаться. Тѣмъ барынямъ, что̀ изъ себя попригляднѣе были, изъ удѣльныхъ магазиновъ весь хлѣбъ роздалъ, а друзей-пріятелей деньгами изъ мірскихъ суммъ снабжалъ. Мужиковъ подначальныхъ не зналъ, да и знать не хотѣлъ. Былъ начальникъ задорный — мужики и на су̀дьбище къ нему не ходили, потому что одно пустое дѣло изъ того выходило. «Ты ему *резонтъ* [1]), а онъ тя въ рыло», говаривали мужики.

Новый управляющій не изъ таковскихъ былъ: понималъ мужика вдоль и поперекъ, всяко крестьянско дѣло и деревенскіе обычаи вѣдалъ, ровно самъ въ крестьянской избѣ родился. Объѣзжая приказы, увидалъ онъ въ Песочномъ Морковкина, поговорилъ съ нимъ, заставилъ вѣдомость какую-то составить, бумагу написать и похвалилъ. Видя, что Морковкинъ бобыль, и слыша, что мужики норовятъ его въ солдаты отдать, управляющій велѣлъ ему въ контору явиться. Тамъ Карпушка пробылъ года съ четыре, въ приказныхъ дѣлахъ наторѣлъ, и все ему стало съ руки: просьбу ль написать, дѣло ль въ котору надо сторону своротить,—на всякое художество собаку съѣлъ. Открылось въ Песоченскомъ приказѣ мѣсто писаря. Карпушку туда.

И сталъ Карпушка не Карпушка, а Карпъ Алексѣичъ. Удѣльнаго голову въ руки забралъ, старшинъ за̀ бороды сталъ потряхивать. У него вся волость: ходи какъ линь по дну, а воды замутить не моги.

[1]) Французское *raison*, попавшее изъ помѣщичьихъ хоромъ въ крестьянскія избы.

Разжился Карпъ Алексѣичъ, ровно купецъ городской: разъ по пяти на дню чай пивалъ, простымъ виномъ брезговалъ, давай ему кизлярки, да на закуску зернистой икры съ калачомъ. Не то, что становой, самъ исправникъ у Карпа Алексѣича гащивалъ, но изъ крестьянъ хорошіе люди знать его не хотѣли. Голова Михайло Васильевичъ по неволѣ въ добрыхъ ладахъ съ Морковкинымъ жилъ, но крѣпко тяготился, когда писарь наѣзжалъ къ нему въ домъ погоститьпобесѣдовать. Патапъ Максимычъ къ каждому празднику посылалъ ему барашка въ бумажкѣ: нельзя — самъ удѣльный, но дружбы съ Морковкинымъ не заводилъ и къ себѣ въ домъ ногой его не пускалъ. И рядовому крестьянству и тысячникамъ всѣмъ равно насолилъ Карпъ Алексѣичъ...

Не дай Богъ свиньѣ рога, а мужику барство. Нелегко крестьянамъ начальство бритое, не въ примѣръ тяжелѣй — бородатое. То больше обидно стало Песоченскому обществу, что не наѣзжій писарь аль не чиновникъ какой надъ ними властвуетъ, а свое отродье, тотъ самый Карпушка, что недавно въ Поромовой съ поросятами въ грязи валялся.

А каково было старикамъ поромовскимъ, вскормившимъ Карпушку въ мірскихъ захребетникахъ?.. Каково было имъ безъ шапокъ на морозѣ стоять передъ Карпомъ Алексѣичемъ, кланяться ему до сырой земли, просить да молить, чтобъ надъ ними помилосердовалъ?

«Знать бы да вѣдать, межъ собой говорили они, не сдавать бы въ науку овражнаго найденыша?... Кормить бы, поить его окаяннаго, что свинью на убой, до самыхъ тѣхъ поръ, какъ пришлось бы сдавать его въ рекруты. Не ломался бъ надъ нами теперь, не несъ бы высóко поганой головы своей. Отогрѣли змѣю за пазухой! А все бабы! Онѣ въ ту пору завыли не вѣсть съ чего»...

И доставались бабамъ колотухи здоровенныя... Доставались и тѣмъ, что̀ въ тѣ поры, какъ сдавали Карпушку въ ученье, и бабами еще не были. Не разбирать же стать, когда мужичьему кулаку расходиться вздумается. — Пущай бабье межъ собой разбираются: котора изъ нихъ правая, котора виноватая.

Наѣхавши писаремъ, не замедлилъ Карпъ Алексѣичъ побывать въ деревнѣ Поромовой. Поромовскіе извѣстно: и «голубчикъ ты нашъ!» и «родной-то ты воскормленникъ нашъ!» и «вотъ какого Богъ привелъ выкормить!» Тотъ ему дядей, другой сватомъ называется. Въ прежнее время Карпушку хворостиной со двора, а теперь— «желанный ты нашъ, разлюбезненькій.» Сватьевъ не оберется, свояковъ не огребется, а женскаго кумовства до Москвы не перевѣшаешь. Но не взирая на ласки Поромовцевъ, не по родственному обошелся Морковкинъ со своими поильцами-кормильцами.

Помнилъ онъ ребячество, помнилъ, какъ и́зо дня въ день держали его впроголодь, а водили въ обноскахъ, что̀ отъ ветхости съ плечъ родныхъ дѣтей сваливались. Помнилъ онъ щипки, рывки и потасовки ребятишекъ. Бывало Боже сохрани отвѣтить тѣмъ же — драчуны разревутся, нажалуются, и мірскаго захребетника за ушко да на солнушко, да выпорютъ еще въ добавокъ безъ милосердія. Не было въ Поромовѣ мужика, который бы хоть разъ въ недѣлю не нарвалъ вихровъ захребетнику. А пуще всего бабы памятны были Карпу Алексѣичу: то-и-дѣло колотили онѣ парнишку и за дѣло и безъ дѣла. Да все зря, чѣмъ ни попало: скалкой такъ скалкой, ухватомъ такъ ухватомъ, а не то и полѣномъ, коли подъ руку угодило.

Попилъ, поѣлъ, погостилъ у поромовскихъ Карпъ Алексѣичъ, да вмѣсто спасиба за́ хлѣбъ за́ соль, на завтра велѣлъ мужикамъ съ поклономъ въ приказъ приходить.

— По гривнѣ съ души,—сказалъ онъ.—По инымъ деревнямъ у меня пятакъ положонъ, а вы люди свои: съ васъ и гривна не обидна. Надо бы побольше да ужь такъ и быть, хлѣбъ-соль вашу поминаючи, больше гривны на первый разъ не приму.

Дѣлать нечего—писарь великъ человѣкъ, все у него въ рукахъ, а руки на то и привѣшены, чтобы посулы да подносы отъ людей принимать. Поклонились гривной съ души воскормленнику... Что дѣлать? Поневолѣ къ полю, коли лѣсу нѣтъ... Взялъ деньги Морковкинъ. не поморщился, да издѣваясь, примолвилъ старостѣ:

— Не даю потачки своимъ, чтобъ страху задать чужимъ.

Гривной съ души поромовскіе отъ бѣдъ и обидъ не избыли. Къ мужикамъ по другимъ деревнямъ Карпъ Алексѣичъ не въ примѣръ былъ милостивѣй: огласки тоже передъ начальствомъ побаивался, оттого и бралъ съ нихъ, какъ слѣдуетъ. А «своимъ» спуску не давалъ: въ Поромовой у него бывало всяко лыко въ строку.

Жаловаться въ конторѣ пробовали—вышло хуже

А жаловаться по мірскому рѣшенью ходилъ Трифонъ Михайлычъ Лохматый. Правду сказать, онъ не то чтобъ настоящимъ ходакомъ отъ міру былъ, чтобъ нарочно въ городъ посылали его съ жалобой, на это онъ ни за что бы въ свѣтѣ не пошелъ. Было у него на ту пору свое дѣло въ городѣ, такъ ужь кстати было и просьбу снести. Управляющій жалобу выслушалъ, очень на писаря прогнѣвался и послалъ довѣреннаго чиновника по всѣмъ деревнямъ Песоченской волости развѣдать, въ правду ль на него Лохматый жаловался. Чиновникъ тотъ человѣкъ былъ ловкій, слылъ добросовѣстнымъ и безкорыстнымъ; а изъ-подтишка любилъ лапку въ чужой карманъ запустить... До мужиковъ неповаденъ былъ и злобенъ, даромъ что

Доброхотовымъ прозывался. Коли знаетъ, бывало, что начальство про дѣла его свѣдать можетъ, — за правду горой, и мужика въ обиду не дастъ; а коль можно втихомолку попользоваться — на руку охулки не положитъ. А пуще всего бралъ языкомъ. Кто по другимъ вѣдомствамъ служитъ, всѣ у него воры да мошенники, одинъ онъ святъ человѣкъ. Ловко начальство надувалъ и вѣру къ себѣ получилъ отъ него большую. Что̀ ни скажетъ бывало Доброхотовъ управляющему, такъ тому дѣлу и быть. Съ Морковкинымъ спознался, когда тотъ еще въ конторѣ служилъ. Пріѣхавъ въ Песочное, три дня и три ночи угощался онъ у писаря: день самъ-другъ чайничаютъ, ночь въ двѣ пары съ солдатками бражничаютъ. Послѣ трехъ денъ гульбы сталъ Доброхотовъ мужиковъ созывать да про писаря Морковкина разспрашивать. Всѣхъ деревень крестьяне сказали, что очненно имъ довольны, никакихъ обидъ отъ него не видывали. Недовольныхъ только и нашлось, что двѣнадцать хозяевъ деревни Поромовой. А какъ имъ повѣрить, коли тысячи другихъ въ полной мѣрѣ одобряютъ писаря? Управляющій добрый нагоняй задалъ поромовскимъ. Больше всѣхъ досталось Лохматому. Тѣмъ дѣло и покончилось.

Карпъ Алексѣичъ узналъ отъ пріятеля, кто на него челобитчикомъ былъ. Только-что уѣхалъ Доброхотовъ, злобно закусилъ онъ губу и, не таясь стоявшихъ по близости людей, громко вымолвилъ.

— Помни ты это, Трифонъ Лохматый, а я про тебя не забуду.

Но Трифонъ Лохматый по правдѣ жилъ да по истинѣ, придраться къ нему было мудрено. Какъ ни хитрилъ, какія ямы писарь подъ нимъ ни подкапывалъ, подцѣпить никакъ не могъ. Еще пуще отъ того зло разобрало Морковкина.

— Ладно же, говоритъ ладно, не отвертишься ты у меня, Трифонъ Лохматый... Дойму не мытьемъ такъ катаньемъ! ..

И съ того часа положилъ на него вражду и лютую злобу.

Хоть великъ человѣкъ былъ Карпъ Алексѣичъ; хоть велйки стали достатки его, но не хватало ему по деревенскому свычаю-обычаю настоящей силы-важности, потому что человѣкъ былъ молодой, да къ тому жь не женатый. Извѣстно, что семейному всегда ото всѣхъ больше почету, особенно если ему надъ другими начальство дано...

Пора бы и Морковкину семьей заводиться, да жениться-то по окольности не на комъ: крестьянскую дѣвку взять не хочется, купеческая дочь не пойдетъ за мірскаго захребетника, на солдаткѣ жениться зазорно, на мѣщанкѣ накладно, на поповнѣ спаси Господи и помилуй!... А недобро жить одному: одна головня и въ полѣ гаснетъ, а двѣ положи — закурятся. Нельзя Карпу Алексѣичу вѣкъ свой холостымъ переколачиваться, безпремѣнно надо ему помощницу: вѣдь холостому помогай Боже, а женатому хозяйка поможетъ... Да и что̀ за жизнь неженатому?... Одному и у каши не́-споро, одному и топиться скучно идти. Во своемъ одиночествѣ завелся Морковкинъ кумушками, и было ихъ у него вдоволь, но что̀ ни толкуй, дѣло то грѣховное, зазорное... не въ примѣръ лучше совершить законъ по Божьей заповѣди.

Стосковался безродный, безженный Карпъ Алексѣевъ сынъ. Теплы въ приказѣ хоромы казенныя, дровъ на нихъ не жалѣютъ, топятъ на деньги мірскія. Ѣсть-пить Морковкину слава тѣ Господи, инымъ дворянамъ только по великимъ праздникамъ поѣсть такъ

приходится: рому, кизлярки, всякихъ водокъ отъ челобитныхъ приносовъ хоть полы подмывай, чаю-сахару хоть конямъ за мѣсто овса засыпай, другихъ всякихъ запасовъ ни счету, ни мѣры нѣтъ... Да съ кѣмъ надъ сладкимъ кусомъ порадоваться, съ кѣмъ распивать даровые напитки приносные?... «Эхъ, чаще да чаще сталъ подумывать самъ съ собой Карпъ Алексѣевичъ: кого бы одѣть въ шелки-бархаты, кого бъ изукрасить дорогими нарядами, кого бы въ люди показать: глядите, молъ, православные, какова красавица за меня выдана, каково краснó она у меня изукрашена!... Сторонись, сиволапые!—Зарься, гляди честнóй народъ, каково убранство на моей на хозяюшкѣ!»

Какъ у стараго дó-смерти душа не вынута, такъ у мóлода до свадьбы сердце не запечатано, оттого повсюду Морковкинъ искалъ - поискивалъ отвѣтнаго сердца дѣвичья. Весной ли бывало, какъ дѣвки за околицей зачнутъ хороводы водить да пѣсни играть, по осени ль, какъ на супрядкахъ онѣ собираются, о Пасхѣ ли на качеляхъ, о Святкахъ ли на ѝгрищахъ, о масленой на ледяныхъ горахъ, чтò ставились ребятами по крутымъ спускамъ, прямо надъ прорубями—Карпъ Алексѣичъ тутъ какъ тутъ... Но сиротство-одиночество на роду ему было писано. Съ пáрнями дѣвки заигрываютъ: кого въ затылокъ кулакомъ, кого ладонью вдоль спины изо всей мочи, кому жбанъ квасу нá голову, коли вздумаетъ дѣвичьи разговоры подъ окнами подслушивать—Карпу Алексѣичу ни привѣта, ни отвѣта: молча поклонятся писарю дѣвки низкимъ поклономъ, сами не улы́бнутся и тóтчасъ и всторону. Какъ съ великимъ человѣкомъ шутки шутить! Пожалуй, прогнѣвается... И на супрядкахъ мѣсто ему не у гóлбца, гдѣ деревенски ребята стоятъ, а мѣсто поповское—въ переднемъ, почетномъ углу подъ иконами. И рѣчи ведутъ къ нему не шутливыя, говорятъ слова

все покорныя, подчуютъ Карпа Алексѣича на дѣвичьихъ сýпрядкахъ ровно попа на поминахъ родительскихъ. Къ хороводу подойдетъ, парни прочь идýтъ, а дѣвкамъ безъ нихъ скучно, и ругаютъ онѣ писаря ругательски, но сторожась, втихомолку: «принесъ де лѣшій Карпушку-захребетника!» Прозвище горькаго дѣтства осталось за нимъ; при немъ никто бы не посмѣлъ того слова вымолвить, но заглазно всѣ величали его мірскимъ захребетникомъ да овражнымъ найденышемъ. Какъ ни старался онъ угождать дѣвкамъ въ хороводахъ и на сýпрядкахъ, какого ни приносилъ имъ угощенія—не помогали гостинцы: не льнули дѣвки къ писарю, зáдаромъ только харчился онъ... На чтò поповичи, и тѣмъ дѣвки были доступнѣе, чѣмъ безталанному Карпу Алексѣичу.

Бѣда, горе великое нá людяхъ жить одинокому, но та бѣда еще полбѣды. Вотъ горе неизбывное, вотъ бѣда непоправимая, какъ откинешься отъ добрыхъ людей, да отчаливши отъ берега, къ другому не причалишь! Хуже каторги такая жизнь!... Такова довелась она Карпу Алексѣичу.

А межъ тѣмъ старики да молодые люди женатые, глядя на писаря въ бесѣдахъ дѣвичьихъ, то-и-дѣло надъ нимъ издѣваются. «Вишь какого, судятъ промежь себя, даровали намъ начальника: ему бы возлѣ подола сидѣть, а не земски дѣла вершать. И дѣвки-то плохи у насъ непутныя: подпалили бы когда на супрядкахъ захребетнику бороду, осрамили бъ его окаяннаго... Да и парни-то не лучше дѣвчонокъ: намяли бъ ему хорошенько бока-то, какъ идетъ темной ночью домой съ дѣвичьихъ сýпрядокъ. Право слово такъ».

Одна дѣвка посмѣлѣй была. То Параньска поромовская, большая дочь Трифона Михайлыча. Не таковская уродилась, чтобы трусить кого, дѣвка бывалая, самому исправнику не дуетъ въ усъ. Такая съ начальствомъ

была смѣлая, такая бойкая, что по всему околотку звали ее «губернаторшей». Стала Паранька ради смѣху съ Карпушкой заигрывать, не то, чтобъ любовно, а лишь бы на смѣхъ поднять его. Подруги корить да стыдить дѣвку зачали!

— Срамница ты эдакая!... Съ кѣмъ заигрывать вздумала!... Отъ парней рыло воротишь, а къ міроѣду на шею мечешься. . Эхъ ты!... А еще губернаторша!

— Да вѣдь я такъ, дѣвы, ради одного смѣху,— оправдывалась Параньха Лохматая.

— То-то для смѣху!...—бранили ее дѣвки.—Намедни захребетникъ зачалъ съ тобой говорить, а у тебя и глаза запрыгали, и въ горлѣ перехватило, и голосъ сталъ ровно надтреснутый.. Смотри, Параньха, не осрамись... То попомни, что коль у васъ съ писаремъ до грѣха дойдетъ, тебѣ одна дорога — въ кельи идти... То разумѣй, что дѣвку, мірскимъ захребетникомъ обцѣлованную, не то что хорошій парень, послѣдній кабацкій пропойца за себя не возьметъ... Да и отъ насъ подальше убирайся тогда.—Не водиться дѣвицамъ съ Карпушкиной полюбовницей... Помни это, Параньха, помни, не забывай...

— Ну васъ ту-то! Стану я взаправду думать о писарѣ!...—крикнетъ да захохочетъ бывало дѣвкамъ въ отвѣтъ Параньха Лохматая.—Да по мнѣ Карпушка хоть на ножѣ торчи... Ишь чѣмъ попрекать меня вздумали!

— То-то, губернаторша, смотри!—говорили дѣвки, вѣря словамъ ея. Въ голову никому придти не могло, чтобъ опричь солдатокъ вздумалъ кто гулять съ мірскимъ захребетникомъ.

А Параньха межъ тѣмъ съ писаремъ заигрывала, да заигрывала... И стало ей приходить въ голову: «А вѣдь не плохое дѣло въ писарихи попасть. Пила бъ

я тогда чай до отвалу, самоваровъ по семи на день! Ѣла бы пряники да коврижки городецкія, сколь душа приметъ. Ежедень бы ходила въ ситцевыхъ сарафанахъ, а по праздникамъ въ шелки бы наряжалась!... Рубашки-то были бы у меня миткалевыя, а передники какихъ и на скитскихъ бѣлицахъ нѣтъ.»

Зачалъ и Карпъ Алексѣичъ на Параньку глаза распущать, одинокому человѣку ласковое дѣвичье слово всегда душу воротитъ вверхъ дномъ. Но жениться на Паранькѣ и на мысли ему не вспадало... То на умѣ Карпъ Алексѣичъ держалъ: «сплету лапоть безъ кочедыка, возьму дѣвку безъ попа, въ жены не годится—въ кумушки бредетъ». И повелъ свое дѣло...

Стали дѣвки замѣчать, что дѣло не на́ смѣхъ у нихъ становится. Говорятъ Паранькѣ:

— Что ты, дура отятая?... Куда ты съ бѣшеной головой своей лѣзешь?... Надуетъ тебя захребетникъ, какъ пить дастъ!.. Даромъ только ославишься!...

А «губернаторша» какъ цыкнетъ имъ на отвѣтъ, да одной подругѣ еще примолвила:

— Не тебя стригутъ, такъ ты и молчи.

Дошли слухи до родителей. Не вѣрилъ отецъ, чтобъ писарь съ Паранькой вѣнцомъ порѣшилъ, но повѣрила тому Ѳекла Абрамовна.

Провѣдавъ про дочкины проказы, старый Трифонъ указалъ ей на плеть, а писарю при случаѣ обѣщался виски поправить.

— Да я, говоритъ, скорѣй дѣтище свое въ куль да въ воду, чѣмъ за мірскаго захребетника замужъ отдамъ!... Въ нашемъ роду безчестныхъ людей не бывало, намъ съ Карпушкой родниться не стать.

Заглянулъ однова Трифонъ въ овинъ,—писарь съ Паранькой обнимаются. Схватилъ старикъ цѣпъ, да и ну молотить.

После того у писаря три дня и три ночи голова

болѣла, а на правую ногу три недѣли прихрамывалъ... Паранька въ люди не казалась: подъ глазами синяки, а что на спинѣ, то рубашкой крыто—не видать... Не сказалъ Трифонъ Өеклѣ Абрамовнѣ, отъ чего у дочери синяки на лицѣ появились, не повѣдала и Паранька матери, отъ чего у ней спинушку всю разломило... Ничего-то не знала, не вѣдала добродушная Өекла Абрамовна.

«Постой же ты у меня,—крехтя и охая, думалъ Карпъ Алексѣичъ — Все припомню, все: и жалобы твои, и побои!... Узнаешь меня, косматая борода!... Дай только на ноги подняться!..»

Да справившись, выбралъ ночку потемнѣе и пошелъ самъ одинъ въ деревню Паромову, прямо къ Лохматовской токарнѣ. Стояла она на рѣчкѣ, въ полѣ, отъ деревни одаль. Осень была сухая. Подобрался захребетникъ къ токарнѣ, запалилъ охапку сушеной лучины, да и сунулъ ее со стклянкой скипидара черезъ окно въ груду стружекъ. Разомъ занялась токарня... Не переводя духу, во всѣ лопатки пустился бѣжать Карпъ Алексѣичъ домой, черезъ поля, черезъ кочки, черезъ болота... А было то дѣло наканунѣ постнаго праздника Воздвиженья Креста Господня.

На Покровъ у Лохматаго лошадей угнали, на Казанскую въ клѣти все до нитки обворовали. Тутъ Карпъ Алексѣечъ былъ неповиненъ. Въ томъ развѣ вина его состояла, что передъ тѣмъ незадолго двухъ воровъ въ приказъ приводили, и писарь, какъ водится, обругавъ ихъ, примолвилъ десятскому:

— Вотъ дураки-то!... Къ кому забрались!... Какъ куры во щи и попали... Это не Трифонъ Лохматый, у того и кони не въ призорѣ, да и въ клѣть хоть на тройкѣ въѣзжай.

Воры были удѣльные, обокрали удѣльнаго. Удѣльный приказъ, не доводя дѣла до суда, распорядился по домашнему: воровъ выпоролъ и отпустилъ... И вспо-

мянули воры слово писарево, и очистили до гола старика Лохматаго.

Спаливъ токарню, самъ же писарь, какъ ни въ чемъ не бывало, подговаривалъ Трифона подать становому объявленіе. «Какъ зачнется слѣдствіе, думалъ онъ, запутаю Лохматаго бумагами, такъ оплету, что овина да жалобъ и на томъ свѣтѣ не забудетъ». Спознalъ Морковкинъ, что Трифонъ не хочетъ судиться, что ему мужики спасибо за то говорятъ.

«Деньгами спутать!...» подумалъ онъ и шепнулъ своей сударышкѣ:

— Молви, лебедка, матери: пущай молъ тятька-то на нову токарню денегъ у меня перехватитъ. Для тебя, моя разлапушка, радъ я радехонекъ жизнью рѣшиться, не то чтобы деньгами твоему родителю помочь.. Деньги что̀?... плевое дѣло; а мнѣ какъ вамъ не пособить?.. Поговори матери-то, Паранюшка... И самъ бы снесъ я, сколько надо Трифону Михайлычу, да знаешь, что меня онъ не жалуетъ... Молви, а ты, молви матери-то, она у васъ добрая, а я отъ всего своего усердія.

— Поговорю, Карпушенька, безпремѣнно поговорю...—отвѣчала на тѣ рѣчи Паранька.—И спасибо жь тебѣ, соколикъ мой!... А и что̀ это у насъ за тятенька! Не родитель дѣтямъ, а злой лиходѣй... Ровно я ему не родная дочь, ровно я ему наемная работница!... Не жалѣетъ онъ меня ни на́ сколько! И за что̀ это онъ не взлюбилъ тебя?

— Не кручинься, моя ягодка, не горюй, яблочко наливчатое,—отвѣчалъ Морковкинъ, обнимая свою разлапушку. — Богъ милостивъ: будетъ праздникъ и на нашей улицѣ... А Трифона Михайлыча, нужды нѣтъ, что меня не жалуетъ, уважить я завсегда готовъ... Что̀ ни есть нажитаго, все до послѣдней копѣйки радъ ему отдать... Такъ и скажи Ѳеклѣ Абрамовнѣ.

— Скажу, соколикъ мой, безпремѣнно скажу, — страстно отвѣчала Паранька, ласкаясь къ писарю. — Только ужь не знаю, какъ тятька-то...

— А что̀?

— Загубилъ онъ мою молодость!...—утирая рукавомъ слезы, зарыдала Паранька.—Не даетъ воли сердечушку, не велитъ любиться съ желаннымъ моимъ!...

— Да вѣдь любимся же, Паранюшка,—утѣшалъ ее захребетникъ.—Не гнѣви Бога, не кори отца

— Любиться-то мы любимся, голубчикъ мой,—сказала Паранька,—да все жь подъ страхомъ, подъ боязнью. А мнѣ вольной любви хочется! Передо всѣми бы людьми добрыми не зазорно было обнять тебя, не украдкой бы говорить съ тобой рѣчи любовныя, не краснѣть да не зариться со стыда передъ подругами...

— Богъ милостивъ, Паранюшка, придетъ часъ воли Божіей,—говорилъ Карпъ Алексѣичъ. — А матери ты поговори, про что̀ я наказывалъ.

— Охъ ты, добрый мой!... Охъ ты, радошный!— полными бѣлыми руками обвивая шею писаря и жарко цѣлуя его, говорила Параня. — Тятька зло тебѣ мыслитъ, а ты ему добромъ хочешь платить... Какой же ты славный, Карпушенька!

И жарко цѣловала Параня полюбовника, и сладко миловáла его, и крупныя слезинки, что жемчужинки, выкатáлись изъ ясныхъ очей ея.

А по́дъ-вечеръ все разсказала матери: про гульбу свою съ Морковкинымъ; про надежду писарихой быть, жить-поживать въ холѣ, въ почетѣ, въ великомъ богачествѣ... И про то разказала Ѳеклѣ Абрамовнѣ, что въ овинѣ приключилосъ по осени, и про то молвила, что сулитъ Морковкинъ денегъ на токарню дать и на все на прочее, сколько понадобится... Ѳекла Абрамовна, разревѣлась-расплакась, не нашла словъ на похвалу Карпу Алексѣичу, и долго, и строптиво ворчала

на своего стараго... Потому-то и пыталась она подъѣхать къ сожителю со словами совѣтными, попросилъ бы онъ денегъ у писаря, но не принялъ Трифонъ совѣтовъ жениныхъ, не восхотѣлъ поклониться мірскому захребетнику: послалъ Алексѣя къ Патапу Максимычу, Саввушку ложкарить въ Хвостиково.

За великую досаду стало это Морковкину. «Ужь какъ ты тамъ себѣ не вывертывай, говорилъ онъ самъ про себя, а доѣду я тебя, Трифонъ Михайлычъ, попомню овинъ да жалобы!» А сударушкѣ иное расписывалъ:

— Бога не боится родитель твой — въ чужи люди сыновей послалъ! Саввушку-то жалко мнѣ оченно — паренекъ-отъ еще не выровнялся, пожалуй и силенки у него не хватитъ на работу подряженную. Много пожалуй придется и побой принять, коль попадется къ хозяину немилостивому. Чѣмъ сыновей-то въ кабалу отдавать, у меня бы денегъ позаймовалъ. Не потерпитъ ему Господь за обиды роднымъ сыновьямъ.

Паранька плакала, передавала писаревы слова матери и чуть не каждый Божій день приводила ее въ слезы разговорами о тяжелой работѣ въ чужихъ людяхъ Алексѣя да Саввушки.

— Не говори ты, Паранюшка, не надрывай моего сердечушка! — тосковала и рыдала Ѳекла Абрамовна, слушая рѣчи дочернія.—Сама знаю я, дѣвонька, какова чужедальня сторонушка: горемъ она сѣяна, слезами полйвана, тоскою покрйвана, печалью горо̀жена,—причитала она, сидя на лавкѣ и качаясь станомъ взадъ и впередъ.

Когда пали слухи, что Алексѣй у Патапа Максимыча хорошо пристроился, что осиповскій тысячникъ премного его жалуетъ, сдѣлалъ даже своимъ приказчикомъ, мірской захребетникъ задумался. Слышитъ отъ людей, что Трифонъ Лохматый нову токарню вы-

строилъ, лошадей купилъ и всѣмъ прочимъ по хозяйству справляется. Раза по два на недѣлѣ бѣгаетъ къ нему Паранька, говоритъ, что деньги на расходы Алексѣй приносилъ... Разобрало зло писаря пуще прежняго.

Говоритъ удѣльному головѣ Михайлѣ Васильичу:

— Давно мнѣ хотѣлось сказать вамъ на счетъ Алексѣя Лохматаго, что̀ живетъ у Чапурина въ Осиповкѣ.

— Что́ жь такое?—спросилъ у него Михайло Васильичъ.

— У отца у его токарню по осени спалили, а потомъ обокрали бѣднягу.

— Знаю, — отвѣчалъ голова. — Кругомъ разорили. А хозяинъ исправный былъ!

— Теперича, Михайло Васильичъ, — продолжалъ Морковкинъ,—Трифонъ Лохматый нову токарню ставитъ, не въ примѣръ лучше прежней, и пару коней купилъ—лошади доброѣзжія, не малыхъ денегъ сто́ятъ, опять же изъ пожитковъ, что́ было покрадено, живой рукой справляетъ.

— Что́ же? Слава Богу, что пособляетъ доброму человѣку справляться,—молвилъ на тѣ рѣчи Михайло Васильичъ.

— Все это на плохой конецъ четырехъ сотъ цѣлковыхъ сто́итъ,—сказалъ Морковкинъ.

— Сто́итъ. Какъ по нынѣшнимъ цѣнамъ не стоить!—подтвердилъ голова.

— А у Лохматаго большихъ денегъ никогда не важивалось,—продолжалъ писарь. — Которы и были, тѣ покрадены. Откуда жь взялись онѣ? Не съ неба жь свалились, не кладъ же дался ему.

— Извѣстно,—поддакнулъ Михайло Васильичъ.

— Я доподлинно отъ самыхъ вѣрныхъ людей узналъ, — продолжалъ Карпъ Алексѣичъ, — что деньги

большой сынъ приноситъ изъ Осиповки... Живетъ у Чапурина безъ году недѣля, когда ему такія деньги заработать?... Тутъ надо быть другое что́ есть.

— Что̀ жь такое?

— Да не стянулъ ли онъ деньги-то?—сказалъ писарь.—Не мѣшало бы хорошенько приструнить его... Чтобы послѣ не было какихъ непріятностей.

— Не можетъ быть того, чтобъ Трифоновъ сынъ воровскими дѣлами сталъ заниматься, — молвилъ Михайло Васильичъ. Я у Патапа Максимыча намедни на хозяйкиныхъ именинахъ гостилъ. Хорошіе люди все собрались... Тогда впервые и видѣлъ я Алексѣя Лохматаго. Съ нами обѣдалъ и ужиналъ. Въ приближеньи его Патапъ Максимычъ держитъ и довѣрье къ нему имѣетъ большое. Потому и не можетъ того быть, чтобъ Алексѣй Лохматый на такія дѣла пошелъ. А впрочемъ повижусь на дняхъ съ Патапомъ Максимычемъ, спрошу у него...

Не того хотѣлось Карпу Алексѣичу. Думалось ему уговорить Михайлу Васильича отписать въ удѣльну контору о сдачѣ Лохматаго въ рекруты за порочное поведеніе.

Прошло сколько-то времени—говоритъ голова Морковкину: видѣлся де онъ съ Патапомъ Максимычемъ, и Патапъ де Максимычъ ему сказывалъ, что онъ деньги давалъ въ займы Трифону Лохматому, а коль понадобится, говоритъ, такъ и вдвое и втрое дамъ ему, а сыномъ его Алексѣемъ такъ доволенъ Патапъ Максимычъ, какъ больше нельзя... «А вотъ это на его же Алексѣя Лохматаго счетъ»,—примолвилъ Михайло Васильичъ, вынимая изъ кармана рекрутску квитонцію.

Остолбенѣлъ мірской захребетникъ—не то ему чаялось... А межъ тѣмъ голова велѣлъ записать, гдѣ слѣдуетъ, квитанцію, что идетъ она за семью Лохматаго, и что теперь та семья отъ рекрутства свободна...

Ту квитанцію голова получилъ отъ Патапа Максимыча.

— Святой подъ качелями Параська шепнула возлюбленному, что братъ вмѣсто краснаго яичка много денегъ принесъ. Тѣми словами она любовника своего прикручинила. Чуть не задохся со злости Карпъ Алексѣичъ.

«Рано ли, поздно ли, попадешься ты мнѣ?—думалъ онъ.—Погоди, гусь лапчатый, не отморозить бы тебѣ красны ноженьки! Быть тебѣ, сорванцу, подъ красной шапкой,—такое дѣльце состряпаю, что не поможетъ тебѣ и рекрутска квитанція».

Злоба къ отцу перешла на сына. Чуть ли еще не сильнѣе была.

А Параська, только-что наступила весна, то-и-дѣло въ Песочноо.

Пріѣлась дѣвка Карпу Алексѣичу, иной красоты захотѣлось... Воззрился на меньшую дочь Лохматаго, Натальюшку.

Однажды, когда на горячія милованья голубки Паранюшки, неохотно отвѣчалъ соколикъ Карпушенька, дѣвка навзрыдъ разрыдался и стала укорять полюбовника, что онъ въ конецъ загубилъ жизнь ея горегорькую, объявила что стала не праздная.

Безотвѣтно осталось сердце захребетника. «Чтобы чортъ тебя побралъ и съ отродьемъ твоимъ! ..»—подумалъ онъ и хмарою тучей нахмурился.

— Хочешь не хочешь, голубчикъ Карпушенька, а надо скорѣе дѣло вѣнцомъ порѣшить,—умоляла писаря Прасковья Трифоновна.

— Знаю,—грозно отвѣчалъ захребетникъ.—Да какъ же статься тому? Старикъ-отъ согласья не дастъ.

— Уходомъ, Карпушенька,—подхватила Параська.— Тебѣ же съ руки: великороссійская подъ бокомъ, попъ Сушило пріятель тебѣ—свѣнчаетъ какъ разъ.

— Такъ-то оно такъ,—промылчалъ подъ носъ себѣ Карпъ Алексѣичъ и крѣпко задумался.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Петра солноворота [1]),—конецъ весны, начало лѣту. Своротило солнышко на̀ зиму, красно лѣто на жары пошло. Останные посѣвы гречихи покончены, на самыхъ запоздалыхъ капустникахъ разсада посажена, на послѣднюю разсадину горшокъ опрокинутъ, дикарь [2]) наваленъ и бѣлый платъ разостланъ съ приговорами: «уродись ты капуста гола́ горшкомъ, туга камешкомъ, бѣла полотнянымъ платкомъ».

По утренней росѣ, въ однѣхъ рубахахъ, опоясавшись шерстяными опоясками, досужія хозяйки ходятъ, бродятъ по огородамъ. Зорко высматриваютъ онѣ, не зажелтѣлъ ли гдѣ въ приземистой огуречной травкѣ золотистой новичекъ—первенькій цвѣточекъ. И только-что завидитъ которая желаннаго гостя, то́тчасъ красную нитку изъ опояски вонъ, и съ молитвой царю Константину и матери Оленѣ, наклоняется надъ грядкой, и тою ниткой перевязываетъ выглянувшій на свѣтъ Божій цвѣточекъ. А сама загово́ръ шепнетъ: «Какъ густо мой поясъ вязался—такъ бы густо вязались мои огурцы, не было бъ межь нихъ пустоцвѣту!...»

Въ деревняхъ, что̀ подальше въ захолустьяхъ, на Тиховы дни иное старинное дѣйство справляютъ. О ту пору сорныя травы межь сѣянной и саженной огородины разростаются, пора дѣвичьей работы подходитъ—гряды полоть. Но передъ тѣмъ по старому

1) Іюня 12-го.

2) Гранитный камень. Въ лѣсахъ за Волгой не мало такихъ гранитныхъ валуновъ.

завѣту надо «гряды обѣгать». Сбираются красны дѣвицы гурьбою и въ глухую полно́чь обѣга́ютъ гряды веселой вереницей. А сами всѣ до единой въ чемъ мать на свѣтъ родила. Отъ того обѣга́нья ни червь на гряды не нападетъ, ни лютыя медвяныя росы, ни солнышкомъ овощи не припечетъ, ни дождикомъ ихъ не зальетъ.

Не уставлено урочнаго дня грядному обѣга́нью — никому не узнать въ какую ночь станутъ дѣви́цы свое дѣйство справлять. Не скажутъ онѣ ни брату, ни снохѣ, ни малымъ ребятамъ, ни родителямъ. И безъ того не мало заботъ, чтобъ дѣвичье дѣйство обошлось безъ помѣхи, чтобъ не было ему какого ни на есть порушенья. Но въ какомъ тайномъ совѣтѣ дѣло свое дѣви́цы ни держатъ, парни, лукавый ихъ знаетъ какъ, безпремѣнно узнаютъ—и ночью, какъ дѣйство зачнется, они тутъ какъ тутъ. Еще съ вечера въ ко́пани по загоро́дью пострѣлы запрячутся, либо залягутъ въ крапиву—жги-пали, окаянная, только бъ глазкомъ взглянуть на красоту дѣвичью, какъ ее Господь Богъ безъ покрова созда́лъ... Хоть дѣйство бываетъ и по́лночью, да на Тиховы дни заря съ зарей сходятся, какой горячій молодецкій взоръ въ тѣ бѣлыя ночи не разглядитъ голенькихъ красоточекъ?... А потомъ какъ сойдутся на вспольѣ хороводы водить, либо пѣсни играть, иной бахвалъ захохочетъ, да еще зазорную рѣчь поведетъ: «У тебя, скажетъ, Степанида Марковна, возлѣ спины-то сбоку родинка»... И сгоритъ со стыда Степанида Марковна, обзоветъ недобрымъ словомъ безстыжаго, а тому, что съ гуся вода: стоитъ ухмыляется, да при всемъ честномъ народѣ еще брякнетъ пожалуй во все горло: «Самъ своими глазами видѣлъ — хошь образъ со стѣны!... Вотъ и Егорку спроси, да и Ванька съ Петряйкой солгать не дадутъ—и они тоже видѣли...» Батюшки свѣты!... Снялъ долой съ плечъ

головушку!... Совсѣмъ осрамилъ! — А что съ нахальникомъ сдѣлаешь?

Стали замолкать соловьи, стали стихать и другія голосистыя пташки. Не слыхать больше звонкаго, переливистаго ихъ щебетанья. Иные пѣвуны съ иными пѣснями смѣнили ихъ: только что закатится солнышко, въ озимяхъ перепела затюкаютъ, въ дымящемся бѣлымъ туманомъ болотѣ дергачъ [1]) закричитъ, да на разные лады заведутъ любовныя пѣсни лягушки... Полетѣла пчела — Божья угодница — на расцвѣтшіе луга и поляны, за обножью [2]). Отколь ни возьмись комариная сила, и напалъ на скотину оводъ; по лугамъ и перелѣскамъ во всѣ стороны заметалась скотина, забѣгала, задравъ хвосты, ровно бѣшеная. Межипарье [3]) приспѣло, вывезли мужики на паровыя поля, сколько у кого накопилось навозу, двойчатыми желѣзными вилами бабы по всей полосѣ раскидали его, чтобъ лежалъ ровненько—уродилъ хлѣба полненько... Конецъ первой страдѣ [4]). Не за горами и вторая; а вторая страда горше первой. Извѣстно дѣло: на перву страду выльешь поту жбанъ, на втору полный чанъ.

Травы налились, зацвѣли, раздушились... Недалеко косовица—зеленый покосъ, не за горами и жнитво, озимая пахота, сѣвъ. Выволакиваютъ мужики заброшенныя по задворкамъ послѣ яровой пахоты сохи и косули, вынимаютъ изъ клѣтей серпы да косы. Тутъ не безъ хлопотъ; косы надо наклепать, серпы назу-

1) Болотная птица *Rallus crex*, иначе коростель.

2) Обножь, иначе взятокъ, колошки, поноска, поносъ — добыча, которую пчела собираетъ за одинъ вылетъ.

3) Межипарье — пора между весенними и лѣтними полевыми работами, отъ конца посѣвовъ до начала сѣнокоса.

4) Страда—рабочее время въ поляхъ. Первая или малая страда бываетъ весною (пахота и сѣвъ яроваго поля). Она гораздо легче второй или большой страды, бывающей въ іюлѣ и августѣ. Тутъ и сѣнокосъ, и жнитво, и пахота, и засѣвъ озимыхъ полей.

брить, брусницы [1]) варомъ облить да пескомъ усыпать. Брусницу сладить — дѣло не важное, и подростокъ сможетъ, но клепка косъ и зубренье серповъ не всякому зипуну къ рукаву подойдетъ. Тутъ нужны сметка въ головѣ да проворъ въ рукѣ, безъ умѣнья колоти молоткомъ по заклепкамъ, сколько хочешь, одна пустая маята выдетъ, пожалуй еще порча...

Но вотъ стукъ-брякъ по улицѣ косами да серпами. Съ конца деревни до другого веселые крики несутся...

— А!... Старый знакомый!... Масляно рыло!... Краснобайный языкъ!... Добро пожаловать, милости просимъ!

Это булыня [2]). Вотъ идетъ онъ возлѣ подводы, а самъ подпрыгиваетъ, косами да серпами побрякиваетъ, затѣйными прибаутками народъ смѣшитъ. У него на возу и косы-литовки, и косы-горбуши [3]), и серпы нѣмецкіе, а захочешь такъ найдутся и топоры изъ самаго Пучежа... Брякнетъ булыня косой о косу, звякнетъ серпомъ о серпъ—не успѣешь Бодородицу прочитать, цѣла деревня отъ мала до велика кругомъ воза стоитъ. Краснобай отъ клёпки косъ, отъ зубренья серповъ мужиковъ отговариваетъ — берите молъ новые,

[1]) Брусница или брусовецъ досчечка, въ видѣ маленькой лопаты, облитая варомъ (сосновая, еловяя, пихтовая и всякаго другого хвойнаго дерева смола, очищенная и сгущенная варкой, а потомъ посыпанная пескомъ, который крѣпко пристаетъ къ вару). Брусница употребляется для точенья косъ и горбушъ.

[2]) Бродячій по деревнямъ скупщикъ преимущественно—льну, всегда большой руки плутъ и балясникъ. Отъ того ему и прозвище—«масляно рыло, краснобайный языкъ». Ленъ скупаетъ булыня по осени и зимой, а лѣтомъ торгуетъ косами и серпами. Онъ большой частью отдаетъ ихъ въ долгъ, что крестьянамъ на руку, оттого, что лѣто у нихъ — пора не денежная. Осенью, забирая ленъ, булыня охулки на руку не кладетъ — процентовъ двѣсти придется ему за отдачу въ долгъ серповъ и косъ.

[3]) Литовка — русская большая коса, съ прямымъ косьемъ (рукояткой). Горбуша— малая коса съ короткимъ и кривымъ косьемъ.

не въ примѣръ дешевле обойдутся. И денегъ добрый человѣкъ не беретъ—по осени, говоритъ, пріѣду, бабы льномъ заплатятъ, хошь мыканымъ, хошь немыканымъ, хошь изгрёбнымъ [1]), какъ имъ въ ту̀ пору будетъ сподручнѣе. Мнѣ вѣдь, говоритъ, все едино, что̀ сланéцъ, что моченéцъ, что̀ плаунъ, что̀ долгунéцъ [2])—всякій Демидъ въ мой кошель угодитъ.

И въ тотъ же день во всякомъ дому появляются новые серпы и новыя косы. Лѣтошныхъ нѣтъ, на придачу булынѣ пошли. А по осени «масляно рыло» возьметъ свое. Деньгами гроша не получитъ, за то льномъ да пряжей туго-нá-туго нагрузитъ воза, да еще въ каждой деревнѣ его отцомъ-благодѣтелемъ назовутъ, да не то что хлѣбъ-соль—пшенники, лапшенники, пшенницы, лапшенницы на столъ ему поставятъ... Появятся и оладьи, и пряженцы, и курочка съ насѣсти, и косушка вина ради почести булыни и знакомства съ нимъ напредки́.

А лѣтъ черезъ десять, глядишь, тотъ булыня́ въ купцы выписался, фабрику завелъ, каменный домъ себѣ склалъ. А лѣснымъ бабамъ Завóлжанкамъ того и не въ домекъ, что булынинъ-отъ домъ изъ ихняго льна строенъ, ихней новиной [3]) покрытъ, ихними тальками [4]) огороженъ.

[1]) Изгребной лепъ или просто изгребь — грубыя льняныя волокна, остающіяся отъ вычески отмятаго и отрепаннаго щеткою льна. Изъ него дѣлаютъ рядно — самый грубый холстъ, идущій на мѣшки, на покрышки возовъ и т. п.

[2]) Ленъ сланецъ—первый сборъ волокна, моченецъ—второй, плаунъ—волокно короткое, мягкое и тонкое, долгунецъ — длинныя, но жесткія волокна.

[3]) Кусокъ холста въ тридцать аршинъ.

[4]) Талька—мотокъ нитокъ, состоящій изъ 20 пасмъ, а пасьма изъ 15 чисменокъ, въ чисменкѣ четыре нитки (кругомъ), каждая по четыре аршина. Такимъ образомъ въ талькѣ 4.800 аршинъ пряжи. Такой счетъ ведется въ Нижегородскомъ и Костромскомъ Заволжьѣ, въ Вятской гу-

Межипарье—развеселая пора деревенской молодежи, — веселѣй той поры во все лѣто нѣтъ. Работы мало, что ни вечеръ, то на вспольѣ хороводы, либо пѣсни, либо лясы, балясы да смѣхи на улицѣ у заваликъ... А тутъ глядишь и земляника въ муравѣ заалѣла, и черника вызрѣла, и тройчатая костяника,— пошелъ и сизый гонобобель [1]). Вслѣдъ за ягодами, изъ земли грибы полѣзли, ровно претъ ихъ оттуда чѣмъ-нибудь. Первымъ явился щеголекъ масляникъ, на низенькомъ корешкѣ въ широкой бурой шляпкѣ съ желтоватымъ подбоемъ [2]), а за нимъ изъ лѣтошной полусгнившей листвы полѣзли долгоногіе березовики и синеалыя сыроѣжки, однимъ крайкомъ стали высовываться и бѣлые грибы. Радуются дѣвки грибкамъ— первачкамъ, промежъ себя уговоръ держатъ, какъ бы цѣлой деревней по грибы идти, какъ бы нажарить ихъ въ темномъ перелѣскѣ, самимъ досыта наѣсться и парней накормить, коли придутъ на грибовныя дѣвичьи гулянки. Придти бы только долговязымъ!... Въ волю бы дѣвки надъ ними натѣшились, до̀ крови нарвали бы уши пострѣламъ на нову новинку [3]). Для того больше грибовны дѣвичьи гулянки и затѣваются... Масломъ надо да сметаной раздобыться, благо Пасха была поздняя—грибы напередъ Всѣхъ Святыхъ уро-

берніи и вообще на Сѣверѣ. По другимъ мѣстамъ другой счетъ пряжи ведутъ; около Москвы, напримѣръ, въ Калужской и въ Тульской губерніяхъ въ талькѣ считаютъ 20 пасмъ, каждая изъ 10 чисменокъ въ четыре нитки, то-есть 3.200 аршинъ въ талькѣ.

[1]) Костяника или каменика — *Rubus saxatilis*, у нея всегда по три ягодки вмѣстѣ. Гонобобель по другимъ мѣстамъ голубица, пьяница, дурила ягода *Vacinium uliginosum*.

[2]) Масляникъ—*Boletus luteus*, самый раннiй грибъ кромѣ сморчковъ (*Morchella*), которые крестьянами за грибы не считаются и въ пищу не употребляются.

[3]) Извѣстный старинный обычай — драть за уши всякаго, кто въ первый разъ въ томъ году ѣстъ новинку: первыя ягоды, первые грибы, овощи и пр.

дились [1]), значитъ не грѣшно первачковъ на новинку и скоромныхъ поѣсть. Но матери ворчливы, не то что масла, кислаго молока у нихъ не выпросишь; дрожатъ хозяйки надо всякимъ молочнымъ скопомъ въ лѣтнюю пору. Ну да ради грибовныхъ гулянокъ авось и попъ во грѣхъ не поставитъ, если та, аль другая красотка съ погреба у матери кое-что и спроворитъ. Уговорились дѣвки; съ ранняго утра въ каждой избѣ хлопотливо снуютъ онѣ вкругъ матерей у печей, помогая стряпать нá спѣхъ — скорѣй бы отобѣдать, да въ лѣсъ съ кузовками... Разсыпались дѣвки по лѣсу, хрустятъ подъ ихъ ногами сухіе прутья, хлещутъ древесные сучья и вѣтви, раздвигаемые руками деревенскихъ красавицъ. Клики не смолкаютъ, ауканьямъ конца нѣтъ, стономъ стоятъ пò лѣсу звонкіе голосà. Пришли и парни. Они безъ плетюхъ, безъ туесòвъ—ихъ дѣло не грибы сбирать, а краснымъ дѣвкамъ помогать. Только-что въ лѣсъ—хохотъ, взвизги. Вѣрны дѣвки старому завѣту: съ кѣмъ зимой на супрядкахъ, съ тѣмъ лѣтомъ на грибкахъ да на ягодкахъ. А все парочками. Понабравши грибовъ, парни огни развели, дѣвки въ глиняныхъ плошкахъ принялись грибы жарить. Ложекъ парни не захватили, дѣвки кормятъ каждая своего со своей ложки. А кормя, норовятъ, чтобы парень, ошпаривъ языкъ, глаза выпучилъ, и слова не могъ бы промолвить. А тутъ ложкой его по лбу да за уши драть, не забылъ бы новой новинки... Чтó смѣху тутъ, чтò веселья!... А пóдъ вечеръ каждый съ зазнобушкой въ кустики... И тутъ чуткому уху доводится слышать, какъ звонко да смачно деревенская молодежь цѣлуется... Охъ, грибы-грибочки! темные лѣсочки!.. Кто васъ позабудетъ, кто про васъ не вспомнитъ?

[1]) Съ воскресенья Всѣхъ Святыхъ начинается Петровъ постъ.

Жила-была въ лѣсахъ бабушка Маланья, древняя старуха. Сколько отъ роду годовъ, люди не знали, сама позабыла... Языкомъ чуть ворочаетъ, а попу каждый годъ кается, что давнымъ-давненько, во дни младые, въ годы золотые, когда щеки были áлы, а очи звѣздисты, пошла она въ лѣсъ по грибочки, да нашла дѣвичью бѣду непоправную... «Бабушка, говоритъ ей попъ, много разъ ты въ этомъ каялася: прощена ты Господомъ отъ вѣку до вѣку.» — «Батюшка, отвѣчаетъ старушка, какъ же мнѣ, грѣшницѣ, хоть еще разокъ не покаяться? Сладкое вѣдь сладко и вспомнить.»

Эхъ, грибы-грибочки, темные лѣсочки!... Кто васъ смолоду не забывалъ, кто на старости не вспоминалъ?... Человѣкъ человѣчьимъ живетъ, пока душа изъ тѣла не вынута.

Лишь за три часа до полуночи спряталось солнышко въ черной полосѣ темнаго лѣса. Вплоть до полунóчи и зá полночь свѣтлынь нà небѣ стояла — то бѣлою ночью заря съ зарей сходились. Трифонъ Лохматый съ Ѳеклой Абрамовной чѣмъ Богъ послалъ потрапезовали, но только вдвоемъ, ровно новобрачные:— сыновья въ людяхъ, дочери по грибы ушли, съ полденъ въ лѣсу застряли.

Поворчалъ на дѣвокъ Трифонъ, но не больно серчалъ... Нечего думой про дѣвокъ раскидывать, не медвѣдь ихъ заѣлъ, не волкъ зарѣзалъ—придутъ, воротятся. Одно гребтѣло Лохматому: такъ ли не такъ ли, а Карпушкѣ быть въ лѣсу. «Ужь коли дѣло на то пошло, думаетъ онъ про Параньку, такъ пусть бы съ кѣмъ хотѣла, только бъ не съ міроѣдомъ...» Подумалъ такъ Трифонъ Михайлычъ, махнулъ рукой и спать собрáлся.

Брякнули бубенчики на улицѣ, заржали кони у воротъ Лохматаго. Подкатила ко двору пара лихихъ саврасокъ Алексѣевыхъ.

— Алексѣюшка!—радостно вскрикнула Ѳекла Абрамовна и, семеня старыми ногами, бросилась отворять дорогому гостю ворóта.

— Гдѣ былъ-побывалъ? Откудова Богъ несетъ?—спрашивалъ Трифонъ Лохматый, здороваясь съ сыномъ.

— Въ городу былъ, батюшка, мѣста искалъ,—отвѣтилъ Алексѣй.

— Чтó же?—спросилъ отецъ.

— Доброе мѣстечко мнѣ выпало,—сказалъ Алексѣй,—пріѣхалъ твое благословенье принять.

— Что жь за мѣсто такое? — съ любопытствомъ спрашивалъ у сына Трифонъ.

— Хорошее мѣстечко, батюшка,—отвѣчалъ Алексѣй.—Только надо трехгодовой пáчпортъ выправить.

— Для че долгой такой?

— Въ дальни мѣста приведется отъѣхать, — молвилъ Алексѣй.—На долгое время...

— Въ дальную сторонушку!... На три-то годика!... — всплеснувъ руками, зарыдала Ѳекла Абрамовна и, поникши головой, тяжело опустилась на скамейку. — Покидаешь ты насъ, дитятко!... Покидаешь отца съ матерью!... Покидаешь родиму сторонушку!...

— Завыла!—сурово молвилъ Трифонъ Михайлычъ.—Убирайся, не мѣшай про дѣлà разговаривать.

Утирая рукавомъ слезы и едва сдерживая рыданья, побрела Абрамовна въ заднюю горницу вылить материнскую скорбь передъ святыми иконами. Отецъ съ сыномъ остались одинъ. нà одинъ.

— Какое жь то мѣсто?—спросилъ Алексѣя Трифонъ Лохматый

— У Колышкина мѣсто, батюшка, у Сергѣя Анд-

реича,—отвѣтилъ Алексѣй. —Пріятель Патапу Максимычу будетъ... Пароходы у него по Волгѣ бѣгаютъ... На одномъ пароходѣ мнѣ мѣсто сулитъ—всѣмъ заправлять, чтобъ, значитъ, все было на моемъ отчетѣ.

— По силамъ ли будетъ тебѣ такое дѣло? — молвилъ Трифонъ.

— Сладимъ, батюшка, —молодецки тряхнувъ кудрями, отвѣтилъ отцу Алексѣй. — Хитрость не великая, приглядывался я на пристани довольно.

— Мелей на Волгѣ много, перекатовъ, а ты человѣкъ не бывалый. —Долго ль тутъ до грѣха?...— замѣтилъ отецъ.

— То лоцманово дѣло, батюшка, — сказалъ Алексѣй.—Ему знать мели-перекаты, мое дѣло за порядкомъ смотрѣть да все оберегать, кладь ли, людей ли... Опять же хозяйскія деньги на рукахъ, за нагрузкой смотрѣть, за выгрузкой.

— То-то смотри! Коимъ грѣхомъ не оплошай, — молвилъ Трифонъ.

— Богъ милостивъ, батюшка, управимся,—съ увѣренностью сказалъ Алексѣй.

— На три года, говоришь, па́чпортъ? — спросилъ Трифонъ Михайлычъ.

— Такъ точно, батюшка.

— А скоро ль надобно?

— Да черезъ недѣлю безпремѣнно надо на пароходъ поспѣть. Къ тому времени съ Низу онъ выбѣжитъ: приму кладь, да тѣмъ же часомъ въ Рыбную.

— Ой, Алексѣюшка, въ недѣлю съ па́чпортомъ тебѣ не управиться. Задержки не вышло бы какой, — сказалъ Трифонъ Михайлычъ.

— Какая же задержка?—спросилъ Алексѣй.—Подати уплочены, на очереди не состою, ни въ чемъ худомъ не замѣченъ... Чего еще?

— Не подати, не очередь, не худое что̀, другое можетъ задержать тебя,—сказалъ Трифонъ.—Аль забылъ кто дѣлами-то въ приказѣ ворочаетъ?

— Какъ забыть?—усмѣхнувшись отвѣтилъ Алексѣй.

— То-то и есть, — молвилъ Трифонъ. — Изо всей волости нашу деревню, пуще всѣхъ, онъ не жалуетъ. А изъ Поромовскихъ болѣ всего злобы у него на меня...

— Да что̀ жь онъ сдѣлаетъ? — горячо заговорилъ Алексѣй.—Развѣ можетъ онъ не дать па́чпорта?... Не объ двухъ головахъ!... И надъ нимъ тоже начальство есть!

— Эхъ, молодо-зелено! — сказалъ сыну Трифонъ Лохматый. — Не разумѣешь развѣ, что можетъ онъ проволочить недѣли три, четыре?... Вотъ про что̀ говорю.

— Такъ я въ городъ, — подхватилъ Алексѣй.—Въ казначействѣ выправлю.

— Такъ тебѣ и выдали!... Держи карманъ!... Казначей безъ удѣльнаго приказа не дастъ! — сказалъ Трифонъ Лохматый. — Нѣтъ парень, безъ Карпушки тебѣ не обойтись... Въ его рукахъ!...

Озадачили Алексѣя отцовы рѣчи. Руки опустилъ, и носъ повѣсилъ.

— Какъ же быть-то? — спросилъ онъ отца упалымъ голосомъ.

— А вотъ какъ, — сказалъ Трифонъ. — Утрѣ пораньше поѣзжай ты къ Патапу Максимычу, покланяйся ему хорошенько, чтобъ удѣльному головѣ словечко закинулъ, чтобъ голова безпремѣнно велѣлъ Карпушкѣ бумагу для казначея тебѣ выдать. А въ приказѣ па́чпорта не бери... Карпушка такую статью, пожалуй, влѣпитъ, что въ первомъ же городу̀ въ острòгъ угодишь... На такія дѣла его взять!

Къ Патапу Максимычу!... Въ Осиповку!... Легко

молвить, мудрено сдѣлать... Заказанъ путь, не велѣно на глаза показываться. Сказать про то родителю нельзя, смолчать тоже нельзя... Что̀ же дѣлать?.. Опять видно грѣхъ на грѣхъ накладывать, опять обманныя рѣчи отцу говорить... Что̀ же?... Теперь ужь не такъ боязно—попривыкъ.

— Ладно, — пробормоталъ Алексѣй, — съѣзжу. А все-таки напередъ къ Морковкину попытаюсь,—прибавилъ онъ.

— Попытайся, пожалуй, — молвилъ Трифонъ — Только помяни мое слово, безъ Патапа Максимыча тебѣ не обойтись.

— Увидимъ,—сказалъ Алексѣй, рѣшаясь въ случаѣ неудачи ѣхать не въ Осиповку, а прямо къ головѣ. Благо по ветлужскому дѣлу человѣкъ знакомый.

— Смотри только, Алексѣюшка, съ Карпушкой-то не больно зарывайся! — молвилъ Трифонъ. — У него вѣдь всяко лыко въ строку. Чуть обмолвишься, разомъ къ отвѣту... А вѣдь онъ радъ-радехонекъ всѣхъ насъ въ ложкѣ воды утопить... Памятливъ, собака!

— Что̀ Параська-то! — послѣ недолгаго молчанья спросилъ Алексѣй.

— Гуляетъ,—насупивъ брови, сквозь зубы процѣдилъ Трифонъ, а самъ, поднявшись съ лавки и отодвинувъ оконницу, высунулъ на волю сѣдую свою голову.

— Ни слуху, ни гулу, ни шороху, — молвилъ отходя отъ окошка.—Кочета̀мъ полно̀чь пора опѣвать, а ихъ нѣтъ, да нѣтъ... И песъ ихъ знаетъ, куда до сихъ поръ занесло непутныхъ!...

— Гулянки что ль какія? — спросилъ Алексѣй.

— По грибы пошли, — молвилъ Трифонъ. — Какъ только отобѣдали, со всей деревни дѣвки взбузыкались. А нашимъ, какъ отстать?... Умчались, подымя хвосты... А Карпушка безпремѣнно ужь тамъ... Караулитъ, лѣшій его задери...

— Не посмѣетъ,—слегка тряхнувъ кудрями, молвилъ Алексѣй. — Не дадутъ ребята спуску, коли сунется на и́грище.

— Да онъ игрищà-то и въ глаза не увидитъ, — сказалъ Трифонъ Михайлычъ.—Лѣсъ-отъ великъ, мѣста найдется... Да чтò лѣсъ!... На чтò имъ лѣсъ!... Паранька въ Песочно повадилась бѣгать... Совсѣмъ дѣвка съ похвей сбилась... Ославилась хуже послѣдней солдатки!... На честнóй родительскій домъ позоръ накинула — ворóта вѣдь дегтемъ мазали, Алексѣюшка!... Послѣ этого кàкъ Паранькѣ замужъ идти?... Ни честью, ни уходомъ никто не возьметъ. И Натальѣ-то по милости ея терпѣть приходится... Ужь чего не приняла отъ меня Паранька, ужь какъ не училъ ея!... Печки одной на ней не бывало!... А ей и горюшка нѣтъ, отлежится, отдышется, да опять за свои дѣла. Потеряла дѣвка совѣсть, забыла, какой у человѣка и стыдъ бываетъ!... Охъ-охò-хохò!...

И жжетъ, и рветъ у Алексѣя сердце. Злоба его разбираетъ, не на Карпушку, на сестру. Не жаль ему сестры, самого себя жаль... «Богъ дастъ въ люди выду, думаетъ онъ, вздумаю жену изъ хорошаго дома брать, а тутъ скажутъ — сестра у него гуля́щая!... Срамъ, позоръ!... Сбыть бы куда ее, запереть бы въ четырехъ стѣнахъ!...

— Въ кельи ее, батюшка! — молвилъ онъ.—Черна ряса все покрываетъ.

— И то думаю,—отвѣтилъ Трифонъ Михайлычъ.— Только вѣдь нонѣ и по келейницамъ эта слабость пошла. Въ такой бы скитъ ее, гдѣ бы на́крѣпко хвостъ-отъ пришили... А гдѣ такого взять?

— Въ Ша́рпанѣ, сказываютъ, строго келейницъ-то держатъ,—замѣтилъ Алексѣй.

— Въ Ша́рпанѣ точно будетъ построже. И черной работы больше, дурить-то некогда... Да приметъ

ли еще мать Августа наше чадушко? Вотъ что...—сказалъ Трифонъ.

— Попытай...—молвилъ Алексѣй.

— И то надо будетъ, — отозвался Трифонъ. — То маленько обидно, что работницей въ дому меньше станетъ: много еще Паранька родительскаго хлѣба не отработала. Хоть бы годокъ другой еще пожила. Мать-то хилѣть зачала, не домогаетъ... Твое дѣло отдѣленное, Савелью до хозяйки долга пѣсня, а безъ бабы какое хозяйство въ дому!... На старости лѣтъ останешься пожалуй одинъ, какъ перстъ — безъ уходу, безъ обиходу.

— Богъ милостивъ, батюшка, Наталья останется— утѣшалъ отца Алексѣй.

— И на нее плоха̀, парень, надежда,— вздохнулъ Трифонъ. — Глядя на сестру, туда же смотритъ.

— Въ Ша́рпанъ Параньку, въ Ша́рпанъ, батюшка...— настаивалъ Алексѣй.

— Эка память-то у меня стала! — хватился Трифонъ. — Про скиты заговорили, только тутъ испомянулъ... Изъ Комарова была присылка къ тебѣ... Купчиха тамъ московская проживаетъ...

Алой зарницей вспыхнуло лицо Алексѣя, огнемъ сверкнули черныя очи... Духу перевести не можетъ.

— Въ пятницу отъ Манеѳиныхъ работникъ на суботній базаръ въ Городецъ проѣзжалъ, съ нимъ Масленикова купчиха, что̀ въ Комаровѣ живетъ,—наказывала тебѣ побывать у нея—мѣсто де какое-то вышло,— продолжалъ Трифонъ, не замѣчая смущенія сына.

Вдругъ послышались на улицѣ веселый шумъ и звонкій смѣхъ... Затренкала балалайка, задребезжала гармоника, бойко затянулъ «запѣвало», вторя ему пристали «голоса̀»: одинъ заливался, другой на концахъ выносилъ... Имъ подхватили «подголоски», и звучной,

плавной волной полилась разстанная пѣсня возвращавшейся съ «грибовной гулянки» молодежи [1]):

Веселая голова
Не ходи мимо сада,
Дороженьки не тори,
Худой славы не клади.

Пробудились на печахъ отъ уличной пѣсни старыя старухи, торопливо крестились съ просонокъ и творили молитву. Ворчали отцы, кипятились матери. Одна за другой отодвигались въ избахъ оконницы и высовывались изъ нихъ заспанныя головы хозяекъ въ однихъ повойникахъ. Голосистыя матери рѣзкою бранью осыпали далеко за́ полночь загулявшихся дочерей. Парни хохотали и громче прежняго пѣли:

Милъ дорожку проторилъ,
Худу славу наложилъ,
Отцу съ матерью безчестье,
Роду племени покоръ.

Не сразу угомонилась и разбрелась по дворамъ молодежь. Долго бренчала балалайка, долго на одинъ нескончаемый ладъ наигрывала пѣсню гармоника. По избамъ слышались брань матерей и визгливые крики дѣвокъ, смиряемыхъ родителями. Наконецъ, все стихло, и сонное царство настало въ деревнѣ Поромовой.

Паранька одна воротилась. Кошкой крадучись, неслышными стопами пробиралась она по̀ мосту [2]) къ

[1]) Русская пѣсня начинается запѣвалой, самымъ голосистымъ пѣсенникомъ изо всѣхъ. Онъ, какъ говорится, «затягиваетъ» и ведетъ пѣсню, то-есть, держитъ голосъ, ладъ и мѣру. Запѣвало — обыкновенно высокій теноръ; къ нему пристаютъ два «голоса»; одинъ теноръ, другой басъ, первый «заливается», другой «выноситъ», то-есть заканчиваетъ каждый стихъ пѣсни въ одиночку. Подголосками называются остальные пѣсенники. Разстанная пѣсня (по инымъ мѣстамъ разводная) — та, что̀ поютъ передъ расходомъ по домамъ. Такихъ пѣсенъ много, всѣ веселыя.

[2]) Мостомъ называютъ большія холодныя сѣни между переднею и заднею избами. въ иныхъ мѣстахъ только полъ въ этихъ сѣняхъ.

чулану, гдѣ у нея съ сестрой постель стояла. Какъ на грѣхъ скрипнула половица. Трифонъ услыхалъ и крикнулъ дочь.

Ни жива, ни мертва переступила порогъ Паранька.

— Наталья гдѣ? — грозно спросилъ ее отецъ.

— Дома надо быть... — дрожа со страху отвѣтила она.

— Кликни ее сюда, — молвилъ Трифонъ.

Паранька ни съ мѣста.

— Да я не знаю... Она видно отстала...

И еще ничего не видя, заревѣла.

— Я тѣ задамъ: «отстала»! — зарычалъ старикъ, и схвативъ съ полицы плеть, сталъ учить дочку уму-разуму.

Выскочила Ѳекла Абрамовна... Плачъ, крики, вопли!.. Опершись о столъ рукою, молча, недвижно стоялъ Алексѣй... Ничего онъ не видѣлъ, ничего не слышалъ — одно на умѣ: «Марья Гавриловна зоветъ».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Поднявшись съ постели только ко второму уповодку [1]), Карпъ Алексѣичъ Морковкинъ, въ бухарскомъ

1) Въ деревняхъ простой народъ часовъ не знаетъ, считаетъ время по «уповодкамъ». Уповодокъ—собственно время работы за одинъ пріемъ: отъ ѣды до ѣды, отъ роздыху до роздыху. Зимой во дню три уповодка, лѣтомъ четыре. Первый лѣтній уповодокъ отъ всхода солнца и перекуски (ломоть хлѣба) до завтрака (то-есть съ четырехъ или пяти часовъ до восьми часовъ утра); второй — отъ завтрака до обѣда (съ восьми часовъ утра до полудня); третій — отъ обѣда до «па́уженки» (ѣда между обѣдомъ и ужиномъ), то-есть отъ полудня до трехъ или четырехъ часовъ пополудни; четвертый — отъ па́уженки до солнечнаго заката и ужина, то-есть до восьми или девяти часовъ. За Волгой и вообще въ лѣсахъ на сѣверѣ завтракаютъ съ восходомъ солнца, обѣдаютъ въ девять часовъ утра, въ полдень полудничаютъ, въ три или четыре часа бываетъ па́ужина, на закатѣ солнца ужинъ.

стеганомъ и густо засаленномъ халатѣ, доканчивалъ въ своей горницѣ другой самоваръ, ни мало не заботясь, что въ приказѣ съ ранняго утра ждетъ его до десятка крестьянъ. Покончивъ съ чаемъ, принялся писарь за штофикъ кизлярки да за печеныя яйца съ тертымъ калачомъ на отрубяхъ, извѣстнымъ подъ названьемъ «муромскаго». И калачъ, и яйца, и кизлярка, разумѣется, были непокупные: за стыдъ считалъ мірской захребетникъ покупать что-нибудь изъ съѣстного. — По его разсужденью, какъ попъ отъ алтаря, такъ писарь отъ приказа долженъ быть сытъ.

Позавтракалъ Карпъ Алексѣичъ и лѣниво поднялся съ мѣста, хотѣлъ идти принимать отъ мужиковъ приносы и краемъ уха слушать ихнія просьбы... Вдругъ съ шумомъ и бряканьемъ бубенчиковъ подкатила къ крыльцу телѣжка. Выглянулъ писарь въ окно, увидалъ Алексѣя.

Сталъ середь горницы Карпъ Алексѣичъ. «Алешку Лохматаго дьяволъ принесъ,—подумалъ онъ... Наташка не проболталась ли?... Ишь какимъ бариномъ!... На Чапуринскихъ!... Ну, да вѣдь я не больно испужался— чуть что, — десятскихъ, да въ темную»...

Храбрится, а у самого поджилки трясутся, мурашками спину такъ и осыпаетъ, только-что вспомнитъ про здоровенный кулакъ и непомѣрную силу Алексѣя.

«Повременю, скоро не выйду... Пущай пождетъ— прохладится... Пусть его помнитъ, что писарь — начальство».

И опять принялся за кизлярку да за муромскій калачъ съ печеными яйцами. Напусти, дескать, Господи смѣлости!

Добрые полчаса прошли... Наконецъ мимо кланявшихся чуть не до земли мужиковъ прошелъ Карпъ

Алексѣичъ въ «присутствіе», и тамъ развалился на креслахъ головы.

— Пускать мужиковъ по одиночкѣ, — приказалъ онъ ставшему у́ двери десятскому.

Десятскій впустилъ Алексѣя.

— Чередъ соблюдать!—крикнулъ писарь.—Другіе ждутъ съ позаранокъ, этотъ послѣднимъ явился.

— Да мнѣ бы всего на пару словъ,—началъ было Алексѣй.

— Чередъ наблюдать! — пуще прежняго крикнулъ десятскому Карпъ Алексѣичъ

Алексѣй вышелъ.

Надивиться не могутъ мужики, отчего это писарь никого не обрываетъ, каждаго нужду выслушиваетъ терпѣливо, ласково переспрашиваетъ, толкуетъ даже о дѣлахъ постороннихъ.—А это все было дѣлано ради того, чтобъ Алексѣю подольше дожидаться. Знай, дескать, что я тебѣ начальство, чувствуй это.

Наконецъ, всѣ мужики были отпущены, но писарь всетаки не вдругъ допустилъ до себя Алексѣя. Больно ужь хотѣлось ему поломаться. Взялъ какія-то бумаги, глядитъ въ нихъ, перелистываетъ, дѣло, дескать, дѣлаю, мѣшать мнѣ теперь никто не моги, а ты, другъ любезный, постой, подожди, переминайся съ ноги на̀ ногу... И то у Морковкина на умѣ было: не вышло бъ передряги, за то, что наканунѣ сманилъ онъ къ себѣ Наталью съ грибовной гулянки... Сидитъ, ломаетъ голову — какая бъ нужда Алешку въ приказъ привела.

Насталъ часъ воли писаря, допустили Алексѣя въ присутствіе. Передъ тѣмъ, какъ позвать его, Морковкинъ всталъ съ креселъ и, оборотясь спиной къ дверямъ, сталъ читать предписанія удѣльнаго начальства, въ рамкахъ за стекломъ по стѣнамъ развѣшенныя. Не оглядываясь на Алексѣя, писарь сердито спросилъ:

— Зачѣмъ?

— За па́чпортомъ

— За какимъ?

— За трехгодовымъ. Трехгодовой пачпортъ мнѣ нуженъ, потому что отъѣзжая, значитъ, по пароходной части въ разные города и селенія Россійской Имперіи... — началъ было Алексѣй, но писарь прервалъ его словомъ:

— Нельзя!

— А отчего бы это нельзя? — подбоченясь и выставя правую ногу впередъ, задорно спросилъ Алексѣй.

Не оглядываясь писарь отвѣтилъ:

— Бланокъ такихъ въ приказѣ нѣтъ... Писать не на чѣмъ... Недѣль шесть подожди, — къ ярманкѣ вышлютъ.

— Могу изъ казначейства выправить. Бумагу бы тольцо мнѣ,—твердымъ голосомъ молвилъ Алексѣй.

— Нѣтъ тебѣ бумаги.

— А почему бъ это?—шагнувъ впередъ, спросилъ Алексѣй.

— Рекрутскій наборъ будетъ зимой,—прошипѣлъ, не оглядываясь, Морковкинъ.

— Что мнѣ наборъ?— молвилъ Алексѣй.— За меня квитанція есть.

— А подати?

— Заплóчены, а надо такъ еще за три года впередъ внесу.

— Ишь тысячникъ какой! — съ злобной усмѣшкой сказалъ писарь.—За три года впередъ!... Да откуда у тебя такія деньги?

— Это ужь мое дѣло... Мнѣ бумагу въ казначейство надо. Вотъ что̀?...—молвилъ Алексѣй.

— Сказано нельзя,—возвысивъ голосъ, проговорилъ писарь. — Справки надо собрать, впрямь ли квитанція представлена, подати уплочены ли, подъ судомъ не

состоишь ли, къ слѣдствію какому не прикосновенъ ли, взысканій на тебя не поступило ли, жалобъ, долговыхъ претензій... Этого сдѣлать скоро нельзя.

— А много на то времени потребуется?—спросилъ Алексѣй.

— Мѣсяца два, либо три, не то и больше,—отвѣтилъ Карпъ Алексѣичъ.

Стиснувъ зубы и хмуря брови, еще шагнулъ Алексѣй. Хотѣлъ завернуть крѣпкое словцо Морковкину, но сдержалъ порывъ, опомнился и молвилъ:

— Счастливо оставаться.

Быстрыми шагами пошелъ вонъ изъ приказа.

Такъ и не видалъ лица стоявшаго спиной къ дверямъ Морковкина. А тотъ и по уходѣ Алексѣя долго еще разглядывалъ висѣвшее на стѣнѣ предписаніе.

Прямо изъ приказа покатилъ Алексѣй въ Клюкинó, къ удѣльному головѣ Скорнякову. Пріѣхавъ въ ту пору, какъ, возставъ отъ послѣобѣденнаго сна, Михайло Васильичъ съ хозяюшкой своей Ариной Васильевной и съ дѣтками засѣлъ за ведерный самоваръ чайкомъ побáловаться, душеньку распарить.

Скорняковъ былъ не изъ послѣднихъ тысячниковъ по Заволжью. Хоть далеко было ему до Патапа Максимыча, однакожь достатки имѣлъ хорошіе и жилъ въ полномъ изобильи и довольствѣ. Домъ у него стоялъ большой, пятистѣнный, о двухъ ярусахъ, съ боковушами и свѣтлицами; убранъ не такъ богато, какъ Чапуринскій, однакожъ походилъ на городской купеческій домъ средней руки. Въ передней горницѣ стояла русская печь, но была отдѣлена филенчатой перегородкой, доходившей до потолка и обитой, какъ и стѣны, недорогими обоями. Лавокъ въ тѣхъ горницахъ вдоль стѣнъ не было; стояли диванъ и кресла корельской

березы, обитые черной волосянкой, плетеные стулья и два ломберные стола, крытые бумажными салфетками съ вытканными изображеніями города Ярославля. Возлѣ огромной божницы краснаго дерева со стеклами, наполненной иконами въ золоченыхъ ризахъ, булавками приколоты были къ обоямъ картины московской работы. Онѣ изображали райскихъ птицъ Сирина, Алконаста и Гамаюна, бѣса, изувѣшаннаго тыквами, передъ Макаріемъ Египетскимъ, Іоанна Новгородскаго, ѣдущаго на бѣсѣ верхомъ въ Іерусалимъ къ заутрени и бѣсовъ, пляшущихъ съ преподобнымъ Исакіемъ. Ни одна картина духовнаго содержанія для народа безъ дьявола у насъ не обходится — хоть маленькій бѣсенокъ, хоть въ уголкѣ гдѣ-нибудь, а непремѣнно сидитъ на каждой картинкѣ. По другимъ стѣнамъ Скорняковскаго дома красовались картины мірскія — Хозревъ Мирза, взятіе Анапы, похожденія Малекъ Аделя. Надъ ними висѣли клѣтки съ жирными перепелами. Охотникъ былъ до перепеловъ Михайло Васильичъ, любилъ пронзительные ихъ крики, и не обращалъ вниманья на ворчанье Арины Васильевны, увѣрявшей встрѣчнаго и поперечнаго, что отъ этихъ окаянныхъ пичугъ ни днемъ, ни ночью покою нѣтъ. Каждый годъ только наступятъ Петровки, Михайло Васильичъ каждый день раза по три ходитъ на поля поглядѣть, не носится ль надъ озимью тенетникъ, не толчется ли надъ нею мошка—хорошъ ли, значитъ, будетъ уловъ перепелиный. Хоть не больно пристало къ важному, сановитому виду Махайлы Васильича, къ заиндѣвѣвшимъ кудрямъ его и почетной должности, но цѣлыя ночи бывало пролеживалъ онъ въ озимяхъ, приманивая дудочкой любимыхъ пташекъ подъ раскинутыя сѣти. Нефедовъ день [1]) для Скорнякова былъ самымъ боль-

[1]) Іюня 20-го, Меѳодія Патарскаго — праздникъ перепелятниковъ.

шимъ праздникомъ въ году, чуть ли не больше самаго Свѣтлаго Воскресенья. Какая ни случись въ тотъ день погода, какія ни будь дѣла въ приказѣ, непремѣнно пролежитъ онъ въ полѣ съ солнечнаго заката до ранняго утра, поднимая перепеловъ на дудочки.

Радушно встрѣтилъ Михайло Васильичъ Алексѣя. Не видалъ онъ его съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ въ его боковушѣ, въ нижнемъ жильѣ дома Патапа Максимыча, судили-рядили они про золото на Ветлугѣ. Былъ Михайло Васильичъ въ Осиповкѣ на похоронахъ Насти, но тогда кромѣ Колышкина и Марьи Гавриловны ни съ кѣмъ изъ гостей Алексѣй не видался. Зналъ Скорняковъ и про то, что опять куда-то уѣхалъ Алексѣй изъ Осиповки, что въ дому у Патапа Максимыча больше жить онъ не будетъ и что все это вышло не отъ какихъ-либо худыхъ дѣлъ его, а отъ того, что Патапъ Максимычъ, будучи имъ очень доволенъ и радѣя о немъ какъ о сынѣ, что-то такое больно хорошее на сторонѣ для него замышляетъ... Не за много дёнъ ѣздилъ Скорняковъ въ Осиповку, и Патапъ Максимычъ Христомъ Богомъ просилъ его не оставить Алексѣя, если ему, какъ удѣльному крестьянину, до него какая ни на есть нужда̀ доведется.

— Добро пожаловать!.. Милости просимъ!..—радушно проговорилъ Михайло Васильичъ Алексѣю, когда тотъ, помолившись иконамъ, кланялся ему, Аринѣ Васильевнѣ и всему семейству.— Значитъ добрый человѣкъ—прямо къ чаю!.. промолвилъ голова.—Зла значитъ не мыслитъ.

— Какія жь у меня могутъ быть злыя мысли? Помилуйте, ваше степенство,—сказалъ Алексѣй.

— Да это я такъ. Къ слову молвится,—смѣялся Михайло Васильичъ.—Садись-ка, гостемъ будешь.

Радъ Алексѣй и ласковой встрѣчѣ и доброму при-

вѣту. Присѣлъ къ столу, принялся за чай съ двуносыми сайками, печеными на соломѣ.

— Ну что̀?.. Дѣла какъ?.. Много ли золота накопалъ на Ветлугѣ? — добродушно смѣясь спросилъ у него Михайло Васильичъ.

— Самимъ, ваше степенство, извѣстно, какое оно золото вышло,—улыбнувшись сказалъ Алексѣй.

— Знаю, парень, знаю... Патапъ Максимычъ все до тонкости мнѣ разсказывалъ, — молвилъ Михайло Васильичъ.—А ты умно тогда сдѣлалъ, что оглобли-то поворотилъ. Не ровенъ часъ, голубчикъ, попалъ бы въ скитъ, и тебѣ бы тогда пожалуй, да и намъ съ тобой на калачи досталось... Ты смотри, про это дѣло никому не сказывай .. Покамѣстъ судъ не кончился, нишкни да помалчивай.

— Помилуйте, ваше степенство, возможно ль про такія дѣла безъ пути разговаривать? Слава Богу — не махонькой, могу понимать, — отвѣтилъ Алексѣй.

— То-то, поберегайся. Береженаго и Богъ бережетъ,—замѣтилъ Скорняковъ.—Эко, подумаешь, дѣло-то, продолжалъ онъ.—Какимъ вѣдь преподобнымъ тотъ проходимецъ прикинулся... Помнишь, про Іерусалимъ-отъ какъ разсказывалъ—хоть въ книгу пиши... Какъ есть святъ мужъ — только пеленой обтереть да и въ рай пустить!.. А на повѣрку вышло, что борода-то у него апостольская, да усокъ-отъ дьявольскій... Много, сказываютъ, народу они запутали... У насъ изъ волости двоихъ въ острогъ запрятали, тотъ же Стуколовъ оговорилъ... Вотъ тѣ и преподобные!.. Вотъ тѣ и святые отцы, шутъ бы ихъ по̀бралъ!.. Давно ль Патапа Максимыча видѣлъ?

— Давненько, ваше степенство. Чуть не съ мѣсяцъ времени будетъ, — отвѣтилъ Алексѣй. — Отхожу вѣдь я отъ него.

— Сказывалъ онъ, сказывалъ, — молвилъ Михайло

Васильичъ. — Возлюбилъ же онъ тебя, парень!.. Ужь такъ возлюбилъ, что просто всѣмъ на удивленье... Ты теперь въ Осиповку что ли?.. Послѣ завтра и я туда же всѣмъ домомъ. Сорочины по Настасьѣ Патаповнѣ будутъ...

— Не угодить мнѣ туда, — потупивъ глаза, отвѣчалъ Алексѣй. — Спѣшное дѣльце есть, ваше степенство. Я до вашей милости,—продолжалъ онъ, вставъ со стула и низко кланяясь.

— Чтò тебѣ?.. Какое твое дѣло?.. — чинно и немножко строго спросилъ голова

— Да такъ какъ я таперича, значитъ, мѣсто себѣ получилъ по пароходной части и надобно мнѣ въ дальню отлучку на долгое время, такъ мнѣ бы трехгодовый пáчпортъ надо получить,—началъ Алексѣй.

— Чтò жь? Получай съ Богомъ, — перебилъ Михайло Васильичъ. — Рекрутской очереди вѣдь нѣтъ за тобой?

— Нѣтъ.

— Подати уплочены?

— Сполна уплочены, ваше степенство. А понадобится, готовъ хоть за годъ, хоть за два, хоть за три впередъ внести,—сказалъ Алексѣй.

— Такъ явись въ приказъ,—молвилъ Михайло Васильичъ.

— Былъ я въ приказѣ-то, ваше степенство, писарь не выдаетъ.

— Отчего? — быстро вскинувъ глазами, спросилъ голова.

— Какія-то находитъ препятствія. Говоритъ «взысканій на тебя нѣтъ ли, да не подъ судомъ ли, али не подъ слѣдствіемъ ли какимъ».

— Гм!—промычалъ Михайло Васильичъ.—А взысканія-то есть?

— Никакихъ нѣтъ, ваше степенство, да никогда и

не бывало, — отвѣчалъ Алексѣй. — А на счетъ того, чтобы къ суду, тоже ничего не знаю... Не провѣдалъ ли развѣ Карпъ Алексѣичъ, что я тогда по вашему приказу на Ветлугу ѣздилъ?.. А какъ теперича тутъ дѣло завязалось, такъ не на этотъ ли онъ счетъ намекаетъ...

— Гм!—опять промычалъ Михайло Васильичъ и притомъ почесалъ въ затылкѣ.

— Теперь, говоритъ, въ приказѣ трехгодовыхъ бланокъ нѣтъ...—продолжалъ съ лукавой покорностью Алексѣй.—Объ удостовѣреньи кучился Карпу Алексѣичу, самъ было думалъ въ городъ съѣздить, чтобъ па́чпортъ въ казначействѣ выправить — и того не даетъ. — Раньше, говоритъ, трехъ мѣсяцевъ не получишь.

— Такъ что̀ же?

— Да мнѣ долго ждать никакъ не возможно, ваше степенство, на той недѣлѣ надо безпремѣнно на пароходѣ въ Рыбинскъ бѣжать... Къ сроку не поспѣю— мѣста лишиться могу... Явите Божескую милость, ваше степенство, прикажите выдать удостовѣреніе, я бы тѣмъ же часомъ въ городъ за па́чпортомъ...—съ низкими поклонами просилъ Алексѣй Михайлу Васильича.

Ловко попалъ онъ, кинувъ словцо, что не на поѣздку ли къ отцу Михаилу намекалъ ему писарь... Призадумался Михаилъ Васильичъ... Забота о самомъ себѣ побуждала его скорѣй спровадить въ дальнія мѣста Алексѣя, чтобы онъ гдѣ-нибудь по близости не проболтался, не накликалъ бы бѣды на всѣхъ затѣвавшихъ тогда копать золото на Ветлугѣ. Хоть большой бѣды пожалуй тутъ и не вышло бы, а все же бы подъ судъ упрятали... А судъ людямъ не на радость данъ... Будь чистъ, какъ стекло, будь свѣтелъ какъ солнце праведное, а ступилъ въ судъ ногой, полѣзай въ мошну

рукой: судейскій карманъ, что утиный зобъ—и корму не ризбираетъ, и сытости не знаетъ... Да то еще не бѣда, что на деньгу пошла; вотъ бѣда, коль судья холоднымъ вѣтеркомъ на тебя дунетъ... Онъ вѣдь что плотникъ: что̀ захочетъ, то и вырубитъ, а законъ у него, что дышло—куда захочетъ, туда и поворотитъ!

«Какъ ни быть, а Лохматаго въ дальни мѣста̀ надобно сбыть, думалъ Михайло Васильичъ. — Какія бъ заминки писарь ни дѣлалъ, пущу. Пакамѣстъ дѣло идетъ, лучше какъ подальше будетъ отъ насъ».

— Выдамъ бумагу, — сказалъ онъ Алексѣю. — По ней въ городѣ па́чпортъ то́тчасъ выправишь. Только, парень, надо обождать маленько.

— А много ли ждать-то, ваше степенство?—смиренно спросилъ Алексѣй.

— Да не ближе недѣли,—сказалъ голова.

— Нельзя ль поскорѣй, ваше степенство? Этакъ мнѣ на пароходъ не попасть, мѣста лишиться могу,—просилъ Алексѣй.

— Экой ты прыткой какой! — молвилъ Михайло Васильичъ.—Тебѣ бы вынь да положь, все бы на скорую ручку—комкомъ да въ кучку... Эдакъ, братъ, не водится... Самъ считай: послѣзавтра надо на сорочины, Патапъ Максимычъ раньше трехъ денъ не отпуститъ, вотъ тебѣ съ нонѣшнимъ да съ завтрашнимъ днемъ пять денъ, а тутъ воскресенье — приказъ значитъ, на запорѣ, это шесть денъ, въ понедѣльникъ Нефедовъ день, тутъ ужь, братъ, совсѣмъ невозможно.

— Отчего же такъ, ваше степенство, осмѣлюсь спросить?—робко спросилъ Алексѣй.

— А слышь птички-то распѣваютъ!.. Слышь, какъ потюкиваютъ!—сказалъ Михайло Васильичъ, любуясь на оглушавшихъ Алексѣя перепеловъ. — Это, братъ, не то, что̀ у Патапа Максимыча заморскія канарейки— отъ тѣхъ пискъ только одинъ... Это птица расейская,

значитъ, наша крóвная... Слышь горло-то какъ деретъ!.. Послушать любо-дорого сердцу!.. Въ понедѣльникъ ихній праздникъ—Нефедовъ день!.. Всю ночь въ озимя́хъ пролежу, днемъ завалюсь отдыхать... Нѣтъ, про понедѣльникъ нечего и поминать... Во вторникъ приходи... Черезъ недѣлю значитъ.

— Завтра нельзя ли ваше степенство?—съ низкимъ поклономъ умолялъ Алексѣй.

— Завтра, братъ, тоже никакъ невозможно, потому что завтра весь день стану отдыхать,—сказалъ Михайло Васильичъ.—Давича передъ обѣдомъ пó полю я ходилъ—тенетнику надъ озимью видимо-невидимо, и мошка толчется, — уловъ будетъ богатый... Нѣтъ, завтра нельзя... Развѣ записку снесешь къ Карпу Алексѣичу, чтобъ, значитъ, безпремѣнно выдалъ тебѣ бумагу.

— Да развѣ можетъ онъ безъ вашей подписи выдать? И казначей безъ вашей руки не повѣритъ,—молвилъ Алексѣй.

— И то правда,—согласился голова,—безъ нашей, значитъ, подписи повѣрить казначею никакъ невозможно... Тенетнику-то давича чтò летало!.. задумался онъ.—Опять же мошка!. Такого дня во все лѣто не бывало!—Нѣтъ ужь, какъ ни верти, придется до той недѣли обождать,—рѣшительно сказалъ Алексѣю.—И радъ бы радехонекъ... Со всякимъ бы моимъ удовольствіемъ, да самъ видишь, какое дѣло подошло...

— Нечего дѣлать,—вздохнулъ Алексѣй.—Не судьба видно получить то мѣсто, надобно оставаться дома.

— Зачѣмъ, зачѣмъ?—тревожно перебилъ его Михайло Васильичъ. — Нѣтъ, Алексѣюшко, ты поѣзжай. поѣзжай, другъ любезный, безпремѣнно поѣзжай... Чтò тебѣ дома-то киснуть?.. Чужая сторона и ума въ головѣ и денегъ въ карманѣ прибавитъ.

— Справедливы ваши рѣчи, Михайло Васильичъ,—

сказалъ Алексѣй.—Самъ теперь знаю про то... Много ли кажется поѣздилъ—только въ городъ, да еще тогда по вашему приказу къ отцу Михаилу, а и тутъ можно сказать, что глаза раскрылъ.

— То-то и есть,—молвилъ Михайло Васильичъ.— Нѣтъ, какъ можно тебѣ оставаться?... Поѣзжай, безпремѣнно поѣзжай.

— На пароходъ-отъ не угожу, ваше степенство... Черезъ недѣлю ему отваливать, — сказалъ Алексѣй, и немного помолчавъ, сталъ передъ святыми иконами уставные поклоны творить.

— Прощенья просимъ, ваше степенство. Счастливо оставаться, — вымолвилъ онъ и, низко поклонясь Михайлѣ Васильичу, пошелъ вонъ изъ горницы.

Пока Алексѣй справлялъ семипоклонный начàлъ, голова раздумывалъ: «Оставаться ему не годится... Узнаетъ Морковкинъ про Ветлугу, разомъ его приплететъ... А этотъ на слѣдствіи покажетъ, что я посылалъ... Съѣздить видно завтра въ приказъ да выдать бумагу-то?... А тенетникъ-отъ!... А мошки-то!... Приспичило же пострѣла въ такое нужное время!...»

— Погоди, погоди, — громко сказалъ голова Алексѣю, когда тотъ взялся за дверную скобу. — Такъ ужь и быть, ради милаго дружка и сережка изъ ушка!... Ради Патапа Максимыча по-твóему сдѣлаю, завтра по утрý побывай въ приказѣ — пріѣду, обдѣлаю... А ужь это я тебѣ скажу все едино, что ты у меня отъ сердца кусокъ отрываешь... Тенетнику-то что̀, мошки-то!... Уловъ-отъ на зарѣ какой будетъ!..

На другой день рано поутру Алексѣй былъ ужь въ приказѣ, Михайло Васильичъ раньше его пріѣхалъ туда... Не утерпѣлъ голова, залегъ таки въ озими и до солнечнаго всхода накрывъ безъ одного сорокъ перепеловъ, повезъ ихъ не домой, а въ приказъ. Надивиться не могъ Карпъ Алексѣичъ, увидавъ, что вслѣдъ

за начальствомъ десятскіе тащутъ въ приказъ пять большихъ корзинъ, укрытыхъ сѣтями, съ прыгавшими тамъ перепелами. Еще больше удивился онъ, когда Михайло Васильичъ настойчиво приказалъ ему писать въ казначейство бумагу о выдачѣ трехгодоваго паспорта Алексѣю. Долго спорилъ Морковкинъ, но голова крѣпко сталъ на своемъ. Когда же Карпъ Алексѣичъ наотрѣзъ отказался писать ту бумагу, Михайло Васильичъ позвалъ приказнаго мальчика, велѣлъ ему написать удостовѣренье, подписалъ, и своими руками казенную печать приложилъ.

Когда Алексѣй явился въ приказъ, дѣло было ужь сдѣлано и бумага ему тóтчасъ же выдана. Ступай, значитъ, на всѣ на четыре стороны.

— Ишь раскозырялся!... —злясь и лютуя ворчалъ Морковкинъ, стóя на крыльцѣ, когда удѣльный голова поѣхалъ въ одну, а Лохматый въ другую сторону.— Ишь раскозырялся, посконная борода!... Постой-погоди ты у меня!... Я тѣ носъ-отъ утру! .. Станешь у меня своевольничать, будешь дѣлать не по-моему!... Слетишь съ мѣста, мошенникъ ты эдакой, слетишь!...

И воротясь въ свою горницу, усердно принялся за кизлярку, раскидывая умомъ, какъ бы наслоить головѣ. И придумалъ послать въ удѣльную контору доносъ на Михайла Васильича.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Всѣ други-пріятели съѣхались къ Патапу Максимычу на Настины сорочины. Пріѣхалъ кумъ Иванъ Григорьичъ съ Груней и съ дѣтками, пріѣхалъ Михайло Васильичъ съ Ариной Васильевной, кое-кто изъ Городца, кое-кто йзъ городу. Изъ Комарова на пяти тройкахъ жирныхъ келейныхъ лошадей матери и бѣ-

лицы прикатили. Сама матушка Манеѳа пожаловала, очень желательно было ей помянуть племянницу — не привелъ Господь въ землю ее опустить, такъ хоть въ сорочины надъ ея могилкой поминальную службу справить. А чтобъ справить ту службу благолѣпнѣе, захватила она съ собой уставщицу мать Аркадію да соборныхъ старицъ мать Назарету, да мать Ларису и Марьюшку головщицу со всѣмъ правымъ клиросомъ.. Фленушку тоже привезла и новую келейницу свою Устинью Московку... Прихватила и гостя обительскаго Василья Борисыча. Много звалъ Патапъ Максимычъ на поминки Марью Гавриловну—не поѣхала—пуще да пуще въ ту пору ей не здоровилось.

Безъ мала за недѣлю поивезли въ Осиповку Дарью Никитишну поминальны столы уряжать. Приходилось теперь знаменитой заволжской поварихѣ иное дѣло обдѣлывать, не то что̀ было на именинахъ, и не то что̀ было на по́хоронахъ. Не ждали къ Патапу Максимычу ни Снѣжковыхъ, ни другихъ гостей, которымъ бы надо было городскіе столы уряжать, уставлять ихъ яствами затѣйными, дорогими напитками заморскими, нужно теперь Никитишнѣ учредить трапе́зу по старинѣ, какъ отъ дѣдовъ, отъ прадѣдовъ поминальныя тризны справлять заповѣдано. А время такое подошло, что мірскимъ надо стряпать рыбное, а келейнымъ сухояденіе. Шли Петровки — голодный постъ... Никитишна лицомъ себя въ грязь не ударила — столы на славу учредила. Ста два окрестныхъ крестьянъ на поминки сошлось, для нихъ еще съ вечера на улицѣ столы были поставлены.

И для крестьянъ, и для почетныхъ гостей кутьи наварили, блиновъ напекли, киселя наготовили... Кутья на всѣхъ одна была; изъ пшена сорочинскаго съ изюмомъ да съ сахаромъ, блины въ семи печахъ пеклись, чтобы всѣмъ достались горяченькіе: въ почетны столы

пекли на орѣховомъ маслѣ, въ уличные на маковомъ— мірскимъ съ икрой да со снѣтками, скитскимъ съ лукомъ да съ солеными груздями. Кисели готовила Никитишна разные: почетнымъ гостямъ пшеничные съ миндальнымъ молокомъ, на улицу овсяные съ медовой сытой. Стерляжья уха на красный столъ сварилась жирная, янтарная; тертые растегаи вышли диковинные... Опричъ того сготовила Никитишна ботвинье борщовое съ донскимъ балыкомъ да со свѣжей осетриной, двухъаршинныя сочныя кулебяки, пироги подовые съ молоками да съ вязигой, пироги долгіе съ тѣльнымъ изо щуки, пироги вислые съ семгой да съ гречневой кашей, судаки подъ лимоны, бѣлужью тёшку съ хрѣномъ да съ огурцами, окуней въ разсолѣ, жареныхъ лещей съ карасями, оладьи съ медомъ, левашники съ малиновымъ вареньемъ... А келейницамъ похлебка была изъ тебеки [1]) со свѣжими грибами, борщъ съ ушками, вареники съ капустой, тертый горохъ, коровай съ груздями, пироги съ зеленымъ лукомъ, да хворосты и оладьи, дыни въ патокѣ и много другой постной яствы.

Раннимъ утромъ, еще лѣтнее солнце въ полдерево стояло, всѣ пошли-поѣхали на кладбище. А тамъ Настина могилка свѣжимъ изумруднымъ дерномъ покрыта и цвѣтики на ней алѣютъ. А кругомъ земля выровнена, утоптана, бѣлоснѣжнымъ рѣчнымъ пескомъ усыпана. Первыми на кладбище пришли Матренушка съ канонницей Евпраксеей, принесли онѣ кутью, кацею съ горячими углями да восковыя свѣчи.

И видѣли онѣ, что возлѣ Настиной могилки, понуривъ голову и роняя слезы, сидитъ дядя Никифоръ. То былъ ужь не вѣчно пьяный, буйный, оборванный Микешка Волкъ, но тихій, молчаливый горюнъ, каждый

[1]) Тыква.

Божій день молившійся и плакавшій надъ племянницыной могилой. Исхудалъ онъ, пожелтѣлъ, голову сѣдина пробивать стала, но глаза у него были не прежніе мутные, умомъ, тоской, благодушьемъ свѣтились. Когда вкругъ могилы стали набираться званые и незваные поминальщики, тихо отошелъ онъ въ сторонку.

Чинно, стройно, благолѣпно справили службу. Положивъ семипоклонный начàлъ и поклонясь до земли передъ могилой, Манеѳа надѣла соборную мантію, выпрямилась во весь ростъ и, при общемъ молчаньи, величаво проговорила:

— За молитвъ святыхъ отецъ нашихъ Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ

И запѣли «канонъ за единоумершую». Далеко по свѣжему утреннему воздуху разносились стройные голоса пѣвчей стаи, налаженной Васильемъ Борисычемъ и управляемой Марьей головщицей. Тишь стояла невозмутимая: дымъ ладона прямымъ столбомъ вился кверху, пламя на свѣчахъ не колебалось. Ни говоромъ людей, ни шумомъ деревьевъ не нарушалось заунывное пѣнье, лишь порой всхлипывала Аксинья Захаровна, да звонко заливались жаворóнки въ сіяющемъ поднебесьи.

Патапъ Максимычъ все время стоялъ возлѣ Манеѳы, поникнувъ головою. Раза два лѣвымъ рукавомъ отеръ онъ слезу... Всѣ глядѣли на украшенную цвѣтами могилу, никто не взглядывалъ по сторонамъ; только Василій Борисычъ жадно и страстно впился глазами въ стоявшую возлѣ матери Парашу и вполголоса подпѣвая: *Надгробное рыданіе творяще и поюще пѣснь ангельскую* [1]). «Охъ, искушеніе думалъ самъ про себя. — Эка дѣвица-та сдобная да матёрая!... Грудь-то, копна копной!...» Инда губы зачесались у посла московскаго,

1) Такъ поется эта заупокойная пѣснь по дониконовскому переводу.

такъ бы взялъ да и расцѣловалъ впухъ и прахъ Прасковью Патаповну!... Отвелъ глаза—Устинья Московка, сдвинувъ брови, палючія искры мечетъ изъ гнѣвныхъ очей.

— Искушеніе! — прошепталъ Василій Борисычъ, вздохнулъ и громко подтянулъ *аллилуію.*

По отпустѣ, приникнувъ лицомъ къ дочерниной могилѣ, зарыдала Аксинья Захаровна; завела было голосомъ и Параша, да какъ-то не вышло у ней причитанья, она и замолкла... Пріѣхавшая безо зву на поминки знаменитая плачея Устинья Клещиха съ двумя вопленницами завела поминальный плачъ, пока поминальщики ѣли кутью на могилѣ.

Ужь ты слышишь ли, мое милое дитятко,
Моя бѣлая лебедушка?
Ужь ты видишь ли изъ могилушки
Свою матушку ро́дную?
Дождалась ты меня горегорькую—
Собралась я къ тебѣ въ гости скорешенько,
Не на ко́няхъ я къ тебѣ пріѣхала,
Прибѣжала на своихъ рѣзвыхъ ноженькахъ.
Мои скорыя ноженьки не тянутся,
Бѣлы рученьки не вздымаются,
Очи ясныя не глядятъ на бѣлый свѣтъ!...
И мнѣ нѣту ласковаго словечушка,
И мнѣ нѣту теплаго завѣтерья!
Не ясёнъ день безъ краснаго солнышка,
Не весело жить безъ милой доченьки!...
Что̀ сумнилася моя головушка,
Что̀ сумнилася-сокрушилася?
Съ кѣмъ раздумать мнѣ думу крѣпкую
Съ кѣмъ размыкать мнѣ горе горькое,
Отъ кого услышать слово ласковое?
О томъ голова моя посумнилася,
Посумнилася, побѣдная, сокрушилася,
Что шатаюсь я на свѣтѣ, побѣдна головушка,
Середь добрыхъ людей какъ травинушка,
Какъ травинушка-сиротинушка. —

Чтò же спишь ты, моя бѣлая лебедушка,
Чтò же спишь ты не просыпаешься?
Сокрѣпила ты свое сердечушко
Крѣпче каменя горючаго,
И нигдѣ-то я тебя, голубушку, не увижу,
Голосочка твоего звонкаго не услышу!

Пропѣли вóпленницы плачи, раздала Никитишна нищей братіи «задушныя поминки» [1]), и стали съ кладбища расходиться. Долго стоялъ Патапъ Максимычъ надъ дочерней могилой, грустно качая головой, не слыша и не видя подходившихъ къ нему. Пошелъ домой изъ послѣднихъ. Одинъ, одаль другихъ, не надѣвая шапки и грустно поникнувъ серебристой головою, шелъ онъ тихими стопами.

Послѣднимъ на кладбищѣ остался Никифоръ. Подошелъ онъ къ Настиной могилѣ, сталъ передъ ней на колѣна, склонилъ голову на землю. Стали слышны глухія, перерывчатыя его рыданья.

— Святая душенька, молись за меня за грѣшника!— говорилъ онъ, цѣлуя могилу и орошая ее горючими слезами.

Всталъ и медленными шагами пошелъ къ рѣчкѣ, чтò протекала возлѣ погоста. Зачерпнулъ вёдра, принесъ къ могилѣ и полилъ зеленый дернъ и любимые покойницей алые цвѣтики, пышно распустившіе теперь нѣжныя, пахучія свои головки на ея могилкѣ... Опять сходилъ на рѣчку, принесъ вёдра бѣлоснѣжнаго, кремнистаго песку берегóваго и, посыпавъ имъ кругомъ могилы, тихо побрелъ задами въ деревню.

Гдѣ твои буйные крики, гдѣ твои безстыдныя пѣсни, пьяный задоръ и наглая ругань?... Тише воды, ниже травы сталъ Никифоръ... Памятуя Настю, при-

[1]) Милостыня, раздаваемая по рукамъ на кладбищѣ, или у воротъ дóма, гдѣ справляютъ поминки.

нялъ онъ смиренье, возложилъ на себя кротость и сталъ другимъ человѣкомъ.

Совсѣмъ обутрѣло, когда воротились съ кладбища въ деревню. Работники, деревенскіе мужики, бабы, дѣвки и подростки гурьбой привалили къ уличнымъ столамъ, и суетливо, но безъ шума, безо всякихъ разговоровъ, заняли мѣста̀ въ ожиданьи чары зелена̀ вина, кутьи, блиновъ, киселя и иного поминальнаго брашна. Мать Аркадія, двѣ старицы и плачея Устинья Клещиха выносили четыре большія блюда и стали разносить на нихъ кутью по народу. Каждый чинно бралъ ложку, крестился и поминалъ покойницу сладкою кутьею. Искусная въ писаніи уставщица мать Аркадія, ставъ посреди народа, громко начала поучать людей, что̀ такое кутья означаетъ:

— Кутья благовѣрная — святымъ воня благоуханная, — истово говорила она, — святіи бо не піютъ, не ѣдятъ, токмо вонею и благоуханіемъ сыти суть. Благочестно, со́ страхомъ вкушайте сію святыню, поминая новопреставленную рабу Божію дѣвицу Анастасію. Добрѣ держитъ святая церковь въ четыредесятый день по представленіи кутію поставляти и надъ нею память по усопшихъ творити. Того ради уставлено въ сороковой день память о мертвомъ творити, что въ сей день душа, прейдя мытарства злыхъ міродержателей, воздушныхъ мытареначальниковъ, истязателей же и обличителей земныхъ дѣлъ ея, святыми ангелами ко престолу Господню приводима бываетъ. И тогда или оправдана бываетъ и освободится отъ сонмовъ нечистыхъ духовъ, или же осуждена и заключена въ оковы, и во́зьмется демонами, да не узритъ славы Божіей. Сіе есть первый судъ, предвареніе страшнаго суда Христова. Помолитесь же, православные, о душѣ новопреставленной дѣвицы Анастасіи, да упразднится прегрѣшеній ея рукописаніе, да простятся грѣхи ея

вольные и невольные и да внидетъ она въ радость Господа своего. Аминь.

Съ умиленіемъ слушалъ народъ красноглаголивую келейницу. Старушки всхлипывали, другіе только вздыхали, всѣ стояли безмолвно. Только безпокойный народъ—ребятишки, держась рученками за матерніе подолы, пересмѣивались межъ собой во время проповѣди, иные даже перебранивались, но вскорѣ унимались подъ невидимыми міру родительскими кулаками.

Виномъ обносить стали. Обносили старикъ Пантелей да новый приказчикъ Григорій Филиппычъ. Они жь непьющихъ бабъ и дѣвокъ ренскимъ подчивали. Вынесли постные блины со снѣтками. Принялся за нихъ народъ со крестомъ да съ молитвой, съ пожеланьемъ покойницѣ небеснаго царства. Подали щи съ головизной, на вторую перемѣну ставили свекольникъ съ коренной рыбой, а на третью—пироги съ гречневой кашей и соминой, да смачную ячную кашу съ маковымъ масломъ, въ концѣ стола овсяный кисель съ сытой медовой. А виномъ, какъ всегда водилось у Патапа Максимыча, обносили по трижды, а пиво и сыченая брага въ деревянныхъ жбанахъ на столахъ стояли—сколько кто хочетъ, столько и пей.

Крестясь и поминаючи покойницу, низкими поклонами поблагодаривъ хозяевъ, тихо народъ разошелся. Чапуринскія стряпухи убрали посуду, работники столы и скамьи на дворъ унесли; улица опустѣла... По сѣнямъ, по клѣтямъ, да по сѣнницамъ улеглись мужики и бабы деревни Осиповки поспать-отдохнуть послѣ сытнаго обѣда. Дѣвки съ ребятишками — въ лѣсъ по грибы да по ягоды. Пришлые поминальщики, направляясь къ своимъ деревнямъ, разбрелись по разнымъ дорогамъ.

А хозяева, и гости, воротясь съ кладбища въ домъ Патапа Максимыча, отправились прямо въ моленную.

Тамъ передо всѣми иконами горѣли пудовыя ослопныя [1]) свѣчи, а въ срединѣ стоялъ крытый чернымъ бархатомъ съ серебряными галунами аналогій, на немъ фарфоровое блюдо съ узорочно разукрашенною цукатами кутьею. Облачась въ соборную мантію, Манеѳа стала передъ нею и замолитвовала. Пропѣли литію. Игуменья отвѣдала кутьи, поминая покойницу и, взявъ блюдо на руки, обратилась къ предстоящимъ. Одинъ за другимъ подходили къ ней и вкушали кутію...

Напившись чаю, за столы садились. Въ бывшей Настиной свѣтлицѣ сѣла Манеѳа съ соборными старицами, плачея Устинья Клещиха съ вопленницами, да еще кое-кто изъ пѣвчихъ дѣвицъ, въ томъ числѣ, по приказу игуменьи, новая ея наперсница Устинья-Московка. Мірскіе гости разсѣлись за столы, разставленные по переднимъ горницамъ. Тамъ рыбными яствами угощалъ ихъ Патапъ Максимычъ, а въ Настиной свѣтлицѣ сѣла съ постниками Аксинья Захаровна, и угощала ихъ уставны́мъ сухояденьемъ.

И кляла же тотъ обѣдъ Устинья-Московка. Первое дѣло: свѣжей рыбки хотѣлось покушать ей, а главное, Василій Борисычъ тамъ сѣлъ, да тамъ же и Прасковья Патаповна. Подмѣтивъ на кладбищѣ, какъ поглядывалъ на нее Василій Борисычъ, дала Устинья волю пылкому, ревнивому сердцу... Еслибъ можно было, взяла бы да и съѣла дѣвичьяго подлипалу... Горячая дѣвка была!...

За поминальными обѣдами бесѣды не ведутся: пьютъ, ѣдятъ во славу Божію въ строгомъ молчаньи. Лишь изрѣдка удѣльный голова въ полголоса перекидывался отрывистыми словами съ Иваномъ Григорьичемъ, да Фленушка шептала что-то на ухо Парашѣ,

[1]) Старинное слово—свѣча, величаемая въ *ослóпъ*. А ослóпъ въ лѣсахъ на Сѣверѣ и доселѣ означаетъ дубину, стягъ.

лукаво поглядывая на Василья Борисыча. Кое-что и она подмѣтила на кладбищѣ, и еще ранѣ того, въ Комаровѣ, во время дорожныхъ сборовъ, кой-что про Парашу московскому послу разсказала.

Въ концѣ обѣда, послѣ поминальнаго киселя, встали гости изъ-за трапѐзы и опять пошли въ моленную. Тамъ вмѣсто аналогія стоялъ большой столъ, крытый браной камчатной скатертью, а на немъ ставлена была фарфоровая миса съ «тризной» и пустые стаканы по числу гостей. Надѣвъ соборную мантію, Манеѳа замолитвовала, а дѣвицы заупокойную стихиру шестаго гласа запѣли: *Создателю и Творче, Зиждителю и Избавителю, ослаби, отпусти Христе Боже.* А пѣли демествомъ. Василій Борисычъ нарочно дѣвицъ той стихирѣ обучилъ, собираясь ѣхать въ Осиповку на сорочины. Про эту стихиру на Керженцѣ въ лѣсахъ до тѣхъ поръ не слыхивали [1]). Всѣмъ она очень понравилась, и всѣ много благодарила Василья Борисыча, что такую хорошую стихиру вывезъ изъ Москвы на Керженецъ... А во время пѣнія той стихиры Никитишна серебрянымъ ковшомъ тризну по стаканамъ разливала.—И пили во славу Божію, крестясь и поминая за упокой рабу Божію дѣвицу Анастасію.

Тѣмъ сорочины и кончились.

Изъ моленной послѣ трапѐзы отдохнуть разошлись. Фленушка да Марьюшка вмѣстѣ съ Парашей запер-

[1]) Полной заупокойной стихиры *Создателю и Творче* ни въ одной старопечатной книгѣ нѣтъ. Только въ «Уставѣ» сказано: «по семъ возставъ отъ трапезы поемъ: «Создателю и Творче», но дальше ни одного слова текста стихиры не напечатано. Это нѣкоторыхъ ревнителей на Керженцѣ вводило въ немалое сомнѣнье, пока не былъ привезенъ изъ Москвы полный текстъ поминальной стихиры. Онъ находится только въ рукописныхъ крюковыхъ пѣвчихъ книгахъ XVII столѣтія, довольно рѣдкихъ.

лись въ ея свѣтлицѣ. Порывалась туда Устинья Московка, но мать Манеѳа ея не пустила. Ревностью пылая и въ досадѣ на неудачи, больше получа́са растирала канонница ноги хворой игуменьи, сильно приуставшей послѣ длинныхъ службъ и длиннаго обѣда.

Успокоивъ, сколь могла матушку, и укрывъ ее на постели одѣяломъ, пошла было гнѣвная Устинья въ Парашину свѣтлицу, но, проходя сѣнями, взглянула въ окошко и увидѣла, что на бревнахъ въ огородѣ сидитъ Василій Борисычъ... Закипѣло ретивое... Себя не помня, мигомъ слетѣла она съ крутой лѣстницы и, забывъ, что скитской дѣвицѣ не слѣдъ середь бѣла дня, да еще въ мірскомъ домѣ, видѣться одинъ на одинъ съ молодымъ человѣкомъ, стрѣлой промчалась дворомъ и вихремъ налетѣла на Василья Борисыча.

— Ты что̀?... Ты что̀ это вздумалъ?...—задыхаясь и едва переводя духъ, визгливо кричала она на него.— Куда, песъ этакой, на кого безстыжіе глаза свои запускалъ?... А?...

Озадаченный внезапнымъ появленіемъ Устиньи, какъ полотно поблѣднѣлъ Василій Борисычъ и, поднявшись съ мѣста, дрожавшимъ отъ страха голосомъ едва могъ промолвить:

— Охъ, искушеніе!

— Куда ты, стоя на кладбищѣ, подлыя зенки свои пялилъ?—неистово лютуя, кричала Устинья.—На кого глядѣлъ?... А?

— Да что̀ ты?... Что̀ ты кричишь?... Въ умѣ ли?— вполголоса сталъ было уговаривать ревнивую канонницу Василій Борисычъ.—Опомнись!... Могутъ услышать...

— Пущай ихъ слышатъ!...—пуще прежняго лютовала Устинья. — Наплевать мнѣ! — Хоть всѣ сюда сходись! Себя погублю, за то ужь и тебя осрамлю безпутнаго, осрамлю, осрамлю!... Будешь меня пом-

нить!... Вытолкаютъ по шеямъ!... Всѣмъ скажу, что къ хозяйской дочери примазаться хочешь!... Чапуринъ не свой братъ—на́ эти дѣла хуже чорта... Свернетъ тебѣ голову, какъ куренку!... Воротишься въ Москву съ поротой спиной!... Я тѣ докажу!.. Думалъ, на дуру напалъ?... Нѣтъ, братъ, шалишь, мамонишь!... Снялъ съ меня голову, такъ и я съ тебя сниму!... Измѣнщикъ ты мерзкій!... Я ль тебя не любила?... Я ли тебя...

И грянулась о́ земь въ рыданьяхъ.

Василій Борисычъ въ конецъ растерялся, стоитъ, какъ вкопаный, придумать не можетъ, что́ дѣлать ему... Убѣжать — содому окаянная на весь домъ, на всю деревню надѣлаетъ, перебудитъ всѣхъ... Остаться— придетъ кто-нибудь, изъ окошка увидитъ.

— Охъ, искушеніе!... Насталъ часъ испытаній!— схвативъ себя за виски, говорилъ онъ и снова принялся уговаривать то рыдавшую, то надрывавшуюся отъ хохота Устинью...

— Образумься!... Устиньюшка!... Опомнись!...—говорилъ онъ, боясь наклониться къ ней, боясь и прочь отойти. — Съ ума, что ли, сошла?... Стыдъ-отъ гдѣ у тебя?... Совѣсть-та гдѣ?...

Устинья продолжала рыдать и наконецъ завопила въ источный голосъ:

— Погубитель ты мой!... Злодѣй ты этакой!... Забыла твоя совѣсть, чѣмъ обѣщался ты мнѣ?... Охъ, погубила я съ тобой свою головоньку!...

— Искушеніе!—теребя въ отчаяньи виски, потихоньку восклицалъ Василій Борисычъ.—Да уймись же, окаянная, уймись, Дунюшка, пожалуста уймись, говорю тебѣ, моя миленькая!... Слушай... а ты слушай же!...—обрадовавшись блеснувшей въ умѣ его мысли, сказалъ онъ, наклоняясь къ Устиньѣ и боязливо поглядывая на окошки.—Видишь, лѣсокъ — близенько...

Пойдемъ туда—тамъ обо всемъ потолкуемъ... Охъ Ты, Господи, Господи!... Вотъ искушеніе-то!... Охъ, дуй тя горой! Ну, пойдемъ же, моя ягодка, мое яблочко наливчатое, пойдемъ,—тутъ недалече!

Медленно поднялась Устинья, глянула на вполье, на ближній перелѣсокъ и, отирая наплаканные глаза миткалевымъ рукавомъ, плаксиво сказала:

— Пойдемъ.

— Вмѣстѣ идти не годится. Народу много — увидятъ, — посвободнѣе вздохнувъ, молвилъ Василій Борисычъ.—Ступай ты впередъ, Устиньюшка, я за тобой.

— Врешь, меня, голубчикъ, не надуешь! — перебила Устинья. — Спровадить хочешь, самому бы къ своей кралѣ лытнуть...

— Ну, инъ я впередъ,—сказалъ Василій Борисычъ.

— А ты въ лѣсу-то схоронишься, да обходомъ къ ней, еретицѣ,—возразила Устинья.—Нѣтъ, любезный, меня на бобахъ не проведешь... Вмѣстѣ пойдемъ.

— Вотъ положеніе!...—осторожно воскликнулъ Василій Борисычъ.—Охъ, искушеніе!

И сталъ онъ клясться и божиться Устиньѣ всѣми клятвами, что не уйдетъ, не укроется, станетъ у ней на виду дожидаться ея въ опушкѣ перелѣска.

Согласилась Устинья, и весь дрожа отъ страха, Василій Ворисычъ спѣшилъ въ притруску къ перелѣску. Ходо̀къ былъ плохой, на̀ ноги слабый—одышка бѣднягу беретъ, а нечего дѣлать, прибавляетъ да прибавляетъ шагу—поскорѣй бы укрыться отъ людскихъ взоровъ. — Труси́тъ, идетъ побѣжкой, а самъ горькую думу раздумываетъ: «Попуталъ же меня бѣсъ окаянный!.. Связало жь меня съ безумной баламотницей!.. Ишь, чертовка, какъ привязалась!.. Вотъ они послѣдствія-то какія!.. Не придумаешь, какъ по-добру по-здорову отдѣлаться отъ окаянной! Охъ, искушеніе!.. А

вѣдь глазъ-отъ какой зоркій у шельмы!.. Словно прочла на умѣ!.. Нагрянула бѣда, что̀ ни дай, ни вынеси!. Ну, какъ въ Москву донесется!.. Гусевы, Мартыновы, Досужевы, матушка Пульхерья... Уставщикъ-отъ молъ нашъ, книжникъ-отъ, дѣвственникъ-отъ, постникъ!.. Охъ, искушеніе!..»

А Устинья слѣдомъ за нимъ. Мѣрными шагами, ходко спѣшитъ она къ перелѣску, огнемъ пышетъ лицо, искрами брызжутъ глаза, губы отъ гнѣва и ревности такъ и подергиваетъ. — «Коль не мнѣ, никому за тобой не быть!.. Крови твоей напьюсь, а другой не отдамъ!.. А эту разлучницу, эту змѣю подколодную?.. Корнями ее обвести, зельемъ опоить, ножомъ зарѣзать!..»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Часа черезъ два по возвращеньи Василья Борисыча изъ лѣсу съ Устиньей, въ переднихъ горницахъ Патапа Максимыча гости за чаемъ сидѣли. Ни матери Манееы, ни соборныхъ старицъ, ни Аксиньи Захаровны, на шагъ не отходившей отъ золовки-игуменьи, не было тутъ. Какъ ни старалась Устинья Московка попасть въ переднія горницы, гдѣ возлюбленный ея чего добраго опять пожалуй на хозяйскую дочь глаза пялить начнетъ—никакъ не могла: Манееа приказала ей быть при себѣ неотлучно... Куда какъ досадно, куда какъ горько было это ревнивой канонницѣ.

Гости изъ Городца и городскіе гости уѣхали—за пуншами только четверо сидѣло: самъ хозяинъ, кумъ Иванъ Григорьичъ, удѣльный голова, да Василій Борисычъ. Рядомъ въ боковушѣ, за чайнымъ столомъ, заправляемымъ Никитишной, сидѣли Параша, Груня, Фленушка да Марьюшка. У мущинъ повелась бесѣда говорливая; въ женской горницѣ въ молчанки играли:

Никитишна хлопотала за самоваромъ, Груня къ мужскимъ разговорамъ молча прислушивалась, Параша дремала, Марьюшка съ Фленушкой межъ собой перешептывались да тихонько посмѣивались.

— Такъ какъ же ты, гость дорогой, въ Нѣметчину-то ѣздилъ?.. Много чай поди было съ тобой всякихъ приключеньевъ? — говорилъ Патапъ Максимычъ Василью Борисычу. А тотъ сидѣлъ во образѣ смиренія, учащалъ воздыханія, имѣлъ голову наклонну, сердце покорно, очи долу обращенны.

— Много было всякихъ приключеніевъ,—отвѣчалъ онъ тихимъ, сладенькимъ голоскомъ своимъ.

— Много трудовъ пріялъ?

— Всего было достаточно,—глубоко вздохнувъ отвѣтилъ Василій Борисычъ.—Особенно прискорбно было, какъ ночью кордонъ мы проходили.

— Городъ что ли какой? — спросилъ кумъ Иванъ Григорьичъ.

— Какое городъ!—возразилъ смиренно Василій Борисычъ.—По-нашему сказать—граница, рубежъ, а по тамошнимъ мѣстамъ кордономъ зовутъ.

— Чтó жь такое тутъ приключилось? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Пропуски тамъ крѣпки, за нашими смотрятъ строго, у насъ же и заграничныхъ пáчпортовъ не было, поѣхали на Божію волю... И набрались же мы тогда страха іудейска, — отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Разскажи сдѣлай милость. Очень любопытно узнать ваши похожденья,—сказалъ Патапъ Максимычъ.

И началъ Василій Борисычъ свой «проскинитарій» [1]).

— Прибыли мы къ кордону на самый канунъ Ла-

[1]) Отъ греческаго προσκυνέω—поклоняюсь. — Описаніе путешествія ради поклоненія святымъ мѣстамъ.

зарева воскресенья. Пасха въ томъ году была ранняя, а по тѣмъ мѣстамъ еще на середокрестной рѣки прошли, на пятой травка по полямъ зеленѣла. Изъ Москвы поѣхали—морозъ былъ прежестокій, метель, вьюга, а недѣли черезъ полторы, какъ добрались до кордона, весна тамъ давно началась. .

— Мудреное дѣло!—удивился Иванъ Григорьичъ.

— Такія ужь теплыя земли Господь своею премудростью создалъ,—наставительно молвилъ Василій Борисычъ и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ проскинитарій.—Пріѣхали мы въ одну деревню, Грóзенцы прозывается, версты три отъ кордона-то будетъ. Тамъ христолюбецъ нѣкій проживаетъ, по нашему состоитъ соглáсу. То у него и ремесло, что бѣглыхъ, безпаспортныхъ, да нашего брата паломника, тайкомъ за кордонъ переправлять, а оттуда разны товары мимо таможенъ возить—безъ пошлины значитъ. И въ томъ первые пособники ему жиды... Переправляютъ нашего брата не кучей, а въ одиночку, и завсегда въ ночное время, чтобы, значитъ, таможенный объѣздъ кого не примѣтилъ. Если жь увидятъ, дѣло плохое—тотчасъ музыку тебѣ на ноги [1]), да по образу пѣшаго хожденія назадъ въ Россію.—Въ одну ночь товарища, съ которымъ я за границу поѣхалъ, перевели благополучно, на другую ночь за мною пришли... Охъ, искушеніе!.. Перерядили меня, раба Божія, хохломъ, и повезли въ другу деревню, а отъ той деревни четверти версты до кордона не будетъ... Въ самую полнòчь меня повели... Идемъ по задворкамъ, крадучись тихими стопами, яко тати... Искушеніе да и только!.. И страхъ же напалъ на меня!.. Не приведи Господи никому такого страху принять!.. Дрожу, ровно въ лихоманкѣ, самъ въ шубѣ, а по всѣмъ суставамъ морозъ

1) Кандалы.

такъ и бѣгаетъ, на̀ сердце ровно камень навалило— такъ и замираетъ. Пошелъ-было, какъ обычно хожу, а проводникъ въ самое ухо мнѣ шепчетъ: «тише на̀ землю ступай, услышатъ»... Господи, Боже мой, и по землѣ-то надо съ опаской ходить!.. Огонекъ вижу, близехонько свѣтится, двухсотъ шаговъ, кажись, не будетъ... «Деревня что ли?..» спрашиваю: — «Молчи, шепчетъ проводникъ, это кордонъ и есть, тутъ караульня объѣздчиковъ, сторо́жка...» Оглянулся въ другу сторону, и тамъ огонекъ!..—«Ложись, говоритъ проводникъ,—ползи за мной на четверенькахъ...» Поползъ я ни живъ ни мертвъ, самъ молитву творю, а духъ у меня такъ и занимаетъ... А лютые псы и съ той и съ другой караулки лаютъ, перекликаются окаянные межъ собою. Думаю себѣ: «бросятся треклятые, тутъ мнѣ и конецъ...» Поползли мы къ канавѣ... Сажень ширины, полнехонька воды... «Это-что̀?» спрашиваю. — «Молчи, шепчетъ проводникъ, это самый кордонъ и есть, здѣсь вотъ Россія, за канавой Нѣметчина... Полѣзай за мной, да воду-то не больно бултыхай—услышатъ»... Охъ, искушеніе!.. Вотъ, думаю, смерть-то моя пришла!.. Вода-то студеная, канава-то глубокая, чуть не по самое горло... Говорю: «Простудиться боюсь—не полѣзу въ канаву...» А проводникъ изругалъ меня ругательски, да все шепоткомъ на самое ухо: «Лодку, говоритъ, что-ль для тебя лѣшаго припасти?.. Аль мостъ наводить?.. Ишь нѣженка!.. Лѣзь,—не сахарный, не растаешь...» А собаки-то шибче да шибче... Господи, думаю, не насъ ли почуяли?.. Ну тутъ, слава Тебѣ Господи!.. Потерпѣлъ Создатель грѣхамъ, не предалъ меня явной погибели... Кладочка тоненька проводнику по̀дъ ноги попалась, положилъ онъ ее черезъ канаву, и съ шестомъ въ рукѣ, что̀ въ деревни мнѣ дали, сухъ перешелъ на Нѣмецкую сторону... Перейдя кордонъ, опять на чет-

вереньки, опять ползкомъ... Съ полверсты такъ ползли... А потомъ стало посмѣлѣе: пошли на ногахъ, а пройдя съ версту, видимъ пара лошадей съ телѣгой стоитъ— насъ дожидаются... Тутъ ужь мы поѣхали безо всякой опаски и добрались до мѣста живы, здоровы, ничѣмъ невредимы...

— Да, нечего сказать, приключенія! — замѣтилъ Патапъ Максимычъ.—И вотъ подумаешь—охота пуще неволи—лѣзетъ же человѣкъ на такія страсти... И не боится.

— Во хмѣлю больше переходятъ, — отозвался Василій Борисычъ.—Товарищъ мой, Жигаревъ, рогожскій уставщикъ, какъ его переправляли, на ногахъ не стоялъ. Ровно куль по землѣ его волочили... А въ канавѣ чуть не утопили... И меня передъ выходомъ изъ деревни водкой потчивали. «Лучше, говорятъ, какъ память-то у тебя отшибетъ—по крайности будетъ не страшно»... Ну, да я повоздержался.

— А на мѣстѣ-то свободно проживали?—спросилъ удѣльный голова.

— Нельзя сказать, чтобъ совсѣмъ свободно. И тамъ пришлось въ передѣлѣ быть, — сказалъ Василій Борисычъ.

— Въ какомъ же это передѣлѣ?—спросилъ Патапъ Максимычъ.

— И тамъ полиція есть,—отвѣчалъ Василій Борисычъ.—Отъ нея, отъ этой самой нѣмецкой полиціи мы едва не пострадали.

— Какъ же это случилось? Разскажи пожалуста:— очень занятно про твои нѣмецкія похожденія слушать...— сказалъ Патапъ Максимычъ.

— А вотъ какъ дѣло было,—началъ Василій Борисычъ: — Дня черезъ три послѣ того, какъ приняли насъ въ монастырѣ, сидимъ мы въ келарнѣ, бесѣдуемъ съ тамошними отцами. Вдругъ входитъ отецъ Павелъ,

что̀ митрополита сыскалъ, лица на немъ нѣтъ... «Бѣда, говоритъ, ищутъ васъ, мандаторъ гайдуковъ прислалъ, стоятъ у крыльца, ни на шагъ не отходятъ. А мандаторъ по-ихнему какъ бы у насъ становой, а гайдуки какъ бы сотскіе, только страшнѣе... Я такъ и присѣлъ, ну, думаю, приспѣлъ часъ воли Божіей — сейчасъ музыку на̀ ноги да въ Москву... Жигаревъ посмѣлѣй меня былъ да и пьянъ же къ тому, даромъ что страстная, по́лы въ зубы, да не говоря худаго слова, махъ въ окошко... Только крякнулъ спрыгнувши, да поднявшись, не больно чтобъ шибко въ монастырскій садъ пошелъ... А садъ у нихъ большущій да густой—не скоро въ томъ саду человѣка отыщешь.. А у меня смѣлости нѣтъ, съ мѣста не могу сдвинуться, ноги какъ плети, какъ есть совсѣмъ ихъ подкосило... Поглядѣлъ въ окно — отъ земли высоко̀ — убьешься... Прыгнуть, какъ Жигаревъ, пьяному только можно, потому что Господь, по своему милосердію, ко всякому пьяному, если только онъ благочестно въ святой вѣрѣ пребываетъ, ангела для сохранности и обереганья приставляетъ... Вотъ и стою я ровно къ смерти приговоренъ: въ ушахъ шумитъ, въ глазахъ зелень, пальцемъ не могу двинуть—вотъ что̀ страхъ-отъ значитъ... Не приведи Господи!.. «Что̀, говорю, дѣлать-то я буду?» А самъ плачу, слово-то насилу вымолвить могъ... Отецъ Павелъ ублажаетъ: «Поколь гайдуки, говоритъ, не взошли, надѣвай клобукъ да камилавку, подумаютъ здѣшній инокъ, не узнаютъ»... «А послѣ-то какъ же? спрашиваю я отца Павла, дрожа со страху, вѣдь иночество-то, говорю, не снимаютъ, послѣ этого надо вѣдь будетъ постричься»... «Что̀ жъ? отвѣчаетъ отецъ Павелъ, за этимъ дѣло не станетъ, завтра жъ облечемъ тебя въ ангельскій образъ»... Что̀ тутъ дѣлать?.. А у меня никогда и на мысляхъ не было, чтобъ въ иночествѣ жизнь провождать... А дѣлать нечего,

одно выбирай: музыку на̀ ноги, либо клобукъ на̀ голову... А гайдуки ужь въ сѣняхъ. Шумятъ тамъ, отцы уговариваютъ ихъ, а они силой въ келарню-то рвутся... Рѣшился... Ну, думаю: «буди Господи воля Твоя»... И ужь за камилавку совсѣмъ-было взялся, да вспомнилось отцу келарю—дай Богъ ему добраго здоровья и душу спасти—вспомнилось ему, что изъ келарнаго чулана сдѣлана у нихъ лазейка въ садъ... Меня туда; а лазеичка-то узенькая, хоть изъ себя я и сухощавъ, а насилу меня пропихали, весь кафтанецъ ободрали и рукамъ досталось и лицу... Только-что они, Господь ихъ спаси, меня пропихали, гайдуки, слышу, въ келарнѣ—обыскиваютъ... Я въ садъ. Забьюсь, думаю, куда подальше, въ самую чащу.—Пошелъ, хочу въ кусты схорониться, анъ кусты-то терновникъ—руки-то въ кровь... Куда идти—думаю, да по сторонамъ озираюсь... Глядь, а тутъ развалющій анбаришка стоитъ и оттуда̂ кто-то осторожнымъ, тихимъ голосомъ меня призываетъ, по имени кличетъ... Смотрю, анъ это Жигаревъ мой товарищъ: и хмѣль у него соскочилъ... Забра́лся и я къ нему... «Вотъ, братъ, говорю ему, какія послѣдствія-то, а еще въ Москвѣ толковали, что здѣсь свобода»... Да, да,—говоритъ Жигаревъ,—надо по-добру по-здорову отсюда поскорѣй во свояси, а главная причина, больно я зашибся, окно-то, дуй его горой, высокое, а подъ окномъ дьяволъ ихъ угораздилъ кирпичей навалить»... Съ часъ времени просидѣли мы въ анбаришкѣ, глядимъ, кто-то черезъ заборъ лѣзетъ... Батюшки, свѣты!.. Гайдуки должно-быть садъ обыскивать... Притипились мы—ни гугу, а я ни живъ ни мертвъ... А это былъ отъ отца Павла паренекъ по насъ посланъ. Отвелъ онъ насъ версты за двѣ отъ монастыря... Совсѣмъ ужь стемнѣло, какъ иноки за нами пришли, «уѣхали, говорятъ, гайдуки». Ну, а потомъ все было спокойно.

— Какъ же такъ?—спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Извѣстно какъ,—отвѣчалъ Василій Борисычъ.—Червончики да карбованцы и въ Нѣметчинѣ свое дѣло дѣлаютъ. Вы думаете въ чужихъ-то краяхъ взятокъ не берутъ?—Почище нашихъ лупятъ... Да... Только слава одна, что Нѣмцы честный народъ, а по правдѣ сказать хуже нашихъ становыхъ... Право слово... Передъ Богомъ—не лгу.

— Всѣ видно подъ однимъ солнышкомъ ходимъ—по всѣмъ видно странамъ кривда правду передóлила,—замѣтилъ кумъ Иванъ Григорьичъ.

— Именно такъ,—со вздохомъ подтвердилъ Василій Борисычъ.

— Такъ за этимъ страхомъ ты, гость дорогой, совсѣмъ было въ преподобные угодилъ,—смѣялся Патапъ Максимычъ.—Вотъ дѣла такъ дѣла!.. А не хотѣлось?—примолвилъ онъ, подмигнувъ Василью Борисычу и прищурясь на лѣвый глазъ.

— Призванія свыше на то не имѣю, — смиренно склонивъ голову, съ покорностью отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— И хорошо по-моему, что не имѣешь того призванія, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Чтò это за иночество, чтò это за келейное наше старчество?... Одно пустое дѣло... Послушай только, чего не плетутъ у насъ на Кéрженцѣ старцы да келейницы... Въ Оленевскомъ скиту старица была, не то Минодора, не то Нимфодора—шутъ ее знаетъ—та все проповѣдывала, что Господь всякаго человѣка монашескаго ради житія создáлъ... И многіе ея вранье слушали да сдуру-то еще похваливали... Могла этакое слово дурища Нимфодора сказать, когда самъ Господь повелѣлъ людямъ плодиться и множиться... Такъ ли?... Вѣдь повелѣлъ?

— Это точно... Сказано въ Писаніи, — отвѣтилъ

Василій Борисычъ, — однако въ томъ же Писаніи и житіе иноческое похваляется, ангельскій бо чинъ есть... Земные ангелы, небесные человѣки!... Только извѣстно: не всякому дано — могій вмѣстити да вмѣститъ.

— Да... Вотъ красноярскій игуменъ есть отецъ Михаилъ... Онъ, братъ вмѣстилъ... Да еще какъ вмѣстилъ-то!... Въ крѣпкій домъ на казенну квартиру попалъ, — съ усмѣшкой молвилъ московскому уста́вщику Патапъ Максимычъ.

— Испытаніями, горестями, озлобленіями же и лишеніями преисполнено житіе иноческое, — смиренно проговорилъ Василій Борисычъ.

— Одно пустое дѣло!...—стоялъ на своемъ Патапъ Максимычъ. — Захочешь спасаться, и въ міру спасешься — живи только по добру да по правдѣ.

Не отвѣчалъ Василій Борисычъ.

— Чего вѣдь не придумаютъ! — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Человѣку отъ бѣды неминучей надо спастись, и для того сто́итъ ему только клобукъ да манатью на себя вздѣть... Такъ нѣтъ, не смѣй, не моги, не то въ старцахъ на всю жизнь оставайся... Въ какомъ это Писаніи сказано?... А?... Ну-ка покажи — въ какомъ?

— Можно и отбыть въ такомъ разѣ иночество, — уклоняясь отъ прямаго отвѣта, молвилъ Василій Борисычъ.

— Какъ же такъ?— спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Повелѣно иноческую одежду сожечь на томъ человѣкѣ, — сказалъ Василій Борисычъ. — Когда на немъ сгоритъ она, тогда и онъ свободенъ отъ иночества... Такъ поло́жено...

— Поло́жено, поло́жено!—слегка горячась и громчѣй прежняго заговорилъ Патапъ Максимычъ. — Гдѣ оно положено?.. Кто положилъ?...

— Святые отцы, — молвилъ Василій Борисычъ.

— Все на святыхъ отцовъ взваливаютъ!... Чего имъ, сердечнымъ, и на умъ не вспадало, все валятъ на нихъ, — еще громче заговорилъ Патапъ Максимычъ. — Нѣтъ, коли дѣломъ говорить, покажи ты мнѣ въ какомъ именно писаніи про это сказано?... Не то чтò безъ пути-то попусту языкъ о зубы точить?

Стихнулъ Василій Борисычъ передъ вспыхнувшимъ тысячникомъ, рѣшился не говорить ни слова. Только вздыхаетъ да псаломъ на утоленіе гнѣвныхъ сердецъ про себя говоритъ: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его».

— Это, Патапъ Максимычъ, онъ правду говоритъ, — вступился удѣльный голова. — Намедни у насъ точно такое дѣло было

— Что-о-о?... Иночество на живомъ человѣкѣ жгли?... — засмѣялся Патапъ Максимычъ. — Ай да голова!... Ишь чѣмъ у нихъ въ приказѣ забавляются!. Ха, ха, ха!... Карпушка что ли поджигалъ?... Ха, ха, ха!...

— А ты выслушай, да потомъ и гогочи... Попусту смѣяться не слѣдъ... Бѣса значитъ это тѣшить — кого хочешь спроси, — съ малой досадой на пріятеля отвѣтилъ Михайло Васильичъ. — Слушай, какъ дѣло было. Въ лѣтошнемъ году разныхъ деревень дѣвки на Китижъ Богу молиться ходили. Было на томъ богомольѣ келейныхъ матерей сколько-то, и скитскихъ бѣлицъ. Съ вечера, извѣстное дѣло: читали, молились, къ утру пріустали и надъ озеромъ въ рощѣ въ повалку спать полегли... Тутъ, надо думать, котора-нибудь изъ келейныхъ съ озорства ли, со злобы ли, аль на̀ смѣхъ, шутъ ее знаетъ, возьми да на дѣвицу на одну деревенскую, на сонную-то, иночество и возложи — манатейку, значитъ, на шею-то ей. Проснулась дѣвка да и взвыла. Она, видишь, была просватана, конца Пет-

ровокъ дожидали свадьбу-то играть... Какъ быть! И замужъ охота, и манатейки-то скинуть нельзя!... А келейницы ей въ одинъ голосъ: «Чудо сотворилося! Это ужь такое тебѣ знаменіе отъ Бога!... Ты, говорятъ, сама разсуди, на какомъ мѣстѣ это съ тобой совершилось—вѣдь у самаго невидимаго града, у самаго Великаго Китижа... Слышала, какой съ вечера «Лѣтописецъ»-отъ читали?... Есть, видишь ты, въ томъ невидимомъ градѣ Китижѣ честные монастыри, чудные старцы и старицы... Сколь много вѣры надо имѣть, сколь много духовныхъ подвиговъ содѣлать, чтобы въ очію узрѣть тѣхъ богоносныхъ незримыхъ отецъ и матерей? А къ тебѣ блаженные сами пришли, сами на тебя иночество надѣли. Кто какъ не они, свято-блаженные? Сама посуди? Это Божіе дѣло—Господь тебя призываетъ, правый путь къ вѣчному блаженству Самъ тебѣ указуетъ». Да такими словесами дѣвку съ толку и сбили: и замужъ-то ей хочется, и въ праведницы охота... Кончилось тѣмъ, что дѣвка въ скиты ушла... А жениховъ отецъ, межь тѣмъ, издержался, къ свадьбѣ готовясь, въ долги вошелъ, съ невѣстиныхъ родителей сталъ у насъ въ приказѣ убытки править... Такъ вотъ какое дѣло было, а ты ужь сейчасъ: иночество на живомъ человѣкѣ жгли.

— Мошенницы!—отозвался Патапъ Максимычъ.— Спросить было сестрицу мою родимую,—прибавилъ онъ, усмѣхаясь,—не изъ ихней ли обители бѣлицы сонную дѣвку въ ангельскій чинъ снарядили!... Отъ нихъ станется... Дошлыя дѣвки въ Комаровѣ живутъ!... На всякія пакости готовы!...

Какъ выскочитъ Фленушка, хотѣла за своихъ вступиться, но Патапъ Максимычъ такъ поглядѣлъ на нее, что та, ровно языкъ отморозивши, прижала хвостъ да смирнымъ дѣломъ назадъ... За то оправившійся отъ смущенья Василій Борисычъ возревновалъ ревностью.

Смиренно поникнувъ головою, тихимъ медоточнымъ гласомъ обратился онъ къ хозяину:

— Въ отеческомъ Писаніи не мало есть сказаній о знаменіяхъ и чудесахъ, коими Господь привлекаетъ человѣковъ отъ суетнаго міра въ тихое пристанище равноангельскаго житія. Въ Патерикахъ и Прологахъ много тому примѣровъ видимъ.

— Полно-ка, ты, Василій Борисычъ, со своими патериками да съ прологами. Вѣдь это книги не божественныя... Такіе жь люди писали, какъ и мы съ тобой, грѣшные... Читывалъ я эти книги—знаю ихъ... Чего-то, чего тамъ ни напутано, — сказалъ Патапъ Максимычъ и потомъ радушно примолвилъ:—Ты вотъ лучше пуншику еще пропусти!... Никитишна! сготовь Василью Борисычу хорошенькаго!

— Не слѣдуетъ такія рѣчи говорить, Патапъ Максимычъ. Грѣхъ великій!...—замѣтилъ ему Василій Борисычъ.

— Про пуншикъ-отъ не слѣдуетъ разговаривать? Аль на счетъ нашихъ преподобныхъ, столповъ древляго благочестія? — смѣялся Патапъ Максимычъ. — Насчетъ пунша смѣяться не годится, потому пойло доброе, а надъ пустосвятами при веселой бесѣдѣ потѣшиться грѣха нѣтъ, ни великаго, ни малаго... Не про книги тебѣ говорю, не надъ книгами смѣюсь, надъ старцами да надъ старицами... Пустосвяты они, дармоѣды, больше ничего!... Слухи пошли, что начальство хочетъ скиты порѣшить... Хорошее по-моему дѣло... Грѣха меньше будетъ — надо правду говорить... Кто въ скитахъ живетъ?... Тѣ что ли, про которыхъ въ твоихъ Патерикахъ писано?... Постники?... Подвижники?... Земные ангелы?... Держи карманъ!... Обойди ты всѣ здѣшни скиты, да прихвати и Стародубскія слободы, Рогожское на придачу возьми, найди ты мнѣ старицу меньше девяти пудовъ вѣсу, меньше десяти

вершковъ въ отрубѣ... Десятка не наберешь?... Вотъ каковы у нихъ постъ да воздержаніе!..

— Охъ, искушеніе? — глубоко вздохнувъ, въ полголоса сказалъ Василій Борисычъ.

— Съ измалѣтства середь скитовъ живу,—продолжалъ Патапъ Максимычъ, — сколько на своемъ вѣку перезналъ я этихъ иноковъ да инокинь, ни единой путной души не видывалъ. Нашелъ было хорошаго старца, просто тебѣ сказать святъ человѣкъ,—и тотъ мошенникомъ оказался. Красноярскаго игумна отца Михаила знавалъ?

— Личнаго знакомства имѣть не доводилось, — отвѣтилъ Василій Борисычъ, — а слыхать про отца Михаила слыхалъ.

— Служба у него, любезный ты мой, такая, какой у васъ и на Рогожскомъ нѣтъ... Во всемъ порядокъ, на хозяйство его монастырское любо-дорого посмотрѣть... А ужь баня, я тебѣ скажу, братецъ, какая!... Липовая, парятся съ мятой, да съ калуферомъ!... На каменку квасъ... А чистота, чистота!... И духъ такой легкій да вольный!... Вѣкъ бы парился не напарился!... Царямъ только и мыться въ такой банѣ, сроду такой не видывалъ, съ жаромъ продолжалъ Патапъ Максимычъ.—А самъ-отъ отецъ Михаилъ инокъ благочестивый, учительный, по всѣмъ здѣшнимъ скитамъ нѣтъ такого, да и не бывало. Просто, какъ есть, святъ человѣкъ, не здѣсь, кажись, ему мѣсто, а въ блаженномъ раю возлѣ самого Авраама... Что̀ жь на повѣрку вышло?... Воровскими дѣлами занимался, фальшивы деньги работалъ... Вотъ тѣ и праведникъ!... А баня знатная!... Что̀ хорошо, то хорошо, надо правду говорить!...

— И сатана свѣтоноснаго ангела образъ пріемлетъ, егда восхощетъ въ сѣти своя слабаго человѣка уловити, — молвилъ Василій Борисычъ.

— Это что̀ жь ты хочешь сказать?... Думаешь, въ отца Михаила сатана самъ усѣлся?... Такъ что ли?...— захохоталъ Патапъ Максимычъ.

— Къ тому говорю, что дьявольскому искушенію ни числа ни мѣры нѣтъ, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Захотѣлось врагу соблазнить васъ, Патапъ Максимычъ, навести васъ на худыя мысли объ иноческомъ житіи, и навелъ на красноярскаго игумна.

— Самъ къ нему поѣхалъ... Что понапрасну на чорта клепать!—засмѣялся Патапъ Максимычъ.—Своя охота была... Да не про то я тебѣ говорю, а то сказываю, что иночество самое пустое дѣло. Работать лѣнь, трудомъ хлѣба добывать не охота, ну и лѣзутъ въ скиты дармоѣдничать... Вотъ оно и все твое хваленое иночество!... Да!...

— Вражее смущеніе!...—проговорилъ Василій Борисычъ.—Это лукавый васъ на такія мысли наводитъ... Бороться съ нимъ подобаетъ, не поддаваться діавольскому искушенію...

— Толкуй себѣ!... Послушать тебя все едино, что̀ нашихъ ке́рженскихъ келейницъ: все бѣсъ творитъ, а мы вишь святые, блаженные, завсегда не причемъ. Вездѣ одинъ онъ окаянный во всемъ виноватъ... Бѣдненькій!... —молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Этого я не говорилъ, Патапъ Максимычъ,— возразилъ Василій Борисычъ.—Какъ же можно сказать, что бѣсъ все дѣлаетъ?... Добра никогда онъ творити не можетъ, и правды такожде... Гдѣ зло, гдѣ неправда, тамъ ужь конечно дѣло не наше, его.

— Ну, Василій Борисычъ, — засмѣялся Патапъ Максимычъ,—я бы тебя въ игуменьи поставилъ... Право... Вонъ у меня есть сестрица родимая: ни дать ни взять твои же рѣчи... Послушать ее — такъ что̀ въ обителяхъ худаго ни случится — во всемъ одинъ бѣсъ виноватъ. Сопьется старица—бѣсъ споилъ, загу-

ляетъ съ кѣмъ—онъ же, проворуется—тотъ же бѣсъ въ отвѣтѣ... Благо отвѣтчикъ-отъ завсегда наготовѣ, свалить-то есть на кого... А слыхалъ ли ты, другъ любезный, какое у насъ годовъ двадцать тому назадъ въ Комаровскомъ скиту чудо содѣялось?... Какъ одинъ пречестный инокъ бѣса въ окошко махнулъ, да чуть дó смерти его не зашибъ?

— Не доводилось,—отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Какъ такъ?... Столько времени у моей сестрицы гостишь, а про такія чудеса не слыхивалъ?— шутливо удивился Патапъ Максимычъ. — Про отца Исакія, иже въ Комаровѣ бѣса посрами, знаешь?

— Нѣтъ, не знаю...

— Ну, такъ ты, Василій Борисычъ, ничего, любезный мой, не знаешь... Ничего, какъ есть ничего,— продолжалъ Патапъ Максимычъ.—Дивиться впрочемъ тутъ нечему; про такія чудеса наши старицы пріѣзжимъ разсказывать не охотницы. Хочешь—разскажу тебѣ повѣсть душеполезну?... Спасибо скажешь—можно въ тетрадь написать поученія ради.

— Разскажите, коли такое есть ваше желаніе,— безучастно отвѣтилъ Василій Борисычъ, зная напередъ, что услышитъ про такое чудо, какого ни въ одномъ Патерикѣ не отыщется.

— Въ Комаровѣ,—началъ съ лукавой важностью въ первый еще разъ послѣ Настиной смерти расшутившійся Патапъ Максимычъ,—въ Комаровѣ теперь женски только обители. А прежде и мужскія были... Вкупѣ-то, знаешь, веселѣй души спасать!.. Іонина обитель была тамъ, часовня и теперь стоитъ. Спасался въ ней старецъ искусенъ, житіемъ сіяя, яко свѣтило—преподобный отецъ Исакій... Подвизался богоугодно, дара пророчества сподобился—значитъ, сталъ прозорливцомъ... Много къ нему народу ходило: охочъ вѣдь народъ-отъ будущу судьбу узнавать... Прино-

шенія, какъ водится, бывали: тѣмъ и держалась обитель. Прославился всюду Исакій—во всю землю произыде слава его... Ну, тутъ извѣстное дѣло—бѣсъ... Позавидовалъ преподобному, приступилъ къ нему и началъ мечтаніями смущати, сонныя видѣнія представлять. Старецъ же посрамлялъ его ежечасно... Видитъ бѣсъ, что одному ему съ Исакіемъ не сладить—пошелъ въ свое мѣсто, сатану привелъ, чертенятъ наплодилъ, дьявола въ кумовья позвáлъ да всѣмъ соборомъ и давай нападать на отца Исакія... Зналъ и я Исакія-то — ростомъ былъ съ коломенску версту, собой дѣтина ражій, здоровенный, лицомъ чистъ да гладокъ, языкомъ рѣчистъ да сладокъ; женскій полъ отъ него съ ума сходилъ—да не то чтобъ однѣ молодыя, старухи—и тѣ за Исакіемъ гонялись. Спросика при случаѣ Аркадію, либо Таиѳу... А былъ онъ лѣтъ сорока не больше. Строилъ діавольскій соборъ ему козни и навелъ на Исакія искушеніе — лѣстовка на рукѣ, а дѣвки на умѣ. Рядышкомъ съ Іониной обителью матушки Александры обитель стоитъ — Игнатьевыхъ прозывается. Дѣвокъ множество, всѣ на подборъ - одна другой краше. Старецъ ихъ прочь не гонялъ... Жилъ такимъ образомъ преподобный года три, либо четыре, намолвки не наводилъ, бѣсъ ли его покрывалъ, самъ ли умѣлъ концы хоронить — доподлинно сказать не могу. Пріѣхала изъ Ярославля къ матери Александрѣ сродница—дѣвица молодая, купеческаго роду, хорошихъ родителей дочь, воспитана по доброму, въ чистотѣ и страхѣ Господнѣ, изъ себя такая красавица, что на рѣдкость. Вóззрился на нее преподобный, а бѣсовскій-отъ соборъ и ну его подъ бокъ, и ну разжигать. «Хоть голову на плаху, помышляетъ Исакій, хоть душу во адъ, а безъ того мнѣ не быть, чтобы съ той дѣвицей покороче не познакомиться». Старая пріятельница нашлась: мать

Асклепіодота помогла преподобному. Наговорила гостейкѣ турусъ на колесахъ: святой де у насъ въ шабрахъ живетъ, благочестивый, учительный, постникъ-великій, даръ прозорливости имѣетъ—всю судьбу твою какъ на ладонкѣ выложитъ?... Дѣвица, извѣстно—умокъ-отъ легокъ, что весенній ледокъ, — захотѣлось судьбу провѣдать, гдѣ, дескать, мой суженый, въ каку сторону буду выдана, каково будетъ житье замужемъ. Согласилась — пошли. Тутъ-то чудо и сотворилось...

— Какое?—спросилъ Василій Борисычъ.

— А вотъ какое,—допивъ стаканъ пуншу, продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Предста преподобному бѣсъ во образѣ жены и нача его смущати; онъ же отвѣща ему глаголя: «отыди отъ меня, Сатано»! Бѣсъ же нимало не уязвися, дерзностно прельщая преподобнаго.. Тогда отецъ Исакій поревнова, вземъ бѣса и изрину его изъ оконца... И товарищъ твой крякнулъ, Василій Борисычъ, какъ съ высокаго-то окна въ Бѣлой Криницѣ прыгнулъ, а дѣвичье тѣло понѣжнѣй Жигаревскаго будетъ... На̀ смерть расшиблась...

— Искушеніе!... — шепотомъ прибавилъ Василій Борисычъ.

— До начальства дѣло дошло: скрыть нельзя...— продолжалъ Патапъ Максимычъ... — Еще умретъ пожалуй, тогда всѣмъ бѣда, опять же родитель изъ Ярославля пріѣхалъ, всѣхъ на̀ ноги поднялъ... судъ да дѣло... Такъ вѣдь и въ судѣ-то преподобный на своемъ стоялъ: «я, говоритъ, полагалъ, что это бѣсъ, онъ вѣдь всегда въ образѣ жены иноковъ смущаетъ. Я было, говоритъ, крестнымъ знаменіемъ его—неймется, заклинаніями—не внемлетъ. Ну тогда со дерзновеніемъ махнулъ его изъ окна... Вотъ, говоритъ, и вся моя вина...» Ты про этакія чудаса въ книгахъ-то читалъ-ли?

— Искушеніе! — только и могъ отвѣтить Василій Борисычъ на слова Патапа Максимыча.

— Поплатился Исакій за искушеніе, — прибавилъ Патапъ Максимычъ.—Первымъ дѣломъ — въ острогъ, второе—чуть въ Сибирь не угодилъ, а третье горше первыхъ двухъ — со всѣми деньгами, что̀ за пророчества на́бралъ, разстался... И обитель съ той поры запустѣла.

— Искушеніе! — еще разъ вздохнулъ Василій Борисычъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ вотъ что̀ скажи, Василій Борисычъ, — продолжалъ Патапъ Максимычъ, — какое на счетъ этого чуда будетъ твое разсужденіе?... Можетъ, къ отцу-то Исакію и на самомъ дѣлѣ бѣсъ во образѣ ярославской дѣвицы являлся!... Можетъ такое дѣло статься, аль не можетъ?... Какъ по-твоему?

— Конечно можетъ,—отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Можно значитъ бѣса и въ окошко?—усмѣхнулся Патапъ Максимычъ.

— Можно! — отрывисто и съ сердцемъ молвилъ Василій Борисычъ.

— И ребра переломать?

— Можно.

— Значитъ исправникъ да судъ понимали не ладно, обидѣли значитъ Исакія понапрасну, — засмѣялся Патапъ Максимычъ, и богатырскій хохотъ его впервые послѣ Настиной кончины громкими раскатами по горницамъ раздалcя. Смѣялись и кумъ Иванъ Григорьичъ съ Михайломъ Васильичемъ, смѣялась и женская половина гостей. Груня одна не смѣялась, да еще рьяный поборникъ древляго благочестія Василій Борисычъ... Подъ шумокъ довольно громко онъ вскрикивалъ:

— Маловѣры!... Слѣпотствующіе!... Охъ, искушеніе!...

Подъ общее веселье пуще прежняго расходился Патапъ Максимычъ.

— Это новы дѣла у Іониныхъ, — сказалъ онъ, — а слыхалъ ли ты, Василій Борисычъ, про старыя?... Не про старца Іону говорю тебѣ—тотъ жилъ давно, памятковъ про него, опричъ чудотворной ели, никакихъ не осталось... А надо думать, что былъ святъ человѣкъ потому, что богомольцы ту ель теперь до половины порогрызли... Чудодѣйствуетъ, вишь, отъ зубной скорби, лучше самаго Антипія помогаетъ... Да не объ ели хочу повѣдать тебѣ, а про слезы, печали и великія сокрушенья бывшаго игумна той обители, отца — какъ бишь его? — Филоѳея никакъ... Батюшко родитель мой знавалъ этого Филоѳея, частенько бывало про его слезы разсказывалъ... Не знаешь про тѣ слезы?... Слушай!... Іонина обитель въ тѣ поры первою обителью по всему Керженцу была, іонинскій игуменъ былъ ровно архіерей, надо всѣми скитами и мужскими и женскими... А это отъ того, что отовсюду христолюбцы деньги на раздачу по скитамъ къ Іонинымъ присылали, вотъ какъ теперь къ сестрицѣ моей любезной присылаютъ. — Оттого она теперь у нихъ и за патріарха... Право!... Спроси хоть ее самое!... А тогда по той же причинѣ все ихнее житіе было у іонинскаго игумна въ рукахъ. Поступилъ къ нимъ Филоѳей не то изъ Москвы, не то изъ Слободъ, одно слово — не здѣшній... Ладно, хорошо... Пріѣзжаетъ онъ во свою честную обитель... Глядятъ, старецъ постный, строгаго житія, какъ есть подвижникъ, отъ юности жены не позна, живучи гдѣ-то въ затворѣ... Казначей былъ у Іониныхъ-то отецъ Пароеній... Всѣхъ прежнихъ игумновъ въ рукахъ держалъ, слабостямъ ихъ помогая. И сталъ онъ примѣчать, на какую бы удочку этого осетра изловить... Замѣчаетъ старецъ Пароеній, какъ только про женски обители рѣчь пове-

дется, у отца Филоѳея глаза такъ и запрыгаютъ... Казначей себѣ на усъ, говоритъ ему: «Отче святый, въ горницахъ у тебя грязненько, не благословишь ли полы подмыть?» Тотъ благославляетъ... А Парѳеній: «При прежнихъ, говоритъ, игумнахъ дѣвицы полы подмывали, для того и очередь межь ними водилась. Благослови, отче святый, въ женскія обители нарядъ нарядить». Игуменъ такъ и замахалъ руками: «не хочу, значитъ, не благословляю...» А Парѳеній ему: «Безъ того нельзя, отче святый, грязи нарастетъ паче мѣры, а полы подмывать дѣло не мужское, ни одинъ послушникъ за то не возьмется. Да къ тому жь бѣлицы въ мужскихъ кельяхъ полы подмываютъ споконъ вѣку, съ самаго, значитъ, Никонова гоненья. А стары обычаи преставлять не годится — ропотъ и смущеніе могутъ быть большіе, молва по людямъ пойдетъ — въ Іониной де обители новшества возлюбили — въ старинѣ, значитъ, не крѣпки. Подумай объ этомъ, старче Божій, ты человѣкъ новый, нашихъ обычаевъ не знаешь». Нечего дѣлать, согласился игуменъ, но только-что бѣлицы съ шайками въ келью, онъ въ боковушу да на запоръ. «Эту комнатку, Парѳенію молвилъ, послѣ когда-нибудь...» Зачали дѣвицы полы подмывать, а игуменъ на келейну молитву сталъ.. Тутъ извѣстно дѣло — бѣсъ... «Погляди да погляди, дескать, въ замочну дырочку...» Послушался бѣса отецъ Филоѳей, приникъ къ дырочкѣ, взглянулъ — да глаза оторвать и не можетъ. Бѣлицы-то все молодыя, подолы-то у всѣхъ подоткнуты. Сроду Филоѳей такихъ видовъ не видалъ... Поборолъ однако врага, отошелъ отъ двери, прямо къ иконамъ... Молится съ воздыханіями, со слезами, сердцемъ сокрушеннымъ, уничиженнымъ, даровалъ бы ему Господь силу и крѣпость противу демонскаго стрѣлянія... А бѣсъ-отъ его распаляетъ — помолится, помолится старецъ да и къ дырочкѣ... При-

ходитъ наутрѣ другаго дня Парѳеній, говоритъ игумну: «Ну, вотъ, отче святой, теперь у тебя въ кельяхъ-то и чистенько, а въ боковушѣ какъ есть свиной хлѣвъ, не благословишь ли и тамъ подмыть?»—«Какъ знаешь», отвѣтилъ игуменъ, а самъ за лѣстовку да за умную молитву [1]). «Боковуша не величка, молвилъ Парѳеній, достаточно будетъ и одной...» — Отвѣчаетъ игуменъ: «Какъ знаешь.»—«Такъ я по̀дъ вечеръ наряжу, святый отче...» А игуменъ опять то же слово: «Какъ знаешь!...» На другой день по у̀тру опять къ нему отецъ Парѳеній приходитъ, глядитъ, а игуменъ такъ и рыдаетъ, такъ и разливается-плачетъ... Парѳеній его утѣшать: «Что̀ жь, говоритъ, отче святый,—вѣдь это не грѣхъ, а токмо паденіе, и святые отцы падали, да угодили же Богу покаяніемъ... Чего тутъ плакать-то?... До тебя игумны бывали, и съ тѣми то же бывало... Не ты, отче, первый, не ты и послѣдній!...» А отецъ Филоѳей на отвѣтъ ему: «Дуракъ ты, дуракъ, отецъ Парѳеній!... О томъ развѣ пла́чу?... О томъ сокрушаюсь?... До шестаго десятка я дожилъ... не зналъ...»

— Искушеніе,—опустя очи, вскликнулъ Василій Борисычъ. А самому завидно.

Долго шла межъ пріятелей веселая бесѣда... Много про керженски скиты разсказывалъ Патапъ Максимычъ, подъ конецъ такъ разговорился, что женскій полъ одна за другой вонъ да вонъ. Первая Груня, дольше всѣхъ Фленушка оставалась, Василій Борисычъ часто говорилъ привычное свое «искушенье!», но въ душѣ и на умѣ бродило у него иное, и охотно онъ слушалъ, какъ Патапъ Максимычъ на старости лѣтъ расходился.

[1]) Умная молитва — мысленная, безъ словъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Правду говорилъ удѣльный голова Алексѣю. — Раньше трехъ дёнъ Патапъ Максимычъ гостей не пустилъ. И кумъ Иванъ Григорьичъ съ Груней и Михайло Васильичъ съ Ариной Васильевной и матушка Манеѳа съ келейницами и московскій посолъ Василій Борисычъ волей-неволей гостили у него три дня и три ночи.

— Тому дѣлу нельзя быть, чтобъ раньше трехъ дёнъ гостей отпустить... Сорочины что̀ именины—до троихъ сутокъ роспуску нѣтъ,—говорилъ Патапъ Максимычъ на неотступныя просьбы тосковавшаго по перепеламъ Михаила Васильича.

— Уѣхали жь городецкіе, отпустилъ ты и городскихъ гостей,—молилъ голова гостепріимнаго своевольника, — яви Божескую милость, отпусти и меня съ Ариной Васильевной.

— Гость гостю рознь — иного хоть брось, а съ другимъ радъ бы вѣкъ свѣковать, — отвѣчалъ на тѣ слова Патапъ Максимычъ. — Съ двора съѣхали гости дешевые, а вы мои дорогіе—ложись, помирай, а раньше трехъ дёнъ отпуска нѣтъ.

— Повѣрь же Богу, Патапъ Максимычъ, — вздумалъ продолжать удѣльный голова. — Нужныя дѣла по приказу есть, непремѣнно надо мнѣ домой поспѣшать.

— Пустыхъ рѣчей говорить тебѣ не приходится,— отрѣзалъ тысячникъ.—Не со вчерашняго дня хлѣбъ-соль водимъ. Знаешь мой обычай—задурятъ гости да вздумаютъ су̀противъ хозяйскаго хотѣнья со двора долой, найдется у меня запоръ на ворота̀... И радъ бы полетѣлъ, да крылья подпѣшены [1]). По̀пусту раз-

[1]) Подпѣшить—сдѣлать птицу пѣшею посредствомъ обрѣзки крыльевъ.

говаривать нечего: сиди да гостй, а на счетъ отъѣзда изъ головы выкинь.

И должны были гости покориться волѣ Патапа Максимыча. Было бъ напраснымъ трудомъ спорить съ нимъ. Не родился тотъ на свѣтъ, кто бы переспорилъ его.

И томился тоской Михайло Васильичъ, поглядывая на плававшія въ воздухѣ длинныя пряди тенетника и на стоявшіе густыми столбами надъ хлѣбомъ и покосами толкунцы [1]). Тянуло его къ сѣтямъ да къ дудочкамъ—хоть бы разокъ полежать въ озимяхъ до Нефедова дня... Да что̀ подѣлаешь съ своебычнымъ пріятелемъ? Хоть волкомъ вой, а гости до трехъ дёнъ у Чапурина.

Иной выливаетъ горе слезами, другой топитъ его въ зеленòмъ винѣ, Патапъ Максимычъ думалъ размыкать печаль въ веселой бесѣдѣ съ пріятелями. Не было къ нему ближе людей Ивана Григорьича съ Михайлой Васильичемъ—то были други вѣрные, пріятели извѣданные, позналъ ихъ Чапуринъ и въ горѣ, и въ радостяхъ, и въ счастьѣ, и въ печаляхъ. И хотѣлось ему съ ними развѣять мрачныя думы, душу свою хотѣлось ему отвести... Новый знакомецъ тоже по нраву пришелся... Но Василій Борисычъ человѣкъ молодой, къ тому жь за скиты и за всяко духовное дѣло стоитъ черезъ мѣру, оттого и тѣшился надъ нимъ Патапъ Максимычъ, оттого и поддразнивалъ его затѣйными разсказами про житье-бытье старцевъ и келейницъ лѣсовъ Чернораменскихъ.

Шутитъ Чапуринъ веселыя шутки, трунитъ надъ Васильемъ Борисычемъ; добродушное лицо его сіяетъ сердечною радостью... Но нѣтъ, нѣтъ, а вдругъ отколь ни возьмись—налетитъ хмара темная, потускнѣ-

[1]) Толкунцы или толкачи — рои мошекъ

етъ ясный взоръ отца горемычнаго, замлѣетъ говорливый языкъ, и смолкнетъ Патапъ Максимычъ, вспоминая красотку свою ненаглядную, покойницу Настю-голубушку, и слеза, что хрусталь, засверкаетъ на рѣсницахъ его... Смолкнутъ и други-пріятели, глядя на хозяина, потупятъ очи рѣчистыя, зная чѣмъ повѣяло нà душу Патапа Максимыча... По недолгомъ времени ровно ото сна воспрянетъ онъ; опять за шутки, опять за издѣвки надъ Васильемъ Борисычемъ. Про скиты рѣчь поведетъ, про Бѣлую-Криницу, зачнетъ путемъ, сведетъ на смѣховòе дѣло, пойдетъ балагурить на счетъ бѣглаго священства да австрійскаго архіерейства, на счетъ келейнаго житія, уставовъ, повѣрій, скитскихъ преданій... Патапъ Максимычъ былъ истый великоруссъ: набожникъ, ревностный къ вѣрѣ отцовъ богомольникъ, но великій суесловъ; а какъ расходится да разгуляется, и отъ кощунства не прочь... Сидя въ сосѣдней боковушѣ, въ ужасъ приходила мать Аркадія, слыша, какъ потѣшался онъ надъ Васильемъ Борисычемъ... Въ душевномъ смятеньи вполголоса читала она псаломъ царя Давида: *Рече безумецъ въ сердцѣ своемъ.*

Василій Борисычъ въ споры.—Нельзя же московскому послу оставаться безъ отвѣта, слушая такія рѣчи; нельзя не показать ревности по древлему благочестію. Но съ Патапомъ Максимычемъ спорить не то что съ другимъ—много надо имѣть и ума и умѣнья, чтобъ свое защитить и ему поноровить. Другой словъ бы не нашелъ для разговоровъ съ Чапуринымъ, но Василій Борисычъ на обхожденье съ такими людьми былъ ловокъ, умѣлъ къ каждому подладиться и всякое дѣло обработать по-своему... Оставшись подросткомъ по смерти сначала зажиточныхъ, потомъ разорившихся родителей, круглый, безродный сирота, обширной начитанностью, знаньемъ церковнаго устава и пѣнія

обратилъ онъ на себя вниманье рогожскихъ поповъ, уставщиковъ и попечителей часовни... И въ самомъ дѣлѣ былъ онъ великій начетчикъ, старинныя книги какъ свои пять пальцевъ зналъ; имѣя же острую память, многое изъ нихъ цѣлыми страницамя читалъ наизусть, такъ бывало и рѣжетъ... Но читая старыя книги, и новыми онъ не брезговалъ, не открещивался отъ нихъ, какъ другіе старовѣры, напротивъ, любилъ ихъ читать и подчасъ хорошее слово изъ нихъ въ рѣчь свою вставить. Сильные своимъ вліяньемъ тузы московскаго старообрядства дорожили такими людьми и уважали Василья Борисыча за острый умъ и обширныя познанья... Не разъ извѣдавъ ловкость его, стали посылать его въ разныя мѣста по духовнымъ дѣламъ и, куда бывало ни пошлютъ, всюду онъ порученье исполнитъ на славу. Это ему, бѣдному человѣку, не только хорошій хлѣбъ давало, но даже доставило возможность купить въ Сыромятникахъ [1]) хорошенькій домикъ и сколотить себѣ небольшой капиталецъ. Большое богатство могъ бы скопить, да страстишка въ немъ завелась—карты возлюбилъ... Ни трынка, ни горка, ни новоявленная макао не везли Василью Борисычу... А какъ былъ онъ по пословицѣ «несчастливъ въ игрѣ, да счастливъ въ любви», такъ и на это счастье деньги понадобились и бывало изъ кармана, какъ по вешней водѣ, уплывали... А все-таки въ довольствѣ жилъ, бѣдовать ему не доводилось... Главное — съ людьми уживаться умѣлъ... То затѣйникъ, то балагуръ, то скромникъ и строгій постникъ, то бабій прихвостень и дѣвичій угодникъ, былъ онъ себѣ на умѣ: съ кѣмъ ни повстрѣчается, ко всякому въ душу безъ оглобель

[1]) Одна изъ отдаленныхъ частей Москвы, по близости Рогожскаго кладбища. Въ Сыромятникахъ живетъ не мало старообрядцевъ рогожскаго согласія.

въѣдетъ, съ кѣмъ бесѣду ни зачнетъ, всякаго на свою сторону поворотитъ...

Съ перваго взгляда онъ насквозь узналъ Патапа Максимыча, понялъ, чтò это за человѣкъ, и разомъ сумѣлъ къ нему подладиться. Замѣтивъ, что не жалуетъ онъ потаковниковъ, а любитъ съ умнымъ, знающимъ встрѣчникомъ [1]) поспорить, охотно пускался съ нимъ въ споры, но спорилъ такъ, чтобъ и ему угодить и себя не унизить. Послушаетъ бывало мать Манеѳа, либо которая изъ келейницъ, какъ ведетъ онъ рѣчи съ Патапомъ Маасимычемъ, сердцемъ умилится, нарадоваться не можетъ... А Патапъ Максимычъ тоже радъ и доволенъ. Ласково поглядываетъ на Василья Борисыча, самодовольно улыбается, а самъ про себя думаетъ: «Вотъ такъ человѣкъ!... Изъ молодыхъ, да ранній—на все гораздъ: и себя огородитъ и старшему поноровитъ!... Опять же и книженъ. Такихъ начетчиковъ мало мнѣ встрѣчать доводилось. По всему старообрядству такихъ разъ-два, обчелся».

Но не все же шутить да балагурить — надоѣстъ. Дóсыта натѣшившись надъ скитами и надъ старою вѣрой, на иное Патапъ Максимычъ бесѣду свелъ. Съ Иваномъ Григорьичемъ да съ удѣльнымъ головой пошли у него разговоры про торги да промыслы. Василій Борисычъ и тутъ лицомъ въ грязь себя не ударилъ. Увидѣлъ Патапъ Максимычемъ, что и по торговому дѣлу онъ былъ столько же свѣдущъ, какъ и въ книжномъ писаньи. Исходивъ много странъ, многое видѣлъ на вѣку своемъ Василій Борисычъ, все держалъ на памяти, и обо всемъ могъ имѣть свое сужденье. Московскія ѳабрики, ржевскія прядильни, гуслицкіе ткачи, холуйскіе богомазы, офени-коробейники, ростовскіе огородники, шуйскіе шубники, вичужскіе

[1]) Встрѣчникъ — противникъ въ спорѣ, иногда врагъ.

салфетчики, сапожники-кимряки, пряничники вязьмичи, вдоль и поперекъ были ему извѣстны. Куда ни заносила Василья Борисыча непосѣдная жизнь, вездѣ дружился онъ съ зажиточными старообрядцами. А тѣ по многимъ мѣстамъ держатъ въ рукахъ и торговлю и промышленность. Оттого ему и сподручно было такъ хорошо извѣдать торговое дѣло.

Когда повелись толковые, дѣловые разговоры, Василій Борисычъ въ какой-нибудь часъ времени разсказалъ много такого, чего ни Патапу Максимычу, ни куму Ивану Григорьичу, ни удѣльному головѣ Михайлѣ Васильичу и на умъ до того не вспадало.

Про то разговорились, какъ живется-можется русскому человѣку на нашей привольной землѣ. Михайло Васильичъ дальше губернскаго города сроду нигдѣ не бывавшій, жаловался, что въ лѣсахъ за Волгой земли холодныя, неродимыя, пашни и покосы скудные, хлѣбные недороды частые, по словамъ его выходило, что крестьянину-Заволжа́нину житье не житье, а одна тяга; не то, чтобы деньги копить, подати исправно нечѣмъ платить.

— А промысла̀,—жаловался онъ,—что̀ споконъ вѣка здѣшній народъ поили-кормили, рушатся одинъ за другимъ. На что̀ ни оглянись, все по̀дъ гору катится, все другими перебито. На что̀ славна была по всѣмъ мѣстамъ наша горянщина, и ту изобидѣли: Крещане [1]) у токарей, Юрьевцы да Кологривцы у ложкарей отбиваютъ работу. Въ прежніе годы изъ нашей Чнщи [2]) валенокъ да шляпа на весь крещеный міръ шли, а теперь катальщики чуть не съ голоду мрутъ... Угораздило крещеныхъ у нѣмца картузъ перенять!.. Отъ

1) Жители Крестецкаго уѣзда, Новгородской губерніи.

2) Нищею называется безлѣсная полоса вдоль лѣваго берега Волги шириною верстъ на двадцать, двадцать пять и больше.

саратовскихъ колонистовъ тотъ картузъ по Руси пошелъ и дѣдовску шляпу въ корень извелъ.. Прежде въ Чищи для каждой стороны особую шляпу работáли: куда шпилёкъ, куда верховку, куда кáшникъ [1]), а теперь почитай и валять-то разучились... Хизнула шляпа, остались сапоги съ валенками, и тѣ Кинешма съ Рѣшмой перебиваютъ, а за Кинешмой да Рѣшмой калязинцы [2]). Красную Рамень взять: прежде на всю Россію вѣсовые коромысла работáла, теперь и этотъ промыселъ сталъ подходить... Нѣтъ, плохое житье стало по нашимъ лѣсамъ!...

— Гнѣвить Бога вамъ нечего,—возразилъ Василій Борисычъ.—Посмотрѣли бы вы, какъ по другимъ-то мѣстамъ люди живутъ, не стали бъ хаять да хулить свою сторону...

— Сторона наша плохая, хлѣба недороды, иной годъ до Рождества своего хлѣба не хватитъ,—возражалъ удѣльный голова.

— А посмотрѣть бы вамъ, Михайло Васильичъ, каково народъ по тѣмъ мѣстамъ живетъ, гдѣ цѣлу зиму на гумнѣ стоятъ скирды немолоченные, — сказалъ на то Василій Борисычъ. — По вашимъ лѣсамъ послѣдній бѣднякъ человѣкомъ живетъ, а въ степныхъ хлѣбородныхъ мѣстахъ и достаточный хозяинъ заодно со свиньями да съ óвцами.

— Ужь ты наскажешь! только послушать! — сказалъ Михайло Васильичъ.—Какъ же возможно съ овцами да со свиньями жить?... Не во гнѣвъ твоей милости будь: того и въ посмѣшныхъ пѣсняхъ не поютъ и въ сказкахъ не сказываютъ.

— Въ сказкахъ не сказываютъ, и въ пѣсняхъ не

1) Разные виды русскихъ поярковыхъ шляпъ.

2) Городъ и большое село на Волгѣ въ Костромской губерніи. Калязинъ — городъ Тверской губерніи тоже на Волгѣ.

поютъ,—молвилъ Василій Борисычъ, — а на дѣлѣ оно такъ. Посмотрѣли бы вы на крестьянина въ хлѣбныхъ безлѣсныхъ губерніяхъ... Онъ домосѣдъ, знаетъ только курныя свои избенки. И еслибъ его на коврѣ-самолетѣ сюда въ ваши лѣса перенесть, да поставить не у васъ, Патапъ Максимычъ, въ дому́, а у любаго рядоваго крестьянина, онъ бы подумалъ, что къ царю во дворецъ попалъ.

— Ну ужь и къ царю! — самодовольно улыбнувшись, молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Истинную правду вамъ сказываю,—рѣшительно отвѣтилъ Василій Ворисычъ. — Посмотрѣли бъ вы на тамошній народъ, посравнили бъ его со здѣшнимъ, сами бы то же сказали.. Здѣсь любо-дорого посмотрѣть на крестьянина, у самаго послѣдняго бѣдняка изба большая, крѣпкая, просторная, на боку не лежитъ, вѣтромъ ее не продуваетъ, зимой она не промерзаетъ, крыта драныо, топится по-бѣлому, дровъ пали сколько хочешь; у каждаго хозяина чисто, опрятно, и все прибрано пе-хорошему... А тамъ избенка малая, низкая, курная, углы морозомъ пробиты, несетъ изъ нихъ, а печку навозомъ либо соломой топятъ... Полъ-отъ въ избѣ земляной, стѣны да потолокъ что̀ твой уголь. Вмѣстѣ съ людьми и овцы съ ягнятами, и свиньи съ поросятами, и всякая домашняя птица... Корову въ избѣ же доятъ и корму ей тамъ задаютъ...

— Быть того не можетъ! — воскликнулъ удѣльный голова.—Въ жизнь свою не повѣрю, чтобъ корова въ избѣ жила и всякая скотина и птица.

— Побывайте въ степяхъ, посмотрите, — молвилъ Василій Борисычъ.—Да... Вотъ что̀ я вамъ, Михайло Васильичъ, скажу, продолжалъ онъ, возвыся голосъ:— когда Христосъ сошелъ на̀ землю и принялъ на себя зракъ рабій, восхотѣлъ Онъ, Владыко, бѣдность и нищету освятить. Того ради избралъ для своего рожде-

ства самое бѣдное мѣсто, какое было тогда на землѣ. И родился Царь небесный въ тѣсномъ, грязномъ вертепѣ середи скотовъ безсловесныхъ... Поди теперь въ наши степи — что̀ ни домъ, то вертепъ Виѳлеемскій.

— Отъ чего жь это такъ! — въ недоумѣньи спросилъ Михайло Васильичъ.

— Отъ того, что земля тамъ родима, отъ того, что хлѣба тамъ вдоволь,—съ улыбкой отвѣтилъ московскій посолъ.

— Понять не могу, — разводя врозь руками, молвилъ Михайло Васильичъ. — Хлѣбъ всему голова: есть хлѣбъ—все есть; нѣтъ—ложись, помирай.

— Не всегда и не вездѣ такъ бываетъ, — сказалъ Василій Борисычъ.—Если жь въ тѣхъ хлѣбородныхъ мѣстахъ три, четыре года сряду большіе урожаи случатся, тогда ужь совсѣмъ народу бѣда.

— Какъ такъ?—спросилъ Патапъ Максимычъ. Удивился и онъ рѣчамъ Василья Борисыча.

— Да очень просто, — отвѣтилъ Василій Борисычъ.—Промыслу нѣтъ никакого, одно землепашество... Хлѣба-то вволю, а мужику однимъ хлѣбомъ не изжить, и на то, и на другое деньги ему надобны: и соли купить, и дегтю, и топоръ, и заступъ, и серпы, и ко́сы, да мало ль еще чего... У церковниковъ попу надо дать, какъ съ празднымъ придетъ, за исповѣдь, за свадьбы, за кстины [1]), за похороны; винца тоже къ празднику надо, а тамъ подати, оброки, разные сборы, и все на чистоганъ. А чистогана, опричь какъ хлѣбомъ, достать нечѣмъ. А хлѣбъ-отъ вези на базаръ, верстъ за двадцать, за тридцать. — Сколько тутъ надо прохарчить, сколько времени эти поѣздки возьмутъ, а доро́ги-то осенью, да и лѣтомъ, коли много дождей,

1) Крестины.

не приведи Господи! Въ черноземѣ-то какъ его разведетъ, телѣга по ступицу грузнетъ, лошаденка насилу тащитъ ее... Чтò тутъ мáяты, чтò тутъ убытковъ!... Хорошо вонъ теперь желѣзны дороги почали строить, степняку отъ нихъ житье не въ примѣръ лучше прежняго будетъ, да не ко всякой вѣдь деревнѣ чугунку подведутъ... Хорошо еще коли хлѣбъ въ цѣнѣ; тогда и приметъ мужикъ маяты, а все-таки управится, и деньги у него въ мошнѣ будутъ. А какъ большіе-то урожаи да каждый-то годъ, да какъ цѣна-та на хлѣбъ упадетъ!... По хлѣбнымъ мѣстамъ такая намолвка идетъ: «перуродъ хуже недороду».

— Поди вонъ оно дѣло-то какое! — удивился Михайло Васильичъ.

— А лѣсу ни прутà,— продолжалъ Василій Борисычъ. — Избы чуть не изъ лутошекъ, по мѣстамъ и битыя изъ глины въ чести, топливо—солома, бурьянъ да кизякъ... [1]). Здѣсь въ лѣсахъ лѣтомъ всѣ въ сапогахъ, зимой въ валенкахъ, тамъ и лѣто, и зиму въ однихъ родныхъ лапоткахъ, да еще не въ лычныхъ, а въ веревочныхъ. По здѣшнимъ мѣстамъ мясное-то у мужика не переводится, да и рыбы довольно.—Волга пòдъ бокомъ, а въ хлѣбныхъ мѣстахъ свѣжину только въ Свѣтло Воскресенье ѣдятъ, да развѣ еще въ храмовые праздники...

— Чудное дѣло!...—дивился Михайло Васильичъ.

— По вашимъ мѣстамъ—щи съ наваромъ, крыты жиромъ, что ихъ не видать, а въ хлѣбныхъ мѣстахъ— щи хоть кнутомъ хлещи—пузырь не вскочитъ...—продолжалъ Василій Борисычъ.—Рыбнаго тоже нисколько, рѣченки тамъ мелкія, маловодныя, опричь пискаря да гóловля ничего въ нихъ не водится. Бываетъ коренная, да везена та рыба изъ дальныхъ мѣстъ и оттого до-

[1]) Кизякъ — сухой навозъ обдѣланный въ форму кирпича.

рогà... Гдѣ ужь крестьянину деньги на нее изводить— развѣ поѣсть немножко на масленицѣ, чтобъ только законъ справить... Хлѣба ѣшь не хочу, брага не переводится, а хоть сыты живутъ, да въ сласть не ѣдятъ, не то что по вашимъ мѣстамъ. Вотъ каковы они хлѣбны-то мѣста, Михайло Васильичъ!

— Мудрены дѣла Твои, Господи!—молвилъ удѣльный голова и задумался. И малое время помолчавъ, спросилъ онъ Василья Борисыча:

— Перепеловъ поди чай сколь въ хлѣбѣ-то!

— Этого добра вдоволь, — отвѣтилъ Василій Борисычъ,—тьма тьмущая!

— Голосисты?—спросилъ голова.

— Бѣда!—молвилъ Василій Борисычъ.

— Эка благодать!... — вздохнулъ Михайло Васильичъ.—Сотнями чать кроютъ...

— Оно и выходитъ, что хлѣба много—лѣсу нѣту, лѣсу много — хлѣба нѣту, — вставилъ въ бесѣду рѣчь свою кумъ Иванъ Григорьичъ.

— Не въ лѣсѣ, Иванъ Григорьичъ, сила, а въ промыслàхъ,—сказалъ ему на то Василій Борисычъ.— Будь по хлѣбнымъ мѣстамъ, какъ здѣсь, промыслà, умирать бы не надо...

— Отчего жь не заводятъ? Кажись бы не хитрое дѣло?—спросилъ Иванъ Григорьичъ.

— Оттого и не заводятъ, что хлѣбныя мѣста, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Промыслá отъ безхлѣбья пошли, безхлѣбье ихъ породило... Въ разныхъ странахъ доводилось мнѣ быть: чуть не всю Россію объѣхалъ, въ Сибири только не бывалъ да на Кавказѣ, въ Австрійскомъ царствѣ съ бѣлокриницкими отцами до самой Вѣны доѣзжалъ, въ Молдавѣ былъ, въ Туречинѣ, Гробу Господню поклонялся, въ Египетскую страну во славный градъ Александрію ѣздилъ... И вездѣ, гдѣ ни бывалъ, видѣлъ одно: чѣмъ лучше земля,

чѣмъ больше ее благодатью Господь надѣлилъ, тѣмъ хуже народу живется. Смотришь, бывало, не надивуешься: родитъ земля всякаго овоща и хлѣба обильно: вино и маслины и разные плоды, о какихъ здѣсь и не слыхивали, а народъ бѣденъ... Отчего?... Промыслу нѣтъ никакого... Земля-то щедра, всего родитъ вдоволь, уходъ за ней не великій, человѣкъ-отъ и облѣнился; только бъ ему на боку лежать, промысла́ и на умъ ему не приходятъ. А какъ у насъ на Святой Руси холодъ да голодъ пристукнутъ, радъ бы полѣнился да некогда... И выходитъ: гдѣ земля хуже, тамъ человѣкъ досужѣй, а отъ досужества все: и достатки и богатство...

— А вѣдь это такъ, это онъ дѣло сказываетъ, — кивнулъ Патапъ Максимычъ куму Ивану Григорьичу.— Говорится же вѣдь, что всяко добро отъ Божьяго ума да отъ человѣчьяго труда.

— Да,—подтвердилъ Василій Борисычъ.—Все трудомъ да пóтомъ люди отъ земли взяли... Первая заповѣдь отъ Господа дана была человѣку: «въ потѣ лица снѣси хлѣбъ твой...» И вотъ каково благъ, каково премудръ Отецъ-отъ Небесный: во гнѣвѣ на Адама то слово сказалъ, а сколь добра отъ того гнѣвнаго слова людямъ пришло... И наказуя милуетъ родъ человѣческій!...

— Извѣстно... На то Онъ и Богъ,—молвилъ удѣльный голова.

— А скажи-ка ты мнѣ, Василій Борисычъ, какъ по твоему замѣчанью?... Можно по хлѣбнымъ мѣстамъ промысла́ развести, али нельзя?—просилъ у него Патапъ Максимычъ?

— Можно-то, можно, люди бы только нашлись,— отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Самому крестьянству на промыслы сразу подняться нельзя. . Зачинать ново

дѣло русскій человѣкъ не охотникъ, надо ему ко всякому дѣлу допрежь приглядѣться.

— Какъ же завести-то ихъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— А вотъ какъ, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Человѣку съ достаткомъ приглядѣться къ какому ни на есть мѣсту, узнать какое дѣло сподручнѣе тамъ завести, да приглядѣвшись и зачинать съ Божьей помощью. Годъ пройдетъ, два пройдутъ, можетъ-статься и больше... А какъ приглядятся мужики къ работѣ, да увидятъ, что дѣло-то выгодно, тогда не учи ихъ — сами возьмутся... Всякій промыселъ такъ зачинался.

— Фабрику, значитъ, поставить, либо заводъ какой? — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Нѣтъ, — возразилъ Василій Борисычъ. — Нѣтъ, нѣтъ, оборони Боже!... Пущай ихъ по городамъ разводятъ... Фабричный человѣкъ — урви ухо [1]), гнилая душа, а мужикъ что куколь: сверху сѣръ, а внутри бѣлъ... Грѣшное дѣло фабриками его на развратъ приводить... Да и то сказать, что на фабрикахъ-то крестьянскими мозолями одинъ хозяинъ сытъ.. А друго дѣло то, что фабрика у насъ безъ нѣмца не стоитъ, а отъ этой саранчи крещеному человѣку надо подальше.

— Самое истинное дѣло, — согласился Патапъ Максимычъ.

— Ты ему воли на вершокъ, а онъ глядь и всѣмъ заволодѣлъ, — вставилъ свое слово Михайло Васильичъ.

— Не фабрики, кýстарей по какому ни на есть промыслу разводить — вотъ что̀ надо, — сказалъ Василій Борисычъ. — И примѣръ съ нихъ мужики скорѣе возьмутъ, и вѣры въ тотъ промыселъ будетъ побольше...

1) Плутъ.

Да вотъ къ примѣру хоть Вичугу [1]) взять, отъ здѣшнихъ лѣсовъ не больно далеко, и тамъ земля не родима... До французскаго года [2]) ни одного ткача въ той сторонѣ не бывало, а теперь по тремъ уѣздамъ у мужиковъ только и дѣла, что скатерти да салфетки ткать. И фабрики большія завелись да рѣчь не объ нихъ... По инымъ деревнямъ, что ни домъ, то станъ... Заобихожій [3]) круглый годъ за работой; тяглецы, какъ не въ полѣ, тоже за станомъ стоятъ... И что̀ денегъ тѣмъ мастерствомъ добываютъ!... Какъ живутъ!... А ка́къ дѣло-то зачиналось?... Выискался смышленый человѣкъ съ хорошимъ достаткомъ, нашего согласія былъ, по древлему благочестію, Коноваловымъ прозывался, завелъ небольшое ткацкое заведенье, съ легкой его руки дѣло и пошло да пошло... И разбогатѣлъ народъ и живетъ теперь лучше здѣшняго... Да мало ль такихъ мѣстовъ по Россіи... А вездѣ доброе дѣло однимъ зачиналось!... Побольше бы Коноваловыхъ у насъ было—хорошо бы народу жилось.

— Да,—промолвилъ Патапъ Максимычъ и крѣпко задумался.

И когда расходились гости на сонъ грядущій, не сказалъ онъ никому ни единаго слова, но молча трижды расцѣловался съ Васильемъ Борисычемъ.

А уйдя въ боковушу, долго ходилъ взадъ и впередъ, закинувъ руки за́ спину.

«Слыхалъ и я про Коновалова, думалъ онъ самъ про себя.—Добромъ поминаютъ его по всему околотку, по всѣмъ ближнимъ и дальнимъ мѣстамъ... Можно про такого человѣка сказать: «сѣялъ добро, посыпа́лъ добромъ, жалъ добро, одѣлялъ добромъ, и стало его

1) Кинешемскаго уѣзда, Костромской губерніи.

2) 1812 годъ.

3) Заобихожій — лишній въ домѣ.

имя честно и памятно въ родъ и родъ...» Голоднаго накорми, слабому пособи, неразумнаго научи, какъ добро наживать трудомъ праведнымъ, нѣтъ тѣхъ дѣлъ святѣе передъ Господомъ, и передъ людьми... Отъ людей вѣчный поминъ, отъ Господа грѣховъ отпущенье... И въ Писаніи сказано: «блаженъ...» Что́ каменны палаты въ Петербургѣ?... Что́ желѣзны дороги да расчистка волжскихъ перекатовъ — Коноваловское дѣло превыше всего... И капитала много меньше потребуется... Смогу!... А смышленъ этотъ Василій Борисычъ!... Изъ себя маленекъ, годами молоденекъ, а разумомъ и стараго за̀ поясъ заткнетъ... Сынка бы такого разумнаго!... Не привелъ Господь!... Что́ дѣлать?... На волю Божью не подашь просьбу... А этотъ лучше того долговязаго!... Острый разумъ!... И угораздило жь его въ бабьи дѣла ввязаться!... Кельи да старицы, уставы да архіереи!... Все едино, что вздѣнь сарафанъ да съ дѣвками въ хороводы... Послѣднее дѣло!»

Утромъ третьяго дня сорочинъ Патапъ Максимычъ опять съ гостями бесѣдовалъ. Въ ожиданьи обѣда Никитишна въ передней горницѣ закуску имъ сготовила: икры зернистой, балыка донского, сельдей переславскихъ и вяленой featureрознѣжской [1]) стерляди поставила. Хрустальные съ разноцвѣтными водками графины длиннымъ рядомъ стояли на столѣ за тарелками.

— Дивлюсь я тебѣ, Василій Борисычъ,—говорилъ ему Патапъ Максимычъ. — Столько у тебя на всякое дѣло умѣнья, столь много у тебя обо всемъ знанья, а

1) Рознѣжье — село на лѣвомъ берегу Волги, повыше Васильсурска. Здѣсь весной во время водополья ловятъ много маломѣрныхъ стерлядей и вялятъ ихъ.

вѣкъ свой корпишь надъ крюковыми книгами[1]), надъ келейными уставами, да шатаешься по бѣлу свѣту съ рогожскими порученностями. При твоемъ остромъ разумѣ не съ келейницами возиться, а торги бы торговать, деньгу наживать и тѣмъ же временемъ бѣдному народу добромъ послужить.

— Всякому человѣку отъ Бога свое дѣло положено,— молвилъ Василій Борисычъ.—Чему обученъ, чему навыкъ, тому дѣлу и долженъ служить. Да и можно ль мнѣ въ торговлю пуститься? Ни привычки, ни сноровки.

— Тàкъ говорить не моги, — перебилъ его Патапъ Максимычъ. — Мы, стары люди, видимъ подальше тебя, больше тебя разумѣемъ. Птичка ты невеличка, да ноготокъ у тебя востеръ. По маломъ времени въ люди бы вышелъ, тысячникомъ бы сталъ, богачомъ.

— Чтò есть и того довольно съ меня, — молвилъ Василій Борисычъ.—Не въ богатствѣ сила, въ довольствѣ... Я слава Богу, доволенъ.

— Доволенъ! — усмѣхнулся Патапъ Максимычъ.— И лягушка довольна, пока болото не пересохло... А ты человѣкъ, да еще разумный. Чтò въ Писаніи-то сказано о невѣрномъ рабѣ, чтò данный отъ Бога талантъ закопалъ? Помнишь?

— Дѣло-то óпасно, — немного подумавъ, молвилъ Василій Борисычъ.—Батюшка, родитель, былъ у меня тоже человѣкъ торговый, дѣла большія велъ. Былъ расчетливъ и бережливъ, опытенъ и смѣтливъ.. А подошелъ черный день, смѣшались прибыль съ убылью и пошли бѣда за бѣдой. Въ два года въ домѣ-то стало хоть шарòмъ покати... А мнѣ куда передъ нимъ?...

[1]) Пѣвчія книги. Крюки — старинныя русскія ноты, до сихъ поръ обиходныя у старообрядцевъ.

Что̀ я супротѝвъ его знаю?... Нѣтъ, Патапъ Максимычъ, не съ руки мнѣ торговое дѣло.

— Напрасно такъ разсуждаешь, — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Добра тебѣ желаючи, прошу и совѣтую: развяжись ты съ этими дѣлами, наплюй на своихъ архіереевъ, да на нашихъ келейницъ... Ну ихъ къ шуту!... На такія дѣла безъ тебя много найдется... Повелъ бы торги, и себѣ добро, и другимъ польза.

— Нѣтъ, Патапъ Максимычъ! — молвилъ Василій Борисычъ.—Такой ужь несмѣлый я человѣкъ — всего опасаюсь, всего боюсь, опять же привычка... А привычка, не истопка [1]), съ ноги не сбросишь... Боюсь, Патапъ Максимычъ, оченно мнѣ бо̀язно за непривычное дѣло приняться...

— Волка бояться — отъ бѣлки бѣжать, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Не ты первый, не ты будешь и послѣдній... Знаешь пословицу: «Смѣлому горохъ хлебать, робкому пустыхъ щей не видать?» Бояться надо отпѣтому дураку да непостоянному человѣку, а ты не изъ таковскихъ. У тебя дѣло изъ рукъ не вывалится... Вотъ хоть бы вечоръ про Коновалова помянулъ... Что̀ бъ тебѣ, дѣломъ занявшись другимъ, Коноваловымъ стать?... Сколько бъ тысячъ народу за тебя день и ночь Бога молили!...

— Такого дѣла мнѣ не снести, — молвилъ Василій Борисычъ.

— Отчего? — спросилъ Чапуринъ.

— Не къ лицу пироги разбирать коли хлѣба нѣтъ, — молвилъ Василій Борисычъ. — Торги да промыслы заводить, надо достатки имѣть, а у меня, — прибавилъ онъ усмѣхаясь, — двѣ полы, обѣ голы, да и тѣ не свои — подаренныя.

[1]) Истопки — изношенные лапти.

— Нѣтъ капитала, въ долю бы шелъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Такого, какъ ты, всякій съ радостью приметъ.

— Въ сýпрядкахъ не пряжа, въ складчи́нѣ не торгъ,—отозвался Василій Борисычъ.

— Это такъ точно, — съ довольной улыбкой подтвердилъ Чапуринъ.—Самъ тѣхъ же мыслей держусь. Складчи́на послѣдне дѣло... Нѣтъ того лучше, какъ всякій Титъ за себя стоитъ?... А эти нонѣшни акціи, да компаніи, да еще песъ ихъ знаетъ какія тамъ нѣмецкія штуки—всѣмъ имъ одна цѣна: наплевать.

— Значитъ ты и артели порочишь, — вступился удѣльный голова.

— Кто ихъ порочитъ! — съ досадой возразилъ Патапъ Максимычъ. — Артель порочить нельзя, артель та же братчина, заведенье доброе; тамъ всѣ другъ по другѣ, голова въ голову, оттого и работа въ артели спора... Я про нынѣшни компаніи помянулъ, ихъ не хвалю. Тутъ нажива только тому, кто дѣло къ рукамъ умѣетъ прибрать... А другимъ пайщикамъ обида одна... Нѣтъ, я такъ совѣтую тебѣ, Василій Борисычъ, шелъ бы ты въ долю къ какому ни на есть богатому да хорошему человѣку: его бы деньги, твое бы умѣнье... Говорилъ ты намедни, что по разнымъ городамъ у тебя большое знакомство... Неужто не сыщется, кто бы тебѣ деньгами пособилъ?...

— Какъ не сыскаться, — молвилъ Василій Борисычъ. — Есть доброхотовъ довольно.

— Что̀ жь ты?

— Просить охоты нѣтъ,—сказалъ Василій Борисычъ.

— А ты попробуй—безъ просьбы нельзя же: дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ.—Ну-ка попробуй...

— Искушеніе! — вполголоса проговорилъ Василій Борисычъ, смиренно поникнувъ головою.

— Чтò сталъ?... Пробуй! — упершись въ колѣнки руками и наклонясь къ Василью Борисычу, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Не могу я просить, Патапъ Максимычъ, языкъ не поворотится.

Плюнулъ съ досадой Чапуринъ.

— Сами что ли деньги-то тебѣ въ карманъ влѣзутъ? — крикнулъ онъ, выпрямясь во весь ростъ. — Сорóка что ли тебѣ ихъ на хвостѣ принесетъ?... Мямля ты этакой, рохля!... Могъ бы на весь свѣтъ загремѣть, а ему по скитамъ шляться, да съ дѣвками по крюкамъ пѣть!... Бить-то тебя некому!

— Искушеніе!... — съ глубокимъ вздохомъ, полушепотомъ промолвилъ Василій Борисычъ.

— Добро ему кажутъ, на широку дорогу хотятъ его вывести, а онъ ровно кобыла съ норовомъ, ни туда ни сюда, — шумѣлъ Патапъ Максимычъ...— Сказывай, нéпуть этакой, много ль денегъ требуется на разводъ промысловъ, гдѣ-нибудь по близости?... Ну хоть на Горахъ [1]), что ли?

— Охъ, искушеніе! — глубже прежняго вздохнулъ Василій Борисычъ. Сроду не случалось бывать ему въ такомъ передѣлѣ...

А Патапъ Максимычъ такъ зашагалъ по горницѣ, что стоявшая на горкахъ посуда зазвенѣла... Вдругъ сталъ онъ передъ Васильемъ Борисычемъ и взялъ его зà плечи.

— Получай деньги, Васильюшка, — сказалъ ему, — брось, голубчикъ, своихъ чернохвостыхъ келейницъ да посконныхъ архіереевъ, наплюй имъ въ рожи-то!... Васильюшка, любезный ты мой, удружи!... Богомъ тебя прошу, сдѣлай по-мóему!... Утѣшь старика!... Возлюбилъ я тебя. .

[1]) На Горахъ, на правомъ берегу Волги.

— Нѣтъ ужь увольте, Патапъ Максимычъ, — собравшись съ духомъ, молвилъ Василій Борисычъ.—Не надо — не могу я вашихъ денегъ принять...

— Дуракъ! — крикнулъ вскипѣвшій гнѣвомъ Чапуринъ и порывисто вышелъ изъ горницы, хлопнувъ дверью, такъ что окна зазвенѣли.

— Что жь ты тревожишь его?—говорилъ Василью Борисычу кумъ Иванъ Григорьичъ. — Видишь, какъ расходился!... Для че упорствуешь?... Не перечь... покорись, возьми деньги.

— Не къ рукамъ мнѣ его деньги, — отвѣтилъ Василій Борисычъ.—Какой я купецъ, какой торговѐцъ?... Опять же не къ тому я готовилъ себя.

— Про то не думай, — внушительно сказалъ ему удѣльный голова. — Патапъ Максимычъ лучше тебя знаетъ, годишься ты въ торговое дѣло, али нѣтъ?... Ему виднѣе... Онъ, братъ, маху не дастъ, каждаго человѣка видитъ насквозь... И тебѣ бы, Василій Борисычъ, ему не супротивничать, отъ счастья своего не отказываться.

— Охъ, искушеніе!—руками даже всплеснулъ Василій Борисычъ. А самому бѣжать бы, такъ въ пору.

— Нѣтъ ужь ты не прекословь, Василій Борисычъ, — продолжалъ уговаривать его Иванъ Григорьичъ.—Потѣшь старика, пожалѣй—добра вѣдь желаетъ тебѣ.

— Да толкомъ же я говорю: не могу того сдѣлать, — чуть не со слезами отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Заводить торговое дѣло никогда у меня на умѣ не бывало, во сняхъ даже не снилось... Помилуйте!...

— Экой ты человѣкъ неуклончивый! — хлопнувъ о̀ полы руками, воскликнулъ Иванъ Григорьичъ. — Вотъ ужь поистинѣ: въ коробъ нейдетъ, изъ короба не лѣзетъ и короба не отдаетъ... Дивное дѣло!... Право, дивное дѣло!...

— Стараго человѣка надо уважить,—молвилъ Михайло Васильичъ. — Изъ-за чего ты въ самомъ дѣлѣ разстроилъ его?... Ну и впрямь, что за охота тебѣ съ келейницами хороводиться?.. Какая прибыль?... Одно пустое дѣло!...

Подъ эти слова дверь быстро распахнулась, и Патапъ Максимычъ вошелъ въ горницу. Лицо его пылало, потъ крупными каплями выступалъ на высокомъ челѣ, но самъ онъ нѣсколько стихъ противъ прежняго.

— Слушай, — сказалъ онъ, подойдя къ Василью Борисычу и положивъ ему руки на плечи.—Чего торговъ боишься? Думаешь, не сладишь?... Такъ что ли?

— Такъ точно,—отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Ладно, хорошо... Будь по-твоему,—сказалъ Патапъ Максимычъ, не снимая рукъ съ плечъ Василья Борисыча.—Ну, слушай теперь: самъ я дѣло завожу, самъ хочу промысла на Горахъ разводить—ты только знаньемъ своимъ помогай!

— Какое жь мое знаніе, Патапъ Максимычъ? Помилуйте, Господа ради!...—возразилъ было Василій Борисычъ.

— Лучше тебя знаю, каково твое знанье, — перервалъ его Патапъ Максимычъ. — Помогай же мнѣ, ступай въ прикащики..

— Охъ, искушеніе!—вздохнулъ Василій Борисычъ.

— Да ну его къ шуту твое «искушеніе». Заладилъ, что сорока Якова, надоѣлъ даже... Идешь въ прикащики?

Молчитъ Василій Борисычъ, мутится взоръ его подъ горячими взглядами Патапа Максимыча.

— Житье на всемъ на готовомъ, жалованья сколько запросишь. Дѣло вести безъ учету, безъ отчету, все какъ сыну родному довѣрю... Что же?... Чего молчишь?... Аль языкъ-отъ отсохъ!... Говори, отвѣчай!—

сильно тряся за плеча Василья Борисыча, говорилъ Патапъ Максимычъ.

— Не знаю, что отвѣчать,— тихо промолвилъ Василій Борисычъ... А у самого на умѣ: «Спаси отъ бѣдъ раба своего, Богородице!»

— Толкомъ спрашиваютъ, толкомъ и отвѣтъ давай!—чуть не на весь домъ крикнулъ Патапъ Максимычъ.

— Дайте сроку...—едва проговорилъ Василій Борисычъ.

— Много ли?

— Недѣль шесть...—сказалъ Василій Борисычъ.

— Долго...—молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Меньше нельзя. Чужія дѣла на рукахъ, зря ихъ бросить нельзя, —отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Дѣло сказалъ,—молвилъ Патапъ Максимычъ.— А все бы маненько убавить надо...

— Никакъ невозможно, Патапъ Максимычъ,—рѣшительно сказалъ Василій Борисычъ.

— Ну была не была, — согласился Чапуринъ. — Шесть надѣль, такъ шесть недѣль. Будь по-твоему... Только смотри же у меня, не надуй...

— Помилуйте!... Какъ это возможно!... А самъ на умѣ: «Только бъ выбраться по-добру по-здорову».

— Ладно, хорошо, — сказалъ Патапъ Максимычъ. И, обнявъ Василья Борисыча, трижды поцѣловалъ его со щеки на щеку.

— Никитишна!—крикнулъ онъ, маленько отворивъ сѣнную дверь.

Кума-повариха вошла въ горницу.

— Ставь-ка намъ, кумушка, смолёну головку холодненькую, —молвилъ ей повеселѣвшій Патапъ Максимычъ.

Кумушка скоро воротилась, неся на желѣзномъ тагильскомъ подносѣ бутылку шампанскаго съ четырьмя хрустальными стаканчиками.

— Съ новымъ прикащикомъ! — поздравлялъ Чапурина удѣльный голова.

— Съ новымъ торгомъ! — подхватилъ кумъ Иванъ Григорьичъ.

И скорымъ дѣломъ бутылку покончили.

Василій Борисычъ пилъ, но крѣпко задумался.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Обѣдать сѣли. То былъ послѣдній обѣдъ сорочинъ.

Полъобѣда не прошло, забренчали на дворѣ бубенчики, колокольчикъ сталъ позвякивать: то Михайлѣ Васильичу стоечныхъ лошадей запрягали. Не терпѣлось ему. Изъ-за стола прямо въ тарантасъ, и во весь опоръ, какъ ѣздятъ только исправники, покатилъ онъ въ Клюкино, чтобъ съ вечера на перепеловъ въ озимя́хъ залечь... Только сва́литъ жаръ, сбирался ѣхать кумъ Иванъ Григорьичъ съ Груней; а съ солнечнымъ закатомъ хотѣла отправляться и Манеѳа со старицами, бѣлицами и съ Васильемъ Борисычемъ. Патапъ Максимычъ не на долгое время и Парашу въ Комаровъ отпускалъ, позволялъ даже ей съ матерями съѣздить въ лѣса на богомолье и въ ночь на Владимірскую [1]) невидимому граду Китижу поклониться... Денька черезъ три хотѣла выѣхать изъ Осиповки и Аксинья Захаровна. Ѣхать думала напередъ къ Грунѣ, а повремени, какъ только Манеѳа изъ Ша́рпана съ Казанской воротится, къ ней въ обитель. Одному Патапу Максимычу не сидѣть дома, и онъ собрался въ Красную Рамень на мельницы, а оттоль въ городъ.

[1]) Іюля 23-го.

За обѣдомъ развеселый Патапъ Максимычъ объявилъ во услышанье, что къ первому Спасу [1]) будетъ у него новый приказчикъ, и что съ нимъ онъ новы торговы дѣла на Горахъ заведетъ. И сказавъ показалъ на Василья Борисыча.

Молніей сверкнули черныя очи Манеѳы... Переглянулись бѣлицы и старицы, съ недоумѣньемъ взглянула на мужа Аксинья Захаровна, вздохнула и покорно опустила глаза... Ни съ того, ни съ сего зардѣлась Прасковья Патаповна, а бойкая, разудалая Фленушка, взглянувъ на нее, а потомъ на склонившагося надъ тарелкой Василья Борисыча, улыбнулась лукавой улыбкой... На этотъ разъ Устинья Московка за тѣмъ же столомъ обѣдала, сидѣла рядомъ съ игуменьей. Ровно громомъ оглушили ее слова Патапа Максимыча, багрецомъ подернулись щеки, поблѣднѣли алыя губы, заблестѣли очи искрами палючими и слезинки, что росинки, засверкали на длинныхъ рѣсницахъ ревнивой канонницы. Никто ни слова, ни звука... И любо было Патапу Максимычу, что всѣхъ огорошилъ вѣстью нежданною. Повелъ разговоры:

— По нонѣшнимъ временамъ человѣку съ достаткомъ и стыдъ и грѣхъ на печи сложа руки сидѣть... Не по старому жить приходится, не въ кубышку деньги копить, да зарывать ее въ подпольѣ либо подъ угломъ избы... Ходъ да просторъ возлюбили нонѣ денежки... Къ тому жь и Господь повелѣлъ, себя помня, ближняго не забывать... Теперь по милости Божіей по околотку сотня другая людей вкругъ меня кормится, и я возымѣлъ такое желаніе, чтобъ нажита́го трудами капитала не умаляя, сколь можно больше народу работой кормить, довольство бы по бѣднымъ

1) Августа 1-го.

людямъ пошло и добрая жизнь... Благословилъ бы только Господь...

— Господь повелѣлъ богатому нищей братьи имѣнье раздать и по Немъ идти, — истово и учительно, но рѣзко сказала Манеѳа, пріосанясь и величаво взглянувъ на брата.

— Ту заповѣдь и держу въ помышленьи, — молвилъ онъ.

— «Нищія всегда имате съ собою» рекъ Господь,— продолжала игуменья, обливая брата сдержаннымъ, но строгимъ взглядомъ. — Чѣмъ ихъ на Горахъ-то искать, вокругъ бы себя оглянулся... Посмотрѣлъ бы, по ближности нѣтъ ли кого взыскать милостями... Недалёко ходить, найдутся люди, что̀ постомъ и молитвой низведутъ на тебя и на весь домъ твой Божіе благословеніе, умолятъ о вѣчномъ спасеніи души твоей и всѣхъ присныхъ твоихъ.

— Никакъ на своихъ черноxвостницъ мекаешь?— насмѣшливо молвилъ Патапъ Максимычъ.—Нѣтъ, матушка, шалишь-мамонишь—съ жиру взбѣситесь!.. Копѣйки не дамъ!

— Вольному воля!—понизивъ голосъ, отвѣтила Манеѳа. — Господь призритъ на нища и убога — проживемъ и безъ твоихъ милостей.

— Ну и живите, только другихъ не корите,—молвилъ Патапъ Максимычъ и, обратясь къ Ивану Григорьичу и удѣльному головѣ, прибавилъ:—Эка, подумаешь, бездонная кадка эти келейницы!.. Засыпь ихъ кормомъ поверхъ головы, одно вопятъ: «мало, еще подавай!»

— Не суесловь, безумный!—возвысила голосъ Манеѳа.—Забылъ, что всяко праздно слово на послѣднемъ судѣ взыщется?

— Много жь тебѣ съ твоими келейницами отвѣтовъ-то придется давать тогда, — усмѣхнулся Патапъ

Максимычъ.—Вѣдь у вашей сестры, что ни слово, то вранье, либо сплетня какая.

— Безумное слово, нечестивая рѣчь!..—вспыхнула мать Манеѳа, но тотчасъ же стихла. Не слыхать ея голоса больше.

И не внимая усерднымъ подчиваньямъ Аксиньи Захаровны, не вкушала она отъ сладкихъ брашенъ, сготовленныхъ Никитишной. Глядя на свою матушку, и старицы съ бѣлицами воздержались отъ ястія и питія, хоть и было это имъ за великую досаду. Только Фленушка съ Марьюшкой, какъ не ихъ дѣло, кушали во славу Божію... Устинья Московка не ѣла, рвалось и кипѣло у ней сердце, мутился разумъ. Чуя недоброе, глазъ не спускала она съ Василья Борисыча и зорко стерегла, не взглянетъ ли онъ на хозяйскую дочь... Но онъ сидѣлъ, ровно къ смерти приговоренный... Молчитъ, потупя очи и тоже ни единой яствы не касается... Собравшись съ духомъ, спросила у мужа Аксинья Захаровна, что̀ за дѣла вздумалъ онъ на Горахъ заводить. Не отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. Не взглянулъ даже на сожительницу.

Проводили удѣльнаго голову, проводили и Груню съ Иваномъ Григорьичемъ. Манеѳа спѣшно въ путь снаряжается. Узелкамъ, коробка́мъ, укладочкамъ да сундучкамъ у келейницъ ни конца, ни счету: у каждой старицы, у каждой бѣлицы свой дорожный обиходъ. Опричь перинъ да подушекъ, надо весь скарбъ собрать и въ повозки покласть... А тутъ подоспѣли Парашины сборы. Въ одинъ чемоданъ всего не убрать, другой прихватили... Одного платья что̀ брала... Платки левантиновые, двѣ шали турецкія, лентъ въ косу десятка два, передники всякіе, рукава, сарафановъ дюжины полторы: ситцевые для прохлады, шерстяные для обиходу, шелковые для наряду — въ часовню аль при гостяхъ надѣть. Нельзя же Парашѣ безъ доро-

гихъ нарядовъ—не простая дѣвица въ скиты ѣдетъ,—одна единственная дочка Патапа Максимыча.

Сидя въ бывшей Настиной свѣтлицѣ, молча глядѣла Манеѳа, какъ Фленушка съ Устиньей Московкой укладывали пожитки ея въ чемоданы. Вдругъ распахнулась дверь изъ сѣней и вошелъ Патапъ Максимычъ, одѣтый по-домашнему: въ широкой рубахѣ изъ алаго канауса, опоясанной шелковымъ поясомъ, вытканнымъ въ подарокъ отцу покойницей Настей. Поглядѣлъ онъ на укладыванье, поглядѣлъ на Манеѳу, почесалъ слегка голову и молвилъ сестрѣ:

— Ну ты, спасена душа, подь-ка ко мнѣ въ боковушу...

И медленно вышелъ вонъ изъ свѣтлицы

Еще того медленнѣй поднялась съ мѣста Манеѳа, не промолвивъ ни слова, неспѣшною поступью пошла она вслѣдъ за братомъ.

— Садись а ты... Чего стоять-то?... Не выростешь,—сказалъ вошедшей въ боковушу игуменьѣ сидѣвшій за столомъ и раскладывавшій по пачкамъ деньги Патапъ Максимычъ.

Сѣла напротивъ брата Манеѳа. Оба ни слова.

— Сколько здѣсь съ тобой старицъ?—спросилъ онъ.

— Уставщица мать Аркадія, да мать... — начала было Манеѳа.

— Счетомъ сказывай,—перервалъ Патапъ Максимычъ.

— Три,—сказала Манеѳа.

— Бѣлицъ?

— Двѣнадцать, Фленушка тринадцатая.

— Чортова дюжина!—усмѣхнулся Патапъ Максимычъ тсчитывая деньги.—Сколько теперь у тебя въ обители всего нà всего старицъ и сколько бѣлицъ?

— Тридцать четыре старицы, безъ одной пятьдесятъ бѣлицъ,—отвѣчала Манеѳа.

— Сколько во всемъ Комаровѣ васъ живетъ? Огуломъ сказывай,—спрашивалъ Патапъ Максимычъ, отсчитывая новую пачку.

— Лицевыхъ [1]) семьсотъ двадцать пять, да двѣсти не писаныхъ,—отвѣчала Манеѳа.

— Бѣглыхъ попросту сказать. Что̀ мало?—усмѣхнулся Патапъ Максимычъ.

— Всякая съ па̀чпортомъ, только что въ спискахъ не значится. У родныхъ гостятъ, — молвила матушка Манеѳа.

— Знаемъ, какъ онѣ у васъ — у родныхъ-то гостятъ!.. — опять усмѣхнулся Патапъ Максимычъ и, отложивъ другую пачку, спросилъ сестру:—Много ль обителей по другимъ скитамъ?

— Въ Улангерѣ двѣнадцать, въ Оленевѣ...—начала было Манеѳа.

— Чохомъ говори,—перервалъ ее братъ.

— Дай срокъ смекнуть,—молвила Манеѳа и посчитавъ сказала: — пятьдесятъ обителей.

Патапъ Максимычъ опять сталъ деньги считать. Оба молчали.

Затѣмъ, подвигая къ сестрѣ пачку за пачкой, сталъ говорить.

— Старицамъ, что̀ здѣсь съ тобой, по синей, бѣлицамъ по зеленой, эту красну особо Фленушкѣ дай, да безъ огласки смотри... Въ твою обитель по зеленой на старицу, по полутора цѣлковыхъ на бѣлицу. А эта красная на твоихъ обительскихъ трудниковъ... Вотъ тебѣ еще пятьсотъ цѣлковыхъ въ раздачу на Комаровскія обители. Слишкомъ по полтинѣ серебра на душу придется, раздавай какъ знаешь, въ кою обитель больше, въ кою меньше, тебѣ лучше знать.. Это на Комаровскихъ сиротъ, а это на другіе скиты, по десяти цѣл-

[1]) То-есть, не записанныхъ въ полицейскіе списки.

ковыхъ на обитель,—продолжалъ Патапъ Максимычъ.— Куда больше, куда меньше, твое дѣло... Да смотри, Настасью бы поминать не лѣнились... Припасовъ кой-какихъ завтра тебѣ съ работникомъ пришлю... А вотъ сто рублей на Прасковьины гостины. Ей не говори, что далъ... А это тебѣ, — прибавилъ Патапъ Максимычъ, придвигая пять сотенныхъ къ Манеѳѣ.

— Благодарю покорно,—молвила игуменья, вставъ и низко поклонившись брату. — Дай-ка мнѣ бумажку да перышко, запишу сколько куда назначилъ. Не то, забуду. Послѣ болѣзни памятью что-то стала я хуже.

Не говоря ни слова, придвинулъ Чапуринъ къ сестрѣ бумагу, перо и чернилицу, а самъ зачалъ мѣрить горницу крупными шагами. Манеѳа медленно записывала раздачу.

Кончивъ запись, подняла она голову и молвила брату:

— Можно съ тобой путемъ потолковать, Патапушка?

— Говори, — отрѣзалъ Патапъ Максимычъ и, не взглянувъ на сестру, продолжалъ ходить взядъ и впередъ по горницѣ.

— На саму на Троицу недобрыя вѣсти дошли до насъ,—начала Манеѳа.—Пишутъ Дрябины изъ Питера: бѣда грозитъ.

— Рѣшать думаютъ?—молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ пишутъ благодѣтели, — подтвердила Манеѳа.—Шлютъ, слышь, изъ Питера самыхъ набольшихъ чиновниковъ, станутъ де они Оленевски обители переписывать, не строены ль которы послѣ воспрещенья. И которы найдутъ новыми, тѣ тутъ же и порѣшатъ— запечатаютъ...

— А найдется такихъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ не найтись?—отвѣтила Манеѳа.—Воспре-

щенью то теперь болѣ тридцати годовъ, а какъ полъ-Оленева выгорѣло—и пятнадцати не будетъ.. Новыхъ-то, послѣ пожару ставленныхъ, обителей чуть не половина... Ша́рпанъ тоже велѣно осмотрѣть, а онъ тоже весь новый, тоже послѣ пожара строенъ. Казанску Владычицу изъ Ша́рпана-то велѣно слышь отобрать.. И по всѣмъ де скитамъ такая же будетъ переборка, а которы не лицевыя, тѣхъ, слышь, всѣхъ по своимъ мѣстамъ, откуда пришли, разошлютъ...

— Слышалъ я прò то. И мнѣ писали... Дѣло не ладное... Опять же на грѣхъ подъ это самое время отецъ-отъ Михаилъ съ воромъ Стуколовымъ подвернулись.

Потупила очи Манеѳа и торопливо опустила на нихъ креповую наметку.

— Видно, куда ни кинь, вездѣ клинъ,—продолжалъ Патапъ Максимычъ, подойдя къ окну и зорко приглядываясь къ чернѣвшей вдали опушкѣ лѣса.—Такія строгости, какихъ не бывало!... А все сами виноваты. Жили бы смирненько, никто бы васъ не тронулъ... А то вздумали церковниковъ къ себѣ залучать да безпаспортныхъ, архіерея выдумали, съ чужестранными царствами сноситься зачали. Вотъ и попали въ перекрестную, что ни дохнуть, ни глотнуть... Съ одной стороны — вы-то ужь больно пространно жить захотѣли, а съ другой — начальство-то, ровно муха его укусила.

— Съѣздить бы тебѣ, Патапушка, къ губернатору, попросить бы отъ него милостей... — молвила брату Манеѳа.

— Ничего тутъ губернаторъ не подѣлаетъ,—отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Былъ у меня съ нимъ на счетъ васъ разговорецъ. Со всякимъ бы, говоритъ, моимъ удовольствіемъ, да не могу; власти, говоритъ, такой не имѣю... Извѣстно, хоть и губернаторъ, а

тоже подъ начальствомъ живетъ и его по головкѣ не погладятъ, коль не сдѣлаетъ того, что̀ сверху ему приказано.

— Можетъ, потянулъ бы въ нашу пользу, коли бы ты-то хорошенько ему покланялся,—молвила Манеѳа.

— Да какъ же ему въ вашу-то пользу тянуть, когда самому за то отвѣтъ придется давать?—сказалъ Патапъ Максимычъ.—Когда можно было — въ просьбахъ мнѣ не отказывалъ.

— Охъ, Владычица, Царица Небесная!—вздохнула игуменья.

— И про то пыталъ я у губернатора, — продолжалъ Патапъ Максимычъ, — нельзя ли вамъ какъ-нибудь съ тѣми чиновниками повидѣться, чтобы, знаешь, видѣли не видали, слышали не слыхали... И думать, говоритъ, про то нечего, не такіе люди.

— Полно, Патапушка, всѣ одного кустика вѣтки, всѣхъ однимъ дождичкомъ мочитъ, однимъ солнышкомъ грѣетъ,—сказала Манеѳа.—Можетъ и съ ними льзя по доброму да по хорошему сладиться. Я бы, кажись, въ одной свиткѣ осталась, со всѣхъ бы иконъ ризы сняла, только бы на старомъ мѣстѣ дали вѣкъ свой дожить... Другія матери тоже ничего бы не пожалѣли... Опять же и благодѣтели нашлись бы, они бъ не оставили...

— Пустое городишь,—перервалъ ее Чапуринъ. — Не исправникъ въ гости сбирается, не становой станетъ кельи твои осматривать. То вспомни: куда эти питерскіе чиновники ни пріѣзжали, вездѣ послѣ нихъ часовни и скиты зорили... Иргизъ возьми, Лаврентьевъ монастырь, Стародубскія слободы... Тутъ какъ ни верти, а дошелъ видно чередъ и до здѣшнихъ мѣстовъ... Что̀ же ты, какъ распорядилась на всякій случай?

— Да я казначею мать Таифу на другой же день

въ Москву и въ Питеръ послала,—отвѣчала Манееа.—Дрябину Никитѣ Васильичу писала съ ней, чтобы Громовы всѣми мѣрами постарались отвести бурю, покланялись бы хорошенько высшимъ властямъ; Громовы ко всѣмъ вельможамъ вѣдь вхожи, съ министрами хлѣбъ-соль водятъ.

— Ничего тутъ и Громовы не подѣлаютъ. Не такое время,—молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Охъ ужь и Никита-то Васильичъ твои же рѣчи мнѣ отписываетъ,—горько вздохнула Манееа.—И онъ пишетъ, что много старанія Громовы прилагали, два раза обѣдами самыхъ набольшихъ генераловъ кормили, праздникъ особенный на дачѣ имъ дѣлали, а ни въ чемъ успѣха не получили. Все, говорятъ, для васъ рады сдѣлать, а на счетъ этого дѣла и не просите, такой, дескать, строгій о старовѣрахъ указъ вышелъ, что теперь никакой министръ не посмѣетъ ни самой малой ослабы попустить...

— Вотъ видишь,—молвилъ Патапъ Максимычъ.—Нѐ за чѣмъ было тебѣ и Таифу гонять... Въ Москву-то что̀ съ ней наказывала?

— А послала я съ ней въ Москву главную нашу святыню: пять иконъ древнихъ, три креста съ мощами, десятка четыре книгъ, которы порѣдкостнѣй.

— Чѣмъ такую даль ѣхать, ко мнѣ бы могла свезти, и у меня бъ сохранны были, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Думала я про то, Патапушка, думала, родной. Чего бы ближе какъ не къ тебѣ, да вотъ чего признаться поустрашилась. Какъ пойдутъ, думаю, у насъ переборы да обыски, хоть и узнаютъ, что святыня въ Москву отправлена, все-таки ее не досягнутъ.—Москва-то велика, а кому отдана святыня, знаемъ только яда матушка Таифа, да вотъ тебѣ еще на смертный

случай повѣдаю: Гусевымъ.—А чтобъ къ тебѣ свезти, того поопа́силась—люди узнаютъ, совсѣмъ вѣдь скрыть этого невозможно; ну, какъ, думаю, грѣхомъ питерскіе-то чиновники отъ какой-нибудь болтуньи про то свѣдаютъ, такъ чего добраго пожалуй и къ тебѣ нагрянутъ съ обыскомъ... Самъ посуди...

— Что̀ дѣло, то дѣло. Распорядки твои хороши,—молвилъ Патапъ Максимычъ. — А на счетъ себя какъ располагаешь, коли разгонятъ васъ?

Манеѳа не отвѣчала.

— Хотъ мы съ тобой вѣкъ бранимся, а уголъ тебѣ у брата всегда готовъ,—сказалъ Патапъ Максимычъ.—Бери заднюю, и моленная въ твоей, значитъ, будетъ власти, поколь особаго дома на задахъ тебѣ не поставлю. Егозу свою привози, Фленушку-то... Еще кого знаешь, человѣкъ съ пятокъ прихвати. Авось сыты будете.

— Много благодарна за твои милости, Патапушка,—отвѣтила Манеѳа.—Только ужь я, не поставь во гнѣвъ, на̀ этотъ счетъ маленько не такъ распорядилась. Въ Иргизѣ и по другимъ мѣстамъ, гдѣ начальство обители разоряло, всѣхъ тамъ жившихъ разсылали по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ по ревизіи они приписаны и изъ тѣхъ мѣстъ всѣмъ имъ выѣздъ на всю останную жизнь былъ заказанъ. Какъ было тамъ, такъ надо полагать и у насъ будетъ. А вѣдь и я, и Фленушка, и другія кой-кто изъ обители къ нашему городку приписаны. Ходу, значитъ, намъ изъ него до́ смерти не будетъ... Потому и пріискала я въ городу̀ мѣстечко дворовое и располагаю тамъ строиться... Кожевниковыхъ домъ, чать, знаешь, крайній къ солянымъ амбарамъ, его покупаю, да по сосѣдству еще четыре мѣстечка желательно прикупить: на имя Фленушки одно, на имя матери Таифы другое, третье Виринеюшкѣ, а четвертое матери Аркадіи.

— Значитъ, ты въ городу́ новый скитъ расплодишь,—усмѣхнулся Патапъ Максимычъ.

— Ну, ужь ты, батька, и скитъ!... Чего не скажетъ! — тоже улыбнувшись, молвила Манеѳа. — Сиротское дѣло, Патапушка, по-сиротски и будемъ жить... А ты ужь на-ка поди: скитъ!

— Ну, заводись, заводись, стройся,—сказалъ Патапъ Максимычъ.—Дозволятъ, чай, скитско-то строенье въ городъ свезти?

— По другимъ мѣстамъ дозволяли, — отвѣчала Манефа.

— Стало-быть только мѣсто купить да плотникамъ за работу?

— Только,—подтвердила Манеѳа.

— Что̀ за мѣста̀-то просятъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да за всѣ-то за пять мѣстовъ больше тысячи цѣлковыхъ.

— Счетомъ сказывай.

— Да тысячу двѣсти,—сказала Манеѳа.

— Получай,—вотъ тебѣ тысяча двѣсти, — сказалъ Патапъ Максимычъ, подвигая къ сестрѣ деньги. — За Настю только хорошенько молитесь... Это вамъ отъ нея, голубушки... Молитесь же!... — Да скорѣй покупай; мѣста̀-те, знаю ихъ, хорошія мѣста, земли довольно. А строиться зачнешь—молви.—Плотникамъ я же, ради Настасьи, заплачу... Только старый уговоръ не забудь: ни единому человѣку не смѣй говорить, что деньги отъ меня получаешь.

— Помню, родной, помню... — молвила Манеѳа, пряча деньги въ карманъ.

— Ну, теперь дѣлу шаба́шъ, ступай укладывайся, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Да смотри у меня за Прасковьей-то въ оба, больно-то ба́ловаться ей не давай. Дѣвка тихоня, спать бы ей только, да

на то полагаться нельзя—дѣвичій разумъ, что храмина непокровенна, со всякой стороны вѣтру мѣсто найдется... Дѣвка молодая, кровь-то играетъ—отъ грѣха, значитъ, на вершокъ, потому за ней и гляди... Въ лѣсахъ на богомольѣ пущай побываетъ, пущай и въ Китижъ съѣздитъ, только чтобъ опричъ старицъ никого съ ней не было, изъ молодцовъ то-есть.

— Василій Борисычъ со старицами въ лѣса да на Китижъ располагалъ съѣздить,—молвила Манеѳа.

— Этотъ ничего...—сказалъ Патапъ Максимычъ.—Василій Борисычъ человѣкъ иной стати.—Его опасаться нечего. Чтобы московскихъ скосырей да казанскихъ хахалей тутъ не было—вотъ про что говорю. Они къ тебѣ больно часто наѣзжаютъ...

— Благодѣтели...—молвила Манеѳа.

— То-то благодѣтели!... Чтобы духу ихъ не было, пока Прасковья у тебя гоститъ,—строго сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Будь спокоенъ, Патапушка, будь спокоенъ, ухраню, уберегу,—увѣряла его Манеѳа.—Да вотъ еще что̀ хотѣла я у тебя спросить.... Не прими только за обиду слово мое, а по моему разсужденью грѣхъ бы тебѣ отъ Господней-то церкви людей отбивать.

— Это кого?—спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да хоть бы того же Василья Борисыча. Служитъ онъ всему нашему обществу со многимъ усердіемъ; гдѣ какое дѣло случится, все онъ да онъ, все его да его, куда надо, посылаютъ. Сама матушка Пульхерія пишетъ, что нѣтъ у нихъ другого человѣка ни изъ старыхъ, ни изъ молодыхъ... А ты его сманиваешь... Грѣхъ чинить обиду Христовой церкви, Патапушка!... Знаешь ли, къ кому церковный-отъ насильникъ причитается?...

— Къ кому?—слегка улыбнувшись, спросилъ Патапъ Максимычъ.

— А вотъ къ кому—слушай, — молвила Манеѳа и медленно, немного нараспѣвъ прочитала: «Аще кто хитростію преобидѣти восхощетъ церкви Божіи: аще грады или села, или лугове, или озера, или торжища, или одрины, или люди купленные въ домы церковные, или виноградъ, или садове, и вся какова суть отъ церковныхъ притяжаній...»

Манеѳа пріостановилась.

— Что̀ стала? Дочитывай, — молвилъ Патапъ Максимычъ. Не впервой доходилось ему слушать читаемыя сестрой статьи изъ Устава или Стоглава.

— «Первѣе: еже Святыя Троицы милости, егда предстанемъ страшнему судищу, да не узритъ,—продолжала Манеѳа, смотря въ упоръ на Патапа Максимыча, — второе же: да отпадетъ таковой христіянскія части, яко же Іуда отъ дванадесятаго числа апостолъ; къ сему же и клятву да пріиметъ святыхъ и богоносныхъ отецъ».

— Значитъ по-твоему Василій-отъ Борисычъ—купленный рабъ?—съ усмѣшкой молвилъ Патапъ Максимычъ.—Кто жь его покупалъ?

— У тебя, Патапушка, все смѣхи да шутки. Безъ издѣвокъ ты ни на часъ... Ты ему дѣло, а онъ шутки да баламутки,—сказала Манеѳа.

— А ты, спасёна душа, не отлынивай, держи отвѣтъ на то, про что̀ спрашиваютъ. Это вѣдь ты изъ Стоглава мнѣ вы́читала, знаемъ и мы тоже маленько книжно-то писанье .. Тамъ про купленныхъ людей говорится... Сказывай же по ряду: кто купилъ Василья Борисыча, у кого, и какая цѣна за него была дадена?— продолжалъ шутить Патапъ Максимычъ.

— Въ Стоглавѣ не про однихъ купленныхъ въ церковны домы людей говорится... Тамо сказано: «и вся, какова суть отъ церковныхъ притяжаній»,—сдержано, но съ досадой молвила Манеѳа.

— Притяжаніе-то что́ означаетъ?—спросилъ Патапъ Максимычъ. — То же что́ стяжаніе, имущество значитъ... Такъ развѣ онъ не человѣкъ, по-твоему, а имущество, вотъ какъ этотъ столъ, аль эта рубаха, аль кони да коровы, не то деньги... Крещеный человѣкъ можетъ развѣ притяжаніемъ быть?... Не дѣло толкуешь, спа́сенница.

— Съ тобой, батька, не сговоришь. У тебя ужь нравъ такой,—молвила Манефа. — А что, отбивая Василья Борисыча отъ церкви, чинишь ей обиду — въ томъ сумленья не имѣй. Дашь отвѣтъ предъ Господомъ!... Увидишь!..

— Ладно, хорошо. Это ужь мое дѣло, — сказалъ Патапъ Максимычъ.—Авось отмолимся, васъ же найму грѣхи-то замаливать.

— Суесловъ!—недовольнымъ голосомъ сказала Манеѳа, вставая со стула. — Я ужь пойду, надо собираться, ѣхать пора. Благодаримъ покорно,—примолвила она, низко поклонясь брату, и съ этимъ словомъ тихо вышла изъ боковуши.

Оставшись одинъ, долго взадъ и впередъ ходилъ Патапъ Максимычъ. «Ишь какое слово молвила, думалъ онъ... Церковное притяжаніе?... Чего только эти келейницы не вздумаютъ!.. Человѣка къ скоту, аль къ вещи какой бездушной примѣнила!.. А губа не дура—понимаетъ, каковъ онъ есть человѣкъ... Дорожитъ... Жаль отпустить... На Москвѣ-то какъ взбѣсятся!... То-то начитаютъ мнѣ!... И въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, къ церковнымъ татямъ причтутъ!.. Да ну ихъ совсѣмъ!... Не дѣтей крестить... Что мнѣ Москва?... Плевать!... А съ Васильемъ такихъ дѣловъ надѣлаемъ, что всѣмъ за удивленье станетъ!... На Горахъ новы промысла́ разведемъ, Божьему народу хлѣбъ-соль дадимъ!... До́ вѣку не забудутъ Патапа Чапурина!... Какіе же бы промысла́-то завести?...

Приглядѣться надо, говоритъ, что будетъ сподручнѣе... Ну да это его дѣло... Выдумывай!.. А уменъ, песъ на него лай!... Вотъ сынокъ-отъ будетъ, такъ ужъ сынокъ!.... Не Алешкѣ чета.... А что-то онъ сердечный?...»

Жаръ свалилъ. По вечерней прохладѣ двинулись келейные гости изъ Осиповки. Въ восьми повозкахъ ѣхали. Въ каждой по двѣ, въ иной и по три келейницы сидѣло: всѣхъ впереди мать Манеѳа съ Васильемъ Борисычемъ, за ними Параша съ Фленушкой, потомъ Марьюшка головщица съ уставщицей Аркадіей, потомъ другія матери и бѣлицы, сзади всѣхъ мать Лариса съ Устиньей. Не разговорчива была съ дѣвицами и къ тому же сонлива мать Лариса, а Устинья молчала со злости и досады на то, что ѣдетъ въ скитъ Прасковья Патаповна, что поѣдетъ она на богомолье съ Васильемъ Борисычемъ, и что мать Манеѳа, пожалуй, съ ними ее не отпуститъ.

За то въ двухъ переднихъ повозкахъ разговоры велись несмолкаемые. Фленушка всю дорогу тараторила, и все больше про Василья Борисыча. Любила поспать Прасковья Патаповна, но теперь всю дорогу глазъ не свела—любы показались ей Фленушкины разговоры. И много житейскаго тутъ узнала она, много такого, чего прежде и во снѣ ей не грезилось.

Мать Манеѳа всю дорогу съ Васильемъ Борисычемъ пробесѣдовала. Говорили больше про намѣренье Патапа Максимыча взять его къ себѣ въ приказчики.

— Что̀ жь, Василій Борисычъ? Неужто и въ самомъ дѣлѣ покинешь ты дѣло Божіе?—спрашивала его Манеѳа.

— И самъ еще не знаю, матушка,—отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Силомъ вырвалъ онъ изъ меня

слово... Допрежь того никогда и въ умъ мнѣ не прихаживало, чтобъ торговымъ дѣломъ займоваться. . Такъ присталъ, такъ присталъ, что самъ не знаю, какъ согласье далъ... Ровно въ туманѣ въ ту пору я былъ.

— Онъ хоть кого отуманитъ. Его на то взять,— молвила Манеѳа.—Любого заговоритъ, и не хочешь, согласье дашь. Такой ужь человѣкъ, Господь съ нимъ... Какія жь твои мысли на счетъ этого, Василій Борисычъ?—поправляясь на пуховикѣ, сказала Манеѳа.

— Не могу еще теперь ничего сказать,—отвѣтилъ Василій Борисычъ.—Шесть недѣль—время... Успѣю обдумать.

— Конечно, шести недѣль достаточно, — сказала Манеѳа.—А по теперешнимъ-то твоимъ мыслямъ, куда больше склоняешься?

— Не знаю, какъ вамъ доложить, матушка, — уклончиво отозвался Василій Борисычъ. — И Патапа-то Максимыча оскорбить не желательно, потому что человѣкъ онъ добрый, хоть и востеръ на языкъ бываетъ, да и московскихъ не хочется въ досаду ввести— Петра Спиридоныча, Гусевыхъ, Мартыновыхъ... А ужь отъ матушки Пульхеріи что́ достанется, такъ и вздумать нельзя! ..

— Ты людей поминаешь, о Богѣ-то хоть маленько подумай,—сказала Манеѳа.—Передъ Богомъ-то право ли поступишь, ежели церковны дѣла покинешь?... Вотъ о чемъ вспомяни: о душевномъ своемъ спасеніи, а Гусевы да Мартыновы что́?.. Сила не въ нихъ.

— Очень ужь вы меня возвышаете, матушка, паче мѣры о моихъ кой-какихъ церковныхъ послугахъ заключаете,—послѣ недолгаго молчанія отвѣтилъ Василій Борисычъ.—На̀ эти дѣла много людей смышленѣй да поумнѣй меня найдется.

— Этого не говори. Намъ виднѣе, — сказала Ма-

неѳа.—За смиренныя рѣчи хвалю, а все-таки помяну, что уничиженіе бываетъ паче гордости.

— Охъ, искушеніе! — вскликнулъ Василій Борисычъ.

— Вотъ хоть теперешнюю твою порученность взять. Напередъ говорить не стану — принимать новаго владыку, аль не принимать—въ Петровъ день на собраньи соборный отвѣтъ дадимъ тебѣ... А теперь вотъ о чемъ хочу я спросить у тебя, Василій Борисычъ, назови ты мнѣ хоть единаго человѣка, который бы лучше тебя могъ это дѣло устроить? Кто лучше тебя можетъ церковный миръ водворить, смятенія, несогласія утишить, всякаго на истинный путь направить? Наперечетъ знаю всѣхъ рогожскихъ уставщиковъ и другихъ книжныхъ людей тоже знаю. По именамъ называть не стану, осуждать не годится, а прямо тебѣ скажу, что врядъ ли можно кому такое дѣло препоручить. Иной книженъ и начитанъ, да слабостью одержимъ—испиваетъ Другой разуменъ и дѣло церковное, пожалуй, не хуже твоего сумѣетъ обдѣлать, да утроба несытая, за хорошія деньги не токмо церковь, самого Христа продастъ... У иного вѣтеръ въ головѣ,— ради женской красоты и себя, и дѣло забудетъ... А иной нравомъ не годится: либо высокоуменъ и спѣсивъ не въ мѣру, либо крутъ и на языкъ невоздерженъ... Правду, аль нѣтъ говорю, Василій Борисычъ.

— Охъ, искушеніе!—молвилъ онъ.—Не смущайте вы меня, матушка... Неужто и въ самомъ дѣлѣ свѣтъ клиномъ сошелся, неужто во всѣхъ нашихъ обществахъ только и есть одинъ я пригодный человѣкъ? Найдется, матушка, много лучше меня.

— Да гдѣ они, гдѣ? — съ жаромъ возразила Манеѳа.—Укажи, назови хоть одного. Нынче, другъ мой Василій Борисычъ, ревностныхъ-то по Бозѣ людей мало—шатость по народу пошла... Не Богу, Ма-

монѣ всякъ больше служитъ, не о душѣ, о карманѣ больше радѣютъ... Воистину, какъ древле Израиль въ Синайской пустыни—«сотвориша тельца изъ злата литаго и рекоша: сей есть богъ».

Не отвѣчалъ Василій Борисычъ на Манеѳины рѣчи. А она, помолчавъ, продолжала:

— И что̀ ты станешь дѣлать у Патапа? Про́мыслы на Горахъ, говоритъ онъ, хочу разводить... А какіе промысла̀, самъ не знаетъ. Нравомъ-то онъ у насъ больно упрямъ, заберетъ что̀ въ голову, дубиной не вышибешь. И что ему больше перечить, то хуже. Вотъ такъ и теперь... Вздумалъ что-то несодѣянное, да не обсудивши дѣла, ну, людей смущать, отъ Божьяго дѣла ихъ отвлекать... Я, Василій Борисычъ, отъ міра хоша и отреклась, но близкихъ по плоти, грѣшница, не забываю. Потому о пользахъ брата радѣючи, всякаго успѣха ему желаю и завсегда о томъ Бога молю... А ежели онъ ради житейскихъ стяжаній вздумалъ теперь нужныхъ церкви людей къ себѣ переманивать, тутъ я ему не споспѣшница и не молитвенница... Потому и совѣтую тебѣ и Богомъ тебя прошу: не прельщайся ты его словами, не ломай совѣсти—пребудь вѣренъ дѣлу, тебѣ данному, не промѣняй церкви Божіей на Патапа... О душѣ подумай, Василій Борисычъ, о вѣчномъ спасеніи.

— Все это, матушка, я очень хорошо и самъ могу понимать,—сказалъ Василій Борисычъ. — Чего лучше того, какъ Господу служить? Но вѣдь я, матушка, высоко о себѣ не полагаю и никакъ не могу вмѣнить въ правду вашихъ обо мнѣ словъ, будто я церкви ужь такъ надобенъ, что безъ меня и обойтись нельзя... Это вы только по своей добротѣ говорите... А Патапа Максимыча оскорбить мнѣ тоже не желательно, хоть и онъ обо мнѣ тоже ужь больно высоко задумалъ, чего я и не сто́ю... А по душѣ признаться, откро-

венно вамъ доложить, матушка, и боязно мнѣ огорчать-то его...—Не оставитъ онъ втунѣ, если поперекъ его воли пойдешь, а я человѣкъ маленькій, къ тому же не смѣлый, меня обидѣть не то что Патапъ Максимычъ, всякій можетъ.

— Нечего тебѣ бояться,—возразила Манеѳа.—Сегодня здѣсь, завтра уѣхалъ.—Гдѣ онъ тебя возьметъ?

— Э, матушка!—молвилъ Василій Борисычъ. — У Патапа Максимыча рука долгà, на днѣ моря достанетъ.

— Да вѣдь ты не беззаступенъ! — сказала Манеѳг.—Гусевы, Мартыновы, Досужевы въ обиду не дадутъ.

— Не дадутъ! — горько улыбнувшись, молвилъ Василій Борисычъ.— Мало вы знаете ихъ, матушка, московскихъ-то нашихъ тузовъ!... Какъ мы съ Жигаревымъ изъ Бѣлой-то Криницы пріѣхали, чтó они тогда?... Какую застýпу оказали?... Ввѣкъ того не забуду...

— А чтó такое?—спросила Манеѳа.

— Да вотъ чтó, — началъ свой разсказъ Василій Борисычъ.—Въ самое то время, какъ мы ѣздили за границу, проживалъ въ Москвѣ Бѣлокриницкаго монастыря настоятель отецъ архимандритъ Геронтій. За сборомъ въ Россію былъ посланъ, деньги на построенье соборнаго храма, утварь всякую церковную, облаченья, иконы древнія собиралъ отъ христолюбцевъ для митрополіи... Провѣдали о немъ, и велѣно было взять его, какъ только изъ Москвы со всѣмъ своимъ сборомъ выѣдетъ... А мы ѣдемъ себѣ обратно, ничего не вѣдаемъ и совершенно спокойны... Въ Тулѣ узнали, что Геронтій подъ карауломъ, а по Москвѣ строгіе розыски идутъ на счетъ переписки съ митрополіей... Слышимъ, старообрядцы всѣ въ тревогѣ... Мы конечно испугались, думали не ѣхать въ Москву, а на-

передъ написать да спроситься, что́ дѣлать... Послали письмо, отвѣту не дождались, а на́ словахъ посланный отъ тѣхъ, что́ насъ посылали, сказалъ: «дѣлайте, что хотите,—мы васъ никуда ни посылали, знать васъ не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ». Вотъ оно каково, матушка!.. Подумали мы, подумали—что́ дѣлать, что предпринять?... И положились во всемъ на Божію волю: что будетъ то и будь—поѣхали. А подъѣзжая, въ сторону взяли на Кожухово и, не заѣхавши въ Москву, прямо на Рогожское. Сдали муро и другую святыню, что́ привезли, да въ городъ. Къ тому придемъ, къ другому, кто насъ посылалъ-то, а они сторонятся, ровно чуму мы съ собой завезли. «Нашли, говорятъ, время когда воротиться! До васъ ли теперь. Не смѣйте, говорятъ, и къ домамъ нашимъ близко подходить, мы васъ никогда не знали и никуда не посылали!» Такъ вотъ они каковы заступники-то!... Вотъ какова надежда на нихъ, матушка!...

Негодованье разлилось по лицу Манееы. Молчала она. Нечего было сказать на слова Василья Борисыча. Онъ продолжалъ:

— Когда мирно, да тихо, когда отъ правительства осла́ба — высоко тогда они мостятся, рукой не достать, глазомъ не вскинуть. «Мы-ста, да мы-ста!., Мы обчество!... Первостатейные!...» А чуть понахмурилось—совсѣмъ иные станутъ: подберутъ брызжи, подожмутъ хвосты и глядятъ, что волкъ на псарнѣ... И тогда у нихъ только о самихъ себѣ забота — ихъ бы только чѣмъ не тронули, о другомъ и заботы нѣтъ; все тони, все гори, — пальцемъ не двинутъ... Эхъ, матушка, мало вы ихъ знаете!... Петръ апостолъ трижды отъ Христа отрекся, а наши-то столпы, наши-то адаманты благочестія разъ по тридцати на дню отъ вѣры во время невзгодъ отрекаются... Да и не токмо во время невзгодъ, завсегда то же дѣлаютъ...

Знакомство съ господами имѣютъ, жизнь проводятъ по-ихнему. Спросятъ господа: «зачѣмъ де вы, люди разумные, въ старой своей вѣрѣ пребываете?» Отречься нельзя; всякъ знаетъ, чего держатся, что жь они дѣлаютъ?... Смѣются надъ древлимъ-то благочестіемъ, глупостью да бабьими враками его обзываютъ. «Мы де потому старой вѣры держимся, что это нашимъ торговымъ дѣламъ полезно»... А другой и то молвитъ: «давно бы де оставилъ я эти глупости, да нельзя, покамѣстъ старики живы — дяди тамъ какіе, али тетки.—Наслѣдства де могутъ лишить»... Вотъ какъ они поговариваютъ... А вѣдь это, матушка, сторицею хуже, чѣмъ Петровски Христа отречься страха ради іудейска..

— Неужто въ правду ты говоришь, Василій Борисычъ?—взволнованнымъ голосомъ спросила Манеѳа.

— Какъ передъ Богомъ, матушка,—отвѣтилъ онъ.— Что мнѣ? Изъ-за чего мнѣ клепать на нихъ?... Мнѣ бы хвалить да защищать ихъ надо; такъ и дѣлаю вездѣ, а съ вами, матушка, я по всей откровенности—душа моя передъ вами, какъ передъ Богомъ раскрыта. Потому вижу я въ васъ великую по вѣрѣ ревность и многія добродѣтели... Мало теперь, матушка, людей, съ кѣмъ бы и потужить-то было объ этомъ, съ кѣмъ и поскорбѣть о паденіи благочестія... Вы ужь простите меня Христа ради, что я разговорами своими, кажись, васъ припечалилъ.

— О Господи долготерпѣливый и многомилостивый!—вздохнула Манеѳа.

— Вы думаете, матушка, что, устрояя церковныя эти дѣла, вотъ хоть на счетъ архіерейства что ли, или на счетъ другаго чего, изъ ревности по вѣрѣ они такъ поступаютъ?—продолжалъ Василій Борисычъ.— Нисколько, матушка, о томъ они и не думаютъ... Большія деньги изводятъ, много на себя хлопотъ при-

нимаютъ изъ одного только славолюбія, изъ-за одной суетной и тщетной славы. Чтобы значитъ передъ людьми повыситься... Не вѣра имъ дорога, а хвала и почести. Изъ-за нихъ только и ревнуютъ... Ваше же слово молвлю: Мамонѣ служатъ, златому тельцу покланяются... Про нихъ и въ Писаніи сказано: «Богъ ихъ—чрево».

Скорбныя думы о паденіи благочестія въ тѣхъ людяхъ, которыхъ жившая въ лѣсахъ Манеѳа считала незыблемыми столпами старой вѣры и крѣпкими адамантами, до глубины всколебали ея душу... Не говорила она больше ничего Василью Борисычу на счетъ поступленья его въ приказчики къ Патапу Максимычу: ни отговаривала, ни уговаривала. Замолчала она, не заговаривалъ и Василій Борисычъ... Молча доѣхали въ самую пóлночь до Комарова.

«И чтò это, чтò это съ нами будетъ?» думала Манеѳа, выйдя изъ повозки и взглянувъ на чернѣвшую въ ночномъ сумракѣ часовню.—«Извнѣ бѣды, бури и напасти; внутри нестроеніе, раздоры и крайнее паденіе вѣры! .. О Господи!... Ты единая надежда въ печаляхъ и озлобленіяхъ... устрой вся во славу имени Своего, устрой, Господи, не человѣческимъ мудрованіемъ, но ими же вѣси путями».

Потомъ, прощаясь съ Васильемъ Борисычемъ, у входа въ свою келью, тихонько шепнула ему:

— Ты, Василій Борисычъ, никому не говори, про чтò мы съ тобой бесѣдовали... Зачѣмъ смущать?

— Вполнѣ понимаю, матушка,—отвѣчалъ онъ также вполголоса.—Какъ можно?... Слава Богу, не маленькій.

— То-то, смотри, поостерегись,—молвила Манеѳа и, пожелавъ гостю спокойнаго сна, низко ему поклонилась и отправилась въ келью...

Было ужь поздно, не пожелала игуменья говорить ни съ кѣмъ изъ встрѣтившихъ ее старицъ. Всѣхъ

отослала до утра. Хотѣла ей что-то сказать мать Виринея, но Манеѳа махнула рукой, примолвивъ: «послѣ, послѣ». И Виринея покорно пошла въ келарню.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

Когда Марья Гавриловна воротилась съ Настиныхъ похоронъ, Таня узнать не могла «своей сударыни». Такая стала она мрачная, такая молчаливая.

Передрогло сердце у Тани. «Что̀ за печаль, она думаетъ, откуда горе взялось?.. Не по Настѣ же сокрушаться да тоской убиваться... Иное что̀ запало ей на̀ душу».

Двѣ недѣли прошло... Грустная, ко всему безучастная Марья Гавриловна вдругъ оживилась, захлопотала, и что̀ ни день, то дѣлалась суетливѣе. За то дѣло хватится, за другое примется,—ни того, ни другого не додѣлаетъ. То битый часъ сидитъ у окна, и молча глядитъ на дорогу, то изъ угла въ уголъ метаться зачнетъ, либо безо всякой видимой причины порывистыми рыданьями зарыдаетъ. Путнаго слова не можетъ Таня добиться—по́пусту гоняетъ ее Марья Гавриловна туда и сюда, приказываетъ съ нетерпѣньемъ, отсылаетъ съ досадой... Спроситъ о чемъ ее Таня—промолчитъ, ровно не слыхала, либо дастъ отвѣтъ не впопадъ. По ночамъ вздыхаетъ, тоскуетъ; станетъ поутру Таня постель оправлять, думка [1]) хоть выжми—мокрехонька вся. И каждый день хуже да хуже—таетъ Марья Гавриловна, ровно свѣча на огнѣ.

«Лихіе люди изуро̀чили» [2]), думаетъ Таня, не зная чѣмъ инымъ растолковать необычные поступки и стран-

1) Думка — маленькая подушка, подкладываемая по̀дъ щеку.

2) Изуро́чить — колдовствомъ навести на человѣка болѣзнь, испортить.

ныя рѣчи Марьи Гавриловны. «Либо пpитку[1]) пó вѣтру на нее пустили, либо слѣдъ ея изъ земли вынули». Какъ тому горю пособить, кому сурóчить[2]) съ «сударыни» злую бóлѣсть, лиходѣями нáпущённую?

Слыхала Таня, что по сосѣдству съ Каменнымъ Вражкомъ въ деревнѣ Елфимовѣ живетъ знахарка— тетка Егориха, и что пользуетъ она отъ урòчныхъ[3]) скорбей, отъ призора очесъ[4]) и отъ всякихъ иныхъ злою ворожбой напускаемыхъ на людей недуговъ. Заговоръ ли отчинить, порчу ли снять, кумоху[5]) ль отогнать, при рѣзахъ, порубахъ кровь остановить, другое ль знахарство какое понадобится—всѣ деревенскіе теткѣ Егорихѣ кучатся и завсегда отъ нея пользу видятъ... Но въ честныхъ обителяхъ скита Комаровскаго знахарку не жаловали. Матери келейницы распускали про Егориху славу нехорошую—она де съ нечистой силой знается, рѣшилась де креста и молитвы, и душу свою самому Сатанѣ предала. Отъ кòбей и волхвованій Егорихи честныя старицы святыми молитвами скитъ ограждали, а бѣлицамъ строго-нáстрого наказывали не то что говорить съ нею, не глядѣть даже на кудесницу, угрожая за ослушаніе пóмстою[6]) отъ Господа... При каждомъ упоминаньи имени знахарки, крестясь и на лѣвую сторону отплевываясь, старицы одна рѣчистѣй другой чудныя дѣла про нее разсказывали... Говорили, что водится Его-

[1]) Притка—посредствомъ порчи напущенная болѣзнь съ обмороками, безпричинными рыданіями и истерическими припадками.

[2]) Сурóчить — знахарскими заговорами снять напущенную на человѣка болѣзнь.

[3]) Урокъ — порча.

[4]) Призоръ очесъ, сглазъ — порча, происходящая отъ взгляда недобрымъ глазомъ.

[5]) Кумоха — лихорадка.

[6]) Пóмста — наказаніе, мщеніе.

риха и съ лѣсною, и съ водяною, и съ полевою нéчистью, знается со всею силой преисподнею, чернымъ ворономъ летаетъ подъ óблаки, щукой-рыбою въ водахъ плаваетъ, сѣрой волчицей по полямъ рыскаетъ... Отъ нея, еретицы, улетаютъ птицы въ высь поднебесную, отъ нея уходитъ рыба въ я́ры-омуты, отъ нея звѣри бѣгутъ въ трущобы непроходныя... Разъ, сидя въ келарнѣ на посидкахъ у матери Виринеи, уставщица Аркадія при Танѣ разсказывала, что сама она своими глазами видѣла, какъ къ Егорихѣ летунъ [1]) прилеталъ... «Осенью было дѣло, говорила она, только-что кочета́ пóлночь опѣли [2]), засидѣвшись у Глафириныхъ, шла я до своей обители и въ небѣ летуна запримѣтила... Красёнъ, что каленый уголь, не меньше добраго гуся величиной, тихо колыхаясь, плылъ онъ по воздусямъ и надъ самой трубой Егорихиной кельи разсы́пался кровяными мелкими искрами...» Кривая мать Измарагда, изъ обители Глафириныхъ, однажды зашедшая со своими бѣлицами къ Манеѳинымъ на бесѣду, съ клятвой увѣряла, что разъ подстерегла Егориху, какъ она въ горшкѣ ненастье стряпала.. «Си́дя на берегу рѣчки у самаго мельничнаго омута, разсказывала Измарагда, колдунья въ воду пустые горшки грузи́ла; оттого сряду пять недѣль дожди лили неуёмные, сиверки дули холодные и въ тотъ годъ весь хлѣбъ пропалъ—не воротили на сѣмена...» А еще однажды при Танѣ же приходила въ келарню изъ обители Разсохиныхъ вѣчно растрепанная, вѣчно дрожащая, съ камилавкой на боку мать Меропея... Та клялась всѣми угодниками, что видѣла, какъ раннимъ

[1]) Летучій, воздушный духъ, огненный змѣй.

[2]) Кочетъ — пѣтухъ. Первые кочета «полночь опѣваютъ», вторые (передъ зарей) «чертей разгоняютъ», третьи (на зарѣ) «солнышко на небо зовутъ».

утромъ въ день Благовѣщенья черти Егориху, ровно шубу въ Петровки, провѣтривали: подняли вѣдьму на воздуси и долгое время держали внизъ головою, срамъ даже смотрѣть было. Хоть мать Меропея паче мѣры любила слезу іерусалимскую [1]), однако и черницы и бѣлицы повѣрили ея росказнямъ... И мало ль чего не судачили по скитамъ про Елфимовскую знахарку... И молоко-то она изъ чужихъ коровъ выдаиваетъ, и спорынью-то изъ хлѣба выкатываетъ, и грозы-то и бури нагоняетъ, и градъ-отъ и мо́лость [2]) напускаетъ, и на людей-то порчу посылаетъ... «Правда, иной разъ и снимаетъ она бо́лѣсти, прибавляли матери, но тутъ же на иныхъ людей переводитъ... А на кого озлобится, оборотитъ того въ звѣря, либо въ птицу какую... Егориха молода̀ овдовѣла и въ прежни годы съ паренькомъ любилась. Жилъ онъ у язвицкихъ ямщиковъ въ работникахъ, а самъ былъ дальній, съ Горъ, изъ-за Кудьмы. Подарила ему Егориха конька да кобылку, и сталъ паренекъ отъ себя хозяйствовать, на своихъ лошадкахъ ямскую гоньбу гонять. И гонялъ онъ на тѣхъ лошадушкахъ три года съ тремя мѣсяцами... Что̀ же вышло?—Ѣздилъ парень на родномъ батюшкѣ да на родной матушкѣ»... Озлобилась за что-то Егориха на родителей своего полюбовника, да въ лошадей ихъ на три года съ тремя мѣсяцами и оборотила... «Что сто́итъ такой вѣдьмѣ надъ человѣкомъ пагубу стрясти,—толковали келейницы,—коли мѣсяцъ съ неба красть умѣетъ, а солнышко круторогимъ мѣсяцомъ ставить».

Не то про Егориху по селамъ и деревнямъ говорили. Тамъ добрая слава ходила про нее, тамъ ее лю-

[1]) Въ скитахъ и вообще въ Керженскихъ и Чернораменскихъ лѣсахъ «іерусалимской слезой» въ шутку называютъ водку.

[2]) Мо́лостьемъ за Волгой зовутъ ненастье, слякоть, мокрую и вѣтряную погоду.

били и честили великимъ почетомъ. Ото всякихъ болѣзней она пользовала тра́вами и кореньями, снимала порчу загово́рами и все съ крестомъ да съ молитвою. Опять же за то любили ее, что была она некорыстная—за лѣчьбу ли, за другое ли что̀ подарятъ ее, возьметъ съ благодарностью, а сама ни за что̀ на свѣтѣ не попроситъ. Знали про нее и то, что много тайной милостыни раздаетъ она, много творитъ добра потаеннаго... Слушая, что̀ толкуютъ скитскія матери про добрую знахарку, не въ шутку по деревнямъ на нихъ сердитовали. «Поглядѣли бъ онѣ, пустобайки чернохвостыя,—говорили мужики деревенскіе,—поглядѣли бъ, какъ наши ребятишки любятъ Егориху, а въ младенцѣ душа ангельская, къ бѣсовской не́чисти развѣ можно ей льнуть?»

Родомъ будучи дальняя, живучи безысходно въ обители, не слыхала Таня, какія рѣчи въ миру ведутся про Егориху, а страшныхъ разсказовъ отъ обительскихъ старицъ вдоволь наслушалась. Келья Елфимовской знахарки представлялась ей бѣсовскимъ вертепомъ, исполненнымъ всякихъ страховъ и злыхъ чарованій, а сама знахарка горбатою, безобразною старухой съ кошачьими глазами, свиными клыками и совинымъ носомъ. То думалось Танѣ—сидитъ Егориха на змѣиной кожѣ, варитъ въ кипучемъ котлѣ разныхъ гадовъ, машетъ надъ ними чародѣйной ширинкой и кличетъ на помощь бѣсовъ преисподней... То представлялось ей, какъ Егориха, верхомъ на помелѣ, быстрѣй стрѣлы, несется по воздуху, какъ въ глухую по́лночь копаетъ на кладбищѣ могилы, а оттуда въ лѣсь бѣжитъ и тамъ ровно куръ да гусей—змѣй подколодныхъ на кормежку скликаетъ... Какихъ страховъ про знахарку на обительскихъ бесѣдахъ Таня не наслушалась!... Какихъ чудесъ не насказали ей болтливыя келейницы!...

Думаетъ Таня: «Кромѣ тетки Егорихи такихъ лю-

дей, кто бъ умѣлъ пріитку суро́чить, по близости нѣтъ... Какъ же быть?... Молвить Марьѣ Гавриловнѣ, позвала бы къ себѣ знахарку?... Не захочетъ съ вѣдьмой хороводиться [1]). Да и то взять—приведешь ее сюда, послѣ пожалуй съ не́чистью не развяжешься... Ну, какъ приманишь къ себѣ бѣсовскую силу?... Ну, какъ летунъ прилетитъ да разсыплется по нашимъ горницамъ огненными искрами?... Ну, какъ по ночамъ вкругъ домика демоны зачнутъ на сходку сбираться да треклятыя свои мечтанія [2]) заведутъ: го́лки и клики, безстудныя скаканія, неистовые свисты, и топоты но́жные, и вой, и гудѣніе, и мерзкое въ долони плесканіе?... Оборони Господи и помилуй отъ такой напасти!... Читаютъ же канонницы за тра́пезой, что самимъ угодникамъ Божіимъ такія напасти отъ не́чисти бывали, какъ же намъ-то грѣшнымъ отъ нея устоять?... Опять же теткѣ Егорихѣ въ обитель и ходу нѣтъ: увидятъ матери, кочергами да ухватами изъ скита ее вытурятъ... Развѣ самой тихими стопами, по тайности, сходить въ Елфимово да попросить тетку Егориху порчу заглазно снять, да страшно и подумать къ ней въ келью войти... И подступить близко къ вѣдьмину жилью страшно—неравно наступишь на какую-нибудь нашептанную щепку, либо перешагнешь черезъ заговоренную ямку, не то сухой листочекъ либо соломенку вѣтромъ свѣетъ съ колдуньиной кровли—какъ разъ злая пріитка накатитъ на тебя.

Отъ одной мысли идти къ Егорихѣ Танѣ всю спину мурашками осыпа́ло.

А Марьѣ Гавриловнѣ съ каждымъ днемъ хуже да хуже. Отъ ѣды, отъ питья ее отвадило, отъ сна от-

[1]) Хороводиться — знаться, водиться съ кѣмъ.

[2]) Мечтаніе, мечта — въ народномъ языкѣ употребляется лишь въ смыслѣ привидѣнія, призрака, обмана чувствъ сверхъестественною силою.

било, а думка каждую ночь мокрехонька... Беззавѣтная, горячая любовь къ своей «сударынѣ» не даетъ Танѣ покою ни днемъ, ни ночью. «Перемогу страхи ужасы,—подумала она,—на себя грѣхъ сойму, на свою голову своротчу силу демонскую, а не дамъ хилѣть да болѣть моей милой сударынѣ. Пойду въ Елфимово— что̀ будетъ, то и будь».

Разъ до вторыхъ кочето́въ не спала Марья Гавриловна, ночь ноченскую провздыхала да проплакала... До зари не смыкала глазъ Таня, сидя на корточкахъ у̀ двери спальной горницы и прислушиваясь ко вздохамъ и рыданьямъ дорого́й своей «сударыни». Растопилось сердце преданной дѣвушки жалостью и только-что забылась дремотой Марья Гавриловна, поспѣшно надѣла она на босу ногу вы̀ступки [1]), вздѣла на плечи стеганый капотецъ, повязала голову шерстяной косыночкой и, не переводя духа, бѣгомъ побѣжала въ Елфимово.

Манеѳина обитель на краю Комарова стоитъ, до Елфимова отъ нея версты не будетъ. Скорехонько долетѣла рѣзвоногая Таня, благо обитель спала еще и никто ее не примѣтилъ. Все обошлось ладно, да вотъ какая бѣда приключилась: Елфимово деревушка хоть и маленькая, двѣнадцати дворовъ въ ней не наберется, да не вѣстно было Танѣ доподлинно, въ коемъ дворѣ искать знахарку, подъ коимъ окномъ стукнуться къ теткѣ Егорихѣ... А на улицѣ ни души — рань глубокая, еще не́ звали кочета̀ на̀ небо солнышка, не чирикали воробьи подзастрѣшные [2]), не мычали подъ навѣсами коровушки, а псы сторожко́вые, за̀ ночь до́-

[1]) Вы̀ступки — родъ женскихъ башмаковъ съ высокими передами и круглыми носками.

[2]) Застрѣха — жолобъ подъ скатомъ крыши, въ который упираются нижніе концы теса или драни. На застрѣхахъ по деревнямъ обыкновенно воробьи живутъ, отчего и называются подзастрѣшными.

сыта налаявшись, свернулись въ клубки и спали на зарѣ подъ крыльцами... Кого спросить, кому покучиться?.. «Экая я глупая, экая неразумная»,—бранитъ себя Таня, въ раздумьи стóя на Елфимовской улицѣ,— «не спознала напередъ въ коемъ домѣ искать ее!.»

Тутъ завидѣла Таня, что идетъ къ ней на встрѣчу съ другаго конца деревни высокая, статная женщина, далекò еще не старая, въ темно-синемъ крашенинномъ сарафанѣ съ оловянными пуговками, въ ситцевыхъ рукавахъ, съ пестрымъ бумажнымъ платомъ на головѣ и съ лычнымъ пестеромъ [1]) за плечами. Бодрымъ ходомъ подвигается она къ Танѣ. Поровнявшись, окинула дѣвушку пытливымъ, но добрымъ и ласковымъ взоромъ и съ привѣтной улыбкой ей молвила:

— Путь тебѣ чистый, красавица!

Таня поклонилась, но ни слова не отвѣтила на привѣтъ незнаемой женщины.

— Отколь будешь, дѣвица?—спросила ее та женщина.

— Изъ Комарова, тетушка,—робко отвѣтила Таня, довѣрчиво глядя въ добрые голубые глаза привѣтливой незнакомки.

— Что̀ раненько таково?.. Куда идешь-пробираешься?.. Дѣло пытаешь, аль отъ дѣла лытаешь?—спросила она.

— По своему дѣлу,—отвѣтила Таня.

— Дѣвица, вижу, ты хорошая,—молвила та женщина, глядя съ любовью на Таню.—Не тебѣ бъ по зарямъ ходить, молоды ребята здѣсь безсовѣстные, старые люди обидливые—какъ разъ того наплетутъ на дѣвичью голову, что послѣ не открестишься, не отмолишься

[1]) Пéстеръ иначе пещуръ—заплечная котомка изъ лыка, иногда прутьевъ.

— Знахарка у васъ на деревнѣ живетъ,—стыдливо краснѣя, молвила Таня.—Я было къ ней...

— Къ теткѣ Егорихѣ? — улыбнулась встрѣчная женщина.

— Да...—молвила Таня, опуская очи наземь.

— Какое жь дѣло твое, дѣвонька?.. Вѣдь я сама и есть знахарка Егориха.

Слова не можетъ вымолвить Таня... Такъ вотъ она!.. Какая жь она добрая, привѣтная да пригожая!.. Довѣрчиво смотритъ Таня въ ея правдой и любовью горѣвшія очи и любо ей слышать мягкій, нѣжный, задушевный голосъ знахарки... Ровно обаяньемъ какимъ съ первыхъ же словъ Егорихи возникло въ душѣ Тани безотчетное къ ней довѣріе, безпричинная любовь и ничѣмъ необоримое влеченье.

— Какое жь у тебя до меня дѣло, красавица?— спросила тетка Егориха.

— Не мое дѣло,—отвѣтила Таня, — а моей «сударыни». Благодѣтельница моя, мать родная, можетъ слыхала ты про купчиху Масляникову, про Марью Гавриловну, что̀ живетъ въ Манеѳиной обители?..

— Слыхала, дѣвонька, слыхала,—молвила знахарка. — Много добраго про нее слыхала я. — Кроткая, сказываютъ, сердобольная, много горя на долю ея выпало, а сердце у ней не загрубѣло... И честно хранитъ вдовью участь... Все знаю, лебедушка... Николи не видывала въ глаза твоей Марьи Гавриловны, а знаю, что вдовица она добрая, хорошая.

— Ангелъ Божій—вотъ она какова, тетушка,—съ глубокимъ чувствомъ любви порывисто молвила Таня.

— И ты, по всему вижу, дѣвушка добрая, хорошая,—сказала знахарка.—Хорошихъ людей только хорошіе любятъ.

— Больнехонька она, тетушка, напущено на нее...— начала было Таня

— Погоди, погоди маленько, красавица, — все пó ряду раскажешь,—сказала Егориха, взглянувъ на разгоравшуюся въ небѣ зарю. — Видишь, солнышко близится, скоро народъ подыматься учнетъ — не хорошо, какъ тебя на деревнѣ увидятъ, парни у насъ бѣдовые... Не ровенъ случай — со стороны кто увидитъ тебя—нехорошая слава пойдетъ... Дойдутъ напрасныя рѣчи до Марьи Гавриловны, она оскорбится на тебя... Пойдемъ-ка мы съ тобой на всполье, да тáмъ походя́, спустимся въ Каменный Вражекъ... Сегодня на Тиховъ день [1]) тиха, добра мать-сыра-земля... И солнышко сегодня тихо течетъ пò небу... И пѣвчія пташки съ нынѣшняго дня затихаютъ... Свѣтъ тихій святыя славы Господней сегодня сіяетъ!.. Отъ него всѣ травы полнымъ сокомъ наливаются и вплоть до Иванова дня въ цѣлебномъ соку стоятъ... Нельзя упустить сегодняшней росы утренней.—На Тиховой росѣ—надо травы рвать, корни копать, цвѣты собирать... Пойдемъ... Ходючи со мной, поразскажешь про болѣзнь Марьи Гавриловны.

Сердце замерло у Тани, страсть напала на нее... «Зелья сбирать, коренья копать!.. Колдуньѣ помогать!» шевельнулось у ней на умѣ, но Егориха ровно прочла, чтò у нея по мыслямъ прошло.

— Именемъ Христовымъ, да именемъ Пресвятой Богородицы тѣ травы собираются... — сказала она.— Сорви травку безъ имени Божьяго—не будетъ отъ нея пользы человѣкамъ... Ты не вѣрь тому, красавица, чтò келейницы про Господне созданье разсказываютъ... По ихнему—и табакъ трава не Богомъ сотворенная, а діаволомъ, и дорогой травой [2]) лѣчиться не слѣдуетъ, потому де, что когда Господь по землѣ ходилъ, всѣ

[1]) Іюня 16-го Св. Тихона.
[2]) Smillax sarsaparilla.

тра́вы передъ Нимъ преклонилися, не поклонилась одна дорогая трава... И гулёна [1]) по ихнему содомское яблоко, и чай отъ Бога отчаеваетъ, и кофій строитъ ковъ на Христа.. Много пустаго плетутъ ваши старицы...

Таня молчала, съ удивленьемъ слушая рѣчи знахарки.

— Надъ старыми книгами вѣкъ свой корпятъ,— продолжала та,—а не знаютъ, ни что̀ творятъ, ни что̀ говорятъ... Вѣрь мнѣ, красавица, нѣтъ на сырой землѣ ни единой былиночки, котора бы на пользу человѣкамъ не была создана.—Во всякой травкѣ, во всякомъ цвѣточкѣ великая милость Господня положена... Исполнена земля дивности Его, а любови къ человѣкамъ у Него Свѣта мѣры нѣтъ... Мы ль не грѣшимъ, мы ли злобой да кривдой не живемъ?.. А Онъ милосердный все терпитъ, все любовью Своей покрываетъ...

Отлегло у Тани отъ сердца. Съ простодушной довѣрчивостью спросила она:

— Такъ взаправду ты, тетенька, съ крестомъ да съ молитвой свое дѣло творишь?

— А то какъ же? — отвѣтила знахарка. — Безъ креста, безъ молитвы ступить нельзя!.. Когда травы сбираешь, корни копаешь — отъ Господа дары принимаешь... Онъ Самъ тутъ невидимо передъ тобой стоитъ и ангеламъ велитъ помогать тебѣ... Вели́ка тайна въ томъ дѣлѣ, красавица!.. Тутъ не суетное и ложное, доброе, полезное творится — Богу во славу, Божьему народу во здравіе, отъ лютыхъ скорбей во спасеніе.

— А какъ же я боялась тебя, тетушка!..—промолвила Таня.

— Еще бъ не бояться!.. Въ скиту живешь,—улыбнулась Егориха.—Поди, тамъ про меня и не знай чего

[1]) Картофель.

въ уши тебѣ не напѣли. Съ бѣсами де водится, съ демонами.. Такъ что ли?

— Что говорить, тетенька!.. Всякаго было насказано,—отвѣтила Таня, оправляя на головѣ косынку.

— Богъ съ ними! — незлобно и тихо промолвила знахарка.—А ты вотъ что знай, вотъ что вѣдай, красавица: есть тайны добрыя, есть тайны темныя. Добрыя отъ Бога, темныя отъ врага идутъ. Тайную Божію силу ничто отмѣнить не можетъ, а темную силу вражію Господней силой побороть можно... Есть знахари, что темной силой орудуютъ, и то человѣку на вредъ и погибель... А кого умудритъ Господь Свою тайную силу познать иль хоть самую малицу силы той,—тому человѣку легко отдѣлать [1]) вредъ, лихимъ знахарствомъ напущенный... Темная сила отъ имени Божія трепещетъ, отъ силы его, какъ дымъ, исчезаетъ... И кого умудритъ Господь уразумѣть тайную силу Его, тотъ видитъ ее и въ зоряхъ алыхъ, и въ радугѣ семицвѣтной, и въ красномъ солнышкѣ, и въ ясномъ мѣсяцѣ, и въ каждомъ деревцѣ, въ каждой травкѣ, въ каждомъ камешкѣ... Вездѣ, во всемъ разлита тайная Божія сила...

— И тебя умудрилъ Господь?—умильно спросила Таня, съ любовью глядя въ свѣтлыя очи знахарки.

— Умудрилъ, красавица, хоть на малость самую, а умудрилъ,—съ благоговѣньемъ отвѣтила Егориха.— И за тотъ великій даръ денно и нощно благодарю я Создателя... Все-таки иной разъ доведется хворому, недужному пользу принесть, все-таки иной за тебя Богу помолится... Однако прибавимъ шагу, туманы вздымаются, роса умываетъ лицо матери-сырой-земли... Гляди, какія полотенца по небу несутся. Утираться ими матери-сырой-землѣ . . Видишь?—прибавила она,

[1]) Отдѣлать — снять порчу.

указывая на утреннія перистыя облака, что̀ розовыми полосами съ золотистыми краями подернули небесную глубь.

— Разсказывай теперь про Марью Гавриловну... Что̀ такое приключилось съ ней? — молвила Егориха, когда подошли онѣ къ Каменному Вражку.

Таня разсказала, какъ умѣла. Внимательно слушала ее знахарка и, когда дѣвушка кончила, такъ заговорила:

— На самое бы надо взглянуть, да ходу мнѣ въ вашу обитель нѣтъ... Ну—не бѣда: дамъ я тебѣ корешковъ да травокъ, зашей ты ихъ въ какую ни на есть одежду Марьи Гавриловны, да чтобъ она про то не знала не вѣдала... Всего бы лучше въ рубаху да поближе къ вороту... А станешь тѣ травы вшивать, сорокъ разъ «Богородицу» читай.—Безъ того не будетъ пользы... Ну вотъ и пришли...

Вынула знахарка косарь изъ пе́стера и, обратясь на рдѣющій зарею востокъ, велѣла Танѣ стать рядомъ съ собою... Положила не взошедшему еще солнцу три поклона великіе да четыре поклона малые и стала одну за другою молитвы читать... Слушаетъ Таня—молитвы все знакомыя, церковныя: «Достойно», «Вѣрую», «Богородица», «Помилуй мя Боже». А прочитавъ тѣ молитвы, подняла знахарка глаза къ небу и вполголоса особымъ напѣвомъ стала иную молитву творить... Такой молитвы Таня не слыхивала...

То была «вѣщьба»—тайное, крѣпкое слово.

«Встану я раба Божія Наталья помолясь-благословясь, пойду во чисто поле подъ красное солнце, подъ свѣтелъ мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды, подъ полетныя о́блаки. Стану я, ра́бица Божія, во чистомъ полѣ на ровномъ мѣстѣ, что̀ на томъ ли на престолѣ на Господнемъ... облаками облачусь, небесами покроюсь, на главу положу вѣнецъ-солнце красное, подпояшусь свѣтлыми

зо́рями, обтычусь частыми звѣздами, что вострыми стрѣлами... Небо ты, небо!.. Ты, небо, видишь!.. Ты, небо, слышишь!.. Праведное солнце! благослови корни копати, цвѣты урвати, травы сбирати!.. А на что́ ихъ сбираю, было бъ на то пригодно!.. Во имя Отца и Сына и Святаго духа. Аминь»

Потомъ пала ницъ на̀ землю. Тутъ на иной ладъ, инымъ напѣвомъ завела она мольбу къ Матери-Сырой-Землѣ:

Охъ ты гой еси Сыра-Земля!
Мати намъ еси родная,
Всѣхъ еси ты породила,
Воспоила-воскормила,
И угодьемъ надѣлила...
Для людей — своихъ дѣтей
Зелій еси породила,
И злакъ всякій напоила,
Польгой [1]) бѣса отгоняти,
И въ болѣзняхъ помогати, —
Повели съ себя урвати
Зелій, снадобьевъ, угодьевъ
Ради польги на животъ.

И вставъ поклонилась трижды на востокъ... И со словами: «Господи благослови» стала косаремъ копать коре́нья и класть ихъ въ лычный пе́стеръ.

И принимаясь за рытье́ каждаго корня, «Господи благослови» говорила, а копая «Богородицу» читала.

Слушаетъ Таня, сама дивуется. «Что̀ за рѣчи такія, что̀ за молитвы чудныя»? думаетъ она про себя... «А нѣтъ въ тѣхъ молитвахъ никакой супротивности, ни единаго чернаго слова знахарка не промолвила. Божьимъ словомъ зачала, святымъ аминемъ закончила».

[1]) Вмѣсто «польза» въ Нижегородскомъ и Костромскомъ Заволжьѣ, говорятъ «польга».

То были вѣщія слова, съ которыми наши предки въ мольбахъ своихъ обращались къ Небу ходячему, къ Солнцу высокому, къ Матери-Сырой-Землѣ... Какъ ни старалась церковность истребить эти остатки языческой обрядности, затмить въ народной памяти все, что̀ касалось древней вѣры, — все-таки много обломковъ ея доселѣ хранится въ нашемъ простонародьѣ. Святочныя гаданья, коляда, хороводы, свадебныя пѣсни, плачи вопленницъ, заговоры, заклятья—все это остатки языческой обрядности, а слова при нихъ употребляемыя — обломки молитвъ, которыми когда-то молились наши предки своимъ старо-русскимъ богамъ. Но ни въ какихъ пѣсняхъ такъ полно̀ и такъ цѣльно не сохранились слова стародавнихъ молитвъ, какъ въ таинственныхъ заговорахъ и заклинаньяхъ. Составляя предметъ знанія немногихъ, цѣльнѣй и сохраннѣй переходили они изъ рода въ родъ... Русскій народъ, будучи въ дѣлахъ вѣры сильно приверженъ къ буквѣ и обряду, сохраняетъ твердое убѣжденье, что молитва ли церковная, заговоръ ли знахарской дѣйствуютъ лишь тогда, если въ нихъ не опущено и не измѣнено ни единаго слова и если все прочтено или пропѣто на извѣстный ладъ изстари установленнымъ напѣвомъ. Оттого въ заговорахъ и въ заклятьяхъ и дошли до насъ сохранно древнія молитвы предковъ, возсылавшіяся ими излюбленнымъ, роднымъ богамъ своимъ. Со временемъ въ иныхъ заговорахъ появились обращенія къ христіанскимъ святымъ и къ византійскимъ бѣсамъ, о которыхъ понятія не имѣли старорусскіе поклонники Грома Гремучаго и Матери-Сырой-Земли. Святыхъ включили въ заговоры, чтобъ не смущать совѣсти вѣрующихъ, а подъ незнакомыми язычникамъ бѣсами, народъ, по наставленіямъ церковныхъ пастырей, сталъ разумѣть древнихъ боговъ своихъ. Несмотря на такія искаженія слова заговоровъ доселѣ вѣютъ стариной от-

даленной... Въ нихъ уцѣлѣла обрядность, чтимая давними нашими предками...

— Гляди, красавица,—говорила Танѣ знахарка, копая одинъ корень руками.—Вотъ сильная трава... Ростомъ она съ локоть, растетъ кусточкомъ, цвѣтокъ у нея вишь какой багровый, а корень-отъ, гляди, крестъ-на-крестъ... Желѣзомъ этотъ корень копать не годится, руками надо брать... Это Петровъ крестъ [1]), охраняетъ онъ отъ нечистой силы... Возьми.

Таня взяла корешокъ. Знахарка продолжала сборъ травъ и рытье кореньевъ... Тихо и плавно нагибала она стройный станъ свой, наклоняясь къ землѣ... Сорветъ ли травку, возьметъ ли цвѣточекъ, выроетъ ли корень — тихо и величаво поднимаетъ его кверху и очами, горящими огнемъ восторга, ясно глядитъ на алую зарю, разливавшуюся по небосклону. Горятъ ея щеки, высоко подымается грудь и вся она дрожитъ въ священномъ трепетѣ... Высоко́ поднявъ руку и потрясая сорванною травой въ воздухѣ, восторженно восклицаетъ:

— Небо, ты видишь!... Небо, ты слышишь!.. Праведное солнце, благослови!

Набравъ нѣсколько травъ, знахарка стала подавать ихъ одну за другою Танѣ... А подавая такъ говорила:

— Вотъ Адамова глава [2]), полезна ото всякой болѣзни, ото всякаго зла, отдѣлываетъ порчу, отгоняетъ темную силу... Бери... А вотъ Плакунъ-трава [3]). Эта трава всѣмъ травамъ мати.—Когда жиды Христа распинали, пречистую кровь Его проливали, тогда Пресвятая Богородица по Сынѣ слезы ронила на матушку на сыру-землю... И отъ тѣхъ слезъ зараждалась Пла-

[1]) Петровъ крестъ — *Lathraea Squammaria*.

[2]) Адамова голова, иначе Адамъ-трава или кукушкины сапожки — *Cyrpedium Calceolus*.

[3]) Плакунъ, иначе луговой звѣробой — *Hypericum Ascyron*.

кунъ-трава... Отъ Плакунъ-травы бѣсы и колдуны плачутъ, смиряетъ она силу вражію, рушитъ злое чародѣйство, сгоняетъ съ человѣка уроки и притку... Бери... А это Чертогонъ-трава [1]), гонитъ бѣсовъ, порчу колдунами напущенную сурочиваетъ, всякія болѣзни цѣлитъ и дѣвичью зазнобу унимаетъ... Бери... А вотъ и бѣленькій Одолень [2]) нашелся, сказала знахарка, ступая въ болотце, по которому пестрѣли ярко-желтыя купавки и полевые одолени.—Чуешь, каковъ благоуханный цвѣтъ!... Одолѣетъ онъ всякую силу нечистую!... Мать-сыра-земля со живой водой тотъ цвѣтокъ породили — оттого ровна у него сила на водяницу и на поляницу [3]). Возьми цвѣтикъ, красавица... А вотъ и Прострѣлъ-трава [4]). Когда Сатана былъ еще свѣтлымъ ангеломъ и въ гордынѣ своей возсталъ на Творца-Создателя, Михайло Архангелъ согналъ его съ неба высокаго на сыру-землю. Сатана съ своими демонами за Прострѣлъ-траву спрятался, а Михайло Архангелъ кинулъ въ него громову стрѣлу. Прострѣлила стрѣла ту траву сверху до́ низу, отъ того прострѣла разбѣжалися демоны и съ самимъ Сатаной провалились въ преисподнюю... И съ той самой поры бѣсовская сила боится Прострѣлъ-травы и бѣжитъ отъ нея на двѣнадцать верстъ. Избавляетъ Прострѣлъ-трава отъ призора очесъ, отъ урочныхъ скорбей, отъ порчи, отъ притки, и ото всякаго бѣсовскаго навожденья... Бери... А вотъ и седьмая трава намъ надобная — это Царь-трава [5]). Какъ громовыя стрѣлы небесныя гонятъ тем-

[1]) Чертогонъ — *Scabiosa Succissa*.

[2]) Одолень — *Nymphea alba*. Тѣмъ же именемъ «о́долень» зовется и другое растеніе *Euphorbia pilosa*.

[3]) Водяница — нечистая сила въ водахъ, поляница — въ поляхъ и вообще на землѣ.

[5]) Прострѣлъ трава — иначе лютикъ — *Aconitum lycoctonum*.

[5]) Иначе купальница — *Ranunculus acris*.

ныхъ бѣсовъ въ преисподнюю, такъ и Царь-трава могучей своей силою далеко прогоняетъ силу нечистую... Вотъ и всѣ семь травъ, что̀ пригодны къ утоленію скорби Марьи Гавриловны... Отломи отъ каждой по кусочку—да не забудь—съ молитвой и перекрестясь, зашей, какъ я сказывала... Дня черезъ три прибѣги сюда на Каменный Вражекъ сказать, будетъ ли какая перемѣна у Марьи Гавриловны. — Не будетъ — ино другимъ тогда пособлю... А теперь бѣги скорѣй, красавица,—солнышко на всходѣ, келейницы ваши скоро проснутся, увидать тебя могутъ смо́тницы[1]... Ваши матери нанести нѣ́быль на дѣвушку въ грѣхъ не поставятъ... Бѣги, дѣвонька, проворнѣй бѣги!... Христосъ съ тобою!...

Простясь со знахаркой, бѣгомъ пустилась Таня по полянѣ, направляясь къ Манеѳиной обители... Но когда бѣжала она мимо часовни, рябая звонариха Катерина колотила ужь въ свои била и клепалы, сзывая келейницъ къ заутрени.

Не цѣлятъ корни и травы Марью Гавриловну, нѣтъ ни малаго отъ нихъ облегченья. Не разъ бѣгала Таня на Каменный Вражекъ, не разъ приносила новыя снадобья отъ знахарки и клала ихъ подъ постель Марьи Гавриловны, либо въ воду, что̀ приносила умываться ей... Пользы не видѣлось.

Что̀ жь за недугъ такой Марьѣ Гавриловнѣ приключился?... Что̀ за немощь такая на нее накинулась?

Черезъ двѣ недѣли наказывала она Алексѣю въ Комаровъ побывать. Прошло четыре, а его нѣтъ какъ нѣтъ... Оттого и безпокойныя думы съ утра до̀ ночи, оттого и суетня хлопотливая, оттого и думка каждое утро мокра̀.

Не огни горятъ горючіе, не котлы кипятъ кипучіе,

[1]) Смотница — сплетница, клеветница.

горитъ-кипитъ побѣдное сердце молодой вдовы... Отъ взоровъ палючихъ, отъ сладкаго голоса, ото всей красоты молодецкой распалились у ней умъ и сердце, ясныя очи, бѣлое тѣло и горячая кровь... Дóсыта бы на милаго наглядѣться, дóсыта бы на желаннаго насмотрѣться!... Обнять бы его бѣлыми руками, прижать бы его къ горячему сердцу, растопить бы алыя уста его жаркимъ поцѣлуемъ!...

Про Евграфа помину нѣтъ... Ровно она его не знавала, ровно его на свѣтѣ никогда не бывало...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Натерпѣлась Марья Гавриловна. Дò смерти истомилось бѣдное сердце ея въ безотрадной неизвѣстности, въ мрачныхъ тяжелыхъ думахъ и въ тревогахъ, день и ночь мутившихъ ея душу. Ровно въ тѣсномъ затворѣ посхимленная старица сидитъ она безвыходно въ уютномъ своемъ домикѣ. Въ часовню даже по праздникамъ перестала ходить, людей не видитъ и знать не хочетъ, чтò за порогомъ ея домика дѣлается. Заходили было къ ней иной разъ Фленушка съ Марьюшкой время скоротать, но безотвѣтною оставалась на веселые разговоры ихъ Марья Гавриловна, безучастно слушала келейное ихъ празднословье.

— Заспѣсивилась наша краля, зачванилась, — топнувъ съ досады ногой, молвила Фленушка, выходя однажды съ Марьюшкой изъ домика Марьи Гавриловны. — Битый часъ сидѣли у ней, хоть бы единое словечко выронила... Въ торги, слышь, пускается, каменны палаты закладывать собирается, куда съ нашей сестрой ей водиться!... А мнѣ наплевать — ноги моей не будетъ у грубіянки; и ты не ходи къ ней, Марьюшка.

Не разъ заглядывала къ Марьѣ Гавриловнѣ и матушка Манеѳа. Но и съ ней не вязалась бесѣда у молодой вдовы. Сколько разъ искушенная житейскими опытами игуменья пыталась вызвать ее на искреннее, откровенное признанье въ сокровенныхъ думахъ и затаенныхъ чувствахъ, всегда холодна, всегда безотвѣтна оставалась Марья Гавриловна. Сердечная скорбь ея тайной повита и семью печатями запечатана.

«Міръ обуялъ», рѣшила Манеѳа. «Прелесть тщетнаго житія смущаетъ бѣдную, мятежныя мысли обуреваютъ душу ея».

Но какія мысли, о комъ, о чемъ — не могла придумать игуменья.

И съ Таней, душой и тѣломъ преданной своей «сударынѣ», и съ той ни слова Марья Гавриловна... Одна переживаетъ печали, одна переноситъ горе сердечное.

Гдѣ прежняя ласка привѣтная, куда кануло баззаботное веселье и тихій, невозмутимый покой души, отдохнувшей отъ былаго горя, забывшей старыя сердечныя раны? Всѣ, какъ вѣтромъ, свѣяло.

Передъ отъѣздомъ Манеѳы на сорочины въ Осиповку Марья Гавриловна получила отъ брата письмо. Увѣдомлялъ онъ о покупкѣ *Соболя*, писалъ, что надо, какъ можно скорѣй принимать его, да набравъ клади отправлять къ Верху. Но про того, кого ради купленъ тотъ пароходъ, ни слуху, ни духу: Алексѣй словно въ воду канулъ. Обѣщалъ побывать въ Комаровѣ черезъ двѣ недѣли, пятая въ исходѣ, а его нѣтъ, какъ нѣтъ... Стороной узнала Марья Гавриловна, что отошелъ онъ отъ Патапа Максимыча и уѣхалъ въ городъ, но воротился ль оттуда или дальше куда отправился, развѣдать не могла.

Сидитъ подъ окномъ, да тоскуетъ, недвижно сидитъ, устремивъ слезныя очи на черную полосу лѣса,

и слышитъ разговоръ какого-то проѣзжаго крестьянина съ обительскимъ конюхомъ Дементьемъ о дорогѣ въ Городецъ, на какія деревни надобно ѣхать. Дементій въ числѣ деревушекъ помянулъ Паромову.

«Чего еще лучше?» подумала Марья Гавриловна. «Авось воротился изъ города, авось у отца теперь съ матерью... Накажу тому мужику побывать въ Паромовой, разузнать о немъ». Вздумано — сдѣлано. Наказала Марья Гавриловна проѣзжему крестьянину, непремѣнно бы повидалъ онъ Алексѣя Лохматаго, сказалъ бы ему, что мѣсто на пароходѣ для него готово, чтобъ не медля ни минуты ѣхалъ онъ въ Комаровъ. Два рубля серебромъ обѣщала, если тотъ крестьянинъ на возвратномъ пути ей отвѣтъ привезетъ. Писать хотѣла, но силъ не достало и стыдно какъ то было...

Дёнъ черезъ пять посланный воротился за сулеными рублями. Сказалъ, что Алексѣя въ Паромовой нѣтъ, поѣхалъ де въ городъ, а гдѣ теперь, не знаютъ. Что̀ наказывала, все сказалъ старику Лохматому, а тотъ обѣщалъ, какъ только воротится сынъ, то́тчасъ его въ Комаровъ прислать.

Пуще прежняго налегла тоска на побѣдное сердце молодой вдовы.

Еще прошло съ недѣлю времени. Собралась мать Манеѳа въ Осиповку на сорочины. Наканунѣ отъѣзда вечеркомъ зашла она посидѣть къ Марьѣ Гавриловнѣ.

— Ну что̀, сударыня, облегчило ли васъ хоть маленько? — спрашивала Манеѳа, садясь на диванъ возлѣ Марьи Гавриловны.

— Плохо мое здоровье, матушка, — отвѣчала вдовушка, облокотясь на столъ и медленно склоняя на̀ руку блѣдное лицо свое.

— Надивиться не могу я вашей болѣзни, сударыня, — молвила Манеѳа. — Кажись и лежать не ле-

жите, и боли, какъ сказываете, нѣтъ никакой, а ровно свѣчка вы таете; жалость даже смотрѣть, на себя не похожи стали...

— Болѣзнь не краситъ человѣка,—отозвáлась Марья Гавриловна.

— Инъ за лѣкаремъ бы послали, сударыня, а то чтò же хорошаго этакъ маяться,— сказала игуменья.

— Послать за нимъ не пошлю, — отвѣтила Марья Гавриловна, — а не будетъ легче, сама поѣду въ городъ лѣчиться. Мнѣ же и по дѣламъ надо туда. Братъ пишетъ—въ Казани у Молявиныхъ пароходъ мнѣ купилъ. Теперь онъ ужъ къ нашему городу выбѣжалъ; принимать надò.

Нахмурилась Манеѳа.

— Не дешево, поди, заплатили? — холодно спросила она.

— Пятьдесятъ тысячъ, — сказала Марья Гавриловна.

— Пятьдесятъ тысячъ! Не малыя деньги, не малыя... Много добра на такія деньги можно сдѣлать,— проговорила Манеѳа.

— Пароходъ ходкій, совсѣмъ еще новенькій, только четвертую воду бѣгаетъ. Тѣхъ денегъ стоитъ, — молвила Марья Гавриловна.

— Суета!.. — строго, но сдержанно сказала Манеѳа, и немного подумавъ прибавила:—Стало-быть вы покинете, сударыня, нашу святую обитель? Въ городъ жить переѣдете.

— Ни на чтò еще я не рѣшилась, матушка, сама еще не знаю, что и какъ будетъ... Извѣстно дѣло, хозяйскій глазъ тутъ надобится. Рано ли поздно ли, а придется къ пристани поближе на житье переѣхать. Ну да это еще не скоро. Не сразу устроишься. Домикъ надо въ городѣ купить, а прежде всего сыскать хорошаго прикащика,—говорила Марья Гавриловна.

— Не нашли еще?—спросила Манеѳа.

— Нѣтъ еще,—слегка вздохнувъ, отвѣтила Марья Гавриловна.

— Скоро ль къ такому дѣлу хорошаго человѣка пріищешь! — молвила Манеѳа. — Тутъ надо человѣка вѣрнаго, неизмѣннаго, чтобъ былъ все едино, что сама хозяйка. Такого не вдругъ найдешь.

— Надолго ли, матушка, отправляетесь?—спросила Марья Гавриловна, видимо желая свести разговоръ на что-нибудь другое.

— Прежде пяти денъ врядъ ли воротимся,—отвѣтила Манеѳа.—Патапъ Максимычъ скоро гостей отпускать не любитъ... Въ понедѣльникъ, надо думать, будемъ домой, не то во вторникъ.

— Кланяйтесь Патапу Максимычу,—молвила Марья Гавриловна. — Скажите: всей бы душой рада была у него побывать, да вотъ здоровье-то мое какое. Аксиньѣ Захаровнѣ поклонитесь, матушка, Парашѣ...

— Будемъ кланяться, — чинно, съ легкимъ поклономъ, вполго́лоса отвѣтила Манеѳа. — Чѣмъ бы, чѣмъ бы кажется вамъ не житье здѣсь, сударыня Марья Гавриловна,—прибавила она, вставая съ дивана и быстрымъ взоромъ окидывая комнату.—И тихо, и уютно, и всякое довольство во всемъ. Суеты восхотѣли, житейскихъ треволненій!.. Не пришлось бы въ міру вамъ вспокаяться!.. Не пришлось бы слезно поминать про здѣшнее тихое пристанище, подъ кровомъ святыя обители. Лукавъ вѣдь міръ-отъ—прельститъ человѣка, заманитъ въ свои сѣти, а потомъ и посмѣется ему, поругается...

— Матушка! Сами же вы говорили, что обительская жизнь стала непрочна. По скорости, говорите, скиты совсѣмъ порѣшатъ.

— Если общій жребій Господнею волей свершится, рядомъ бы съ нами въ уѣздномъ городкѣ построи-

лись,—сказала Манеѳа.—И тогда бъ у насъ было все попрежнему, никакой бы перемѣны не сталось. Намедни и сами вы, сударыня, такъ говорили, а теперь вотъ ужь возлѣ пристани поселиться возжелали, въ губернскомъ городѣ.

— Дѣло-то, матушка, такое вышло, что поневолѣ должна я по близости отъ пристани жить,—отозвалась Марья Гавриловна. — Сами знаете, что издали за хозяйствомъ нельзя наблюдать, какихъ хорошихъ людей ни найми.

— Конечно,—сдержаннымъ голосомъ сказала Манеѳа.

— Заглазное хозяйство—не хозяйство,—продолжала Марья Гавриловна. — Что лучше хозяйскаго глаза?.. Говорится же «свой глазъ—алмазъ, а чужой—стекло».

— Что сказать су́противъ этого?.. Что сказать...—какъ бы нехотя молвила игуменья и, холодно простившись съ Марьей Гавриловной, медленными шагами направилась къ своей кельѣ.

Уѣхала Манеѳа въ Осиповку, и въ обители стало тихо и пусто. Не суетятся матери вкругъ игуменьиной «стаи» въ ожиданьи Манеѳиныхъ распорядковъ по хозяйству, не раздается веселыхъ криковъ Фленушки, всѣ почти молодыя бѣлицы на сорочины уѣхали, остались пожилыя старицы, да съ утра до ночи копавшіяся въ огородѣ чернорабочія трудницы. Хоть Марьѣ Гавриловнѣ давно ужь постыла обитель и на думахъ ея было не обительское, однакожь и ей стало скучнѣй и грустнѣй противъ прежняго, когда вокругъ нея все затихло.

Склонялся день къ вечеру; краснымъ шаромъ стояло солнце надъ окраиной неба, обрамленной черной полосой лѣсовъ; улеглась пыль, въ воздухѣ засвѣжѣло,

со всѣхъ сторонъ понеслись благоуханіе цвѣтовъ и смолистый запахъ ели, пихты и можжевельника; стихло щебетанье птичекъ и звончѣй сталъ доноситься изъ отдаленья говоръ людей, возвращавшихся съ полевыхъ работъ.

Сидя у раскрытаго окна, Марья Гавриловна чуткимъ ухомъ прислушивается къ отдаленну шуму подъѣзжавшей къ Каменному Вражку телѣжки... Не деревенскій стукъ... По сухой дорогѣ рѣзко постукиваютъ окованныя толстыми шинами колеса, ровно и плавно шумятъ желѣзныя оси, колокольчика нѣтъ. Значитъ ни начальство, ни крестьянинъ... Захолонуло сердце у Марьи Гавриловны при мысли—не Алексѣй ли это, наконецъ... Но вотъ шумъ ближе и ближе... Подъѣзжаютъ прямо къ Манеѳиной обители... Видитъ Марья Гавриловна, какъ пара саврасокъ подкатила телѣжку къ конному двору, какъ остановилась она у работницкой «стаи...» Слѣзаетъ съ телѣжки кто-то высокій, изъ себя такой статный... При надвинувшихся на небо сумеркахъ не можетъ разглядѣть Марья Гавриловна въ лицо пріѣзжаго, но сердце ей подсказываетъ, что это гость давно жданный, давно желанный... Алымъ бархатомъ подернулись блѣдныя щеки молодой вдовы, и ровно скошенная травка поникла она на мѣстѣ. Встать не можетъ, пальцемъ двинуть нѣтъ силы.

А ровная, твердая поступь ближе и ближе звучитъ въ вечерней тиши... Ничего не видитъ Марья Гавриловна, въ глазахъ разостлался зеленый туманъ, словно съ угару. Только и слышитъ мѣрные шаги, и каждый шагъ ровно кипяткомъ обдаетъ ея наболѣвшее сердце.

Таня къ ней подошла.

— Какой-то человѣкъ васъ спрашиваетъ, — сказала она.

— Что̀? — едва могла промолвить Марья Гавриловна.

— Тотъ самый, что̀ въ Радуницу пріѣзжалъ, — отвѣтила Таня, удивленными глазами глядя на свою «сударыню».

Ни словечка Марья Гавриловна.

— Позвать, аль сказать въ другое бы время побывалъ?—не слыша отзыва Марьи Гавриловны, молвила Таня.

— Позвать?... Да, позови... Нѣтъ, нѣтъ, постой, погоди, Таня,—говорила Марья Гавриловна. А сама не понимала, что̀ говорила.

Широко раскрытыми глазами глядѣла на нее изумленная Таня. Сообразить не могла, что̀ за новое диво содѣлалось надъ ея «сударыней...»

— А не то... поди, Таня... позови сюда... — дрожавшимъ отъ волненья голосомъ сказала Марья Гавриловна.—Да ставь самоваръ поскорѣй...

И когда Таня, думчиво склонивъ голову, вышла изъ горницы, Марья Гавриловна безсознательно повернулась къ зеркалу и наскоро поправила волосы и шелковый голубой платокъ, накинутый на́ голову.

Медленно, но широко̀ распахнулась дверь, и въ горницу вошелъ Алексѣй. Чинъ чиномъ, прежде всего сотворилъ онъ уставные поклоны передъ иконами, а потомъ, молодецки встряхнувъ кудрями, степенно отдалъ поклонъ, какъ маковъ цвѣтъ, зардѣвшейся хозяйкѣ. Сдержанно отвѣтила она ему малымъ поклономъ.

— Посылали за мной? — тихо проговорилъ онъ, вертя въ рукахъ шапку и опустивъ глаза въ землю.

— Ждала я васъ... долго ждала... дождаться не могла... Теперь пароходъ...

И не могла докончить трепетной, перерывчатой рѣчи.

Ступилъ Алексѣй шагъ, ступилъ другой, приближаясь къ Марьѣ Гавриловнѣ... Вскинулъ черными, палючими очами на дрожавшую отъ сердечной истомы красавицу... И она взглянула... Не свѣтлые алмазы самоцвѣтные, а крупныя слезинки нежданной радости и неудержимой страсти засверкали подъ темными ея рѣсницами... Взоры встрѣтились...

Ни слова, ни восклицанья...

Не гибкая павелика [1]) бѣлорозовые цвѣтики вкругъ зеленаго дуба обвиваетъ, не хмѣлинушка вкругъ тычиночки вьется—обвиваетъ бѣлоснѣжными руками красавица желаннаго гостя... И млѣетъ, и дрожитъ она въ сладкой истомѣ.

Долго сидѣли вдвоемъ, до вторыхъ пѣтуховъ сидѣли. Времени много, мало разговора. Другъ на дружку любуются, другъ на дружку наглядѣться не могутъ.

Багрецомъ заалѣлъ восточный закрой неба: тутъ только опомнились. Пора разставаться.

И когда на прощаньѣ горячими устами прильнулъ Алексѣй къ сіявшему счастьемъ лицу Марьи Гавриловны, онъ тихо промолвилъ ей:

— Не тайкомъ бы, не крадучись цѣловать мнѣ тебя, моя милая, дорогая моя! Не зазорно бы при всемъ народѣ обнять тебя...

— Какъ же это сдѣлать? — едва слышно проговорила Марья Гавриловна, поникая головой въ объятья Алексѣя.

— Жениться,—молвилъ онъ. Хотѣлъ еще что-то сказать, но не можетъ сойти на уста крылатое слово.

Крѣпче прежняго прижалась къ нему Марья Гавриловна, тише прежняго она промолвила:

[1]) Cuscuta.

— Женимся!...

Ой лѣса лѣсочки, хмѣлевыя ночки!... Видишь ты синее звѣздистое небо, какъ Яръ-Хмѣль-молодецъ по матушкѣ-сырой землѣ гуляетъ, на совѣтъ да на любовь молодыхъ людей сближаетъ?... Видишь ты, небо, все ты слышишь, все: и страстный шепотъ, и тайныя, млѣющія рѣчи... Щедро, ничего не жалѣя, жизнью и счастьемъ льешь ты на землю, жизнью-любовью ты льешь... Праведное солнце!... Ты корень, источникъ жизни, взойди, взгляни, благослови!...

И вырѣзался изъ-за черной, какъ бы ощетинившейся, лѣсной окраины золотистый лучъ солнышка и облилъ яркимъ свѣтомъ, какъ снѣгъ, бѣлое платье красавицы, и заигралъ переливчатыми цвѣтами на синемъ кафтанѣ и шелковой алой рубахѣ Алексѣя.

— Прощай!

— Прощай!

А на порогѣ еще обнялись. И долго озаряло ихъ высо́ко поднявшееся изъ-за́ лѣса солнце.

На другой день Марья Гавриловна рѣшила, какъ можно скорѣй перебираться съ Алексѣемъ на житье въ городъ. Покамѣстъ онъ будетъ вести хозяйство на *Соболѣ*, Марья Гавриловна станетъ готовить теплое гнѣздышко для житья съ возлюбленнымъ, купитъ домикъ, устроитъ его, какъ слѣдуетъ, а тамъ по осени, когда и домъ будетъ готовъ, и пароходство кончится— веселымъ пиркомъ да за свадебку... Уѣхать изъ Комарова чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше... Благо матери Манеѳы нѣтъ въ обители, а то совѣтамъ, разговорамъ не было бъ ни конца, ни края. Сбить Марью Гавриловну, отговорить ее отъ задуманной перемѣны въ жизни игуменья не успѣла бы, но безъ непріятностей, безъ неудовольствій дѣло не обошлось бы. А Марья Гаври-

ловна не забывала добра, что̀ сдѣлала ей Манеѳа во дни житейскихъ невзгодъ, твердо помнила, что старушка внесла миръ въ истерзанную ея душу, умѣла заживить сердечныя ея раны. Нѣтъ, лучше, не въ примѣръ лучше будетъ, если, не дождавшись матушкина возврата, покинетъ она обитель. Послѣ, когда дѣло будетъ кончено, повидается она съ Манеѳой, все разскажетъ ей, все объяснитъ и, конечно, помирится съ доброю и горячо любимою старицей.

То́тчасъ же поѣхалъ Алексѣй въ сосѣдній городокъ нанимать извозчиковъ для поѣздки Марьи Гавриловны и для вывоза изъ скита ея пожитковъ. Только что укатилъ онъ на своихъ савраскахъ, Марья Гавриловна, веселая, игривая, ровно изъ мертвыхъ вставшая, велѣла Танѣ запереть изнутри домикъ и, пылая радостью, сказала ей:

— Давай, Таня, укладываться; завтра мы ѣдемъ.

Съ мѣста не могла двинуться Таня, сло̀ва промолвить не могла: такъ удивили ее нежданныя рѣчи Марьи Гавриловны.

— Въ городѣ станемъ жить, въ большомъ каменномъ домѣ,—говорила ей Марья Гавриловна, принимаясь за укладыванье. — Весело будетъ намъ, Таня, народу тамъ много, будемъ кататься въ коляскѣ на хорошихъ лошадяхъ, по рѣкѣ на пороходѣ поѣдемъ кататься... Видала ль ты пароходы-то?... Да нѣтъ, гдѣ тебѣ видать!... Вотъ увидишь, Таня, у меня теперь свой параходъ и свой домъ будетъ. Весело будемъ жить, Та́нюшка, весело.

— А какъ же матушка-то?—молвила Таня.

— Что̀ жь матушка!... Матушкѣ своя жизнь, намъ другая... Не вѣкъ же въ кельяхъ жить, этакъ не увидишь, какъ и молодость пройдетъ... Пропустить ее не долго, а въ другой разъ молода́ не будешь... Пожить хочется, Таня, пожить!...

И ни съ того, ни съ сего бросилась цѣловать ее. Смѣется, какъ дитя веселится, а у самой слезы на глазахъ. Надивиться не можетъ Таня внезапной перемѣнѣ своей «сударыни».

— Видѣла?... Это женихъ мой, Таня!... Только ты покамѣстъ объ этомъ никому не сказывай... никому, никому на свѣтѣ... Придетъ Покровъ — повѣнчаемся, въ городѣ будемъ жить. Ты у меня за мѣсто дочери будешь, жениха тебѣ сыщемъ славнаго... Наградимъ тебя, всѣмъ наградимъ... Домъ тебѣ выстрою, обзаведенье все... Барыней заживешь, въ шелкахъ-бархатахъ станешь ходить... во всякомъ довольствѣ будешь жить... Смотри же не сказывай, никому не сказывай!

Ровно красные дни дѣвичьей жизни воротились къ Марьѣ Гавриловнѣ. Какъ бывало въ Казани въ родительскомъ садикѣ вольной пташкой весело порхала она, распѣвая звонко любимыя пѣсенки, такъ и теперь ожившая для счастья, расцвѣтшая для новой жизни рѣзвится и веселится Марья Гавриловна. Десяти лѣтъ какъ не бывало.

Все поклали въ сундуки — и одёжу, и посуду, и другія вещи, мебель только да цвѣты остались. Уложившись, успокоилась Марья Гавриловна, и не то утомилась она непривычною работою, не то нá душу темное облачко налетѣло, вдругъ опустилась она и взгрустнула.

Заботно и нѣжно спросила у ней Таня, съ чего вдругъ она припечалилась.

— Дорогая ты моя Тáнюшка,—молвила на то Марья Гавриловна.—Жизнь пережить не поле перейти; счастье съ несчастьемъ, что вёдро съ ненастьемъ, живутъ перемѣнчиво. Надъ судьбою своей призадумалась я, зачастую вѣдь случается, Тáнюшка, что гдѣ чается радостно, тамъ встрѣтится горестно... Спознала я,

будучи замужемъ, какая есть на свѣтѣ жизнь—горегорькая... Какъ знать, что̀ впереди?... Какъ судьбу узнать?

— Можно узнать, — живо подхватила Таня. — Рядомъ со скитомъ живетъ такая женщина...

И разсказала она Марьѣ Гавриловнѣ про елфимовскую знахарку, про добрую тетку Егориху, нелюбимую келейницами, а всѣми окольными крестьянами почитаемую благодѣтельницей.

Суевѣрный страхъ объялъ душу Марьи Гавриловны, когда узнала она, что Таня, сведя знакомство съ колдуньей, клала ей подъ подушку зелья и давала умываться водой съ волшебныхъ корней, нарытыхъ знахаркой.

— Ахъ, Таня, Таня, что̀ ты надѣлала!... — упрекала она любимицу, закрывая лицо руками.

— Да вы не бойтесь, сударыня, Марья Гавриловна,—отвѣчала ей Таня.—Она вѣдь предобрая и все съ молитвой дѣлаетъ. Шагу безъ молитвы не ступитъ Корни роетъ—«Богородицу» читаетъ, травы сбираетъ—«Помилуй мя Боже». И все, все по божественному, вражьяго нѣтъ тутъ нисколько. Со злобы плетутъ на нее келейницы; обойдите деревни, любаго спросите, всякъ скажетъ; что за елфимовскую Наталью денно и нощно всѣ Бога молятъ. Много пользы народу она дѣлаетъ. А ужь какая разумная, какая добрая, и разсказать того невозможно.

Много разсказывала Таня про елфимовскую знахарку, такъ хвалила кротость ея и доброхотство, съ какимъ великую пользу чинитъ она людямъ безо всякой корысти. Суевѣрный страхъ покинулъ Марью Гавриловну, захотѣлось ей узнать отъ Егорохи, какая будетъ ей судьба въ новомъ замужествѣ Но въ скитъ знахарку позвать невозможно; келейницы и близко не подпустятъ. Надо самой идти. Таня взялась устроить свиданье съ Егорихой.

На другой день по отъѣздѣ Алексѣя, передъ самыми вечернями, вышла Марья Гавриловна съ Таней на Каменный Вражекъ. Оттуда рѣзвоногая дѣвушка лётомъ слетала въ Елфимово и по скорости воротилась оттуда съ Егорихой.

— Здравствуй, Марья Гавриловна! Здравствуй, сердобольная вдовушка!—съ назкимъ поклономъ весело молвила знахарка, подойдя къ сидѣвшей на луговинѣ Марьѣ Гавриловнѣ. — Много про тебя наслышана, а Богъ привелъ напослѣдяхъ только съ тобой видѣться.

— Душой рада съ тобой видѣться, Наталья, извини, что не знаю, какъ величать по отчеству. Не привелъ Господь прежде ознакомиться, но съ хорошимъ человѣкомъ знакомство николи не поздно свести.

— На ласковомъ словѣ спасибо, сударыня,—снова кланяясь Марьѣ Гавриловнѣ, молвила тетка Егориха.

Таня была дѣвочка догадливая, отходила въ сторонку и пускалась вдоль Вражка цвѣточки рвать.

Разговорилась Марья Гавриловна со знахаркой... И не можетъ надивиться, отчего это съ перваго взгляда почувствовала къ ней такое довѣріе, какого ни къ кому до того не имѣла, такую любовь задушевную, такую близость, какой ни къ кому, кромѣ одного, никогда не чувствовала... Ровно мать родная воротилась съ того свѣта и воркуетъ теперь надъ дочерней головкой, познавшей много горя, мало радостей. Всей душой, всѣмъ сердцемъ открылась знахаркѣ Марья Гавриловна и услыхала не сухія поученья, какъ отъ матери Манеѳы, а слова живаго участія, освѣжившія взволнованную душу молодой вдовы. Все, все разсказала про себя Марья Гавриловна.

— Какова-то будетъ судьба моя? Чего ожидать мнѣ въ новомъ замужествѣ?—склонивъ голову, спросила она.

— Чего жь ты желаешь? Чтобъ я твою судьбу

разсказала? Чтобъ тебѣ какъ на ладо́нкѣ выложила все, что̀ впереди тебя ждетъ?—кротко улыбаясь, спросила у Марьи Гавриловны знахарка.

— Да, тетушка, да... Не утай, что̀ вѣдаешь... Скажи, будетъ ли доля моя сча́стлива? — отвѣчала вдова.

— Полно, сударыня. Полно, Марья Гавриловна. Кромѣ Бога, будущаго не знаетъ никто, — величаво поднявъ голову, сказала Егориха. — Всякій вѣщунъ, коего бъ духа пророчество его ни было — ложь есть передъ людьми и передъ Богомъ. Скажетъ ли кто тебѣ, что чарами или тайными вѣщими словами можетъ узнать судьбу человѣка—не вѣрь... Скажетъ ли, что по звѣздамъ узнаетъ ее, аль по рукѣ, али по сну, аль по иному чему — не вѣрь... Скажутъ тебѣ про святошу какого-либо, про юрода, что знаетъ онъ будущее,—не вѣрь... Тѣ же басни, что̀ отъ колдуна, что̀ отъ святоши. Будущаго знать людямъ не дано. И въ томъ Божія любовь къ людямъ, великая премудрость Его. Что бы за жизнь человѣку была, еслибъ онъ зналъ напередъ всю свою жизнь до гробовой доски? Не было бъ тогда на землѣ ни надежды, ни радостей, жилъ бы человѣкъ, какъ скотина безсловесная.

— Другимъ открываешь же ты, что будетъ съ ними,—молвила Марья Гавриловна.

— Никому я никогда не пророчила,—кротко отвѣтила знахарка. — Совѣты даю, пророчицей не бывала. Правда, простому человѣку мало добрый совѣтъ подать, надо чтобъ онъ его исполнялъ, какъ слѣдуетъ .. Тутъ иной разъ приходится и наговорить, и нашептать, и пригрозить невѣдомою силой, если онъ не исполнитъ совѣта. Что станешь дѣлать? Народъ темный, пока темными еще путями надо вести его.

— Что же мнѣ скажешь, какой мнѣ совѣтъ дашь?— спросила Марья Гавриловна.

— Въ смиреніи стяжи душу свою,—отвѣчала елфимовская знахарка. — Смирись передо всѣмъ и передъ всѣми. Въ томъ смиреньи счастье человѣка. Умѣй понять мой совѣтъ, да хорошенько его исполнить. Дѣлай добро, у тебя на то достатковъ довольно: бѣднаго, сираго не забудь, голоднаго накорми, о больномъ попечалуйся. И дѣлай все не возносясь, а смиряясь, не въ свое превозношенье, а во славу имени Божія. А выпадетъ доля терпѣть—носи золото—не изнашивай, терпи горюшко—не сказывай... Вотъ и все, больше сказать тебѣ нечего... Вотъ развѣ что еще: какой бы тебѣ грѣшный человѣкъ въ жизни ни встрѣтился, не суди о грѣхахъ его, не разузнавай объ нихъ, а смирись, и въ смиреніи думай, что нѣтъ на землѣ человѣка грѣшнѣе тебя. Грѣхъ что болѣзнь, иной разъ и противъ воли въ человѣка входитъ; грѣхи осуждать все едино, что надъ болѣзнями смѣяться. Только злому человѣку сродно чужіе грѣхи осуждать, самъ Господь не осуждаетъ ихъ, а прощаетъ... Осуждаетъ грѣхи только дьяволъ и всѣ ему послужившіе.

Долго бесѣдовала Марья Гавриловна, сидя въ Каменномъ Вражкѣ съ елфимовской знахаркой. И такъ было ясно и отрадно на душѣ у ней; въ вѣкъ бы, кажется, не разсталась она съ теткой Егорихой.

И когда, прощаясь, Марья Гавриловна денегъ хотѣла ей дать, та не взяла.

— По милости Господней всѣмъ я довольна,—сказала она.—Малое, слава Богу, есть, большаго не надо. А вотъ что: поѣдешь ты завтра черезъ деревню Поляну, спроси тамъ Артемья Силантьева, изба съ самаго краю на выѣздѣ... Третьяго дня коровенку свели у него, четверо ребятишекъ малъ-мала меньше—пить-ѣсть хотятъ... Безъ коровки голодаютъ, а новую купить у Артемья достатковъ нѣтъ... Помоги бѣднымъ людямъ Христа-ради, сударыня.

И низко, пренизко поклонилась колдунья Марьѣ Гавриловнѣ.

И легко и свѣтло было на душѣ Марьи Гавриловны, когда подъ пытливыми, но невидимыми ей взорами обительскихъ матерей и бѣлицъ возвращалась она изъ Каменнаго Вражка въ уютный свой домикъ. Миромъ и радостной надеждой сіяла она, и много жалѣла, что поздно узнала елфимовскую знахарку. Подъ яркими лучами заходившаго солнца мрачна и печальна казалась ей обитель Манеѳина.

На другой день воротился Алексѣй, и Марья Гавриловна оставила Комаровъ безъ тяжкихъ думъ, безъ сожалѣній. Когда выѣхала она со своимъ возлюбленнымъ изъ скита, ей вздохнулось легко и показалось, будто изъ какого-то глухаго подземелья, изъ какой-то темной темницы свободною и счастливою выпорхнула она на ясный, радостный міръ Божій.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Если дѣвичье сердце затрепещетъ первою любовью въ ранней молодости, чистую душу ея она возведетъ до блаженства... Счастьемъ, радостью она засіяетъ, свѣтлымъ, прекраснымъ вольный свѣтъ ей покажется: и солнце будто ярче горитъ, и небо яснѣй, лучезарнѣй, и воздухъ теплѣй, благоговоннѣй, и цвѣты краше цвѣтутъ, и вольныя птички поютъ веселѣе, и всѣ люди кажутся добрѣе и лучше... Бѣгать бы да беззаботно рѣзвиться, а еслибы крылья, — летѣть бы, летѣть въ синее небо, подняться бъ выше облака ходячаго, выше тучи гремучей, къ солнышку красному, къ мѣсяцу ясному, къ частымъ звѣздочкамъ разсыпчатымъ... Та святая любовь ангеломъ Божьимъ изъ рая приносится и глядя на нее радуются блаженные жители неба...

И такую любовь испытала Марья Гавриловна, когда просватана была за Евграфа.

Иного рода бываетъ любовь... Проведетъ женщина молодые годы въ напрасныхъ ожиданьяхъ, сердце у ней очерствѣетъ, и станутъ ему недоступны чувства блаженства первой любви... Если жь она полюбитъ въ ту пору такого человѣка, что хоть на два либо на три года моложе ея, тогда любовь для нея не радость сердечная, вмѣсто любви жгучій пламень по тѣлу тогда разливается... И тотъ пламень не свѣтлое чувство души, но буйная страсть, неудержно влекущая женщину въ объятья того, кого она полюбила... И отдается она той страсти безразсудно и беззавѣтно... Ни сожалѣнья о минувшемъ, ни опасеній за будущее!.. Умъ засыпаетъ, думы туманами кроются, на̀ очи ровно завѣса спускается, вся жизнь замираетъ, остается живымъ одно обуянное пыломъ страстности сердце.— Сердцемъ той женщинѣ видится, сердцемъ ей слышится, постылетъ ей вольный свѣтъ, ни на что̀ бъ она кромѣ милаго не смотрѣла, ничего бы она кромѣ любовныхъ его рѣчей не слыхала... Со всякою страстью душевная скорбь неразлучна... И такую страсть, такую скорбь познала Марья Гавриловна, полюбивъ Алексѣя.

Не дай ей Богъ познать третью любовь. Бываетъ, что женщина на переходѣ отъ зрѣлаго возраста къ старости полюбитъ молодого. Тогда закипаетъ въ ней страсть безумная, нѣтъ на свѣтѣ ничего мучительнѣй, ничего неистовѣй страсти той... Не сердечная тоска идетъ съ ней объ руку, а лютая ненависть, черная злоба ко всему на свѣтѣ, особливо къ красивымъ и молодымъ женщинамъ... Говорятъ: первая любовь о̀тъ Бога, другая отъ людей, а третья отъ того ангела, что съ рожками да съ хвостикомъ пишутъ.

И въ дѣвицахъ, и замужемъ, и въ Манеѳиной обители Марья Гавриловна жила затворницей. Посторон-

нихъ людей, особенно мужчинъ, она никогда почти не видала. Только и встрѣчала кой-кого у брата въ Казани, у Патапа Максимыча въ Осиповкѣ, да у матушки Манеѳы, когда пріѣзжали къ ней богатые, именитые «благодѣтели». Заѣхавъ въ шумный, незнакомый городъ, она какъ въ лѣсу очутилась... И напала на нее робость и стало ей стыдно на чужихъ людей смотрѣть... На кого ни взглянетъ, все ей кажется, что смѣются надъ нею: «вотъ молъ вдовушка такъ вдовушка, подцѣпила молодчика да и живетъ съ нимъ безъ стыда, безъ совѣсти»... Заговорятъ ли погромче въ сосѣднихъ комнатахъ гостиницы, раздастся ли тамъ веселый смѣхъ, все ей думается, что про нее пересуды идутъ, надъ нею люди смѣются... Измучилась...

Сказала Алексѣю, что въ гостиницѣ она жить не станетъ, завтра же переѣдетъ на квартиру и останется въ ней, пока не пріищется домъ для покупки... Алексѣй спорить не сталъ.

На другой день нанялъ онъ особый домикъ, на краю города, въ глухомъ, немощеномъ и поросшемъ травой переулкѣ... На то было непремѣнное желанье Марьи Гавриловны... Переѣзжая, потребовала она, чтобъ Алексѣй оставался въ гостиницѣ и навѣщалъ ее только днемъ... Поморщился тотъ, но спорить не сталъ.

Домикъ, гдѣ поселилась Марья Гавриловна, былъ построенъ на вѣнцѣ высокой, стоймя надъ Волгой стоящей горѣ. Съ трехъ сторонъ окружаетъ его садикъ, вишеньемъ глухо заросшій, изъ оконъ ви́дны и могучая рѣка и пестрая даль Заволжья... По синимъ струямъ взадъ и впередъ птицами летятъ пароходы, оставляя за собой полосы чернаго дыма вверху, бѣлыя ленты пѣны кипучей внизу... Не стая бѣлоснѣжныхъ лебедей плавно несется по воднымъ зыбямъ — широко

раскинувъ свои полотняныя крылья стройныя росшивы по Волгѣ бѣгутъ, и еле двигаются черепашьимъ ходомъ неуклюжія коноводки, таща за собой цѣлые города огромныхъ ладей... А тамъ за темно-синими струями рѣки, за желтыми песками мелей и луговаго берега, привольно раскинулась необозримая даль, крытая зелеными пожнями, сверкающими на солнцѣ озёрами, за́водями, поло́ями [1]) и черными рядами большихъ двужилыхъ бревенчатыхъ избъ въ многочисленныхъ заволжскихъ деревушкахъ... А подъ самымъ закроемъ небосклона синѣетъ и будто трепещетъ въ сухомъ туманѣ полоса лѣсовъ, въ глуши которыхъ Марья Гавриловна отдохнула отъ великой душевной скорби и заживила сердечныя раны подъ тихимъ, безмятежнымъ покровомъ Манеѳы.

По цѣлымъ часамъ безмолвно, недвижно стоитъ у окна Марья Гавриловна, вперивъ грустныя очи въ зарѣчную даль... Ничего тогда не слышитъ она, ничего не понимаетъ, что ей говорятъ, нерѣдко на темныхъ рѣсницахъ искрятся тайныя, тихія слезы... О чемъ же тѣ думы, о чемъ же тѣ слезы?.. Жалѣетъ ли она покинутую пристань, тоскуетъ ли по матерямъ Каменнаго Вражка, или мутится душа ея черными думами при мысли, что ожидаетъ ее въ безвѣстномъ будущемъ?.. Нѣтъ...

Видна изъ оконъ другая рѣка многоводная. Ровно исполинской щетиной устье ея покрыто мачтами разновидныхъ судовъ, тѣсно разставленныхъ отъ одного берега до другого. Льетъ та рѣка свои мутно-желтыя воды въ синее лоно матушки Волги... За той за рѣкой

[1]) Полой—болѣе или менѣе обширная яма вблизи луговаго берега большой рѣки. Въ полоѣ черезъ все лѣто остается залившаяся во время весенняго разлива вода. Заводь — узкій полой, отдѣленный отъ рѣки узенькою гривкой, за которою заливная вода стоитъ до усышки.

другое зарѣчье. Обширнѣй оно лѣсного Заволжья, веселѣй, оживленнѣй... Ровной, гладкой низиной разстилается оно къ солнечному закату. Вдали межъ пологихъ береговъ блещетъ на солнцѣ верхóвая Волга, надъ нею, мѣшаясь съ дымомъ береговыхъ фабрикъ и бѣгущихъ къ Рыбинску пароходовъ, клубится дымъ Балахонскаго усолья... Искрятся и сверкаютъ озера, сіяютъ бѣлыя церкви обширныхъ селеній, пламенемъ пышутъ стальные заводы, синѣютъ дальніе лѣса, перерѣзанные надвое вытянутой, какъ струнка, каменной дорогой; лѣвѣй, по краю небосклона, высится увѣнчанный дубовыми рощами хребетъ краснобурыхъ съ бѣлоснѣжными алебастровыми прослоями горъ, что̀ тянется вдоль прихотливо извивающейся Оки... По сыпучему песку лугового берега, насупротивъ города, раскинулся длинный, непрерывный рядъ слободъ и въ нихъ, середи обширныхъ деревянныхъ строеній, гордо высятся двухъ- и трехъ-этажные каменные дома. На стрѣлкѣ [1]) цѣлый городъ огромныхъ некрашенныхъ кирпичныхъ зданій, среди которыхъ стройно поднимаются верхи церквей и часовенъ, минареты мечетей, китайскіе кіоски, восточные караванъ-сараи. То — Макарій.

Сюда на этотъ пестрый своебразный городъ обращены слезливые взоры Марьи Гавриловны. По цѣлымъ часамъ не сводитъ она глазъ съ ярманочныхъ строеній — чего-то все ищетъ.

Середь множества однообразныхъ построекъ хочется ей отыскать китаечный рядъ, а въ немъ бывшую отцовскую лавку... Но съ тѣхъ поръ, какъ Гаврила Маркелычъ Залетовъ ѣзжалъ торговать къ Макарью, ярмарка не одинъ разъ сгорала до тла, и на

[1]) Верховою Волгой называется эта рѣка выше Очнаго устья. Усолье — соляныя варницы. Каменная дорога — шоссе. Стрѣлка — мысъ, образуемый сліяньемъ двухъ большихъ рѣкъ.

мѣстѣ китаечнаго ряда давно ужъ былъ построенъ трехъ-этажный каменный домъ, назначенный для гостиницъ и трактировъ... Исчезла уютная лавочка, исчезли и тѣсныя надъ нею горенки, гдѣ Марья Гавриловна узнала на малое время сладость земнаго блаженства... Тамъ, просватанная за Евграфа, немного дней провела она въ спокойномъ, радостномъ счастьи, тамъ цѣлые часы проводила она въ сладкой бесѣдѣ съ милымъ избранникомъ непорочнаго сердца.

И вотъ она опять невѣста!... Опять по цѣлымъ часамъ бесѣдуетъ съ новымъ избранникомъ сердца!... Но тѣ бесѣды ужь не прежнія, не тѣ, что̀ велись съ покойникомъ Евграфомъ. Толкуютъ про Соболя, толкуютъ про устройство хозяйства, про то, какъ бы получше, да посходнѣе домъ купить, какъ бы Алексѣю скорѣй въ купцы записаться... Не цвѣсти по два раза въ лѣто цвѣточкамъ, не знавать Марьѣ Гавриловнѣ прежней любви.

Чаще и чаще вспоминаетъ она про Евграфа, и молится за него Богу усерднѣй. Задумчивѣй прежняго стала она, безпричинная тоска туманитъ сердце ея.

Но только послышится звонкій голосъ Алексѣя, только завидитъ она его, горячій, страстный трепетъ пробѣжитъ по всему ея тѣлу, память о промелькнувшемъ счастьи съ Евграфомъ исчезнетъ внезапно, какъ сонъ... Не наглядится на новаго друга, не наслушается сладкихъ рѣчей его, все забываетъ, его только видитъ, его только слышитъ... Ноетъ, изныва̀етъ въ мучительно страстной истомѣ побѣдное сердце Марьи Гавриловны, въ жаркихъ объятьяхъ, въ страстныхъ поцѣлуяхъ изливаетъ она кипучую любовь на новаго друга.

Но лишь только уйдетъ Алексѣй, опять за прежнія думы, опять за вспоминанья о быломъ блаженствѣ. И свѣтлый образъ Евграфа опять во всей красѣ возстаетъ тогда предъ душевными ея очами.

Нѣтъ тихой радости, нѣтъ сердечной услады — одна тоска, одна печаль плакучая!...

Дивится не надивуется на свою «сударыню» Таня... «Замужъ волей-охотой идетъ, а сама съ утра дò ночи плачетъ... Нѐ спроста это, тутъ дѣло не чисто—врагъ лиходѣй напустилъ «притку присуху»... Не властнà видно была сурочить ее тетка Егориха... Врагъ лиходѣй сильнѣе ея»...

«Кто же тотъ лиходѣй?» спрашиваетъ себя Таня... «Никто, какъ онъ, некому быть окромѧ̀ Алексѣя. Онъ присушилъ, онъ вражьимъ колдовствомъ приворожилъ къ себѣ Марью Гавриловну»... И вспоминаетъ Таня все, чтò прежде слыхала отъ людей про любовную присуху, приворотные корешки и другія волшебныя чары. «Когда онъ, недобрый, впервые былъ у насъ въ Комаровѣ, когда онъ безъ зову, безъ спросу вошелъ къ намъ въ домикъ, меня на ту пору не было дома... Не и́наче, что подкинулъ онъ тогда подъ порогъ наговоренное воронье перо... Не и́наче, что у него тогда на крестѣ было навязано заколдованное ласточкино гнѣздо... Су́противъ тѣхъ волхвованій не устоять ни дѣвицѣ, ни вдовицѣ, ни мужней женѣ: памяти лишится, разума рѣшится, во всемъ подчинится волѣ того человѣка, пока самъ онъ не сурочитъ съ нея earlyчарованья... Вѣрно этотъ врагъ лиходѣй съ нечистою силой въ дружбѣ, въ совѣтѣ живетъ!... Можетъ-статься въ глухую полно́чь въ нето́пленой банѣ въ молокѣ отъ черной коровы варилъ онъ лягушку, да черную кошку!... Можетъ-быть выварилъ изъ нихъ приворотныя грабельки. Тронь тѣми грабельками дѣвицу, вдовицу или мужню жену, закипитъ у ней ретивое сердце, загорится алая кровь, распалится бѣлое тѣло и станетъ ей тотъ человѣкъ краснѣй солнца, яснѣй мѣсяца, милѣй отца съ матерью, милѣй роду племени, милѣй свѣту вольнаго. Молиться отъ него не отмолишься,

чураться не отчураешься, вѣкъ свой будешь ему рабой безотвѣтной. Ни жить, ни быть, ни ѣсть, ни пить безъ того человѣка нельзя... Какъ рыбѣ безъ воды, какъ тѣлу безъ души, такъ и женщинѣ безъ того человѣка... Отъ лихого чарованья на нее бѣдную вѣтры буйные со всѣхъ концовъ наносятъ тоску тоскучую, сухоту плакучую, и ту тоску, и ту сухоту ни ѣдой заѣсть, ни питьемъ запить, ни сномъ заспать, ни думами развѣять, ни молитвой прогнать... Такъ вотъ и Марья Гавриловна!... Ворожила тетка Егориха, и на корни шептала, и на травы наговаривала, съ уголька умывала, переполохъ выливала, а нималой пользы не вышло изъ того... Не сильна была вѣдовствомъ своимъ сурочить съ Марьи Гавриловны притку-присуху любовную!»...

Чѣмъ же избавить «сударыню» отъ тѣхъ лихихъ чарованій, чѣмъ отрезвить ея душу, чѣмъ разумъ оздравить?... Не въ силахъ Таня придумать... Глядя на тоскующую Марью Гавриловну, беззавѣтно преданная ей дѣвушка забываетъ свою печаль, не помнитъ своей кручины... «Въ шелкахъ, въ бархатахъ станешь ходить, будешь мнѣ замѣсто родной дочери, весело заживемъ — въ колямскахъ станемъ ѣздить, на пароходахъ по Волгѣ кататься»... говорила ей «сударыня» передъ отъѣздомъ изъ Комарова, а вотъ теперь деньденьской словечка съ ней не перекинетъ... Скука, тоска, печаль великая!... Но не сѣтуетъ, не досадуетъ Таня на Марью Гавриловну, во всемъ коритъ, во всемъ винитъ одного Алексѣя.. И пуще огня боится его... «Долго ль въ самомъ дѣлѣ, думаетъ Таня, такому кудеснику, такому чаровнику, заворожить сердце бѣдной дѣвушки, лишить меня покоя, наслать нà сердце тоску лютую неизбывную... А какъ взглянешь на него — залюбуешься!... Чтò за красота молодецкая, чтò за поступь удалая богатырская!»...

И страшатъ и прельщаютъ бѣдную Таню быстрые палючіе взоры черныхъ очей Алексѣя.

По пріѣздѣ въ городъ Алексѣю прежде всего надо было «Соболя» принять. На другой же день отправился онъ на пристань. Было уже за полдень, ото всѣхъ пристаней пароходы давно отвалили, наступило обѣденное время рабочихъ, и они разбрелись по береговымъ харчевнямъ, набережная совсѣмъ почти опустѣла. Не замѣтно на ней обычной суеты, не слышно ни пѣсенъ, ни громкихъ кликовъ, ни зычнаго гомона рабочаго люда. Величаво поднимая кверху легкую мачту съ тонкими райнами и широкую бѣлую трубу съ краснымъ перехватомъ по середкѣ, сиротой стоялъ опустѣлый Соболь: ни на палубѣ его, ни на баржахъ не было ни одного тюка, ни одного человѣка... Галки разсѣлись по райнамъ и по устью дымогарной трубы, а на носу парохода беззаботно усѣлся бѣлоснѣжный мартынъ съ краснoперымъ окунемъ въ клювѣ. Мѣрно плещется о бока и колеса пустого парохода легкій прибой волжской волны. На сходняхъ стоитъ тотъ самый капитанъ, что такъ непривѣтно обошелся съ Алексѣемъ, когда тотъ недѣли двѣ передъ тѣмъ впервые увидалъ Соболя. Стоитъ капитанъ и должно-быть отъ скуки и бездѣлья щелкаетъ кедровы орѣхи... Глазъ не сводя, смотритъ онъ вдаль по Волгѣ, глядитъ какъ изъ-за блѣдно-желтой заметавшей чуть не половину рѣки косы легко и свободно выплываютъ одинъ за другимъ низовые пароходы, увлекая за собой долгія, легкія, уемистыя баржи.

Узналъ Алексѣй капитана, подошелъ къ нему. Важности напустилъ на себя — я дескать все едино, что хозяинъ.

— Это Соболь? — спросилъ онъ.

— Соболь, — сквозь зубы отвѣтилъ капитанъ, не взглянувъ путемъ на Алексѣя, не повернувшись даже къ нему.

— Марьи Гавриловны Масляниковой?—снова спросилъ Алексѣй.

— Ея,—нехотя молвилъ капитанъ, и по прежнему глазъ не сводилъ съ подбѣгавшихъ пароходовъ.

— Къ сдачѣ готовъ? — продолжалъ спрашивать Алексѣй.

— Пятнадцать денъ пóпусту проживаемъ,—сказалъ капитанъ, искоса взглянувъ на Алексѣя, но и тутъ не вздумалъ ему поклониться.

— Какъ пóпусту? — спросилъ Алексѣй.

— Пароходной хозяйки нѣтъ, дуй ее горой... Повѣренныхъ не шлетъ, — время только даромъ проводимъ.

— Я приму, — сказалъ Алексѣй.

Капитанъ не смутился. Повернулся къ Алексѣю и, продолжая щелкать орѣхи, внимательно оглядѣлъ его съ головы до пятокъ.

— Довѣренность?... — протягивая руку спросилъ онъ.

— Какая?

— Впервóй должно быть на пристани-то?—усмѣхнулся капитанъ. — Пароходъ не дровъ полѣнница — безъ довѣренности, какъ его сдашь? Довѣренность отъ хозяйки нужна, отъ купчихи, значитъ, отъ Масляниковой...

И пристальнѣй прежняго сталъ приглядываться къ выплывавшимъ изъ-за песчаной косы пароходамъ и попрежнему принялся щелкать кедровые орѣхи.

Закипѣла досада въ Алексѣѣ. «Сгоню его безпремѣнно!» думаетъ онъ... «Ишь какого барина гнетъ изъ себя, сиволапый!... Слова путемъ не хочетъ промолвить!»... Повернулся и пошелъ вдоль по набережной.

Десяти шаговъ не прошелъ, капитанъ ему крикнулъ въ догонку:

— Эй, почтенный!... Въ молодцахъ что ли служишь у хозяйки-то?

Взорвало Алексѣя, обидно стало... «Въ молодцахъ!»...

— Тебѣ что̀? — грубо спросилъ онъ капитана, не повернувшись.

— Коль въ молодцахъ у нея, такъ молви — пріемкой бы не медлила, — на всю пристань оралъ капитанъ. — Я ей не караульщикъ!... Мнѣ на другомъ пароходѣ мѣсто готово... Лишусь по ея милости мѣста, убытки взыщу... Скажи отъ меня ей чернохвостницѣ: здѣсь молъ не скиты, потачки не дадутъ... Такъ и скажи ей—тысячью, молъ, рублевъ не отдѣлаешься... Я ей щетинку-то всучу...

Куда какъ хотѣлось Алексѣю вернуться къ пароходу и притузить капитана... Но воздержался — главное полиціи боялся.

Взялъ извозчика и къ маклеру... Пробылъ у него больше часа. У Патапа Максимыча негдѣ было ему дѣловымъ порядкамъ научиться... Обѣщавъ хорошую плату, разспросилъ маклера, какъ пишутъ довѣренности, какъ покупаютъ и продаютъ дома, пароходы, какъ въ купцы приписываются, да ужь кстати спросилъ и о томъ, нѣтъ ли у него на примѣтѣ хорошаго капитана на Соболь.

Пріѣхавши къ Марьѣ Гавриловнѣ, такихъ страховъ наговорилъ, что та совсѣмъ растерялась.

— Былъ я на Соболѣ, — озабоченно и безпокойно сказалъ онъ. — Не больно тамъ ладно.

— Что̀ такое? — встревожилась Марья Гавриловна.

— Завтрашняго числа надо его безпремѣнно принять, — сказалъ Алексѣй, — не то много придется пла-

тить неустойки, да еще за простой... Судомъ грозитъ капитанъ, убытки взыскивать хочетъ...

— Сегодня же прими, голубчикъ, теперь еще не поздно, успѣешь,— молвила Марья Гавриловна.

— Безъ довѣренности не сдадутъ... Не дровъ полѣнница, — сказалъ Алексѣй, кстати ввернувъ слова капитана.

— Я тóтчасъ ее напишу, — сказала Марья Гавриловна.

— Скоро блины пекутъ, да сказки сказываютъ, — молвилъ Алексѣй.—Чтобъ ее написать, какъ слѣдуетъ, двѣ, либо три, недѣли надо. Нарочно къ маклеру ѣздилъ, совѣтовался... Говоритъ то же самое... Скоро этого дѣла сдѣлать никакъ невозможно, а если три недѣли еще пропустить, такъ этихъ проклятыхъ неустоекъ, да простоевъ столько накопится, что, пожалуй, и пароходъ-отъ не будетъ стоить того... И нужно же было братцу твоему любезному неустойку вписать!... И безъ нея обошлось бы. А ужъ если безъ неустойки нельзя, такъ писалъ бы по крайности небольшую... Теперь вотъ поди и валандайся тутъ по его милости...

— Чтó жъ намъ дѣлать, Алешенька?... Чтó жъ дѣлать, голубчикъ ты мой? — почти со слезами говорила Марья Гавриловна, припавъ лицомъ къ плечу возлюбленнаго.

— Самъ не знаю, чтó дѣлать, — холодно отвѣтилъ Алексѣй.—Ума приложить не могу... Маклеръ, правда, совѣтуетъ... Да этого нельзя... Этого никакъ невозможно!... Большіе надо убытки принять...

— Чтó такое? — спросила Марья Гавриловна.

— Да чтó!... Пустое дѣло, — молвилъ Алексѣй. — Не стóитъ поминать..

— Да скажи, голубчикъ, скажи, милый ты мой, — крѣпко обнимая Алексѣя, спрашивала Марья Гавриловна.

— Продать совѣтуетъ,—сквозь зубы сказалъ онъ.

— Не хотѣлось бы мнѣ продавать парохода,— грустно промолвила Марья Гавриловна. — Всѣ говорятъ, что пустить хорошій пароходъ на Волгу дѣло самое выгодное... Прибыльнѣй того дѣла по теперешнимъ временамъ, говорятъ, не придумаешь. Въ Казани у брата ото всѣхъ такъ слыхала, и Патапъ Максимычъ то же сказывалъ, и Сергѣй Андреичъ Колышкинъ.

— Конечно выгодно,—сказалъ Алексѣй.—Да вотъ эти окаянныя неустойки, что братецъ твой въ условіе ввернулъ!... Опять же простои... Благодари братца, онъ такъ устроилъ.

Не отвѣтила Марья Гавриловна. Послѣ недолгаго молчанія Алексѣй продолжалъ:

— Маклеръ говоритъ, покупщики завтра жь найдутся, только ужь денегъ тѣхъ не дадутъ, сколько за Соболя плачено было. За половину продать, такъ слава Богу, онъ говоритъ.

— Господи!... Да что жь это такое?... — всхлипнула Марья Гавриловна.—Вѣдь это разоренье!...

— Самъ то же думаю,—молвилъ Алексѣй.

И, вставъ съ мѣста, подошелъ къ окну и, закусивъ нижнюю губу, сталъ по стеклу барабанить.

— Что жь намъ дѣлать?... Что жь намъ дѣлать-то?...—тосковала Марья Гавриловна. — Алеша, хоть мы съ тобой пока и не вѣнчаны, а все жь вѣдь ты голова... Подумай, помоги—твое вѣдь... Гдѣ мнѣ глупой бабенкѣ знать да дѣлать такія дѣла?... Гдѣ мнѣ было имъ научиться?...

И зарыдавъ, обняла Алексѣя и поникла на груди его головою.

— Еще маклеръ совѣтовалъ,—сказалъ онъ.—Только не знаю, какъ. По-моему это совсѣмъ ужь не подходящее дѣло.

— Что, что такое? — спрашивала Марья Гавриловна.

— Да нѣтъ!... Пустяки—не статочное дѣло... Говорить не сто́итъ,—сказалъ Алексѣй.

— Да скажи, голубчикъ мой, скажи ради Господа!... Что не сказать?... Ради Творца небеснаго!... Да пожалуста, Алешенька!..—молила его Марья Гавриловна

Переминается Алексѣй, не сказываетъ, а Марья Гавриловна пуще проситъ его, нѣжной рукой разглаживая хмурое чело жениха. Заговорилъ онъ, наконецъ, будто съ большой неохотой:

— Продать его скорѣй надежному человѣку... Пусть бы онъ заплатилъ неустойки, что по сей день накопилось да, очистивъ пароходъ отъ долговъ, воротилъ его тебѣ...

— Зачѣмъ же дѣло стало?—быстро спросила Марья Гавриловна.

— А гдѣ такого человѣка найдешь? — спросилъ Алексѣй.—Нынче всякъ за свой карманъ. Подпиши-ка ему крѣпость-то, онъ тебѣ поклонъ да и вонъ... Развѣ вотъ что̀: посылай въ Казань эстафету, зови брата... Пусть его купитъ... Свои люди—сочтетесь.

Задумалась Марья Гавриловна... И немного, подумавши, тихо сказала:

— Не пошлю я за братомъ, Алешенька. Богъ знаетъ, что̀ у него на разумѣ... Можетъ, и грѣшу... А сдается мнѣ, что онъ на мои достатки смотритъ завидно... Теперь поди еще завиднѣе будетъ, прежде хоть думалъ, что не самъ, такъ дѣти наслѣдство отъ меня получатъ... Нѣтъ, не продамъ ему Соболя.

— Больше некому,—промолвилъ Алексѣй.—Стало-быть—пропадать пароходу?

— Зачѣмъ же пропадать? — весело сказала Марья Гавриловна. — А ты-то на что̀, голубчикъ?... Кто жь

мнѣ ближе тебя?... Для тебя же вѣдь его и покупала... Завтра жь на себя переписывай... Вѣдь я твоя и все, что ни есть у меня, твое... Все твое, голубчикъ, все...—страстно цѣлуя Алексѣя, говорила она.

— Ладно ль будетъ такъ-то?—промолвилъ онъ.— Люди вѣдь злы, наскажутъ и не вѣсть чего!...

— Что намъ до людей?...—въ страстномъ порывѣ вскликнула Марья Гавриловна.—Дѣлай скорѣй... Завтра же... А чтобъ людямъ поменьше пришлось про насъ толковать, сдѣлаемъ вотъ что: говорено было вѣнчаться осенью, свѣнчаемся теперь же... Ищи попа. Петровки пройдутъ—будемъ мужъ да жена.

Обнялъ Алексѣй Марью Гавриловну, и сталъ горячо ее цѣловать.

— Либо въ Москву, либо въ Казань надо ѣхать,— сказалъ онъ.—Другого попа по близости нѣтъ.

— Ни за что не поѣду въ Москву...—вскрикнула Марья Гавриловна.—Ни за что на свѣтѣ, ни за что!..

Вспомнить она не могла про Москву, гдѣ провела печальные годы замужества.

— Такъ въ Казань,—молвилъ Алексѣй.

— И въ Казань не поѣду, — рѣшительно сказала Марья Гавриловна.—Тамъ братъ, тамъ много родныхъ и знакомыхъ. Пойдутъ разговоры, пойдутъ пересуды... Нѣтъ, нѣтъ, не хочу, не поѣду въ Казань.

— Какъ же быть?—молвилъ Алексѣй.—Про Городецъ я провѣдывалъ, такъ раньше Вздвиженья тамъ не будетъ попа—теперь, слышь, въ разъѣздахъ... Гдѣ же вѣнчаться-то?

— Въ церкви,—спокойно отвѣтила Марья Гавриловна.

— Какъ въ церкви?... Въ какой?...—съ удивленьемъ спросилъ ее Алексѣй.

— Да вонъ хоть въ этой,—указала Марья Гавриловна въ окно на церковный верхъ, возвышавшійся надъ домами.

— Да это великороссійская!... — сказалъ Алексѣй.

— А тебѣ нѣмецкую, что ли надо? — улыбнулась Марья Гавриловна.

— Грѣхъ вѣдь, Марья Гавриловна, — раздумчиво сказалъ Алексѣй.

— Не слыхалъ развѣ, что по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ?—спросила Марья Гавриловна.

— Да оно конечно... Только знаешь, какъ-то все думается... Грѣхъ-отъ кажется больно великъ,—колебался Алексѣй. — Пожалуй еще не простой грѣхъ, пожалуй изъ непрощеныхъ!... Погодимъ лучше до Вздвиженья, какъ попъ въ Городецъ воротится.

— Не стану я ждать,—съ живостью сказала Марья Гавриловна.—Тяжела мнѣ такая жизнь — долго ее ее вынесешь... Чтó я теперь стала?... Самъ посуди... Ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ, отъ берега отстала, къ другому не пристала, совѣстно даже на людей глаза поднять... Нѣтъ, Алеша, нѣтъ; ты ужь не раздумывай .- Не хочешь въ великороссійской, въ Духовской [1]) повѣнчаемся.. Тамъ обведутъ насъ пóсолонь, Исайю пѣть не станутъ, чашу растопчешь, молитвы попъ прочитаетъ тѣ жь самыя, чтó и въ часовнѣ [2]).

— Такъ-то оно такъ, да все какъ-то знаешь оно...— продолжалъ колебаться Алексѣй.

— Чтò еще?—быстро взглянувъ на него, спросила Марья Гавриловна.

— Да я все на счетъ грѣха-то... Прощеный ли?— говорилъ Алексѣй.—Одинова я съ церковникомъ въ банѣ парился, такъ и за это отецъ Аѳанасій на духу-

[1]) Единовѣрческой.

[2]) У старообрядпевъ и единовѣрцевъ при совершеніи брака вокругъ налоя ходятъ по солнцу, *Исаія ликуй* не поютъ, вино пьютъ изъ стекляннаго сосуда, который потомъ женихъ бросаетъ на полъ и растаптываетъ ногой. До Никона патріарха это было всеобдержнымъ обычаемъ, онъ сохранялся даже и на царскихъ свадьбахъ.

то началилъ-началилъ меня, на поклоны даже поставилъ... А вѣдь это, сама посуди—вѣдь это не баня?

— Полно-ка, голубчикъ, по времени исправимся,— перебила его Марья Гавриловна.—Ну поставитъ попъ на поклоны... Эка важность!... Какъ-нибудь да отмолимся...

— Дѣлать видно нечего, въ Духовской такъ въ Духовской,—послѣ долгаго раздумья сказалъ Алексѣй.

— Оно жъ и покрѣпче будетъ,—улыбаясь и обнимая Алексѣя молвила Марья Гавриловна.—Въ Духовской-то обвѣнчаемся, такъ вѣнецъ не въ примѣръ будетъ крѣпче... Тогда ужъ ты меня, какъ лапоть, съ ноги не сбросишь...

— Чтó ты, чтó ты?... Эко слово какое сказала!...— заговорилъ Алексѣй.

— А кто тебя знаетъ!... Я состарѣюсь, а ты, еще въ порѣ будешь... Какъ знать чтó будетъ?...—сказала Марья Гавриловна.

— Полно ты, полно!... Экъ чтó выдумала!... Придетъ же такое въ голову!... Да о чемъ же плакать-то?... Чтó и въ самомъ дѣлѣ? .. Ну, какъ не стыдно?...— уговаривалъ Алексѣй Марью Гавриловну, а она, крѣпко прижавшись къ плечу его, такъ и заливалась слезами.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Съ помощью маклера Алексѣй Трифонычъ живой рукой переписалъ Соболя на свое имя, но въ купцы записаться тòтчасъ было нельзя. Надо было для того получить увольненіе изъ удѣла, а въ этомъ голова Михайло Васильевичъ не властенъ, придется дѣло вести до Петербурга. Внесъ впрочемъ гильдію и сталъ крестьяниномъ, торгующимъ по свидѣтельству перваго рода... Не купецъ, а почти что то же.

Новый купецъ и владѣлецъ парохода явился на пристань. Новости тамъ расходятся быстро, все одно, что на базарѣ. Когда Алексѣй проходилъ по набережной, на него только что пальцами не указывали. Идетъ и слышитъ, какъ ведутъ про него пересуды...

— Ишь ты! Лыкомъ шитъ, совсѣмъ какъ есть деревенщина, а тоже пароходчикъ!

— А вѣдь надо дѣло говорить—что́ ни на есть первый по Волгѣ ходокъ.

— Кто?

— Да Соболь-отъ.

— Соболь-отъ! Да... А поди вонъ кому достался.

— Мужикъ какъ есть мужикъ... А въ купцы тоже лѣзетъ...

— При такихъ достаткахъ сапоги дегтемъ мазаны!

— Въ длиннополой-то сибиркѣ да въ перву гильдію!

— Откудова это такія деньги взялись у него?

— Извѣстно, не съ неба свалились.

— Знамо не съ неба, да вѣдь пятьдесятъ тысячъ на полу не подымешь.

— Можетъ дешевле ему обошлось

— Какъ такъ?

— Масляничиха-то, сказываютъ, старуха, а онъ гляди какой здоровенный... Понялъ, какова коммерція-то?

— Понялъ.

— Грому-то на нихъ нѣтъ!

— Тьфу ты пропасть!... Не нашла она чище сиволапаго.... Да за такой пароходъ и не мужикъ бы со всякимъ усердіемъ.

— Такъ ужъ видно пришлось... Да ну ихъ ко псамъ!

Все слышитъ Алексѣй. Злоба всю душу въ немъ повернула, такъ бы и положилъ въ лоскъ всѣхъ до единаго.

Подошелъ къ Соболю. Капитанъ стоитъ у руля и молча въ даль смотритъ. На палубѣ ни души. Сказываетъ про себя Алексѣй капитану, что онъ новый хозяинъ. Не торопясь, сошелъ капитанъ съ рубки, не снимая картуза, подошелъ къ Алексѣю и сухо просилъ:

— Бумаги?

— Какія?

— Докумéнты.

Вынулъ Алексѣй нужныя бумаги, капитанъ внимательно пересмотрѣлъ ихъ.

— Вѣрно,—сказалъ онъ, возвращая бумаги, и тóтчасъ отворотился.

— Принять желаю,—съ досадой сказалъ Алексѣй.— Сейчасъ же, сію минуту, чтобъ сдача была.

— Примай, — не оборачиваясь небрежно отвѣтилъ капитанъ.

— Сдавай!—крикнулъ ему Алексѣй, сдѣлавъ три шага впередъ.

— А ты больно-то не ори—печенка лопнетъ... Горломъ братъ, здѣсь не возьмешь, сами орать-то здоровы—насъ не перекричишь...—съ нахальствомъ сказалъ ему капитанъ.

Противъ Соболя на набережной собралась толпа празднаго люда. Всякому въ охоту послушать перебранку новаго хозяина со старымъ капитаномъ.

— Своего требую!... Пароходъ мой—ты долженъ его сдать,—горячился Алексѣй.

Капитанъ подперъ бока руками и, склонясь немножко на сторону, ровнымъ голосомъ, но съ усмѣшкой сказалъ Алексѣю, подмигивая стоявшимъ на набережной:

— Пароходы покупаешь, а порядковъ не знаешь... Горе ты, не пароходчикъ!... Какъ же я тебѣ стану сдавать безъ свидѣтелей?... Опять же гдѣ полиція, гдѣ водяной смотритель?... Эхъ ты!... Не пароходы

тебѣ покупать, навозъ бы лучше изъ деревни на поля вывозилъ...

Толпа громко захохотала.

— Онъ на Соболѣ-то навозъ возить зачнетъ!

— Кладь добрая!

— Поставка хорошая!... Почемъ съ пуда-то?...

— Ахъ, дуй васъ горой!

Видитъ Алексѣй дѣлать нечего,—опять къ маклеру за совѣтомъ. Осыпаемый насмѣшками едва пробрался онъ сквозь набравшуюся толпу. Когда сѣлъ на извозчика, толпа ухнула въ разъ и захохотала. Со злобы и досады слезы даже выступили у Алексѣя. Пріѣхавъ къ маклеру разсказалъ ему все, не промолчалъ ни про нахальство капитана, ни про насмѣшки толпы. Маклеръ научилъ его, какъ принимать пароходъ и посо вѣтовалъ пригласить для пріемки знающаго человѣка, который бы обладилъ дѣло, какъ слѣдуетъ. Алексѣй согласился, маклеръ указалъ ему человѣка.

— А насчетъ того, что на пристани собачатся, тутъ ужь дѣлать нечего, надо потерпѣть, — сказалъ маклеръ.—По времени все обойдется, а на первый разъ надо потерпѣть. Главное дѣло не горячитесь, дѣлайте дѣло, будто не слышите ихъ. Погомонятъ, погомонятъ—разойдутся... А пріемку начинайте подъ вечеръ, часу въ пятомъ либо въ шестомъ,—тогда на пристани мало народу бываетъ, а иной день и вовсе нѣтъ никого... Да еще бы я вамъ совѣтовалъ, коль не во гнѣвъ будетъ вамъ меня выслушать...

— Что такое?—спросилъ Алексѣй.

— Да видите ли что, Алексѣй Трифонычъ,—протяжно и внушительно сталъ говорить ему маклеръ.— Теперь вы въ купцы еще не записаны, однакожъ заплативши гильдію все-таки на линіи купца стоите... Вамъ бы одёжу-то смѣнить... По-крестьянскому ходить теперь вамъ не приходится.. Надѣньте-ка хоро-

шій сертукъ, да лаковые сапоги, да модную шляпу либо фуражку—совсѣмъ другое уваженье къ вамъ будетъ...

— Чтó жъ? Я съ моимъ удовольствіемъ,—сказалъ Алексѣй.

— Вотъ вамъ билетецъ,—сказалъ маклеръ, подавая Алексѣю карточку.—Съ этимъ билетцомъ поѣзжайте вы къ портному, у него готоваго платья завсегда припасено вдоволь. Да выбирайте не сами, во всемъ на него положитесь... Главное, чтобы пестраго на васъ ничего не было, все чтобы черное, а рубашка бѣлая полотняная, и каждый день чистую вздѣвайте... Постойте-ка, я портному-то записку напишу.

Алексѣй поблагодарилъ за совѣтъ.

— Да вотъ чтó еще, Алексѣй Трифонычъ.—Вамъ бы и рѣчь-то маленько поизмѣнить, чтобъ отъ васъ деревней-то не больно припахивало,—съ добродушной улыбкой сказалъ маклеръ.—А то вотъ вы все на о говорите—праздному человѣку аль какому гулящему это и нà руку... Тотчасъ зачнутъ судачить да пересмѣивать... Вамъ бы модныхъ словецъ поучить, чтобъ разговаривать политичнѣе.

Покраснѣлъ Алексѣй. Сознавалъ, что высокó залѣтѣлъ, что новая жизнь не подъ силу ему приходится, но сознаться въ томъ передъ маклеромъ было стыдно.

— Не умѣю,—чуть слышно, сквозь зубы промолвилъ онъ.

— Учиться надо, Алексѣй Трифонычъ,—отвѣтилъ маклеръ.—Наука не больно хитрая... Въ трактиры почаще ходите, въ тѣ, куда хорошіе купцы сбираются, слушайте, какъ они межь себя разговариваютъ, да помаленьку и перенимайте... А еще лучше, въ коммерческій клубъ ходите... Хотите, я васъ гостемъ туда запишу?...

— Чтó жъ это такое?—спросилъ Алексѣй.—Трактиръ что ли какой?...

— Нѣтъ, не трактиръ,—улыбаясь сказалъ ему маклеръ.—Это такое мѣсто, куда по вечерамъ сбираются купцы межъ собой побесѣдовать и повеселиться. Самые первостатейные тамъ бываютъ, и господа тоже. Въ карты играютъ... Умѣете ли въ карты-то?

— Игрывалъ,—отозвался Алексѣй

— Въ какія игры?—спросилъ маклеръ.

— Въ хлюсты, въ носки... Въ три листика еще,—отвѣтилъ Алексѣй.

— Ну эти игры тамъ не годятся, про нихъ и не поминайте—не то какъ разъ осмѣютъ...—сказалъ маклеръ.—Другія надобно знать... Да я обучу васъ по времени... А теперь—прежде всего одѣньтесь, какъ слѣдуетъ, на руки перчатки надѣньте, въ обтяжку, да чтобъ завсегда перчатки были чистыя... Подъ скобку тоже вамъ ходить не приходится... Прежде портного—зайдите вы къ цирульнику, тамъ обстригутъ васъ, причешутъ.

Алексѣй все сдѣлалъ по совѣту маклера и, когда завитой, раздушенный, распомаженный, одѣтый по модѣ вошелъ онъ къ Марьѣ Гавриловнѣ, Таня такъ и шарахнулась въ сторону, а Марья Гавриловна руками закрыла лицо.

— Этакъ будетъ политичнѣе,—сказалъ Алексѣй, повертываясь и охорашиваясь передъ зеркаломъ.

— Чтой-то тебѣ, Алешенька, вздумалось такъ вырядиться?...—жалобро проговорила Марья Гавриловна.—Нешто этакъ-то лучше?

— По той самой причинѣ, что такъ какъ я теперича на линіи купца, такъ нельзя же мнѣ по-мужицки

ходить...—съ неумѣлой развязностью сердито молвилъ Алексѣй.

— Да я такъ сказала, спроста,—отвѣтила Марья Гавриловна.—Мнѣ только смѣшно глядѣть-то на тебя на этакого, съ улыбкой прибавила она.

— И вовсе тутъ ничего смѣшного нѣтъ,—нахмурясь сказалъ Алексѣй.—Всѣ хорошіе люди такъ ходятъ... А я обсѣвокъ что ли какой?... Для че я мнѣ полированнымъ человѣкомъ не быть?...

Въ новомъ платьѣ Алексѣй успѣлъ побывать въ трактирѣ и послушать тамъ, какъ купцы говорятъ. Перенялъ кой-какихъ мудреныхъ словецъ.

Замѣтивъ досаду Алексѣя, Марья Гавриловна тотча́съ же стала его увѣрять, что для нея онъ во всякомъ нарядѣ хорошъ и, если ему нравится такъ ходить, волѣ его перечить не станетъ она.

— Не въ одёжѣ дѣло, милый ты мой, а въ душѣ,—сказала она, ласкаясь къ нему—люби только меня, не разлюбливай, во всемъ другомъ дѣлай, какъ знаешь.

И нѣжно его поцѣловала.

— Домъ есть на примѣтѣ,—сказалъ черезъ нѣсколько минутъ Алексѣй.—Маклеръ указалъ. Посмотрѣлъ я—хорошій домъ.

— А цѣной?—спросила Марья Гавриловна.

— Цѣной-то дорогонекъ, за то ужь и хорошъ же,—сказалъ Алексѣй.—Каменный, двухъэтажный, на хорошей улицѣ, по лицу тринадцать окошекъ, на дворѣ флигеля большіе, каменные... Можно будетъ въ наймы отдавать. Службы тоже всѣ каменныя, мѣста пропасть, садъ..

— Цѣна-то какъ? Цѣну скажи?—спрашивала Марья Гавриловна

— Сорокъ тысячъ цѣлковыхъ въ первомъ словѣ,—сказалъ Алексѣй.—Тысячи три, либо тетыре, спустятъ.

Опять же и въ домѣ все на хорошую руку; стулья всякіе, столы, зеркала, на полахъ ковры—одно слово богатель...

— Что?—спросила Марья Гавриловна.

— Богатель,—говорю, съ ужимкой отвѣтилъ Алексѣй:

— Что̀ жь это за богатель такая? — переспросила Марья Гавриловна.

— Животы, значитъ, всякіе достатки въ самолучшемъ видѣ,—сказалъ Алексѣй.

— Дороговько-то оно дороговько,—помолчавъ молвила Марья Гавриловна.—А ежели все въ хорошемъ видѣ, такъ денегъ нечего жалѣть. На̀ домъ денегъ не жаль. Говорится—же, что̀ продано, то прожито, что́ куплено, то нажито...

— Это точно,—согласился Алексѣй.—Домъ стоющій. Опричъ того, что сами будемъ жить, флигеля, амбары, кладовыя пустимъ въ наймы—доходъ будетъ знатный... Только вѣдь и тутъ хлопоты... Надо будетъ тебѣ по присутственнымъ мѣстамъ ходить, въ гражданской палатѣ...

— Ну этого ужь не будетъ!—ровно встрепенувшись, молвила Марья Гавриловна.—Ни за что̀ на свѣтѣ! Пока не обвѣнчаны, шагу на улицу не ступлю, глазъ не покажу никому... Тяжело вѣдь мнѣ, Алешенька,—припадая не плечо къ милому, тихо, со слезами она примолвила.—Самъ посуди, какъ мы живемъ съ тобой!... Вѣдь эта жизнь совсѣмъ истомила меня... Можетъ, ни единой ноченьки не провожу безъ слезъ... Стыдно на людей-то смотрѣть.

— Чего же тутъ стыднаго?—сухо спросилъ Алексѣй.

— Да какъ же?... Развѣ хорошо мы дѣлаемъ?—жалобно заговорила Марья Гавриловна.—И передъ Богомъ-то грѣхъ великій и передъ людьми-то стыд-

нымъ стыднёхонько... Нѣтъ ужь ты меня лучше не уговаривай. Пока вѣнцомъ грѣха не покроемъ, не буду я на людей глядѣть... Отъ того и желаю скорѣй обвѣнчаться... Богомъ прошу тебя, голубчикъ... Не томи ты меня, не сокрушай въ горькой печали моей!...

И горько зарыдавъ, закрыла лицо руками и тяжело опустилась на кресло...

— О чемъ же это ты?... Милая!...—уговаривалъ ее Алексѣй. — Что жь это въ самомъ дѣлѣ?... Какъ не стыдно?.. Полно, голубонька, перестань, моя ясынька!.. Ну, пожалуй... Для тебя я на все согласенъ... Хоть въ самый же Петровъ день обвѣнчаемся... Только какъ же это будетъ у насъ?... Здѣсь стало быть придется, въ этихъ горенкахъ свадьбу-то играть.

— Какъ можно въ этихъ горенкахъ? — поднявъ заплаканные глаза на Алексѣя, сказала Марья Гавриловна.—При нашихъ-то достаткахъ да въ этихъ клѣтушкахъ!... Полно ты, полно!... А домъ-отъ?... Купимъ до того времени... Недѣля остается... Богъ дастъ, управимся.

— Да вѣдь сказалъ же я тебѣ, что безъ того до́ма нельзя купить, чтобъ самой тебѣ въ гражданской палатѣ въ книгѣ не росписаться,—сказалъ Алексѣй.— А если до вѣнца съ людьми видѣться не хочешь, какъ же это сдѣлать-то?

— На свое имя купи, — молвила Марья Гавриловна.

— Развѣ что такъ... — раздумчиво молвилъ Алексѣй.—Только знаешь ли?... Пароходъ на твои деньги, теперь домъ... Наскажутъ и не знай чего... Всѣ вѣдь знаютъ, что у меня ни кола, ни двора, за душой ни гро́ша... Опять же и самому мнѣ какъ-то совѣстно.. Какъ же это? Деньги твои, а домъ будетъ мой?..

— А самъ-отъ ты развѣ не мой?—съ ясной улыбкой обнявъ Алексѣя, сказала Марья Гавриловна.— Развѣ мужу съ женой можно дѣлиться?... И въ Писаніи сказано: «оба въ плоть едину»... Что̀ твое—мое, что̀ мое—твое. По моему разсужденью—такъ, не знаю, какъ по твоему.

— Да оно конечно,—закусивъ губу, молвилъ Алексѣй.—Оно конечно... Только право боязно мнѣ, чтобъ сама ты послѣ чего не подумала... Вотъ дескать: еще не женился, а деньги ужь высасываетъ.

— Полно ты, нехорошій этакой, полно вздоръ-отъ молоть! — вскликнула Марья Гавриловна, хлопнувъ слегка Алексѣя по лбу рукой.—Экъ что вздумалъ!... Придетъ же такое въ голову... Безстыдникъ!... А знаешь ли что́, Алеша?—сказала она, любуясь на жениха.—Какъ этакъ-то ты вырядился, ты вѣдь еще краше сталъ... Пригоженькій, хорошенькій!...—приговаривала она, гладя Алексѣя по головѣ.

Когда Алексѣй выходилъ отъ Марьи Гавриловны, въ сѣняхъ столкнулся съ Таней. Та отступила и раскраснѣлась, какъ маковъ цвѣтъ.

И Алексѣй на минуту остановился, жадно взглянулъ на пышущее красотой лицо дѣвушки и, опустя голову, пошелъ со двора.

«Экая дѣвчонка-то! думалъ онъ... Красотка!... И молоденькая еще!... А Марья Гавриловна говоритъ: «состарѣюсь, а ты еще въ порѣ будешь!...» Гм!... А вѣдь оно и такъ!... Пароходъ пятьдесятъ, домъ сорокъ—значитъ теперь у насъ собственнаго капиталу девяносто тысячъ!... Важно!...»

А Марья Гавриловна, простясь съ Алексѣемъ, подошла къ окну и взоръ ея невольно устремился за Оку... Опять Евграфъ вспомнился... Опять печаль туманомъ подернула лицо ея...

Дня черезъ два послѣ того къ дому Сергѣя Андреича Колышкина подъѣхала извощичья коляска, запряженная парой добрыхъ коне́й. Въ ней сидѣлъ высокій молодой человѣкъ въ новенькомъ съ иголочки пальто и въ круглой шелковой шляпѣ. Еслибъ коляска заѣхала въ деревню Поромову да остановилась передъ избой Трифона Лохматаго, не узнать бы ему родного дѣтища.

Хотя съ непривычки и не совсѣмъ ловко вышелъ Алексѣй изъ коляски, но бойкимъ шагомъ подошелъ къ подъѣзду и дернулъ изо всей силы бронзовую ручку колокольчика. То́тчасъ же человѣкъ съ галуномъ на картузѣ широко распахнулъ передъ нимъ двери.

— У себя ли Сергѣй Андреичъ? — важно поднявъ голову, спросилъ Алексѣй.

— Принимаютъ,—отрывисто отвѣтилъ придверникъ, зорко оглядывая Алексѣя и вспоминая, какъ недѣли двѣ передъ тѣмъ онъ, одѣтый по́просту, робко спрашивалъ у него про Сергѣя Андреича.

— Что́ принимаетъ?... Кладь что-ли какую?—спросилъ Алексѣй.

— Какую кладь?...—съ усмѣшкой сказалъ тотъ.— Гостей принимаютъ, аль кто по надобности придетъ. И отступивъ въ сторону отъ двери, примолвилъ: На верхъ пожалуйте.

Алексѣй скинулъ пальто. Былъ онъ въ коротенькомъ сюртукѣ, въ лаковыхъ сапожкахъ, бѣлье изъ тонкаго голландскаго полотна было чисто, какъ лебяжій пухъ, но все сидѣло на немъ какъ-то нескладно, все шло къ лѣсному добру-мо́лодцу ровно къ коровѣ сѣдло, особенно прическа съ проборомъ до затылка, замѣнившая темно-русыя вьющіяся кудри, что́ когда-то на яву и во снѣ мерещились многимъ, очень многимъ деревенскимъ краснымъ дѣвицамъ.

Сердито смотрѣлъ картузъ съ галуномъ на Алексѣя, когда тотъ поднимался по широкой лѣстницѣ, покрытой ковромъ, обставленной цвѣтами и зеленью. «Ишь привалило косолапому!» бормоталъ придверникъ: «а нашъ братъ бейся, служи, служи, а на повѣрку въ одномъ карманѣ клопъ на арканѣ, а въ другомъ блоха на цѣпи...»

— Для че на коверъ-то харкнули?... — крикнулъ онъ съ досады вслѣдъ Алексѣю.—Плевальницы на то по угламъ ставлены... Аль не видишь?... Здѣсь не изба деревенская, аль не кабакъ какой...

Смутился Алексѣй, но не подалъ вида. Смѣло, мѣрными шагами вошелъ онъ въ покои Сергѣя Андреича.

— Ишь какъ расфуфырился!—продолжалъ ворчать картузъ съ галуномъ.—Псу не дядя, свиньѣ не братъ!.. Вотъ оно деньги-то что́ означаютъ...

На ту пору у Колышкина изъ постороннихъ никого не было. Какъ только сказали ему о приходѣ Алексѣя, то́тчасъ велѣлъ онъ позвать его, чтобъ съ глазу на̀ глазъ пожурить хорошенько.—Такъ дескать добрые люди не дѣлаютъ, столь долго ждать себя не заставляютъ... А затѣмъ объявить, что «Успѣхъ» не могъ его дождаться, убѣжалъ съ кладью до Рыбинска, но это не бѣда: для любимца Патапа Максимыча у него на другомъ пароходѣ мѣсто готово, хоть тѣмъ же днемъ поступай.

Но только-что взглянулъ Колышкинъ на вошедшаго Алексѣя, такъ и покатился со смѣху, схватившись за животъ обѣими руками.

— Лѣшій ты этакой!... Кто это тебя такимъ шутотъ обрядилъ?... Святки что ли пришли?... Да тебѣ бы, пострѣлу, ужь и хвостъ вертеномъ [1]) прицѣпить!..

[1]) Фракъ.

Уморилъ, пострѣлъ!...—судорожно вскрикивалъ Колышкинъ, когда понемножку стали у него перемежаться стремительные порывы веселаго, добродушнаго смѣха.

Смѣшался озадаченный нежданной встрѣчей Алексѣй Трифонычъ, слóва не можетъ найти въ отвѣтъ Сергѣю Андреичу. Обидно... А онъ-то думалъ, что Колышкинъ, увидивши его такимъ щеголемъ, ахнетъ отъ удивленья и зачнетъ хвалить его за перемѣну одёжи.

Маленько успокоившись, сталъ Сергѣй Андреичъ спрашивать Алексѣя, съ чего это вздумалось ему такъ вырядиться... Неловко вертя въ рукахъ шляпу и поднимая кверху брови, заговорилъ Алексѣй:

— Потому сáмому, Сергѣй Андреичъ, что такъ какъ я теперь будучи при такихъ значитъ обстоятельствахъ, что совсѣмъ на другую линію вышелъ, по тому самому долженъ быть по всему окуратѣ...

Расхохотался Колышкинъ пуще прежнаго.

— А говорить-то не по-людски у кого научился?.. На линіи!.. Въ окуратѣ!.. У какого шутà такихъ словъ нахваталъ?..—отъ смѣха едва могъ промолвить онъ.

— По образованности значитъ, изо всей силы тараща кверху брови,—сказалъ Алексѣй. — Пó тому сáмому, Сергѣй Андреичъ, что такъ какъ ноничи я собственнымъ своимъ пароходомъ орудую, такъ и должно мнѣ говорить политичнѣе, чтобы какъ есть быть человѣкомъ полированнымъ.

— Да ты чтò?.. Очумѣлъ что ли за Волгой-то?..— спрашивалъ Сергѣй Андреичъ ужь безъ шутокъ.

— Зачѣмъ чумѣть, Сергѣй Андреичъ, помилуйте!.. Это даже совсѣмъ неблагородно чумѣть!.. — отвѣчалъ Алексѣй.—Ежели я допрежь сего и находился въ низкомъ званіи, въ крестьянскомъ значитъ, былъ сыномъ токаря, такъ опять же теперича имѣя намѣреніе по

первой гильдіи въ купечество, я покамѣстъ внесъ въ здѣшнюю городскую думу гильдію и получилъ оттоль свидѣтельство по первому роду...

— Да ты говори толкомъ... Съ неба что-ль тебѣ деньги-то свалились, аль въ самомъ дѣлѣ, золотыя розсыпи на Ветлугѣ нашелъ?—съ нетерпѣньемъ спрашивалъ Колышкинъ Алексѣя.

— Деньги не вода—съ неба не капаютъ, сами про то лучше меня знаете, Сергѣй Андреичъ, а золото на Ветлугѣ облыжное... Такими дѣлами мы заниматься не желаемъ,—съ ужимками поводя по потолку глазами, сказалъ Алексѣй.

— Откуда жь у тебя деньги!.. И свой пароходъ и по первой гильдіи?

— По тому са́мому, Сергѣй Андреичъ, что имѣю, значитъ, намѣреніе законнымъ бракомъ,—отвѣчалъ Алексѣй.

«Такъ и есть,—крестный дочь за него выдаетъ!..» мелькнуло въ головѣ Колышкина. «Эхъ, Патапъ Максимычъ, Патапъ Максимычъ, убилъ же ты бобра, любезный другъ! На повѣрку-то парень дрянь выходитъ, какъ кажется.»

— Крестный въ зятья беретъ?—спросилъ Алексѣя.

— Никакъ нѣтъ-съ...—отвѣчалъ Лохматый.—Потому что сами извольте обсудить, Сергѣй Андреевичъ: хорошая дѣвица Прасковья Патаповна, по всему хорошая и художествъ за ней никакихъ не предвидится, однакожъ живучи завсегда въ деревнѣ и не видавши политичнаго обхожденія, она теперичи будетъ мнѣ не по линіи... Опять же если взять и на счетъ капиталу—Прасковья Патаповна вся какъ есть въ родительской власти... Ежели бъ ее, къ примѣру сказать, взять за себя, безпремѣнно пришлось бы изъ тестевыхъ рукъ смотрѣть... Что̀ жь тутъ хорошаго?.. А теперича по крайности у меня все въ своихъ собственныхъ.

— Гдѣ жъ такую невѣсту сосваталъ? Съ такими деньгами сотъ на пять верстъ кругомъ всѣ онѣ на перечетѣ,—спрашивалъ Сергѣй Андреичъ.

Крякнулъ, отеръ тихонько лицо раздушеннымъ батистовымъ платкомъ Алексѣй Трифонычъ и, поднявъ брови, спросилъ у Колышкина:

— Пароходъ Соболь, что̀ Малявинскій былъ, изволите знать?

— Ну?—торопилъ его Колышкинъ.

— Намедни того самаго Соболя на мое имя переписали. Невѣста, значитъ, подарила...—тихо съ разстановками проговорилъ Алексѣй.

— Врешь!...—вскочивъ съ мѣста, вскричалъ удивленный Колышкинъ.

— Зачѣмъ врать, Сергѣй Андреичъ? Это будетъ неблагородно-съ!—пяля изо всей силы кверху брови, сказалъ Алексѣй. — У маклера извольте спросить, у Олисова, вотъ тутъ подъ горой, изволите чать знать... А сегодняшняго числа каменный домъ невѣста на мое имя покупаетъ... Наслѣдниковъ купца Рыкалова не знаете ли?... Вотъ тутъ, маненько повыше васъ — по Ильинкѣ-то къ Сергію если поворотить.

— Рыкалова домъ сорокъ тысячъ сто́итъ,—сказалъ, ушамъ не вѣря, Колышкинъ.

— Маленько не потрафили,—отвѣтилъ Алексѣй съ такимъ спокойствіемъ, будто говорилъ о рублевой покупкѣ.—Тридцать семь тысячъ заплачено, купчая наша.

— Это Масленникова-то!.. Марья-то Гавриловна!..— говорилъ Сергѣй Андреичъ и, заложивъ руки за̀ спину, широкими шагами сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, покачивая головою.

— Такъ точно-съ, она самая невѣста наша и есть...— отвѣчалъ между тѣмъ Алексѣй.

— Удивительно!... Непостижимо!... — сквозь зубы говорилъ Колышкинъ

— А опричь дома и парохода у насъ еще тысячъ на сто, а пожалуй и побольше капиталу наберется,— продолжалъ Алексѣй Трифонычъ, охорашиваясь передъ зеркаломъ.—И притомъ же весь тотъ капиталъ не въ долгахъ, аль не въ оборотахъ какихъ... Какъ есть до послѣдней копѣечки въ наличіи.

— Ну, другъ любезный, поздравляю, поздравляю!— сказалъ Сергѣй Андреичъ, становясь передъ Алексѣемъ.—Соболя добылъ и чернобурую лису поймалъ!... Молодцомъ!... Да какъ же это?... Вѣдь она въ монастырѣ жила, постригаться, кажись, хотѣла?—спросилъ онъ.

— Зачѣмъ же ей постригаться, Сергѣй Андреичъ?... Зачѣмъ молодые годы въ кельѣ терять?... — сказалъ Алексѣй.—Тоже во плоти, пожить хочется... А въ кельяхъ что̀?... Сами разсудите.

— Однако она вѣдь постарше тебя годами-то будетъ?. .—молвилъ Колышкинъ.

— Маненечко, самое пустое дѣло — годиковъ на пять, либо на шесть,—сказалъ Алексѣй.

— Однакожь!..

— Это все единственно, Сергѣй Андреичъ... Былъ бы совѣтъ да любовь, а годы что̀?.. Послѣднее дѣло!..— говорилъ Алексѣй. И маленько помолчавъ прибавилъ:— На свадьбу милости просимъ, не оставьте своимъ расположеніемъ.

— Благодарю покорно, — сухо отвѣтилъ Сергѣй Андреичъ.—Когда свадьба-то?

— Думали послѣ Покрова, да теперь приняли намѣреніе—въ самый Петровъ день, сказалъ Алексѣй.

— Что заторопились?—спросилъ Колышкинъ.

— Да видите ль, Сергѣй Андреичъ, спервуначалу-то думали мы послѣ навигаціи обвѣнчаться, уставивши, значитъ, Соболя на зимовку... — отвѣчалъ Алексѣй. — Имѣли намѣренье въ Мосву, чтобы тамъ на Рогож-

скомъ вѣнчаться. Одначе на повѣрку вышло, что такой ваяжъ намъ не съ руки, потому что Марья Гавриловна оченно Москву не жалуетъ, не желательно, значитъ, ей туда ѣхать... Родства тамъ много послѣ перваго ихняго супружества, а ей на брачной радости прошлыхъ бѣдъ вспоминать не охота.. И я съ своей стороны имѣю также намѣренье, чтобы здѣсь въ городу въ церкви повѣнчаться, въ Духовской, значитъ.. Потому, изволите знать, церковное вѣнчанье не въ примѣръ крѣпче старовѣрскаго... Не ровенъ случай!.. Тогда, знаете, на счетъ капиталу; аль наслѣдства, извѣстное дѣло!... У ней братъ есть, племянники... Опять же намъ желательно вѣнчаться на публикѣ, не крадучись,—такъ-то окуратнѣе выйдетъ.

— Какъ же это такъ?... Изъ скитовъ да къ намъ?... Въ церковь то-есть?—спросилъ Колышкинъ.

— Въ благословенную, значитъ, имѣемъ намѣреніе, въ Духовскую...—отозвался Алексѣй.

— Что жь? Дѣло хорошее,—молвилъ Сергѣй Андреичъ.

— Тутъ главная причина, Сергѣй Андреичъ, не въ томъ-съ,—сказалъ Алексѣй.—Тутъ самопервѣйшая статья на счетъ благопріобрѣтеннаго и всего-съ... Церковный-отъ попъ, какъ свѣнчаетъ, такъ ужь на всю жизнь до гробовой доски будетъ крѣпко... А часовенный попъ хоть и все по уставу справитъ, одначе вѣнецъ его все-таки выйдетъ съ изъянцемъ.

— Какъ съ изъянцемъ? — спросилъ Сергѣй Андреичъ.

— Да какже-съ? Вѣнчаютъ-то у насъ не оченно прочно,—сказалъ Алексѣй. — Можетъ-статься не случалось ли вамъ Мокѣевыхъ знавать, Петра Лаврентьевича сыновей?...

— Слыхалъ,—отозвался Колышкинъ.—Росшивы у нихъ?

— И росшивы есть и пряжей торгуютъ, люди капитальные,—отвѣчалъ Алексѣй.—А вотъ часовенны-то вѣнцы и у того брата, и у другаго, какъ есть распаялись... Не прочно стало-быть ихъ по старой-то вѣрѣ ковали,—съ усмѣшкой прибавилъ Алексѣй.

— Какъ такъ,—спросилъ Колышкинъ.

— Большой-отъ братъ Симеонъ Петровичъ бралъ жену въ Плесу, изъ хорошей семьи, хоть и не больно богатой, — продолжалъ Алексѣй. Вѣнчались въ селѣ Ивановѣ у старовѣрскаго попа и прожили времени съ годъ, ребеночка прижили, и все межь ними кажись бы согласно было и любовно... Да на грѣхъ поѣхалъ Симеонъ Петровичъ съ пряжей въ Москву, дорогой и заболѣй. Городокъ есть небольшой, Киржачъ прозывается, тамъ лежалъ въ хворости-то... Купецъ знакомый больного-то его въ домъ къ себѣ взялъ, ходили за нимъ, лѣчили, оздравѣлъ Симеонъ Петровичъ... И приглянись тутъ ему того купца дочка, а купецъ-отъ богатѣющій—фабрика у него, а дочь единственная. Какъ у нихъ тамъ было, не знаю, только что Симеонъ Петровичъ повѣнчался съ ней, а повѣнчался-то въ великороссійской.. Пріѣхалъ домой, одну жену въ домъ ведетъ, другая его съ ребеночкомъ встрѣчаетъ... Туда, сюда... Обѣ ревѣть, а онъ молодой-то женѣ и говоритъ, успокоиваетъ, знаете, ее: «Эта, говоритъ, бабенка въ стряпкахъ у меня живетъ. Грѣха, молъ, таить не стану, было дѣло, а теперь ее со двора долой...» Это первую-то... Первый-отъ тесть, что̀ изъ Плесу, дѣло вздумалъ было зачинать, однакоже вышло по суду, чтобъ Симеону Петровичу жить со второй, потому что первый-отъ вѣнецъ нигдѣ не писанъ... Первая жена къ родителямъ воротилась — и стала ни дѣвка, ни вдова, ни мужня жена... А Симеонъ Петровичъ въ Киржачъ на житье переѣхалъ. Тесть-отъ померъ, теперь у него фабрика знатнѣющая, капиталы

большущіе... Наши-те отлучили его какъ слѣдуетъ: ни въ ястіи за трапезой, ни въ молитвѣ съ нимъ не сообщаться... А плевать ему на ихнее отлученье-то!... Ему чтò?... Церковникомъ сталъ. А съ другимъ братомъ-съ Мокѣевымъ, съ Никитой Петровичемъ, и того хуже вышло...

— Чтó жь такое?—спросилъ Сергѣй Андреичъ

— Тоже по нашему вѣнчался, — продолжалъ Алексѣй. — Бралъ невѣсту богатую, шла за него по неволѣ... У ней, послѣ дознались, допрежь вѣнца въ полюбникахъ былъ отцовскій прикащикъ—сирота, голь перекатная, ни за нимъ, ни передъ нимъ, какъ есть ничего... Когда выдавали ее, понятное дѣло, онъ слова пикнуть не смѣлъ... А изъ петли тогда вынули, пожелалъ было удавиться... Года полтора молодые-то прожили, сыночка Богъ далъ, тутъ у жены родитель-отъ и помри... Капиталы, значитъ, стали ея. Только что померъ родитель, она изъ мужнина дома въ отцовскій, да принявши наслѣдство съ полюбовникомъ-то въ великороссійскую... Повѣнчались. Никита Петровичъ туда-сюда, и жалобныя просьбы подавалъ и все, а жена одно толкуетъ: «Жила, говоритъ, я у тебя въ полюбовницахъ и, восчувствовавши свой великій грѣхъ, законнымъ бракомъ теперь сочеталась. Докажи, говоритъ, записями, гдѣ я съ тобой была вѣнчана...» А какія тутъ записи?... Такъ за вторымъ мужемъ ее и закрѣпили... А Никита Петровичъ до сей поры безъ жены: законъ помнитъ, бракъ честенъ не рушитъ... Молитъ, проситъ — ребеночка-то хоть бы ему отдали... Такъ и его не отдаютъ... Вотъ какія обстоятельства бываютъ, Сергѣй Андреичъ... Можно ль послѣ того у часовенныхъ вѣнчаться, сами посудите...

— Такъ-то оно такъ,—сказалъ Сергѣй Андреичъ.— Только какъ угодно, а тутъ что-то неладно...

— Чего жъ неладнаго-то? — возразилъ Алексѣй. — Законъ.

— Законъ-отъ закономъ, да совѣсть-то гдѣ? — жмурясь, промолвилъ Колышкинъ.

— Закономъ-то крѣпче, Сергѣй Андреичъ, — отвѣтилъ Алексѣй. — Что̀ хорошаго, коли уйдетъ жена съ деньгами... Капиталы тутъ, главная причина... Это примите въ расчетъ!...

— Капиталы! — молвилъ Колышкинъ. — Ну, Алексѣй Трифонычъ, изъ молодыхъ ты да ранній.

— Каковъ есть, Сергѣй Андреичъ... Весь тутъ передъ вами, — пожавъ плечами, отвѣтилъ Алексѣй.

— Да, да, — промолвилъ Колышкинъ.

Прошло минутъ съ пять, одинъ молчитъ, другой ни слова. Что̀ дѣлать, Алексѣй не придумаетъ — вонъ ли идти, на диванъ ли садиться, новый ли разговоръ зачинать, или стоя на мѣстѣ выжидать, что̀ будетъ дальше... А Сергѣй Андреичъ, все по комнатѣ ходитъ, хмуря, такъ недавно еще сіявшее весельемъ, лицо.

— Патапъ Максимычъ знаетъ? — спросилъ онъ, не глядя на Алексѣя.

— Никакъ нѣтъ-съ, до сей поры еще неизвѣстны, — отвѣчалъ Алексѣу.

— А родители? Отецъ съ матерью?

— Тоже не сдѣлано еще къ нимъ повѣщенья, — комкая шляпу въ рукахъ, сказалъ Алексѣй.

— Не мѣшало бы и благословенья попросить, — сквозь зубы процѣдилъ Колышкинъ.

— Мы съ батюшкой теперича въ расчетѣ, — молвилъ Алексѣй, встряхнувъ по старой привычкѣ кудрями, которыхъ ужь не было.

— Какъ въ расчетѣ? — ставъ передъ Алексѣемъ, спросилъ удивленный Колышкинъ.

— До́чиста разсчитались... За то, что вспоилъ-вскормилъ меня, я сполна чистоганомъ заплатилъ ему,— сказалъ Алексѣй, поднявъ голову.

Словно мразью подернуло лицо Сергѣя Андреича, когда услышалъ онъ отъ Алексѣя такія рѣчи.

— Получивши деньги, родитель-батюшка самъ мнѣ сказалъ: въ расчетѣ, говоритъ, мы съ тобой, на родителей больше ты не работникъ. Ни единой копѣйки, говоритъ, въ домъ съ тебя больше не надо...

— Не про деньги говорю, про родительское благословенье,—горячо заговорилъ Сергѣй Андреичъ.—Аль забылъ, что благесловеніе отчее домы чадъ утверждаетъ, аль не помнишь, коль хуленъ оставивый отца и на сколь проклятъ отъ Господа раздражаяй матерь свою?... Не хорошо, Алексѣй Трифонычъ, — не хорошо!... Богъ покараетъ тебя!... Мое дѣло сторона, а стерпѣть не могу, говорю тебѣ по любви, по правдѣ не хорошо дѣлаешь, больно не хорошо.

Смутился Алексѣй, но не очень. Бойко отвѣтилъ онъ Сергѣю Андреичу·

— Батюшка-родитель напередъ благословеніе дали мнѣ... Ищи, говоритъ, своей судьбы самъ, а мое благословенье завсегда тебѣ готово, — сказалъ Алексѣй.

— Да вѣдь онъ не за тридевять земель. Станетъ времени и благословенье получить, и свадьбу сыграть,— молвилъ Сергѣй Андреичъ.

— Не управиться!—отвѣтилъ Алексѣй. — Потому что ужь очень много хлопотъ... Сами посудите, Сергѣй Андреичъ: и пароходъ отправить, и домъ къ свадьбѣ прибрать, какъ слѣдуетъ... Нельзя же-съ... Надо опять, чтобы все было въ близирѣ, чтобы все, значитъ, самый первый сортъ... А къ родителямъ что̀ же-съ!... Къ родителямъ во всякое время можно спосылать.

Передернуло Сергѣя Андреича. Говоритъ Алексѣю:

— Стало-быть мѣсто у меня на пароходѣ вамъ больше не требуется?

— Помилуйте!...—самодовольно улыбаясь, отвѣтилъ Алексѣй. — Когда теперича у насъ у самихъ можно сказать первѣющій по всей Волгѣ пароходъ.

— Ну очень радъ, что у васъ «первѣющій» пароходъ... Желаю добраго здоровья и всякаго успѣха... До пріятнаго свиданія!...—сказалъ Сергѣй Андреичъ, остановясь у входной двери съ заложенными за спину руками.

— Наше вамъ наиглубочайшее!—молвилъ Алексѣй, напрасно протягивая руку.—А ужь на счетъ свадьбы-то попомните, Сергѣй Андреичъ... Пожалуйте-съ... Угощеніе будетъ такое-съ, что только ахъ: напитки заморскіе, кушаньи первый сортъ... отъ кондитера-съ... Да мы къ вамъ билетецъ пришлемъ, золотомъ слова напечатать желаемъ... Да-съ...

И опять позабывъ, что кудри у него были да сплыли, удальски тряхнулъ головой и пошелъ отъ Сергѣя Андреича.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

По утру на другой день, какъ Манефа воротилась съ Настиныхъ сорочинъ, сидѣла она за самоваромъ съ Васильемъ Борисычемъ, съ Парашей и Фленушкой. Было ужь довольно поздно, а въ домикѣ Марьи Гавриловны окна не отворялись. Замѣтивъ это, подивилась Манеѳа и спросила, что̀ бъ это значило.

— Да вѣдь она вечеромъ съѣхала, матушка,—молвила добродушная Виринея, вошедшая подъ это слово въ келью игуменьи.

— Какъ съѣхала?... Куда?... — быстро спросила удивленная Манеѳа.

— Не могу этого доложить тебѣ, матушка, не знаемъ, куда съѣхала,—отвѣчала мать Виринея.—Никому не сказалась, куда поѣхала и надолго ль.

— Что̀ у васъ тутъ безъ меня за чудеса творились?—вспыхнула Манеѳа и, вставъ съ мѣста, засучила рукава и скорыми шагами стала ходить по кельѣ.

— Ужь и подлинно чудеса, матушка... Свя́ты твои слова—«чудеса»!... Да ужь такія чудеса, что волосы дыбомъ... Всѣ, матушка, диву дались и наши и по другимъ обителямъ... Хоть она и важнаго роду, хоть и богатая, а кажись бы не пригоже ей было такъ уѣзжать... Не была въ счету сестеръ обительскихъ, а все жь въ честной обители житіе провождала. Не хорошо, не хорошо она это сдѣлала—надо бъ и стыда хоть маленько имѣть, —пересыпала свою рѣчь добродушная мать Виринея.

— Да что ты тарантишь, старая?...—съ сердцемъ молвила, остановясь передъ ней, Манеѳа. — Вертитъ языкомъ, что веретеномъ, вяжетъ, пута́етъ, мотаетъ, плутаетъ —понять невозможно. Сказывай толкомъ; по̀ ряду все говори.

— Ну, вотъ видишь-ли, матушка, — начала Виринея. — Хворала вѣдь она, на волю не выходила, мы ее, почитай, недѣли съ три и въ глаза не видывали, какая есть Марья Гавриловна. А на другой день послѣ твоего отъѣзда оздоровѣла она, матушка: всѣ болѣсти, какъ рукой сняло, весела такая стала, да проворная, ходитъ, а сама попрыгиваетъ: пѣсни мірскія даже пѣла. Вотъ грѣхъ-отъ какой!...

— Быть того не можетъ,—удивилась Манеѳа.

— Уѣхали-то вы, матушка, по у̀тру, а вечеромъ того же дня гость къ ней наѣхалъ, весь вечеръ сидѣлъ съ ней, солнышко взошло, какъ пошелъ отъ нея. Поутру опять долго сидѣлъ у ней и обѣдалъ, а послѣ обѣда куда-то уѣхалъ. И какъ только уѣхалъ, стала

Марья Гавриловна въ дорогу сряжаться, пожитки укладывать... Сундуковъ-то что, сундуковъ-то!.. Болѣ дюжины. Теперь въ домикѣ опричь столовъ, да стульевъ нѣтъ ничего, все свезла...

— Да куда жь, куда, я тебя спрашиваю?—съ нетерпѣніемъ спрашивала Манеѳа.

— Сказывала я тебѣ, матушка, что не знаю, и теперь та же рѣчь, что не знаю... Черезъ два дня тотъ гость опять пріѣзжалъ, лошади съ нимъ, тройка въ тарантасѣ, туда сами сѣли, Танюшу съ собой посадили, а имѣніе сложили на подводы. На пяти подводахъ повезли, матушка.

— Что̀ жь это за гость такой?... Кто онъ, откуда?... Братъ ея, что ли?... Залетовъ?...—сыпала вопросами мать Манеѳа.

— Какое братъ, матушка!... Помнишь на Радуницу отъ Патапа Максимыча приказчикъ наѣзжалъ, еще ночевалъ у тебя въ свѣтелкѣ... Алексѣемъ зовутъ... Онъ самый и пріѣзжалъ...

Всѣхъ озадачилъ разсказъ Виринеи... Хотѣла что-то сказать Манеѳа, но слова не сошли съ языка... Фленушка съ Парашей межь собой переглядывались. Одинъ Василій Борисычъ оставался, повидимому, спокоенъ и равнодушенъ.

— Ахъ ты, Господи, Господи!...—всплеснувъ руками, вскликнула, наконецъ, игуменья.

— Съ нимъ съ самымъ и съѣхала... Съ собой вмѣстѣ въ тарантасъ посадила его, и Танюшу тоже,—свое твердила мать Виринея.—И ужь такая она, матушка, на послѣдяхъ-то была развеселая, такая умильная, что вотъ сколько ужъ времени прожила у насъ, а такою я ее не видывала... Ровно козочка какая, такъ и попрыгиваетъ, да туритъ все, туритъ Танюшу-то укладываться! А уѣзжая всѣхъ одарила, старицамъ по зелененькой, а бѣлицамъ которой рубль, которой два,

опять же платьевъ, что раздала своихъ... Никого не забыла... Только вотъ чего еще не сказала я тебѣ, матушка. Вотъ это, такъ ужь истинно чудо чудное... Дѣло-то, какъ видится, дѣлалось у нихъ не спроста.

— Чтó такое?—спросила Манеѳа.

— А на другой день послѣ того, какъ гость-отъ отъ нея уѣхалъ, за конями-то знаешь, глядимъ мы, пошла она, этакъ передъ самыми вечернями, разгуляться за околицу... Танюшу взяла съ собой. . Сидимъ мы этакъ у келарни на крылечкѣ съ матушкой Евсталіей, да съ матушкой Филаретой, смотримъ на нее, глядь, а она въ Каменный Вражекъ, мы къ околицѣ, переговариваемъ межь собой, куда дескать это она пошла. И чтó же, матушка?... Къ Елфимову. Мы подалѣ пошли, въ кусточкахъ сѣли, смотримъ, чтó тутъ у нихъ будетъ. Видимъ Танюша въ Елфимово таково скоро пошла, бѣгомъ, почитай, побѣжала, а Марья Гавриловна во Вражкѣ-то присѣла... Прошло времени эдакъ съ полчаса, а пожалуй и болѣ, глядимъ, идетъ Танюша, да не одна, матушка... Вотъ грѣхъ-отъ какой!... Вотъ оно, матушка, какое дѣло-то вышло... Съ кѣмъ связалась-то!... Господи, Твоя воля!

— Да съ кѣмъ же? Не томи, сказывай скорѣе, — съ горячимъ нетерпѣніемъ спрашивала Виринею Манеѳа.

— Съ колдуньей, матушка... Съ Егорихой!.. — сказала Виринея и перекрестясь примолвила:—Прости Господи моя согрѣшенія!...

— Съ колдуньей!—какъ полотно поблѣднѣвъ, прошептала Манеѳа.—Отъ часу не легче!... Чтó жь этó такое!... Чтó съ ней содѣялось?...

— Сѣли онѣ, матушка, во Вражкѣ, спервоначалу всѣ трое, потомъ Танюша пошла въ сторону... Марья-то Гавриловна вдвоемъ съ Егорихой осталась... И что-то все толковали, да таково горячо, горячо, матушка..

Больше часу сидѣли онѣ, да разговаривали... Посидятъ, посидятъ, да походятъ во Вражкѣ-то, потомъ опять сядутъ... А на разставаньи, матушка, цѣловалась Марья-то Гавриловна съ ней, съ колдуньей-то. И Танюша цѣловалась... Поганились, матушка, поганились—не солгу, сама своими глазами видѣла... Вотъ и матушку Евсталію спроси и Филаретушку, не дадутъ солгать... Вотъ какія дѣла-то у насъ безъ тебя были!... Вотъ какія дѣла!... До чего дошла, подумаешь!... Чего тутъ дивить, что съ молодымъ парнемъ сбѣжала, чего дивить?... Видимо дѣло, что вражія сила тутъ дѣйствовала... Она окаянная, треклятая эта Егориха!... Никто больше, какъ она!...

— Ну, хорошо, — послѣ долгаго молчанья молвила Манеѳа.—Ступай съ Богомъ, Виринеюшка... Допивайте чай-отъ, дѣвицы, да Василья Борисыча, гостя нашего дорогаго, хорошенько подчуйте, а я пойду... Ахъ, Ты Господи, Господи!... Какія дѣла-то, какія дѣла-то!...

Черезъ день послѣ того, съ солнышкомъ вмѣстѣ, поднялась обитель Манеѳина. Еще съ вечера конюхъ Дементій съ двумя обительскими трудниками подкатилъ къ крыльцу игуменьиной стаи три уемистыя повозки съ волчками и запонами изъ таевочной циновки[1]). Собравшіяся въ путь богомолки суетливо укладывали въ нихъ пожитки и припасенные матушкой Виринеей съѣстные запасы. Дементій съ работниками мазалъ колеса.

Больше всего Фленушка хлопотала. Радехонька была она поѣздкѣ. «Вдоволь нагуляемся, вдоволь на-

[1]) Таевочная, иначе крышачная цыновка, та, что̀ дѣлается въ три аршина длины и полтора ширины. Каждаго размѣра цыновка имѣетъ свое названье: романовка, баковка, казанка и т. д.

тѣшимся, радостно она думала, ворчи, сколько хочешь, мать Никанора, бранись сколько угодно, мать Аркадія, а мы возьмемъ свое». Прасковья Патаповна, совсѣмъ снарядившись, не хлопотала вкругъ повозокъ, а сидя дремала въ теткиной кельѣ. Не хлопоталъ и Василій Борисычъ. Одѣвшись по-дорожному, стоялъ онъ возлѣ окна, изъ котораго на сборы глядѣла Манеѳа.

— Лѣса горятъ,—сказала игуменья, глядя на сѣро-желтое, туманное небо, по которому безъ лучей, безъ блеска, выплывало багровое солнце. Гарью еще не пахнуло, но въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ стояла духота и какая-то тяжесть.

— Далёко,—молвилъ Дементій, оглядѣвъ со всѣхъ сторонъ тусклый небосклонъ. — Дыму ниотколь не видно... Верстъ за сто горитъ, не то и больше.

— То-то смотрите — въ огонь не угодите, — пристально озирая окаймленный черной полосой лѣса край небосклона, сказала конюху Манеѳа.

— Богъ милостивъ, матушка... Зачѣмъ въ огонь?..— отозвался Дементій.

— Лѣсной пожаръ ходокъ. Не оставить ли до другого времени вашего богомолья? — сказала игуменья, обращаясь къ Аркадіи.

Не отвѣтила Аркадія, промолчала и мать Никанора, ни слова не сказали и Дементій съ работниками... Только пристальнѣй прежняго стали они поглядывать на закрой неба[1]), не увидятъ ли гдѣ хоть тоненькую струйку дыма... Нѣтъ, нигдѣ не видно... А въ воздухѣ тишь невозмутимая: пухъ вылетѣлъ изъ перины, когда грохнули ее бѣлицы въ повозку, и пушинки не летятъ въ сторону, а тихо, плавно опускаются книзу. И по̀ вѣтру нельзя опознать, откуда и куда несется пожаръ.

[1]) Закрой неба — нижній край видимаго горизонта.

«А что̀, какъ матушка Манеѳа, убоясь пожара, да не пуститъ насъ въ лѣса̀, отложитъ богомолье до другого времени?» подумала Фленушка, и отъ той думы прикручинилась. Ластясь къ игуменьѣ, вкрадчиво она молвила:

— Не бойся, матушка. Далёко горитъ, насъ не захватитъ. Часу не пройдетъ послѣ выѣзда, какъ будемъ мы на Фотиньиной гробницѣ, отъ нея до могилки матушки Голендухи рукой подать, а тутъ и кельи Ула́нгерскія. Вечеренъ не отпоютъ, будемъ въ Ула́нгерѣ.

— За нынѣшній-отъ день я не боюсь, — молвила Манеѳа, — а что̀ будетъ послѣ, если по́ лѣсу огонь разойдется, да въ нашу сторону пойдетъ?

— Справимъ завтра каноны надъ пепломъ отца Варлаама, надъ могилками отца Иліи и матушки Ѳеклы,—продолжала Фленушка.—Отъ Ула́нгера эти мѣста подъ бокомъ. А послѣзавтра поглядимъ, что́ будетъ. Опасно станетъ въ лѣсу — въ Ула́нгерѣ останемся, не будетъ опасности, черезъ Поломы на почтову дорогу выѣдемъ—а тамъ ужь вплоть до Китижа нѣтъ сплошныхъ лѣсовъ, бояться нечего.

— Какъ по твоему разсужденію, мать Аркадія? Пускать ли васъ? — обратилась Манеѳа къ уставщицѣ.

— Вся власть твоя, матушка, — отвѣтила она. — Какъ твое произволеніе будетъ.

— Не быть бы бѣды отъ огня, вотъ чего опасаюсь, — сказала Манеѳа.

— Коли что́, такъ въ Улангерѣ подождемъ огненнаго утишенья. Развѣ, что ко Владимірской въ Китижъ-отъ не поспѣемъ. А то бы, кажись, ничего.

— Такъ съ Богомъ! Поднимайтесь въ путь, Господь васъ храни, — рѣшила игуменья. — Смотри же, Ар-

кадьюшка, все разскажи матушкѣ Юдиѳи, чтó я тебѣ наказывала, не забудь чего. Да чтобы со всѣми ихними матерями безпремѣнно на Петровъ день къ намъ пожаловала... Слышишь?

— Слушаю, матушка, слушаю; все передамъ, все до капельки,—сказала уставщица.

— Ну вотъ, Василій Борисычъ, и посмотришь ты на наши мѣста богомольныя, помолишься,—обращаясь къ нему, сказала Манеѳа. — Теперь время тихое, по лѣсамъ великихъ сборищъ не бываетъ, окромѣ что на Владимірскую на Китижѣ. Тамъ великое собраніе будетъ. Чтó въ Духовъ день у Софонтія, чтó на Владимірскую на озерѣ Свѣтлоярѣ у Китижа, больше тѣхъ собраній нѣтъ. Да и тамъ не то ужь теперь, чтó въ прежніе годы. Прежде бывало народъ-отъ тысячами сбирается, а теперь и двѣ сотни сойдется, такъ на рѣдкость. Изсякаетъ ревность по вѣрѣ, люди суету возлюбили, плотямъ стали угождать, Мамонѣ служить... Послѣдни времена!...

Не отозвался на рѣчи Манеѳы Василій Борисычъ

— Хоть твое дѣло взять,—продолжала она послѣ недолгаго молчанья.—Богу служилъ, церковныхъ ради нуждъ труды на себя принималъ, а теперь и тебя суета обуяла.

— Какъ же такъ, матушка?—спросилъ Василій Борисычъ.

— Да развѣ по торговлѣ, аль по фабрикѣ въ прикащикахъ жить—Богу значитъ служить?—съ грустной улыбкой молвила игуменья.

— Еще не рѣшено, буду аль не буду я служить у Патапа Максимыча,—отвѣтилъ Василій Борисычъ.— А и то сказать, матушка, развѣ будучи при мірскихъ дѣлахъ церкви Божіей люди не служатъ? Много тому видимъ примѣровъ—Рахмановыхъ взять, Громовыхъ. Развѣ не послужили Господу?

— Такъ-то оно такъ, Василій Борисычъ,—молвила Манеѳа. — Но вѣдь самъ ты не хуже моего знаешь, что на счетъ этого въ писаніи сказано: «Честенъ сосудъ сребрянъ, честнѣй того сосудъ позлащенный». А премудрый приточникъ [1]) что̀ говоритъ? «Мужа тиха любитъ Господь, суету же дѣлъ его скончаетъ»... Подумай-ка объ этомъ...

— Подумаю, матушка, подумаю, и не одинъ еще разъ съ вами посовѣтуюсь, — сказалъ на то Василій Борисычъ.—До сроку времени еще много.

Привели шестерикъ конѐй жирныхъ, раскормленныхъ до́нельзя, лоснится и блеститъ на нихъ гладкая шерсть, ровно масломъ вымазалъ ихъ Дементій. Скитницы лошадямъ овса не жалѣютъ, при малой работѣ на хорошемъ корму толстѣютъ кони и жирѣютъ, не хуже своихъ хозяекъ. По парѣ въ кажду повозку заложили, матери и бѣлицы усѣлись на грузные пуховики и подушки. Въ передней повозкѣ тщедушный Василій Борисычъ съ толстой уставщицей Аркадіей сѣлъ.—Хотѣла она тутъ же усадить и мать Никанору, но двухъ матерей съ московскимъ посломъ повозка вмѣстить не могла; сѣла мать Никанора съ Прасковьей Патаповной въ другую. Въ третью повозку Марьюшка съ Фленушкой сѣли.

Съ благословеньемъ Манеѳы и съ пожеланіями добраго пути ото всѣхъ обительскихъ старицъ двинулись изъ обители повозки и переѣхали одна за другою Каменный Вражекъ, направляясь къ окружавшему Комаровскій скитъ лѣсу.

Забившись съ головой въ постелю и слыша стукъ съѣзжавшихъ съ обительскаго двора повозокъ, безотрадно заливалась слезами и глухо рыдала московская канонница Устинья. Какъ ни просила, какъ ни молила

[1]) Писатель притчей, царь Соломонъ.

она, Манеѳа не сжалилась на слезы ея, не пустила на богомолье... Ключомъ кипѣло пылкое сердце пригожей канонницы, когда на сорочиныхъ не на ея глазахъ Василій Борисычъ съ Парашей за однимъ столомъ сидѣлъ... Разума теперь рѣшалась при одномъ помышленьи, что цѣлу недѣлю ея погубитель съ нею станетъ по лѣсамъ разъѣзжать... Эхъ, власть бы, да воля!... Дала бы себя знать Устинья Московка!... Плохо пришлось бы московскому гостю, да не сдобровать бы и Прасковьѣ Патаповнѣ.

Только-что въѣхали въ лѣсъ, Фленушкѣ вспало на умъ до гробницы Фотиньи пѣшкомъ пройдтись. Много не думавши, вылѣзла она съ Марьюшкой изъ повозки и, подойдя къ другой, стала съ собою звать Парашу. Лѣнива была на ходьбу Прасковья Патаповна, но всежъ ей казалось не въ примѣръ веселѣй идти съ подругами возлѣ доро́ги, чѣмъ лежать на пуховикахъ съ храпѣвшей во всю ивановскую матерью Никанорной. Подозвали дѣвицы и Василія Борисыча; и онъ покинулъ толстую уставщицу, начавшую было нескончаемые разспросы о томъ, какъ въ Бѣлой-Криницѣ за митрополичьей службой справляютъ полуелеи.

И матери Аркадіи и матери Никанорѣ не охо́та была съ мягкими перинами разставаться; то ли дѣло лежать да дремать, чѣмъ шагать по засоренному валежникомъ лѣсу, либо по тоненькимъ, полусгнившимъ кла́дкамъ перебираться черезъ мочажины и топкія болотца. Строго-на́-строго дѣвицамъ старицы наказали не отходить далеко отъ дороги, быть на виду и на слуху, и принялись дремать въ ѣхавшихъ шагомъ повозкахъ.

Всѣ деревья въ полномъ соку, всѣ травы цвѣтутъ, благоухаютъ. Куда ни оглянись, все цвѣты, цвѣты и цвѣты. Вонъ тамъ, межь чернолѣсья выдалась небольшая сухая полянка — ровно камчатными скатертями

укрыта она: то кашка, медуница и пахучій донникъ [1]) въ цвѣту стоятъ; бортевыя пчелы, шмели, осы и шершни [2]) тучами носятся надъ ними, громко жужжа на разные голоса. Тамъ желтѣетъ звѣробой, синѣютъ темно-голубые бубенчики и середь яркой изумрудной зелени бѣлѣетъ благовонная купёна [3]) и алѣютъ зрѣлыя ягоды костяники. Перистыя ярко-зеленыя вѣтви папоротника густой бахромой виснутъ надъ сонными лѣсными ручьями, полными чистой студеной, но отъ смолистыхъ корней окрашенной въ бурый цвѣтъ водою...

Стономъ стоятъ лѣсные голоса: безъ умолку трещатъ въ высокой сочной травѣ кузнечики и кобылки, вьются надъ цвѣтами жучки и разновидныя козявки, воркуютъ сѣросизые съ зеленою шейкой вяхири и красногрудные вѣтютни, какъ въ трубу трубитъ черная желна̀, стучатъ по деревьямъ дятлы, пищатъ рябчики, уныло перекликаются, либо кошкой взвизгиваютъ желтенькія иволги, трещатъ сойки, жалобно кукуютъ кукушки и на разные голоса весело щебечутъ свиристели, малиновки, лѣсные жаворонки и другія мелкія пташки... [4]). И всѣ эти звуки сливаются въ одинъ стройный гулъ, полный жизни и довольства жизнію.

— Всякое дыханіе хвалитъ Господа, — съ уми-

1) Кашка или тысячелистникъ — *Achillea millifolium*. Медуница — *Pulmonaria officinalis*. Донникъ — *Millolotus officinalis*.

2) Бортевая пчела, прироившаяся въ борти, долбленомъ деревѣ, нарочно для пчелъ въ лѣсу приготовленномъ. Шмель или земляная пчела — *Bombus*, оса — *Vespa*, шершень самая большая порода осы.

3) Звѣробой — *Figularia Sibirica*. Бубенчики — *Iris Sibirica*. Купена изъ породы ландышей — *Convollaria bifolia*.

4) Вяхирь, дикій голубь — *Columba Palumbus*. Ветютень, лѣсной голубь — *Columba Oenas*. Желна — большой дятелъ, поѣдающій пчелъ — *Picus martius*, Иволга — *Oriolus galbula*. Соя или сойка, лѣсная птичка съ хохолкомъ и голубымъ зеркальцемъ на горлушкѣ изъ роду воронъ, *Corvus glandorius*. Свиристель лѣсная птичка со скворца съ ярко-алыми лепестками на крылышкахъ, *Ampelis garrulus*.

леньемъ молвилъ Василій Борисычъ, прислушиваясь къ лѣснымъ голосамъ.

— Птички распѣваютъ и вся недолгà,—отозвалась Фленушка. Ей лѣса были не въ диковину.

Матери въ повозкахъ молчали.

Вотъ выдалась прогалинка. Будто розовыми шелковыми тканями покрыта она. То сонъ-трава [1]) подняла кверху цвѣты свои. Окраины дороги также сонъ-травой усыпаны. Бессознательно сорвалъ одинъ цвѣтокъ Василій Борисычъ. Онъ прилипъ къ его пальцамъ.

— Брось, брось! Чтò ты дѣлаешь, Василій Борисычъ?.. Брось, говорятъ тебѣ... Не слѣдъ трогать сію траву, грѣхъ!—закричала изъ повозки мать Аркадія.

— Чтò жь за грѣхъ въ томъ, матушка?—спросилъ уставщицу Василій Борисычъ, кидая сорванный цвѣтокъ.

— А забылъ, чтò въ Печерскомъ Патерикѣ про него пишется? Про сей самый цвѣтокъ, именуемый «лѣпокъ»? Это онъ самый «лѣпокъ» и есть,—говорила мать Аркадія.—Видишь къ пальцамъ прилипъ!.. Вымой руки-то скорѣе, вымой... Хоть изъ колдóбинки зачерпни водицы, вымой только скорѣе.

Сплеснулъ Василій Борисычъ руки изъ мутной колдобины и, вытирая ихъ ручникомъ, поданнымъ Аркадіей, молвилъ:

— Чтò жь про эти цвѣты въ Патерикѣ писано?.. Не припомнится что-то, матушка...

— Не могу и я теперь доподлинно сказать тебѣ, въ Патерикѣ ли то писано, у Нестора ли въ Лѣтописцѣ. Домой воротимся укажу,—учительно сказала Аркадія.—А писано вотъ чтò: Во святѣй Кіевской Печерской обители преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія бѣ старецъ, именемъ Матвѣй. И бѣ той старецъ про-

[1]) Сонъ-трава, сопуля, дрема — *Viscaria vulgaris*.

зорливъ. Единою стоящу ему въ церкви на мѣстѣ своемъ, возведъ очи своя, позрѣ по братіи, иже стоятъ поюще по обѣма странама. И видя обходяща ихъ бѣса во образѣ Ляха въ лудѣ [1]) и носяща въ приполѣ цвѣтки, иже глаголется «лѣпокъ». И обходя возлѣ братіи взимая изъ лона лѣпокъ вержаше на кого любо: аще прилѣпляшесь кому цвѣтокъ въ поющихъ отъ братіи, и той мало постоявъ и разслабленъ бываше умомъ, исходяше изъ церкви, шедъ въ келію и спа; аще ли вержаше на другаго и не прильняше къ нему цвѣтокъ, стояше крѣпокъ въ пѣньи, дондеже отпояху утреню» [2]). Вотъ это тотъ самый бѣсовскій цвѣтокъ и есть. По народу «сонулей» зовутъ его, «дремой», потому что а сонъ наводитъ, а по книжному имя ему «цвѣтъ лѣпокъ». Не довлѣетъ къ нему прикасаться, понеже вражія сила въ немъ.

— У насъ на деревнѣ сказываютъ, что охотникъ одинъ осенью пó лѣсу ходилъ, — начала Марьюшка головщица. — Ходитъ онъ по лѣсу, видитъ медвѣдь землю деретъ. Выдралъ медвѣдь корешокъ отъ которой-то травы и зачалъ его лизать. Лизалъ, лизалъ, да ровно хмѣльный и сталъ, насилу отошелъ отъ мѣста. Охотникъ возьми тотъ корешокъ, да и ну самъ лизать его по-медвѣжьему. Полизалъ, охмѣлѣлъ и залѣзъ въ пустую берлогу. Да въ ней до Василія Парійскаго, [3]) когда медвѣдь изъ берлоги выходитъ, и проспалъ. Проснулся, анъ корешокъ у него въ рукахъ. Стали по тому корешку обыскивать, отъ какого онъ зелья, и дошли, что тотъ корень—сонъ-трава, вотъ эта самая.

Не отвѣтилъ никто на слова Марьи головщицы

1) Верхняя одежда, плащъ.

2) Это сказаніе находится и въ Печерскомъ Патерикѣ и въ Лѣтописи преподобнаго Нестора.

3) Апрѣля 12-го.

Всѣ промолчали, идучи другъ за дружкой по узкой тропинкѣ. Подошла Фленушка къ Василью Борисычу и тихонько сказала:

— А захочетъ молодецъ судьбу свою узнать, пожелаетъ онъ увидѣть во снѣ свою суженую — подложить ему подъ подушку липкій цвѣточекъ этой травы. Всю судьбу узнаетъ ва сняхъ, увидитъ и суженую... Не сорвать ли про тебя, Василій Борисычъ?... Такъ ужь и быть, даромъ что бѣсовскій цвѣтъ, ради тебя согрѣшу, сорву.

— Не для чего мнѣ судьбу узнавать, — не глядя на Фленушку, отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Однакожъ...—заговорила было Фленушка.

Но громкій голосъ Аркадіи покрылъ ея полушепотъ.

— И въ раи Господнѣ росло древо смерти и ходилъ змѣй, въ него же вселися діаволъ. Диво ли, что теперь на нашей трудной землѣ и древа, и травы, и скоты, и звѣри, и всякіе гады, ползущіе не отъ Бога, а отъ врага, не славу Божію исповѣдуютъ, а вражескимъ козням на человѣческую пагубу служатъ? Писаніемъ умудренному уму подобаетъ познати каждой вещи извѣщеніе—къ добру она, или къ худу. Въ томъ и премудрость. И намъ малымъ и скудоумнымъ не вмѣстити бы тоя премудрости, аще бы не святыхъ отецъ писанія просвѣщали насъ... Такъ ли, говорю, Василій Борисычъ?... Да полно ты, толчея!... Чего безъ пути толчешься, когда люди умнѣй тебя говорятъ!— прикрикнула она на Фленушку, а Фленушка, подсмѣиваясь надъ ея рѣчами, слегка дергала за кафтанъ Василья Борисыча.

— Премудрости Господни исполнена земля,—отозвался Василій Борисычъ. — Всяка жива тварь на службу человѣку, и всякъ злакъ на пользу его.

— Да полно ли вамъ? — брюзгливо молвила ему

причудливая Фленушка.—И въ обители книжное пуще горькой рѣдьки надоѣло, а вы съ нимъ и на гулянкѣ. Пущай ее съ Никанорой разводитъ узоры. Попросту давайте говорить. Въ кои-то вѣки на волю да на просторъ вырвались, а вы и тутъ съ Патерикомъ!.. Бога-то побоялись бы!

— Это я такъ, Флена Васильевна, — сказалъ Василій Борисычъ, отходя немного въ сторону за кустики. — Нельзя же — старшія... А вѣкъ бы, кажись, отсюда не вышелъ. Очень ужь хорошо.

— Надоѣло бы,—подхватила Фленушка и, быстро обратясь къ Марьюшкѣ, вскрикнула, указывая ей рукой въ перелѣсокъ:—Глянь-ко!.. костяники-то, костяники-то что̀!.. Видимо-невидимо!..

Любила ту ягоду Марьюшка; не отвѣтя ни слова, кинулась она въ сторону и, нагнувшись, принялась собирать алую костянику. Василій Борисычъ шелъ сзади телѣгъ, нагруженныхъ матерями. Съ одного бока бойко идетъ развеселая Фленушка, съ другого павой выплываетъ Прасковья Патаповна.

— Куда ужь вамъ въ лѣсахъ пребывать,—игриво продолжала Фленушка.—Разомъ бы надоѣло.

— Никакому человѣку такая красота надоѣсть не можетъ, — отозвался Василій Борисычъ. — Нельзя въ такомъ мѣстѣ соскучиться: и дышется вольнѣе, а на душѣ такой миръ, такое спокойствіе.

— Что жь нейдете пустынничать, коли такъ лѣса полюбились вамъ? — лукаво улыбаясь, молвила Фленушка.—Вонъ тамъ, подальше, отсюдова, въ Поло́мѣ, старцы отшельники вѣкъ свой въ лѣсу живутъ, съ утра до́ ночи слушаютъ, какъ птички распѣваютъ. И вамъ бы къ нимъ, Василій Борисычъ.

— Что̀ жь?—отвѣтилъ онъ.—Добрая жизнь, богоугодная!.. Благой изволъ о Господѣ оставить міръ и пребывать въ пустынѣ. Всѣ святые похваляютъ житіе

пустынное... Только не всякъ можетъ подъять такую жизнь.

— Да, не всякъ можетъ,—думчиво молвила Фленушка, а потомъ, какъ бы встрепенувшись, прибавила:—Не про насъ съ вами такая жизнь, Василій Борисычъ! Нà это мы съ вами не сгодилися.

— Отчего жь такъ?—улыбаясь, спросилъ Василій Борисычъ.

— А оттого, — съ лукавой усмѣшкой отвѣтила Фленушка,—что Божье у насъ на языкѣ, а мірское на умѣ... Правду ль сказала?.. А?.. прибавила она и весело захохотала.

— Не знаю, что̀ нà это сказать... Не пробовалъ въ пустынѣ жить,—молвилъ Василій Борисычъ.

— И не пробуйте,—съ притворной скромностью опустивъ глаза, отвѣтила Фленушка.—Развѣ вдвоемъ... чтобъ не оченно скучно было...—примолвила она, улыбаясь.

— Вдвоемъ-то, конечно, повеселѣе, — сказалъ Василій Борисычъ, тоже улыбнувшись. — По крайности есть съ кѣмъ слово перемолвить.

— Конечно, — согласилась Фленушка. — Живучи вдвоемъ, другъ на дружку взглянешь да улыбнешься, а живучи въ одиночествѣ на себя глядя, только всплачешься... Ты, Параша, какъ о томъ думаешь?

— Не знаю, — вяло отвѣтила Прасковья Патаповна.

— Ужь будто никогда о томъ и не думала?.. И на мысли никогда о томъ не вспадало?..—стала приставать къ ней Фленушка.

— Не помню, — молвила Параша, порывисто отвернувшись отъ подруги, а сама, взглянувъ на Василья Борисыча, ни съ того ни съ сего заалѣла, какъ та костяника, что сбирала Марья головщица.

— Ай, батюшки свѣты!.. Ягодъ-то что, ягодъ-то!..—

всклпкнула Фленушка и живо бросилась въ сторону, оставя Парашу вдвоемъ съ Васильемъ Борисычемъ.

Того въ жаръ кинуло. Повозки съ сонными матерями уѣхали впередъ, Фленушка съ Марьюшкой, собирая ягоды, скрылись въ лѣсной чащѣ. Никого кругомъ, а онъ съ глазу нá глазъ съ приглянувшейся ему пышкой-дѣвицей.

Слова не вяжутся. Куда сколь рѣчистъ на бесѣдахъ Василій Борисычъ---жемчугомъ тогда у него слова катятся, льются, какъ рѣка, а тутъ, оставшись съ глазу нá глазъ съ молодой пригожей дѣвицей, словъ не доищется, ровно стѣна молчитъ... Подкосились ноженьки, опустились рученьки, весь какъ на иглахъ... Да, и высокъ каблучокъ, да подломился на бочокъ.

Соберется съ духомъ, наберется смѣлости, скажетъ словечко про птичку ль въ сторонѣ порхнувшую, про цвѣты ли дивно распустившіе яркіе лепестки свои, про бѣлоствольную ли высокую березу, широко развѣсившую свои вѣтви, иль про зеленую, стройную елочку, но только и слышитъ отъ Параши: «да» да «нѣтъ». Рдѣютъ полныя свѣжія ланиты дѣвушки, не можетъ поднять она свѣтлыхъ очей, не можетъ взглянуть на путеваго товарища... А у него глаза горятъ полымемъ, блещутъ искрами.

«Охъ, искушеніе!» думаетъ, негодуя иа себя, Василій Борисычъ. «Съ Устиньей въ два слова обо всемъ перемолвилъ, а съ этой прильпе языкъ къ гортани моей!»

А самъ, идя рядышкомъ съ Прасковьей Патаповной, понемножку да потихоньку къ ней близится... Та краснѣетъ, сторонится... Къ такому мѣсту подошли, что некуда сторониться — густо разрослись тутъ кусты можжевельника. Василій Борисычъ будто невзначай коснулся руки Парашиной. Она дрогнула,

но руки не отняла... И какъ же заныло, какъ сладко защемило сердце дѣвушки, когда онъ взялъ ее за̀ руку...

Идутъ, молчатъ... Слегка пожимаетъ Василій Борисычъ руку Параши... Высоко̀ у нея поднимается грудь, и дыханье ея горячо и не можетъ она взглянуть на Василія Борисыча... Но вотъ и сама пожала ему руку... Василій Борисычъ остановился, и самъ послѣ не могъ надивиться, откуда смѣлость взялась у него—обвилъ рукою станъ дѣвушки, глянулъ ей въ очи и припалъ къ алымъ устамъ дрожащими отъ страсти губами...

Эхъ, лѣса-лѣсочки, алые цвѣточки! Вѣкъ бы тутъ гуляти, алы цвѣты рвати, крѣпко обниматься, сладко цѣловаться!..

— Поладили,—шепнула Фленушка головщицѣ, осторожно выглядывая изъ-за кустовъ можжевельника на Василья Борисыча съ Парашей...

— Что̀ тутъ хорошаго-то? — брюзгливо отозва́лась Марьюшка.

— Одной что ли тебѣ съ саратовцемъ цѣловаться?— досадливо молвила ей Фленушка. — Всяка душа сладенькаго хочетъ. Не обсѣвокъ въ полѣ и Параша.

— Такъ-то оно такъ,—сказала Марьюшка,—а какъ матушка узнаетъ, тогда что̀ будетъ?

— Будетъ такъ будетъ, а не будетъ, такъ что-нибудь да будетъ, — отрѣзала Фленушка и громко запѣла уда́лую пѣсню:

Курёвушка, курева̀ [1]),
Закурила, замела,
Закутила-замутила
Всѣ дорожки, всѣ пути:
Нельзя къ милому пройти!

[1]) Такъ въ сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ зовутъ вьюгу.

Я пойду стороной,
Съ милымъ свижуся,
Поздороваюсь:
«Здравствуй, миленькій дружокъ,
Ко мнѣ въ гости гости
Да подольше сиди:
Съ стороны люди глядятъ,
Меня, дѣвушку, бранятъ.
Ужь какъ нынѣшніе люди
Догадливые,
Догадливые, переводливые!
Ни кутятъ, ни мутятъ,
Съ тобой, милый, разлучатъ».

Не слушая Фленушкиной пѣсни, за опушкой лѣса по другую сторону дороги, шли рука въ руку Василій Борисычъ съ Парашей... Шли молча, ни тотъ, ни другая ни слова... Но очи обоихъ были рѣчисты...

Половину пути прошли. Подошла къ парочкѣ Фленушка съ Марьюшкой. Тутъ съ дороги поворотъ, лѣсная тропа до могилки матушки Фотиньи пойдетъ узенькая: въ повозкахъ тутъ не проѣхать. Разбудили отъ крѣпкаго сна уставщицу да старицу Никанору и оставя лошадей съ работниками на дорогѣ, вшестеромъ пошли ко «святому мѣсту» по кладкамъ, лежавшимъ на сырой, болотистой землѣ. Гуськомъ надо было идти. Впереди выступала мать Никанора, за нею уставщица Аркадія, потомъ Марьюшка, Фленушка и Параша. За Парашей, всѣхъ позади шелъ Василій Борисычъ. Кладки были узенькія, мѣстами отставали одна отъ другой нà четверть и больше. Нà руку было это Василью Борисычу. Никто назадъ не оглядывался, каждая себѣ пóдъ ноги смотрѣла.

Учительная мать Аркадія межь тѣмъ громогласно читала наизусть поученіе о прелести и суетѣ міра сего.

Далеко раздавалась пò лѣсу громкая, протяжная рѣчь ея.

«Житія нашего время яко вода на борзѣ течетъ, дніе лѣтъ нашихъ яко дымъ въ воздусѣ развиваются, вмалѣ являются и вскорѣ погибаютъ. Мнози борются страсти со всякимъ человѣкомъ и колеблютъ душами. Яко же волны морскія—житейскія сласти, и похоти, и желанія возстаютъ на душѣ... О человѣче! Что твориши несмысленнѣ, погубляеши время свое спасительное непрестанно весь вѣкъ живота твоего, тѣлу своему угождая? Что хощеши?..»

Гнилая кладка подломилась, и проповѣдница стремглавъ полетѣла въ болото. Грузно шлепнулась она въ грязь, поросшую осокой и бѣлоусомъ [1]). Насилу вытащили ее Никанора съ Марьюшкой.

Не стерпѣла Фленушка: во всю мочь расхохоталась надъ карабкавшейся въ грязи уставщицей. И досталось же ей за то отъ Аркадіи. Иное зачала поученіе, щедро пересыпая его бранными словами.

— Чему заржала, окаянная?—визгливо шумѣла она, отряхая жидкую грязь, со всѣхъ сторонъ облѣпившую иноческое ея одѣянье. — Тряслось бы надъ тобой, да висло, безпутная!.. Чирей бы тѣ въ ухо да камень бы въ брюхо!.. Чѣмъ бы пожалѣть старуху, а она зубы скалитъ, пересмѣиваетъ... Чтобъ тебя пополамъ да въ черепья!.. И угораздила меня нелегкая съ этакой шелапутницей на богомолье идти!.. Гулянки у тебя на умѣ только да смѣхи, о молитвѣ и думать забыла... Околѣть бы тебѣ безъ свѣчей, безъ ладону, безъ гроба, безъ савану!. Изсуши меня Господи до макова зернышка, коль не разскажу я про всѣ твои проказы матушкѣ!.. Задастъ она тебѣ, задастъ, взъерепенитъ безстыжую, всклочитъ косы-то!.. Погоди ты у меня, погоди!..

А Фленушка пуще да пуще хохочетъ надъ стари-

[1]) Осока — *Carex visicaria.* Бѣлоусъ — *Nardus stricta.*

цей. Втихомолку и Марьюшка съ Парашей посмѣиваются и Василій Борисычъ; улыбается и степенная, чинная мать Никанора. И какъ было удержаться отъ смѣха, глядя на толстую раскраснѣвшуюся съ досады уставщицу, всю въ грязи, съ камилавкой на бокъ, съ апостольникомъ чуть не задомъ напередъ. Фленушка не изъ таковскихъ была, чтобъ уступить Аркадіи: чѣмъ та больше горячилась, тѣмъ громче она хохотала и больше ее къ брани подзадоривала.

И Богъ знаетъ, чѣмъ бы это кончилось, еслибъ шедшіе гуськомъ богомольцы не дошли наконецъ до маленькой полянки, середь которой стоялъ почернѣвшій отъ дождей и ветхости, ягелемъ поросшій, голубецъ То была гробница добрымъ подвигомъ подвизавшейся матери Фотиньи.

До Питиримова разоренья на этомъ мѣстѣ стояла женская обитель старицы Фотиньи Нижегородки. Вблизи отъ нея, съ версту либо меньше, другая обитель стояла старицы Голендухи. Много въ ту пору на Ке́рженцѣ и въ лѣсахъ чернораменскихъ учительныхъ и добраго житія старицъ бывало. Строгою жизнью, добрыми подвигами славились игуменьи Ша́рпанскихъ обителей, Марья да Ѳедосья, да начальная старица Елховскаго скита, мать Иринарха. Великою начитанностью, острымъ разумомъ и учительнымъ словомъ во всѣ концы старообрядства гремѣла начальная старица Капитолина Ярославка, діаконова толка, да старица Анисья Козьмодемьянка. Съ самимъ Питиримомъ онѣ препирались и крѣпкими адамантами древляго благочестія почитались, но не было такой постницы, не было такой подвижницы, какъ начальная старица Фотинья; и не было такой учительной и начитанной игуменьи, какъ мать Голендуха. Къ Фотиньѣ съ разныхъ сторонъ сходи-

лись старообрядцы поучиться добрымъ порядкамъ и подвижничеству, у Голендухи соборы даже сбирались. Однажды на Тихоновъ день [1]), многіе старцы и старицы, именитые люди и духовнаго чина къ матери Голендухѣ въ обитель сходились разбирать поподробну «спорныя письма» протопопа Аввакума и обрѣли въ нихъ несогласныхъ рѣчей со святыхъ отецъ писаніемъ много, за то и согласились отложить тѣ письма. И настало отъ того раздѣленье керженскихъ старообрядцевъ на Софонтіево и Онуфріево согласія. И по времени тѣ, что̀ Софонтьева толка держались, по многихъ спорахъ Онуфріевыхъ одолѣли и тому одолѣнію много послужили мать Фотинья да мать Голендуха. Отъ того и память ихъ донынѣ на Ке́рженцѣ честно хранится, отъ того на мѣста разоренныхъ скитовъ, на ихнія могилы и ходятъ Богу молиться, помины творить по крѣпкимъ ревнительницамъ старообрядства.

На Фотиньиной полянкѣ стихли и брань уставщицы и Фленушкинъ хохотъ. Положивъ семипоклонный на̀чалъ, замолитвовала Аркадія канонъ за умершихъ. Отпѣли канонъ надъ могилой Фотиньи и помянули ея взятыми изъ Виринеиной келарни кутьей да холодными блинами.

Отправивъ службу по Фотиньѣ, богомольцы пошли дальше въ лѣсъ по тоненькимъ кладкамъ. Тутъ стоячее болото было жиже, промежъ зеленой осоки и пышныхъ ярко-желтыхъ купавокъ [2]) сверкали глубокія лужи, какъ пѣной подернутыя желѣзною ржавчиной. Между ними попадались «вадьи̇» и «окна»; угодишь туда—нѣтъ спасенья: пиши къ роднымъ, творили бы поминки... Опасливѣй прежняго идутъ гуськомъ другъ за дружкой богомольцы, боясь чтобъ опять кому не

[1]) 16-го іюня 1708 года.
[2]) Водяной лапушникъ, Nymphea.

попасть въ болото, какъ судилъ Господь попасть уставщицѣ. Сухая полянка матери Голендухи была гораздо обширнѣй, чѣмъ у Фотиньи; почти сплошь была она крыта яркимъ зеленобурымъ мохомъ, и на немъ росло множество несозрѣлой еще брусники.

И надъ Голендухиной могилкой справили обычную службу и надъ нею пропѣли канонъ и кутьей да блинами поминъ сотворили. Дальше гуськомъ по тонкимъ кладкамъ пошли и вышли на дорогу, гдѣ ихъ ожидали терзаемые оводомъ кони.

— Подите-ка вы напередъ,—молвила мать Аркадія конюху Дементью и работникамъ,—а я тѣмъ временемъ перемѣню одежу. Ишь грѣхъ какой! Какъ изгрязнилась!

Осталась Аркадія съ Никанорой да съ Марьюшкой головщицей. Давай перины поднимать, да узлы развязывать. Достала уставщица чистое бѣлье и запасное верхнее платье. Переодѣвшись сѣла въ переднюю повозку, а Никанора съ Марьюшкой въ заднія двѣ помѣстились, и такъ поѣхали одна за другой догонять ушедшихъ впередъ. Скоро нагнали и по прежнему размѣстились. Мѣсто возлѣ дороги было посуше; дѣвицы съ Васильемъ Борисычемъ попрежнему пошли другъ за дружкой по лѣсной опушкѣ, попрежнему отдалился московскій посолъ съ Парашей, попрежнему велъ ее за бѣлую руку, попрежнему прижималъ ее къ сердцу и срывалъ съ губъ Параши горячіе поцѣлуи. Ни онъ, ни она ни слова... Къ чему слова, зачѣмъ длинныя рѣчи?.. И безъ того знаютъ, что полюбили другъ друга. Не любитъ русскій человѣкъ про любовь разговоры водить—молчкомъ все больше...

Багровое солнце, плывя въ сѣрожелтомъ туманѣ, давно ужъ съ полдёнъ опустилось, когда путники

наши добрались до Ула́нгера. Чищенина [1]) была тутъ обширная и сплошь покрыта выколосившимся и налившимся уже хлѣбомъ. Середь чищенины, со всѣхъ сторонъ окаймленной зеленѣвшими пожнями, по бѣлоснѣжному кварцовому песку струилась свѣтлая рѣчка Козленецъ. По одну ея сторону стоялъ скитъ Улангерскій съ десятью обителями, по другую Фундриковскій—тамъ было двѣ обители.

Еще до Питиримова разоренья стоялъ на Ко́зленцѣ небольшой скитокъ Фу́ндриковъ, мѣсто было затишное, укромное, разоренье не коснулось того скита. Гораздо позже, вскорѣ послѣ чумнаго года и Пугачевщины, разрослось здѣсь скитское населеніе,—появились новыя обители и за рѣчкой супротивъ Фу́ндрикова. То былъ Улангеръ.

До того улангерскія келейницы жили верстъ за сто оттолѣ въ лѣсахъ Унженскихъ; тамъ у нихъ былъ скитъ большой и богатый. Тѣмъ по старообрядству онъ славился, что немало въ немъ живало дворянокъ: чухломскихъ, галицкихъ, пошехонскихъ. Въ старые годы предки тѣхъ «баръ», какъ зовутъ ихъ въ народѣ, бывали на службахъ великихъ государей, верстаны были помѣстьями и жалованы ими въ вотчину. Внуки ихъ, правнуки, засѣвъ въ лѣсахъ, завалившись въ болотахъ, всегда «въ нѣтяхъ бывали», не являясь на государеву службу. Отъ того жалованныхъ земель у нихъ не прибывало, и каждаго изъ баръ Господь благословлялъ чадородьемъ не меньше плодущаго рода—поповъ да дьяконовъ. Имѣнья дробились и баре въ конецъ обѣдняли. Случалось, что у семи дворянъ бывала одна крѣпостная душа и два, либо три загона дрянной землицы. Жили онѣ бѣднѣе крестьянъ, а

[1]) Мѣсто гдѣ лѣсъ вырубленъ, выкорчеванъ и сожженъ подъ посѣвъ; пашня, расчищенная изъ-подъ лѣсу.

чванства и родовой спѣси было столько, что съ каждаго хватило бы на дюжину богатыхъ вельможъ. Работать имъ нельзя, потому что «баре», а служить тоже нельзя потому, что очень ужь неотесаны, да и грамотѣ рѣдкій изъ нихъ учился. Отъ крестьянъ отличались только запонкой на рубахѣ да кружившимъ ихнія головы званіемъ «барина». Народъ не уважалъ баръ, смѣялся надъ тунеядцами и сложилъ про нихъ двѣ мѣткія пословицы: «бара—по грошу пара» да «семь дворянокъ на одной кобылѣ верхомъ ѣдутъ». Такіе-то баре, вдовыя барыни и боярышни наполняли старообрядскіе скиты, находившіеся отъ нихъ поблизости. Таковъ былъ и Старый Ула́нгеръ.

Долго тамъ проживали онѣ. Скитъ Улангерскій прославился, дорожили имъ московскіе и другихъ городовъ старообрядцы. «Знайте, дескать, что и межъ насъ есть родовые дворяне благородные», и щедрой рукой сыпали въ Ула́нгеръ подаянія. И жизнь въ томъ скиту была безопаснѣй и привольнѣе, чѣмъ по другимъ—и попы и полиція не такъ смѣло къ нему подступали.

Съ умиленьемъ и гордостью разсказываютъ скитницы про Старый Ула́нгеръ. Житіе, говорятъ, было тамъ пространное, широкое, небоязное, порядки добрые, строгіе, и по-многу бѣглыхъ поповъ въ томъ скиту пребывало. И колокольный звонъ и крестные ходы вкругъ скита и по окольнымъ полямъ, и свободное отправленіе погребенія съ громогласнымъ пѣніемъ и цѣлымъ строемъ поповъ во всемъ чину своемъ, все это бывало въ захолустномъ, забившемся въ дремучіе лѣса Улангерѣ и придавало ему блескъ и славу по всему старообрядству. И невѣдомо отчего прогнѣвался Господь на Ула́нгерскія обители: въ пору необычную, на самое Богоявленье нашла грозовая туча и молнія ударила въ главную скитскую часовню.

Поднялся вихрь и раскидалъ полымя по всему скиту; часа черезъ два ничего отъ него не осталось. Со страха и ужаса по всѣмъ сторонамъ разбѣжались улангерскія матери.

Лѣтомъ галицкая боярыня Акулина Степановна изъ рода Свѣчиныхъ, съ племянницей своей Ѳедосьей Ѳедоровной Сухониной, собрала во единъ кругъ разбѣжавшихся матушекъ, пошла съ ними вкупѣ на иное мѣсто, и на рѣчкѣ на Ко́зленцѣ, супротивъ стараго скита Фундрикова, ставила обитель Спаса Милостиваго. По маломъ времени собрались сюда и другіе скитскіе жители и ставлено было на Ко́зленцѣ двѣнадцать обителей, десять женскихъ, двѣ мужскія. Дворянскаго рода бѣлицы и старицы до послѣдняго времени не переводились въ Ула́нгерѣ, и хоть этотъ скитъ далеко̀ не былъ такъ богатъ, какъ Комаровскій, Оленевскій или Ша́рпанскій, но славу имѣлъ большую, потому что въ немъ постоянно привитали бѣдныя дворянки чухломскія, галицкія, пошехонскія. И какихъ сказокъ про нихъ не разсказывали: и близки-то онѣ ко двору, и имѣютъ-то среди царскихъ вельможъ близкихъ сродниковъ, и есть-то у нихъ жалованныя грамоты, и тѣми де грамотами на вѣки вѣчные обезпечена неприкосновенность скита Ула́нгерскаго.

И что́ было съ пошехонскими, галицкими и чухломскими «барами», то сталось и съ потомками ихъ, улангерскими келейницами. Сколько было у нихъ бѣдноты и наготы въ сравненіи съ другими скитами, разсказать того невозможно, а спѣси боярской въ сотню разъ было больше того. Какъ можно посылать по городамъ за сборами, какъ можно канонницъ въ Москву отправлять? Сама Москва должна двинуться на рѣчку Ко́зленецъ поклониться скиту дворянскому! Знать никого не хотятъ—ходятъ ребромъ, глядятъ козыремъ.—На что́ намъ богатство, была бы спѣсь, была бы пе-

редъ нами пыль, люди бы передъ нами сторонились... Отъ того и забѣднѣлъ скитъ Ула́нгерскій.

Въ послѣднее время перестали дворянской славой кичиться въ Ула́нгерскихъ обителяхъ. Дворянокъ осталось тамъ мало; да и тѣ были безъ зубовъ, съ пе́чи не слѣзали, доживая на ней долгій вѣкъ свой. Но старая спѣсь не совсѣмъ вымерла въ Ула́нгерѣ — не со многими обителями другихъ скитовъ тамошнія матери знакомство и хлѣбъ-соль водили. Обитель Манеѳина въ славѣ была и въ почетѣ, отъ того знались съ нею и дорожили знакомствомъ улангерскія матери, особенно игуменья самой большой обители мать Юдиѳа изъ ярославскаго купеческаго рода. Къ ней-то и взъѣхали усталые до́нельзя комаровскіе богомольцы.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Дѣвушка, что ловчая птица. Трудно со́кола выносить, а перевабишь [1]) самъ на̀ руку станетъ летать. Недотрогой-царевной глядѣла Прасковья Патаповна, выѣзжая изъ Комарова, а когда добрались богомольцы до Ула́нгера да размѣстились по кельямъ и свѣтлицамъ Юдиѳиной обители, красна дѣвица встосковалася: «Гдѣ то радость моя?... Что-то онъ, миленькой дружочекъ, подѣлываетъ?...»

И Василью Борисычу не сидится на мѣстѣ. Радехонька была мать Юдиѳа знакомому ужь ей московскому уставщику. Еще когда пѣвчая стая Манеѳиной обители ѣздила въ Осиповку хоронить Настю, Василій

[1]) Сокола и другую ловчую птицу носятъ на рукѣ, поколь не заснетъ, и такимъ образомъ приручаютъ. Это называется вынашивать. Перевабить — перезвать сокола, переманить вабиломъ съ мѣста. Вабило — пара птичьихъ крыльевъ; ими машутъ, посвистывая для призыва выношенной ловчей птицы.

Борисычъ, оставаясь въ Комаровѣ безъ дѣла, побывалъ у матери Юдиѳи и много старался склонить ее къ признанію владимірскаго архіепископа.

Усадила Юдиѳа Василья Борисыча въ почетный уголъ, угощаетъ его и чаемъ и сластями, заводитъ съ нимъ рѣчи про австрійскихъ архіереевъ. Но московскому послу не до посольства. Не архіерей у него на умѣ, а бѣлыя атласныя плечи; не владыку Антонія онъ на памяти держитъ, про то сладко вспоминаетъ, какъ гуляя по лѣсочку рука объ руку съ Прасковьей Патаповной, горячо обнималъ ее, цѣловалъ въ уста алыя и въ пухлыя, мягкія щеки. И дивится словоохотливая Юдиѳа его молчанію, отчего это, думаетъ она, то и дѣло въ рѣчахъ онъ путается, не впопадъ на спросы отвѣчаетъ? Узнавъ, что Василій Борисычъ, ради богомольнаго подвига, почти всю дорогу пѣшкомъ прошелъ:—«усталъ, родименькой, притомился»,—подумала... «отъ великихъ богомольныхъ трудовъ разстроило его, сердечнаго».

— Отдохнуть бы вамъ съ дорожки-то, гость дорогой,—молвила Юдиѳа Василью Борисычу.—Послѣ тра́пезы отдохнуть не вздумается ли?

И кликнувъ бѣлицу Домнушку, игуменья велѣла ей постлать поскорѣе гостю постель въ сосѣдней свѣтелкѣ, что̀ была надъ кельей игуменьиной.

А Домнушка дѣвица молоденькая, собою малѐнька, личикомъ бѣленька, очи сокольи, брови собольи, глаза съ поволокой, ротокъ съ позѣвотой, а дѣвичья краса— русая коса лежитъ по спинѣ до шелко́ва пояса̀. Веселая такая была да нѣжная, а сама чиста, какъ голубица. Когда впервы́е Василій Борисычъ въ Ула́нгерѣ былъ, облюбовалъ онъ эту дѣвицу и почасту съ ней втихомолку заигрывалъ. Обрадовалась теперь Домнушка гостю негаданному, а онъ ровно и не знаетъ ее: даже не поздоровался. И зардѣлось съ досады

бѣлое личико Домнушки, заискрились слезинкой очи звѣздистыя: не того ждала—не того она надѣялась, живучи въ одиночествѣ, помышляя каждый день о Васильи Борисычѣ.

Только-что Юдиѳа изъ кельи вонъ, на мѣсто ея Фленушка.

— Ну что́?—спросила она, изо всей мочи хлопнувъ по плечу погруженнаго въ думу Василья Борисыча.

Тотъ даже присѣлъ отъ нечаяннаго удара разудалой дѣвицы.

— Охъ, искушеніе!—вскрикнулъ онъ и, едва переводя духъ, примолвилъ:—Совсѣмъ исполо́шили вы меня, Флена Васильевна! Можно развѣ этакъ пугать человѣка?... Мало ль что̀ съ перепугу можетъ случиться? Медвѣдь и покрѣпче меня, да и съ тѣмъ съ испугу-то что̀ бываетъ?

— Ишь незамайка какой!...—лукаво усмѣхаясь, молвила Фленушка.—Гдѣ таково, Василій Борисычъ, изнѣжничались? Въ свѣтлой свѣтлицѣ, аль въ чистомъ полѣ, али въ лѣсочкѣ, срывая цвѣточки?

— Не знаю, какъ понимать ваши рѣчи, Флена Васильевна,—сказалъ Василій Борисычъ, будто не понимая ея намековъ.

— Рѣчисты ужь больно стали вы, Василій Борисычъ. Съ вашихъ столичныхъ рѣчей, можетъ статься, намъ лѣснымъ дурамъ плакать придется,—продолжала Фленушка.

— Да что̀ это вы нынче притчами все говорите? Вы бы прямо. Понятнѣе,—сказалъ Василій Борисычъ.

— Тѣ мои и рѣчи, что птицу кормомъ, а дѣвушку льстивыми рѣчами обманываютъ,—съ коварной усмѣшкой молвила Фленушка.

Василій Борисычъ ни слова въ отвѣтъ.

— Сгубили вы ее своими рѣчами,—продолжала Фленушка.

«Охъ, искушеніе!» подумалъ Василій Борисычъ. Да тутъ же и вспало ему на умъ: «про какія же рѣчи она говоритъ? Мы вѣдь все время единаго слова не перемолвили.»

— Сидитъ разливается-плачетъ, — молвила Фленушка.—Хоть пошли бы да утѣшили, покамѣстъ у нашихъ старицъ съ Юдиѳой тарабáры идутъ.

— Охъ искушеніе!—вполголоса сказалъ Василій Борисычъ.

— Нечего таиться-то,—сказала Фленушка, положивъ ему на плечо руку.—Мы съ Парашей душа въ душу, она все разсказала...

— Ахъ, Флена Васильевна!... — только и могъ, краснѣя и глубоко вздыхая, промолвить Василій Борисычъ.

— Вотъ чтó—теперь пожалуй лучше не ходите къ ней,—сказала Фленушка,—очення ужь людно здѣсь, да опять же на насъ на пріѣзжихъ много глазъ глядитъ... Вечеркомъ лучше послѣ заката—на всполье тогда выходите. Какъ сюда въѣзжали, видѣли крестъ большой въ землю вкопанъ стоитъ? Отъ того креста дорожка вдоль рѣчки къ перелѣску пошла, по ней идите... Да смотрите, чуръ не обмануть: безпремѣнно приходите.

Ни слова Василій Борисычъ, одно завѣтное шепчетъ онъ слово: «охъ, искушеніе!»

— Чтó жь нашей царевнѣ-королевнѣ велите сказать?—настойчиво спросила Фленушка.—Придете аль нѣтъ въ лѣсочкѣ вечеркомъ тоску-горе размыкать?... Придете аль нѣтъ?

— Приду,—смущаясь, едва слышно проговорилъ Василій Борисычъ.

— Ну, ладно... Да вы не бойтесь. Ловкой рукой все обрядимъ... Сама настороже стану,—лукаво усмѣхнувшись, бойко и рѣзво проговорила Фленушка.

— Охъ, искушеніе!—опуская голову, молвилъ Василій Борисычъ.

— Погляжу я на васъ,—съ задорной улыбкой сказала ему Фленушка:—настоящій вы скосырь московскій!... Мастеръ дѣвушекъ съ ума сводить... Что-то Устюшка теперь?... Ну, да вѣдь я не за тѣмъ, чтобъ ее поминать... Прощайте, не обманите же... Только-что послѣ ужины матери по кельямъ разбредутся, тотчасъ къ большому кресту да тропой въ перелѣсокъ... Смотрите жь.

И какъ рѣзвая касатка вонъ изъ кельи порхнула.

А вовсе не Парашины рѣчи-желанья Василью Борисычу она говорила. Высмотрѣвъ украдкой, что было въ лѣсочкѣ, вздумалось Фленушкѣ и эту парочку устроить. Очень любила такія дѣла и давно ей хотѣлось не свою, такъ чужую свадьбу уходомъ сыграть. По расчетамъ ея дѣло теперь выпадало подходящее; влѣзъ по́ поясъ Василій Борисычъ—полѣзетъ по горло; влѣзетъ по горло—по́ уши лѣзь; по́ уши окунется—маковку въ воду... Того хочетъ Флена Васильевна, такова ея дѣвичья воля.

По случаю пріѣзда московскаго посла и комаровскихъ матерей, въ Юдиѳиной обители было большое собранье. Сошлись старицы изо всѣхъ обителей.

До́сыта наговорились онѣ. Успокоясь отъ сердечной тревоги, много говорилъ съ ними Василій Борисычъ. Толковали объ архіерействѣ, ула́нгерскія старицы не были склонны къ Бѣлокриницкой іерархіи, сомнѣвались въ ея чистотѣ, ересей сокровенныхъ боялись, больше всего смущало ихъ, не обли́ванецъ ли грекъ Амвросій. Если обли́ванецъ—все его архіерейство и священство безблагодатно, и кромѣ душевной гибели отъ него ожидать ничего невозможно. Василій

Борисычъ Бога въ свидѣтели приводилъ, что самъ своими глазами видалъ, какъ въ Эносѣ, на родинѣ митрополита, греки дѣтей въ три погруженья крестятъ, что тамъ про облйванство слуху нѣтъ и весьма имъ гнушаются, какъ богомерзкой латинской прелестью. Отъ книгъ доказывалъ, что хоть у грековъ вѣра отъ бусурманскаго насилія и стала пестра, но въ крещеніи они нимало не погрѣшили. Еще больше было рѣчи объ опасности, грозившей скитамъ ке́рженскимъ и чернораменскимъ. Юдиѳа и другая ула́нгерская игуменья, мать Минодора, получили изъ Петербурга отъ благодѣтелей такія жъ недобрыя вѣсти, какъ и Манеѳа. Толковали, вздыхали, охали и тѣмъ порѣшили, что гдѣ гроза, тамъ и вёдро. Господь не безъ милости—пронесетъ мимо грозную тучу и бѣдныхъ сиротъ учинитъ безпечальны; надо во всемъ на Его святую волю положиться. И то порѣшили, чтобъ на Петровъ день старицы изъ Улангерскихъ обителей ѣхали къ матушкѣ Манеѳѣ соборовать, что̀ надо дѣлать, что́ предпринять при такихъ тревожныхъ вѣстяхъ.

Солнце межь тѣмъ багровѣло больше и больше, сѣрожелтый туманъ застилалъ лазурь небеснаго свода и съ каждымъ часомъ больше и больше темнѣлъ. И на землѣ затуманились дальніе предметы, перелѣсокъ и Фундриковскія строенья ровно въ дымку закутались. Гарью запахло—значитъ пожаръ расгорался не на шутку, но гдѣ, близко ль, далеко ли, не знаетъ никто. Во время лѣсныхъ пожаровъ сухой туманъ и запахъ гари распространяется иногда на сотни верстъ отъ горѣлаго мѣста. Отъ того въ Ула́нгерѣ и были спокойны—никто не тревожился. «Горитъ гдѣ-то далёко, до насъ не дойдетъ,—говорили келейницы, а хотя бъ и дошло, такъ намъ не бѣда—Ула̀нгеръ не лѣсная деревушка, чищенина большая, до келій огню не добраться».

Еще далекó не дойдя до края небосклона, солнце скрыло лучи и померкло, опускаясь въ непроглядную полосу сухаго тумана. Нѣтъ вечерней зари, прямо безъ зари ночью небо покрылось. Повѣяло холодкомъ, столь отраднымъ послѣ зноя длиннаго іюньскаго дня. Надъ рѣчкой, на пожняхъ и болотахъ стали разстилаться влажные туманы. Отъ гари лѣснаго пожара не бѣлыми они кажутся, а какими-то сѣроватыми. Бывшія у Юдиѳи на соборѣ матери, распрощавшись съ комаровскими гостями, разошлись по обителямъ. Вездѣ покончили работы, совершили вечернюю трапезу и разошлись по кельямъ на боковую.

Фленушка уговорила двухъ знакомыхъ ей дѣвицъ Юдиѳиной обители вмѣстѣ пойти погулять по вечернему холодку. Тѣ охотно согласились. Сказали Домнѣ, та не пошла, тѣмъ отговорилась, что голова у ней разболѣлась, а въ самомъ дѣлѣ разболѣлось у нея сердце. На чтó жь это въ самомъ дѣлѣ похоже? Въ первый разъ пріѣзжалъ—заигрывалъ; еще побывать обѣщался, гостинцевъ привезти, и вдругъ ни съ того ни съ сего—взглядомъ подарить не хочетъ... А она ль объ немъ не думала, она ль не надѣялась?... И очень печалилась нѣжная Домнушка, но въ тайнѣ печаль свою сохраняла... Пошли разгуляться Фленушка съ Парашей да съ Марьюшкой, были съ ними двѣ Юдиѳины дѣвицы: развеселая, разудалая, быстроногая смуглянка Дуня да голосистая чернобровка Варя, головщица праваго клироса. Только-что вышли на вcполье, да отошли отъ келій подалѣ, тòтчасъ за мірскія пѣсни, а сами все ближе да ближе къ перелѣску.

Василій Борисычъ изъ обители вышелъ и неспѣшными шагами идетъ онъ къ большому кресту. Подошелъ, остановился, положилъ передъ крестомъ семипоклонный началъ, ровно передъ добрымъ дѣломъ... Отъ креста по узкой тропинкѣ къ темному лѣсочку

пошелъ. Фленушка примѣтила гостя, только-что выбрался онъ на всполье, голосъ ему подала. Подошелъ къ дѣвицамъ Василій Борисычъ.

Въ малиновомъ шелковомъ сарафанѣ съ палевымъ передникомъ, и съ бѣлымъ платочкомъ на головѣ сидѣла на травѣ, окруженная подругами, Параша. Какъ и всегда, была неразговорчива, но не замѣтно было въ ней ни былой лѣни, ни прежней сонливости. Пошла ли бъ она поздней порой въ поле, покинула бы развѣ мягкій пуховикъ, еслибъ не случилось съ ней въ тотъ день, чего отродясь еще не случалось. Узнала горячія объятья, испытала сладость поцѣлуевъ и ровно переродилась; взоръ сталъ смышленнѣе, лицо думчивѣе, движенья быстрѣе. Еслибъ Фленушка съ Марьюшкой и ничего не подсмотрѣли въ лѣсу, онѣ, какъ опытныя дѣвицы, сразу бы, взглянувъ на Парашу, догадались, отъ чего такая перемѣна съ ней сталась. Любовь, что огонь, либо что кашель: отъ людей не скроешь.

Фленушка съ дѣвицами, ведя затѣйные разговоры, ушли въ глубь лѣсочка. Увидала Параша, что осталась одна, а Василій Борисычъ стоитъ передъ нею... Голова у ней закружилась, сердце такъ и упало... Убѣжать бы скорѣй да съ мѣста не встается... Остаться и боязно, и стыдно... Однако осталась.

Василій Борисычъ возлѣ нея на травку сѣлъ и молча взялъ зà руку. Параша ни слова.

Крѣпко онъ обнялъ ее и сталъ цѣловать... Ни слова Параша... Остраняется отъ поцѣлуевъ, но не отталкиваетъ разгорѣвшагося страстью московскаго гостя.

И все молчатъ... А хмѣлевая ночка темнѣй да темнѣй, въ дышущемъ истомой и нѣгой воздухѣ тише да тише. Ни звуковъ, ни голосовъ — все стихло, заснуло... Стопами неслышными безмолвно, невидимо

расвеселый Ярило ступаетъ по матери Сырой Землѣ, тихонько вѣетъ онъ яровыми колосьями и алыми цвѣтами, распаляетъ, разжигаетъ кровь молодую, туманитъ головы, сладкое забытье наводитъ.

Обнялъ Василій Борисычъ Парашу — молчитъ... Прильнулъ распаленными устами къ ея устамъ — молчитъ.

Рѣетъ надъ ними Ярило, кроетъ любовь ихъ серебристымъ своимъ балахономъ... Радостно улыбаясь, осыпаетъ ихъ цвѣтами весны, цвѣтами любви, цвѣтами жизни...

Заготовила было Фленушка сонъ-траву подложить подъ подушку Василью Борисычу—пусть бы приснился ему вѣщій сонъ, пусть бы узналъ онъ судьбу свою, увидалъ бы во снѣ свою суженую... Бросила липкій цвѣтокъ—не надо... На яву все узнано, не во снѣ угадано...

На другой день путники отправились на прахъ сожженнаго «страдальца» Варлаама. Пристали къ нимъ старицы и бѣлицы ула́нгерскія... И все женскій полъ, изъ мущинъ только Василій Борисычъ да еще доживавшій свой вѣкъ въ обветшалой мужской обители старецъ Іосифъ.

Тотъ Іосифъ былъ старожилъ ула́нгерскій. Старше его по жительству въ скитѣ никого не было, кромѣ древней матери Ксенофонты, впавшей въ дѣтство и ужь больше пяти годовъ не слѣзавшей съ печки, да матери Клеопатры Ерахтурки, чтимой всѣмъ Ке́рженцомъ, всѣмъ Чернораменьемъ за преклонную старость, за непомѣрную ревность по вѣрѣ, за что пять разъ въ острогѣ сидѣла и много ради древляго благочестія нуждъ и скорбей претерпѣла. И мать Ксенофонта и мать Клеопатра Ерахтурка еще съ боярыней Акулиной

Степановной изъ Стараго Ула́нгера на рѣчку Ко́зленецъ переѣхали. Старецъ Іосифъ былъ изъ чухломскихъ баръ, дворянскаго роду Горталовыхъ, за нимъ въ Чухломскомъ уѣздѣ три ревизскія души состояло, двѣ души умерло, третья вмѣстѣ съ бариномъ въ обители проживала и надъ бариномъ своимъ начальствовала, потому что инокъ Галактіонъ, по мірскому Егорка Даниловъ, крѣпостной господина Горталова, крестьянинъ, игуменствовалъ въ обѣднѣвшей и совсѣмъ почти запустѣвшей мужской Ула́нгерской обители, а старецъ Іосифъ Горталовъ былъ при немъ рядовымъ инокомъ. Хоть постриженъ былъ отецъ Іосифъ, хоть отрёкся отъ міра сего, однакожъ барской спѣси осталося довольно въ немъ.

— Егорка, подлецъ! Что-й-то вздумалъ? Какъ ты смѣешь?—крикнетъ бывало Іосифъ на своего игумна, когда тотъ сдѣлаетъ что-нибудь несогласное съ желаньемъ своего барина.

— Я тебѣ не Егорка,—строго отвѣтитъ игуменъ.— Твой Егорка былъ да сплылъ, азъ же многогрѣшный—смиренный игуменъ честно́й обители Покрова Пресвятыя Богородицы—инокъ Галактіонъ. И онъ тебѣ приказываетъ; стань, непотребный рабъ, на поклоны, сотвори сто великихъ поклоновъ, да триста метаній, да пятьсотъ малыхъ.

И смиряется старецъ Іосифъ и кладетъ поклонъ за поклономъ, метаніе за метаніемъ, творя волю крѣпостнаго своего игумна. И вѣдая таковое смиреніе старца Іосифа, его похваляли.

Такъ про него говорили: «отецъ Іосифъ сый великоблагороденъ, земныхъ чести и славы отрекся, убогаго монастыря во убогой келійцѣ благодарственно нищету и скудость терпитъ, паче же всего христоподражательнымъ смиреніемъ себя украшаетъ».

А въ прежніе годы, въ годы свѣтлой, кипучей молодости, ходóкъ былъ отецъ Іосифъ. Памятуютъ о томъ старушки, теперь чернымъ куколемъ крытыя, апостольникомъ украшéнныя, иночествомъ вѣнчанныя. Дò смерти не выйдетъ изъ ихъ памяти, какъ молодыми бѣлицами онѣ во честныхъ обителяхъ житіе провождали. То-то былъ затѣйникъ, то-то былъ любезникъ молодой чернецъ — баринъ Іосифъ! Дворянскій родъ много ему помогалъ. Падки бывали до дворянскаго рода скитскія дѣвицы — всякой облагородиться было лестно. Пролетѣли года одинъ за другимъ, старостью поникъ инокъ Іосифъ. За старину тогда принялся, много книгъ прочиталъ, много ученья извѣдалъ. Имѣя быстрый умъ и острую память, какъ книга, зналъ старину, а чего не зналъ, то вымысломъ умѣлъ разукрасить. Оттого и желательно было каждому заѣзжему въ Улáнгеръ человѣку старца того послушать, и самъ отецъ Іосифъ любилъ провести часъ другой въ бесѣдѣ съ хорошимъ человѣкомъ. Только Москву и тузовъ ея онъ не терпѣлъ. Не жаловалъ еще комаровскую уставщицу Аркадію. Какіе-то старые счеты съ той старицей у него были...

Идетъ Іосифъ всѣхъ впереди, рядомъ съ нимъ Василій Борисычъ. Слушаетъ московскій посолъ преподобныя рѣчи, не вспоминая про грѣховную ночь. Фленушка съ блѣдной истомленной Парашей и свѣжей, какъ яблочко наливное, Марьей головщицей слѣдомъ за ними идутъ. Люди хоть не дальніе, а все-таки заѣзжіе, любопытно и имъ сказаній Іосифа про улàнгерскую старину послушать.

— Идемъ мы благочестно на прахъ отца Варлаама, — говорилъ Іосифъ. — Добрѣ и намъ нынѣ подвиги его вспомянути. Доблестно пострада воинъ Христовъ за правую древлеотеческую вѣру; себѣ самого и доблихъ учениковъ своихъ сожженію предавше да

не обольстятъ рабовъ Христовыхъ злые антихриста послы... Ангелы Божіи въ небесахъ возликовали, егда воню благоуханія сожигаемыхъ обоняли и пѣснь преподобныхъ во временномъ сего міра огнѣ слышали. «Изведи изъ темницы душу мою, мене ждутъ праведницы»—вотъ что̀ пѣли во пламени Христовы исповѣдники. Таковы по здѣшнимъ мѣстамъ въ стары годы люди живали, таковы преславныя дѣла здѣсь бывали. Нынѣ не то, не тѣ времена!

— Да,—вздохнулъ Василій Борисычъ.

— Нынѣ не то, — продолжалъ Іосифъ, покачивая сѣдою головой, покрытою старой побурѣвшей отъ времени камилавской.—Нынѣ слабость по̀ людямъ пошла. Измалодушествовались не токмо мірскіе, но и тѣ, что̀ ангельскій образъ пріять сподобилися. Повсюду врагъ Божій плевелы свои обильно сѣетъ, повсюду въ сѣти свои окаянный христіанскія души уловляетъ. Плача и воздыханій достойно наше время! Изсякла вѣра, померкла добродѣтель, не стало истинныхъ рабовъ Христовыхъ! Обаче Божія благодать и въ нынѣшнія послѣднія времена не оскудѣваетъ, паче же преизбыточествуетъ. У васъ на Москвѣ промежъ пузатыхъ лицемѣровъ, агнчую одежду на волчьи тѣлеса вздѣвшихъ, про здѣшнія чудеса поди чай и не слыхивали, а мы простіи своими очами ихъ зрѣли... Что̀ ваша Москва? Широко̀ живетъ, высоко̀ плюетъ, до Божьяго ей нѣтъ дѣла... Вавилонъ треклятый!...

— Напрасно, старче Божій, такое о Москвѣ разсужденіе держите, — вступился московскій посолъ. — Земля грѣхами преисполнена, Москва на ней же стоитъ. Праведниковъ, подобныхъ прежнимъ отцамъ, не видимъ, обаче ревности по древлему благочестію не лишены. Прилежанія къ старой вѣрѣ въ московскомъ обчествѣ довольно. О томъ по всѣмъ странамъ премного извѣстно.

— Не говори, другъ любезный, про вашу прославленную Москву, — горячо сказалъ Іосифъ. — Знаю ее вдоль и поперекъ. Испоконъ вѣку деревенщинѣ была она не любовна... Какъ въ стары годы, такъ и нынѣ. Москва что́ доска — спать широко да кругомъ мететъ... Уты, утолстѣ, ушире и забы Бога Создателя своего. Не въ Москвѣ древлее благочестіе, — по далекимъ захолустьямъ, середь бѣднаго, простаго народа... Это такъ... Такъ... Ты еще молодъ, Василій Борисычъ, не спорь со старымъ человѣкомъ хорошаго роду. Су́противъ стараго царскаго дворянина спорить тебѣ, мальцу, не доводится. Помни мое слово, не супротивься.

Смолчалъ Василій Борисычъ. Помолчалъ немного и старецъ Іосифъ, затѣмъ такую рѣчь повелъ:

— Отъ вѣку до̀ вѣку не видать и не знать Москвѣ столь великаго подвижника, таковаго по святоотеческой вѣрѣ поборника, каковъ во дни наши среди насъ просіялъ. Многотерпѣливый мужъ и многострадальный, добрыя ревности и спасительнаго житія, ревностно и благопокорно среди братіи служаше, молитвеннаго и цѣломудреннаго пребыванія образъ былъ всѣмъ хотящимъ спастися...

— Кто жъ это такой? — спросилъ Василій Борисычъ.

— Тезоименитъ преподобному страдальцу, ему же грядемъ поклониться, — отвѣтилъ Іосифъ. — Варлаамъ, ангельское имя ему, мірское же Василій Перепелкинъ, родомъ изъ Медыни, хорошаго роду, старыхъ дворянъ.

— Разкажите о немъ пожалуста, отче святый, — сказалъ Василій Борисычъ.

Быстро, но важно взглянувъ на московскаго посла, Іосифъ торопливо поправилъ кафтырь и камилавку, съѣхавшіе на̀-бокъ, и сталъ говорить:

— Когда насталъ французскій годъ, дивный отецъ, не стерпя зрѣти озлобленій иноплеменныхъ, удалился. И шедъ бѣгая въ пустыню, въ здѣшніе лѣса за Волгу пришелъ. Прежде по близости Стараго Макарья имѣлъ пребыванье въ лѣсахъ каменскихъ, дорогученскихъ, ветлужскихъ [1]), и толико въ молитвахъ и постѣ подвизался, что сподобился общенія со невидимыми грѣшному міру святыми отцами Нестіарской обители [2]).

— Что̀ за обитель? Что̀ за невидимые святые? Не слыхивалъ я, грѣшный, про нихъ...—съ живымъ любопытствомъ спрашивалъ Іосифа Василій Борисычъ.

— О, Москва, Москва! Высокоумные, прегордые московскіе люди!—съ усмѣшкой презрѣнья воскликнулъ старецъ Іосифъ.—Великими мнятъ себе быти, дивнаго же Божія смотрѣнія не разумѣютъ. Окаменѣли сердца, померкли очи, слуху глухота дадеся!... И дивиться нечему—Нестіаръ не фабрика, не заводъ, не торговая лавка, а Божіе мѣсто, праведнымъ уготованное!... Какое жь до него дѣло московскимъ толстопузамъ?...

— Богомъ прославленныхъ мѣстъ на землѣ, что̀ звѣздъ на̀ небѣ,—сказалъ замолчавшему Іосифу Василій Борисычъ.—Всѣ такія мѣста одному человѣку извѣдать не можно, а тебѣ бы, старче, незнающему сказать, невѣдущаго научить, а не Москву бранить. Тутъ московскіе люди ни въ чемъ не повинны.

[1]) По переведеніи въ 1817 году Макарьевской ярмарки въ Нижній, Старымъ Макарьемъ зовутъ уѣздный городъ Макарьевъ, при которомъ знаменитая ярмарка существовала съ начала XVII столѣтія. Каменскій лѣсъ вблизи Волги на лѣвой сторонѣ ея, ниже Макарьева, называется такъ по селу Каменкѣ, находящемуся на Рознѣжской заводи рѣки Волги. Сплошной съ нимъ лѣсъ, простирающійся къ востоку, называется Дорогучинскимъ, по рѣчкѣ Дорогучѣ. Къ сѣверу отъ нихъ Ветлужскіе лѣса, по рѣкѣ Ветлугѣ. Въ этихъ мѣстностяхъ до расхищенія казенныхъ лѣсовъ, бывшаго въ пятидесятыхъ годахъ, жило не мало пустынниковъ.

[2]) Озеро Нестіаръ на лѣвой сторонѣ Керженца, среди глухаго лѣса.

Не отвѣтилъ Іосифъ, но, недолго помолчавъ, быстро обратился къ Василью Борисычу.

— Васильсурскъ знаешь?

— Какъ не знать?—живо отвѣчалъ Василій Борисычъ.

— Задолго до Никоновой порухи было на Руси Ляхолѣтье...—началъ разсказъ свой старецъ Іосифъ.— Гришка Разстрига на православное царство Литву да Ляховъ навелъ. Города, села пожигали, церкви рушили, святыя иконы на щепы кололи, всякой святынѣ ругались. Поднялась заодно съ ними некрещенная сила: Мордва, Черемиса, Татаре. Подошла та окаянная сила къ Васильсурску. Ратныхъ людей было тамъ мало. Васильгородцы, не чая спасенья, преплывали обонполъ Волгу, и въ лѣсахъ отъ огня и меча укрывались. Ратные же люди вышли изъ града на враговъ, нимало побѣды не чая, мученическій вѣнецъ пріяти желая. Но простеръ Господь десницу свою, и предъ малымъ числомъ благовѣрныхъ воевъ врознь побѣжали орды незнающихъ Бога. Взятая въ полонъ Черемиса повѣдала Васильгородцамъ, отъ того де они побѣжали, что передъ ними на бѣломъ конѣ явился страшный видомъ чернецъ и пламеннымъ копіемъ ихъ, враговъ имени Христова, поражалъ немилостиво. Когда жъ полоняннники восхотѣли святаго крещенія и были приведены въ Васильгородскую церковь, воззрѣвъ на икону преподобнаго отца Варлаама Хутынскаго, познали старца пламеннымъ копіемъ ихъ поразивша. Слыша таковое Божіе о градѣ смотрѣніе, Васильгородцы Богу хвалу приносили, преподобному Варлааму пѣли молебны, и всѣ радости были исполнены спасенія ради своего града отъ иноплеменныхъ. По малѣ же времени многіе отъ нихъ въ вѣрѣ пошатнулись, престали къ церкви Божіей ходити, поученій отъ священнаго чина принимати, и едва сорокъ человѣкъ остались во градѣ по-

мнившихъ Господа и не забывшихъ Бога и святой Его вѣры. И ради того сорока не попустилъ до времени Господь тому граду погибнуть... Насталъ праздникъ Господень, Преполовеньевъ день. Въ церковь только тѣ сорокъ человѣкъ пришли, иные жь въ безчинныхъ игрищахъ и въ мірской суетѣ пребывали. И когда, по скончаніи божественной службы, благочестивые крестнымъ ходомъ пошли на Волгу воду святить, двинулась за ними и церковь Божія, предъ нею же икона преподобнаго Варлаама Хутынскаго шествовала никѣмъ не носима! Когда же пришли ко брегу, Волга рѣка разступалася, какъ широкія врата растворялася, принимала въ свое лоно людей благочестныхъ, и шедшую за крестнымъ ходомъ церковь, и по воздусямъ ходящую святую икону преподобнаго Варлаама... И всемогущею Бога силою тѣ люди и церковь пренесены за Волгу, въ лѣса, на озеро Нестіаръ. И до сихъ поръ тамо живутъ они невидимые въ обители невидимой. Все одно, что на Китижѣ.

— Дивенъ Богъ во святыхъ Его, — поднявъ глаза къ небу, съ умиленьемъ проговорилъ Василій Борисычъ. Поклонясь Іосифу, онъ промолвилъ: — благодаренъ остаюсь на добромъ поученьи.

— То-то! Благодаренъ остаюсь! — ворчалъ отецъ Іосифъ. — У васъ, на Москвѣ, да и по другимъ странамъ, гдѣ такія Богомъ хранимыя сокровенные мѣста? Да нельзя и быть имъ у васъ!... Кто у васъ на Москвѣ по старой вѣрѣ остался? Толстосумы, торгаши, продажной совѣсти купцы! Всѣмъ завладали окаянные мытари, завладали и церковью Божіей... Нечего рожу-то косить—правду сказываю... Мзда, неправедныя нажитки ослѣпили!... Забывъ Бога и любовь имъ повелѣнную, всякаго норовятъ обсчитать; рабочаго обидѣть, своему брату долговъ не заплатить. Тотъ у нихъ за человѣка не почтенъ, кто хоть разъ на вѣку по гривнѣ

за рубль не платилъ... Подлецы!... Вотъ каковы ваши московскіе столпы старой вѣры, вотъ каковы адаманты благочестія!... А все отъ чего? Отъ того, что въ старой вѣрѣ нашей братьи столбовыхъ дворянъ никого не осталось. Я чуть ли не послѣдній?... А безъ дворянъ ни земное царство государское, ни благодатное царство, сирѣчь церковь святая, стояти не могутъ... Это вѣрно. Вспомни-ка, кто были древніе святые отцы? Всѣ хорошихъ дворянскихъ родовъ. Москву возьми: святитель Петръ изъ волынскихъ бояръ, Алексѣй митрополитъ изъ роду Плещеевыхъ, святитель Филиппъ изъ роду Колычевыхъ, Сергій преподобный изъ радонежскихъ дворянъ. А теперь кто? Худородные. Спроси у моего Егорки, игумна нашего, отца Галактіона значитъ, спроси его — то же скажетъ, хоть самъ и рабъ и худороденъ. Ты, Василій Борисычъ, много начитанъ, значитъ силу писанія разумѣешь, и то стало-быть вѣдаешь, что̀ означаетъ стихъ, поемый на Богоявленіе Господне.

И запѣлъ дрожащимъ отъ старости голосомъ Іосифъ: «Гласъ Господень на водахъ вопіетъ глаголя: пріидите, пріимите вси Духа премудрости, Духа разума, Духа страха Божія»... Скажи-ка, что̀ это означаетъ?—спросилъ онъ у Василья Борисыча.

— Да какъ сказать...—замялся Василій Борисычъ...

Іосифъ продолжалъ:

— То означаетъ, что отъ Господа три жребія человѣкомъ дано: Симовъ жребій — Богу служити, Іафетовъ жребій—власть держати, Хамовъ жребій—страхъ имѣти. Отъ того и поется, чтобы даровалъ Господь Симу, сирѣчь духовному чину, премудрость на поученіе людей, Іафету, сирѣчь дворянству, отъ него же и царскій корень изыде, послалъ духа разума людьми править, въ разумѣніи всякихъ вещей превыше всѣхъ стояти, а Хаму, сирѣчь черному народу, му-

жикамъ, мѣщанамъ и вашему брату купцу, послалъ бы Господь духъ страха Божія на повиновеніе Симову жребію и Іафетову. Раби есте... Мы Симовъ и Іафетовъ жребій рабы Божіи, а вы Хамовъ жребій первѣе раби Божіи, а потомъ раби наши, то-есть Симовы и Іафетовы. Вотъ какъ по Божьему-то. А нынѣ не то, нынѣ песья нога выше головы стала... Развѣ это Божье устроенье?... Не отъ Бога, отъ діавола сіе... Да ты не хмурься, Василій Борисычъ,—дѣло говорю, по Писанію сказываю.

— Ты послушай только его, Василій Борисычъ,— молвила мать Аркадія.—Онъ вѣдь у насъ блажно̀й, не того еще наскажетъ тебѣ.

— А ты, Хамова внучка, молчи! Пока не спрашиваютъ, ротъ разѣвать не моги, — кинулъ грозное слово ненавистной Аркадіи старецъ Іосифъ.—Не твоего ума дѣло.

— Лёгко ли что̀! — отвѣтила Аркадія. — Самъ-отъ хуже всякаго Хама. Хоть бы камилавку-то получше на башку свою дурацкую вздѣлъ, а то гляди-ка какая. Поди, чать, мыши гнѣздо въ ней завели... А еще дворянинъ, баринъ...

— Дамъ я тебѣ мыши!... Велика̀ ты птица: мать знала, отца не видывала, вотъ какого ты роду... А еще уставщица!...—горячился Іосифъ.

— Какъ я свисну тебя по дворянской-то башкѣ, такъ забудешь у меня роды разбирать, — крикнула Аркадія, замахнувшись дорожнымъ подожкомъ.

— А я какъ велю рабу моему Егоркѣ на поклоны тебя поставить... Онъ вѣдь духовный отецъ тебѣ,— проворчалъ Іосифъ.

— Такъ онъ и послушалъ тебя! — вскрикнула Аркадія.—Еще смѣешь ты своего игумна Егоркой да рабомъ своимъ обзывать!... Баринъ!... Баринъ!.. Какой

ты баринъ!... Изъ тѣхъ, что̀ по два десятка на одной кобыленкѣ ѣздятъ.

— А ты ври да не завирайся. И въ бѣдности должна уважить чинъ боярства, — съ важностью молвилъ отецъ Іосифъ.

— Давно, батюшка, знаю, что на тебѣ два чина: дуракъ да дурачина,—подхватила Аркадія.

Всѣ засмѣялись, улыбнулся даже Василій Борисычъ.

И дошло бы у честна̀го отца со смиренной инокиней до рукопашной, еслибъ въ разгарѣ брани не дошли они до праха сожженнаго Варлаама.

На небольшой полянкѣ, середи частаго еловаго лѣса, стоялъ высокій деревянный крестъ, съ прибитымъ въ рединѣ мѣднымъ распятіемъ. Здѣсь, по преданью, стояла келья отца Варлаама, здѣсь онъ сожегъ себя со ученики своими. Придя на мѣсто и положивъ передъ крестомъ обычный семипоклонный нача̀лъ, богомольцы стали по чину, и мать Аркадія, замѣтивъ, что отецъ Іосифъ намѣревается начать канонъ, поспѣшила «замолитвовать». Не хотѣла и тутъ ему уступить, хоть по скитскимъ обычаямъ первенство слѣдовало Іосифу, какъ старцу.

Запѣли канонъ за единоумершаго. Отецъ Іосифъ сначала молчалъ, потомъ присталъ къ поющимъ.

Послѣ канона прощались. Попрощалась и Аркадія съ Іосифомъ. Брани какъ не бывало.

Возвращались другою дорогой. Шли темнымъ дремучимъ лѣсомъ по узкимъ тропинкамъ, по сгнившимъ на половину кладкамъ. На могилахъ пустынника Иліи и прозорливой матери Ѳеклы пѣли каноны. Смирившаяся Аркадія не препятствовала Іосифу «править службу». Галицкій дворянинъ былъ очень этимъ доволенъ.

Отъ гробницы матери Ѳеклы рукой подать да Ула́нгера. Торопились поспѣть къ тра́пезѣ и потому при-

бавили шагу. Василій Борисычъ обратился къ отцу Іосифу.

— Что́ жь не докончили вы про отца Варлаама?

— Про Варлаама? Что̀ про него разсказывать тебѣ? Не въ пользу вѣдь будетъ,—молвилъ брюзгливо Іосифъ.

— Да нѣтъ, вы ужь пожалуста разскажите,— просилъ старца Василій Борисычъ.

— Что́ жь разсказать-то? Старость, дряхлость пришла, стало не подъ силу въ пустынѣ жить. Къ намъ въ обитель пришелъ, пятнадцать зимъ у насъ пребывалъ. На лѣтнее время, съ Пасхи до Покрова, иной годъ и до Казанской, въ лѣса удалялся, а гдѣ тамъ подвизался, никто не вѣдалъ. Безмолвіе на себя возложилъ, въ послѣднія десять лѣтъ никто отъ него слова не слыхивалъ. И на правилѣ сто́я въ молчаніи, когда молился, губами даже не шевелилъ.

— Въ вашей обители старецъ Варлаамъ и жизнь свою скончалъ?—спросилъ Василій Борисычъ у замолчавшаго отца Іосифа

— Взяли его. Безъ па́чпорта проживалъ—взяли...— продолжалъ Іосифъ.—Три года въ темницѣ сидѣлъ Злодѣйства не вѣдый, яко злодѣй, разбойничества ниже помысливый, яко разбойникъ томленъ бысть во узилищѣ. И ни единаго слова мучителямъ не молвилъ. Всѣ члены его сокрушили множествомъ лютыхъ мученій. Но аще и раны нанесоша и томленіе темничное умножиша, не возмогоша крѣпкаго столпа поколебати, ниже ослабити. Не возмогли и ласканіями къ своей волѣ преклонити; ни единаго слова на судилищѣ не молвилъ. И по долзѣ времени отослали его въ монастырь къ Старому Макарью на безысходное житіе за крѣпкимъ карауломъ. Во узахъ тамо пребывалъ преподобный Варлаамъ два лѣта. И по семъ великое чудо надъ доблимъ рабомъ своимъ Господь показалъ. Яко Петръ изъ веригъ невидимо изыде изъ заточенія и

ангеломъ Божіимъ проведенъ бысть въ обитель невидимыхъ святыхъ на озерѣ Нестіарѣ. Тамо и нынѣ со оными блаженными пребываетъ и пребудетъ тамо до скончанія вѣка. Аминь...

Когда богомольцы, выйдя изъ лѣса, взглянули на небо, оно было какъ пепломъ покрыто. Солнце едва было видимо. Запахъ гарью стоялъ.

— Рымскіе горятъ, — сказалъ конюхъ Дементій, встрѣтивъ своихъ матерей.—Завтра того и гляди въ Поло́му огонь проберется [1]).

— Какъ же на Китижъ-отъ намъ ѣхать, Дементьюшка, коли въ Поло́му огонь проберется?—спросила Аркадія.—Сгоримъ пожалуй. Не лучше ль домой воротиться?

— Коли седни послѣ трапезы то́тчасъ поѣдемъ, успѣемъ безо всякой опаски проѣхать; а если до завтра здѣсь прогостите, будетъ вѣрнѣй домой поспѣшать.

За трапе́зой Аркадія настаивала, чтобъ ѣхать домой, но Фленушка, опираясь на слова Дементья, непремѣнно хотѣла сейчасъ же ѣхать, чтобъ миновать Поломскій лѣсъ, пока до него огонь не дошелъ. Къ ней пристали другія, Василій Борисычъ тоже. Аркадія уступила. Тотчасъ послѣ трапезы комаровскіе богомольцы распростились съ гостепріимной Юдиѳой.

[1]) Рымскіе лѣса, отрасль Инженскихъ и Ветлужскихъ, тянутся вдоль рѣки Чернаго Луха, впадающаго въ Унжу. Они въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи. Называются такъ по деревнямъ Большіе и Малые Рымы. Писатели о расколѣ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, говоря объ этихъ лѣсахъ, наполненныхъ тогда бѣглыми раскольниками, исказили ихъ названіе и называли Брынскими. Позднѣйшіе писатели искали эти лѣса около Брянска... Этимъ много внесено путаницы въ исторію раскола. Поло́ма или Поломскій лѣсъ на югъ отъ Рымскихъ, отдѣляется отъ нихъ верховьями Керженца, который тутъ течетъ еще въ видѣ небольшаго лѣснаго ручья.

Только-что стало опускаться съ полдёнъ едва видное сквозь дымную мглу солнце, комаровскіе богомольцы, оставивъ Улангеръ, направили поѣздъ сквозь Поло́мскіе лѣса къ невидимому граду Китижу. Больше двадцати верстъ надо было проѣхать сплошнымъ дремучимъ лѣсомъ до береговъ Ке́рженца. Дальше начинались жилыя мѣста, окруженныя обширными пашнями и чищобами; тамъ бы уже совершенно было безопасно отъ лѣснаго пожара. А покамѣстъ дорога шла узкая, извилистая, чуть не на каждомъ шагу пересѣкалась она корневищами. Съ обѣихъ сторонъ сумрачными великанами высились громадныя ели и лиственницы, межъ нихъ во всѣ стороны разросся густой, непроходимый чапыжникъ [1]). Узкая полоса дневнаго свѣта тянулась надъ вершинами непроглядной лѣсной чащи, и хоть далеко еще было до вечера, а въ лѣсу было ужъ темно, какъ въ осеннія сумерки.

Конюхъ Дементій, съ Аркадіей и Васильемъ Борисычемъ ѣхалъ впереди поѣзда, онъ не жалѣлъ лошадей. То и дѣло стегалъ ихъ по непривычнымъ къ сильнымъ ударамъ бедрамъ. Другіе вощики отъ Дементья не отставали. Жирные, выхоленные келейные кони, сроду не знавшіе скорой ѣзды, мчались во весь опоръ. Проскакали полдороги. Верстъ одиннадцать либо двѣнадцать оставалось до рѣки Ке́рженца.. Вдругъ влѣво отъ дороги послышался въ отдаленьи необычный, несмолкаемый трескъ... Съ каждой минутой онъ возрасталъ, обдавая странниковъ ужасомъ... Свистъ и визгъ разносились по̀ лѣсу. Зашумѣло въ вершинахъ елей и лиственницъ: то стада бѣлокъ, спасаясь отъ огня, перелетали съ дерева на дерево. Почуявъ недоброе, лошади закусили удила и помчались сломя го-

[1]) Частый кустарникъ.

лову; запрыгали повозки по толстымъ корневищамъ: того и гляди, либо ось пополамъ, либо все на боку.

— Огонь идетъ!—вскрикнулъ Дементій. И отчаянный крикъ его едва слышенъ былъ за страшнымъ шумомъ огненнаго урагана.

Всѣ крестились, творили молитвы. Матери, бѣлицы плакали навзрыдъ. Блѣдный, какъ полотно, Василій Борисычъ всѣмъ тѣломъ дрожалъ.

Вдругъ смолистымъ дымомъ пахнуло, и по узкой свѣтовой полосѣ, что̀ высилась надъ дорогой, какъ громадныя огненныя птицы, ста́ями понеслись горящія лапы [1]), осыпая дождемъ искръ поѣздъ келейницъ. Вой урагана превратился въ одинъ оглушающій, нескончаемый раскатъ грома. Ему вторили какъ бы пушечные выстрѣлы, стоны падавшихъ деревьевъ, вой спасавшихся отъ гибели волковъ, отчаянный ревъ медвѣдей. Вотъ перерѣзало дорогу быстро промчавшееся по чапыжнику стадо запыхавшихся лосей... Вотъ надъ деревьями, тяжело размахивая утомленными крыльями, быстрѣй вихря пронеслись лѣсныя птицы... Багрово-синими, какъ бы кровавыми волнами заклубился на̀дъ лѣсомъ дымъ... Палящій, огнедышущій вѣтеръ понесся низомъ межь деревьями, разстилая надъ землей удушающій смрадъ... Вдругъ между вершинами деревьевъ блеснула огненная змѣйка, за ней другая, третья, и мигомъ всѣ верхи елей и лиственницъ подернулись пламеннымъ покровомъ... Брызнула изъ деревьевъ смола, и со всѣхъ сторонъ полились изъ нихъ огненныя струйки.

Вдругъ передняя пара лошадей круто поворотила направо и во весь опоръ помчалась по прогалинкѣ, извивавшейся середь чапыжника. За передней парой кинулись остальныя.

[1]) Горящія вѣтви хвойныхъ деревьевъ.

— Куда ты, куда ты, Дементьюшка?—схватясь за плечà конюха и привставъ въ повозкѣ благимъ матомъ закричала Аркадія.

— Кони лучше нашего знаютъ куда,—молвилъ Дементій, опуская вожжи.

И снявъ шапку, сталъ креститься.

— Слава Тѣ Господи! Слава Тебѣ, Царю Небесному!..—говорилъ онъ.

Не прошло трехъ минутъ, какъ лошади изъ пылающаго лѣса вынесли погибавшихъ въ обширное моховое болото...

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

БИБЛІОТЕКА ЗНАМЕНИТЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

КНИГА VIII 1897 ГОДЪ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

ПАРОВАЯ ПЕРЕПЛЕТНАЯ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Mel□nikov, Pavel Ivanovič,

Polnoe sobranie sočinenij P. I. Mel□nikova (Andreja Pečerskago)

Bd.: 5

1897

P.o.russ. 88 o-5,3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11819689-6